

1909.

Годъ 17.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

—♦—
АСТА
ЕТ
COMMENTATIONES
IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS
(OLIM DORPATENSIS).

№ 4.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1909.

1909.

Годъ 17.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 4.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1909.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 30 апрѣля 1909 г.

№ 805.

И. д. Ректора Проректоръ В. Алексѣевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Приложенія.

Стр.

П. А. Поляковъ. Основы гистологіи съ элементами эмбріологіи челоуѣка и позвоночныхъ	801—864
С. Д. Михновъ. Систематическій указатель русской акушерско-гинекологической литературы отъ ея возникновенія до 1901 года	433—464
Н. К. Грунскій. Лекціи по педагогикѣ	193—224
Mag. theol. Johannes Frey. Der slavische Josephusbericht über die urchristliche Geschichte nebst seinen Parallelen kritisch untersucht	209—256
А. Н. Миклашевскій. Исторія политической экономіи. I—VIII и	1— 32
Н. А. Савельевъ. Поликлиника въ Россіи. 4 особ. табл. +	1-- 50

Рис. 1155.

Рис. 1155. Продольное сечение тѣльца Vater-Pacini: 1 — кисточка волоконце, которой заканчивается главное нервно-волокно — 3; 2 — центрально-осевая полость тѣльца; 4 — канатикъ или нервное волокно, отдающее отъ себя во всѣ стороны пластинки, отходящія concentрично и образующія оболочку тѣльца — 5; 6 — оболочка Henle нервного волокна (Ranvier).

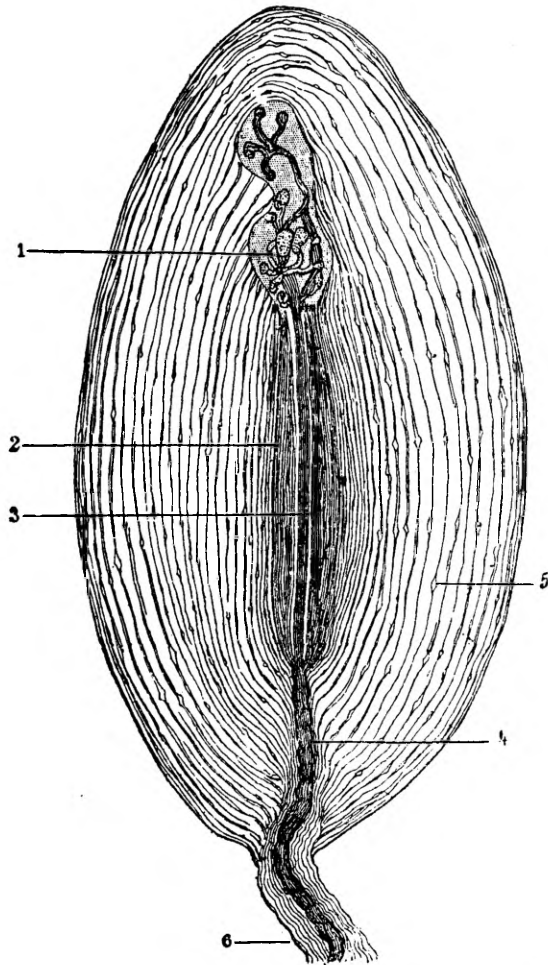

Рис. 1156.

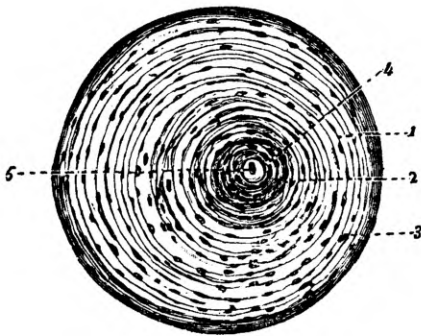

Рис. 1156. Поперечное сечение чувствительнаго тѣльца Vater-Pacini изъ кожи ребенка: 1, 2 — пластинки оболочки тѣльца; 3 — ядра пластинчатыхъ клѣтокъ волокнистой соединительной ткани, выстилающихъ изнутри поверхности пластинокъ оболочки тѣльца; 4 — внутренняя колба или полость тѣльца; 5 — осевой цилиндръ нервного волокна. Увеличение (Догель).

Рис. 1157.

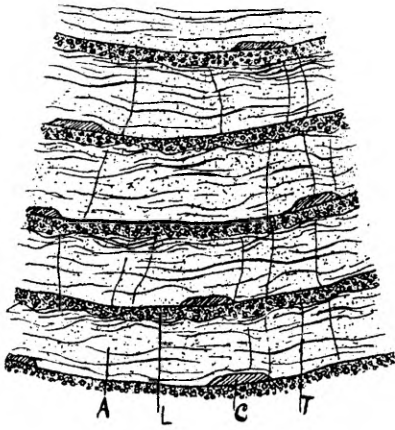

Рис. 1157. Поперечное сечение пластинок оболочки тѣльца Pacini: А — пластинка изъ круговыхъ волоконъ; L — пластинка изъ меридіанныхъ клѣй дающихъ волоконъ — Т; С — ядро пластинчатой клѣтки, выстилающей извнутри пластинки оболочки тѣльца (Ranvier).

Рис. 1158. Продольное сечение тѣльца Vater-Pacini, обработанного по способу Golgi: 1 — главное нервное волокно; 2 — побочное нервное волокно (Тимофеевъ, Пржевальскій).

Рис. 1158.

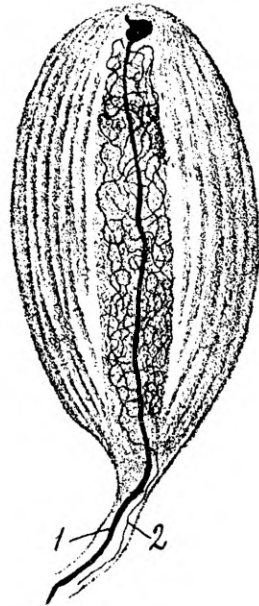
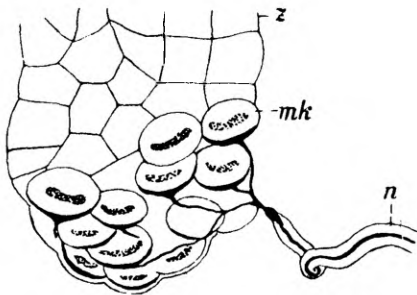

Рис. 1159.

ширеніями, обхватывающими извнутри чувствительныя клѣтки Merkel'a — mk; Z — эпителиныя клѣтки надкожицы (Третяковъ).

Рис. 1159. Чувствительныя осязательныя клѣтки Merkel'a — mk въ кожѣ свиного рыла; n — мякотное нервное волокно становится безмякотнымъ, прободая основную перепонку, и дѣлится на концевыя волоконца, заканчивающіяся чашевидными рас-

Рис. 1160.

Рис. 1160. Чувствительные осязательные клетки Merkel'a — 1 в коже свиного рыла; 2 — эпителиальные клетки надкожицы; 3 — основа кожи; 4 — мякотные нервные волокна. Увеличение 450 (Szymonowicz).

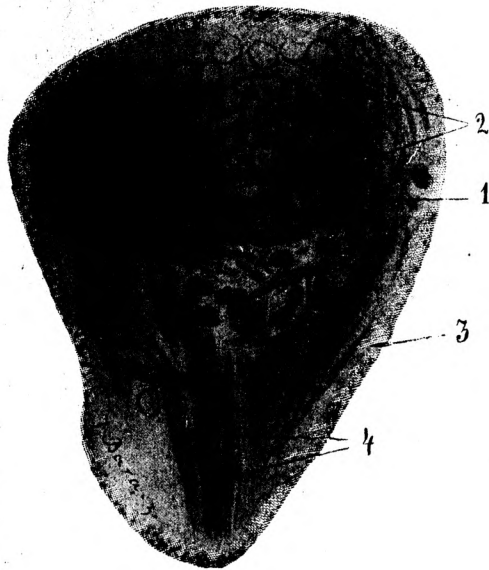

Рис. 1161.

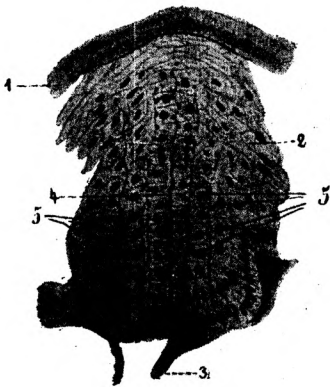

Рис. 1161. Перпендикулярное к поверхности сечение кожи рыльца крота: 1 — роговой слой надкожицы; 2 — слизистый или сѣтчатый ея слой; 3 — нервные волокна; 4 — внутриэпителиальные концевые нервные волокна; 5 — осязательные клетки (Huss).

Рис. 1162.

Рис. 1162. Схема строения кожи человека в перпендикулярном к поверхности сечении: 1 — роговой слой надкожицы; 2 — светлый слой; 3 — зернистый слой; 4 — слизистый слой (Malpighi); 5 — маточный слой; 6 — сосочковый слой основы кожи; 7 — сѣтчатый ея слой; 8 — осязательные тѣльца Meissner'a; 9 — мякотные нервные волокна, оканчивающіяся в тѣльцахъ. Увеличение 65 (Догель).

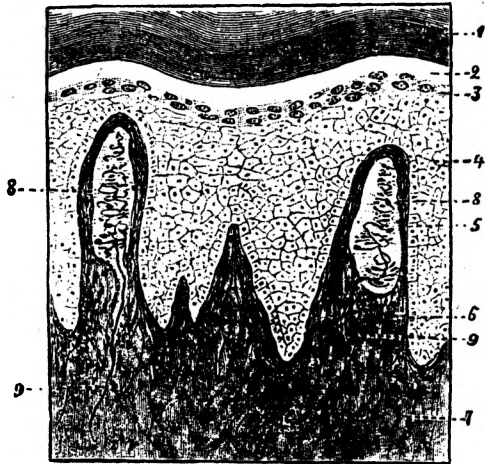

Рис. 1163.

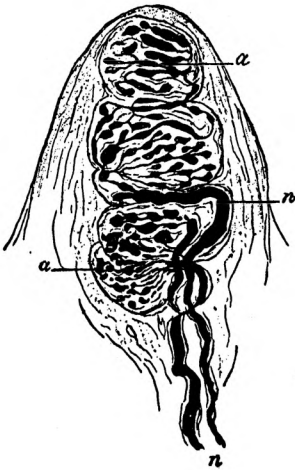

Рис. 1163. Продольное сѣченіе осязательнаго тѣльца Meissner'a въ кожѣ ладонной поверхности указательнаго пальца взрослоаго человѣка: п — мякотныя нервныя волокна, входящія въ тѣльце; а — клубочки осязательныхъ концевыхъ нервныхъ бляшекъ и осязательныхъ клѣтокъ (Ranvier).

Рис. 1164. Схема строения осязательнаго тѣльца Meissner'a: А — простое тѣльце Grandry; В — сложное тѣльце Grandry; С — тѣльце Meissner'a; Fm — мякотное нервное волокно; Pn, Fn — безмякотное волокно; СТ — осязательныя клѣтки; D, DT — чувствительная нервная бляшка (Duval).

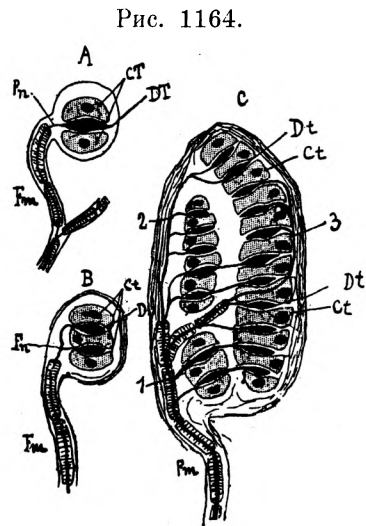

Рис. 1164.

Рис. 1165.

Рис. 1165. Нервныя клѣтки, образующія своими отростками сплетеніе около развѣтвляющагося кровеноснаго сосуда — а (Ramon у Cajal).

Рис. 1166.

Рис. 1166. Нервные окончания въ стѣннкѣ тонкой артеріи (Retzius).

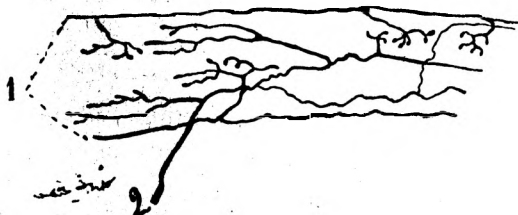

Рис. 1167.

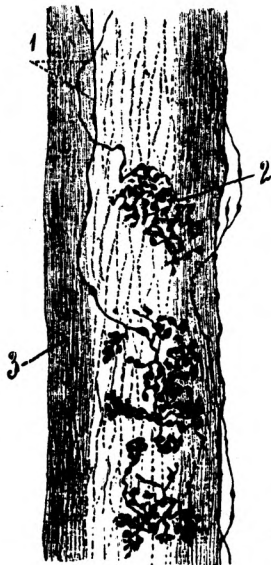
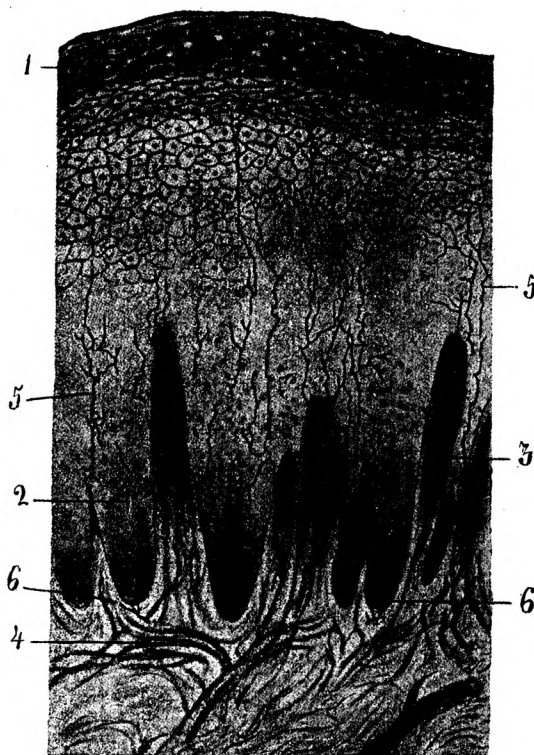

Рис. 1167. Тонкая артерія — 3 изъ наружной оболочки сердца кошки: 1 — концевыя безмякотныя нервныя волокна; 2 — концевыя развѣтвленія нервныхъ волоконцевъ въ наружной оболочкѣ артеріи. Увеличеніе 240 (Догель).

Рис. 1168.

Рис. 1168. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе кожи свиного рыла: 1 — роговой слой надкожицы; 2 — ея маточный слой; 3 — сосочки основы кожи; 4 — мякотныя нервныя волокна; 5 — концевыя внутриэпителиныя нервныя волокна; 6 — осязательныя клѣтки Меркел'а. Увеличеніе 300 (Szymonowicz).

5. Развитие кожи.

Кожа, состоящая из надкожицы (epidermis) и основы (corium s. derma), развивается изъ эктодермы и наружной, кожноволокнистой пластинки мезодермы (somatopleura).

Въ концѣ перваго мѣсяца у зародыша длиною въ 6—8 миллиметровъ надкожица, состоявшая раньше изъ одного слоя клѣтокъ эктодермы, становится двуслойной. (Рис. 1169.)

Рис. 1169.

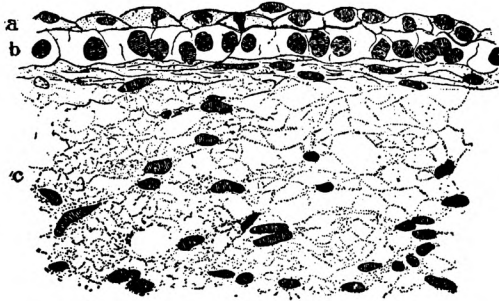

Рис. 1169. Кожа человеческого зародыша 63—68 — дневнаго въ перпендикулярномъ къ поверхности сѣченіи: а — наружный слой; b — внутренній слой эктодермы; с — основа кожи изъ слизистой ткани (Minot).

Рис. 1170.

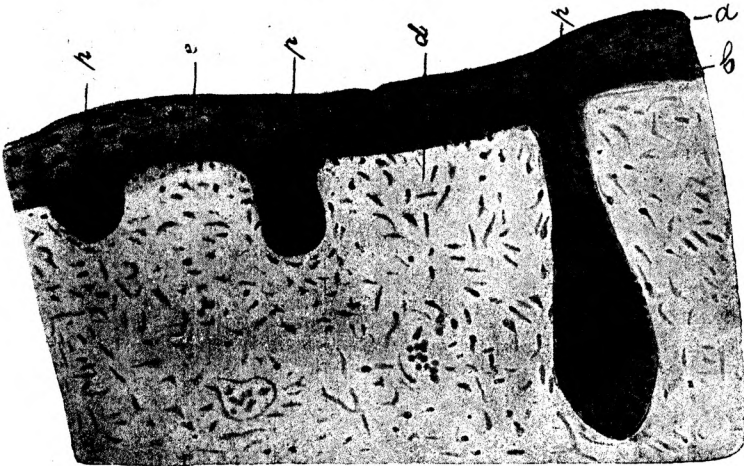

Рис. 1170. Кожа 3-мѣсячнаго зародыша человека въ перпендикулярномъ къ поверхности сѣченіи чрезъ бровь: а — наружный слой; b — внутренній слой эктодермы (e); d — элементы мезодермы основы кожи; p — три разнаго возраста зачатка волоса, состоящіе изъ вѣдренія вглубь мезодермы глубокаго слоя эктодермы съ его b — маточнымъ слоемъ. Увеличение 250 (Prenant).

Въ глубокомъ слоѣ помѣщаются кубической формы клѣтки, а въ наружномъ — уплощенные параллельно поверхности. Въ началѣ 3 мѣсяца между этими слоями появляется третій слой клѣтокъ многогранной формы, происходящихъ отъ размноженія клѣтокъ глубокаго слоя (*stratum germinativum*). (Рис. 1170.) Къ концу 4 мѣсяца промежуточный слой изъ многогранныхъ клѣтокъ настолько утолщается, что вся надкожица состоитъ уже изъ 7—8 слоевъ и достигаетъ въ толщину 40 μ . (Рис. 1171.) Клѣтки поверхностнаго слоя своей

Рис. 1171.

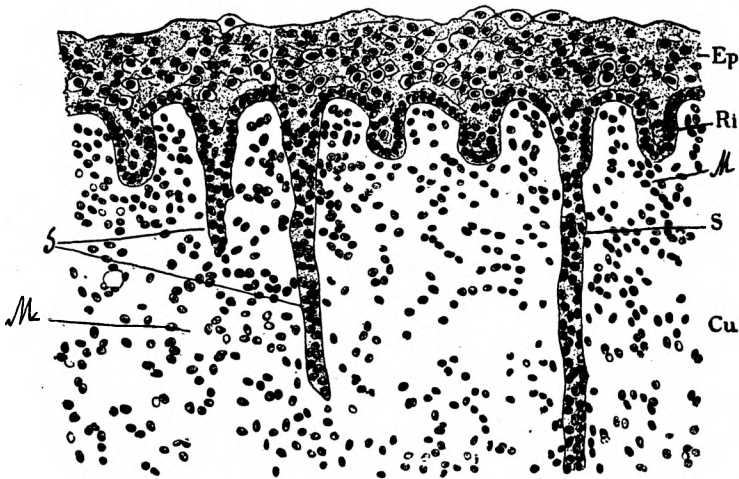

Рис. 1171. Перпендикулярное сѣченіе кожи четырехмѣсячнаго человѣческаго зародыша, на которомъ видны разныя стадіи развитія потовыхъ железъ: Ep — надкожица; Ri — первичныя гребешки надкожицы; M — мезодерма; S — зачатки потовыхъ железъ (Minot).

средней частью наружной поверхности, находящейся противъ ядра, выпячиваются наружу и на 5—6 мѣсяцѣ ороговѣваютъ.

На 4 мѣсяцѣ надкожица образуетъ на гладкихъ мѣстахъ кожи (мякоть пальцевъ, на ушной раковинѣ) со своей глубокой поверхности въ видѣ гребешковъ пластинчатые выступы, расположенные приблизительно параллельными и concentрическими линіями, внѣдряющіеся обыкновенно въ толщу подлежащей основы кожи и раздѣляющіе ее поверхность на ряды — первичныя гребешки (Henle). (См. рис. 1171.) Отъ глубокихъ частей этихъ эпителиныхъ выступовъ

отходятъ еще далѣе вглубь шнуры клѣтокъ эктодермы для образованія потовыхъ железъ.

Черный пигментъ, обыкновенно содержащійся въ видѣ мелкихъ зеренъ въ клѣткахъ глубокаго слоя надкожицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кожи, напр. около сосковъ у бѣлокожихъ и повсюду у чернокожихъ, появляется въ нихъ только послѣ рожденія. (Рис. 1172.)

Рис. 1172.

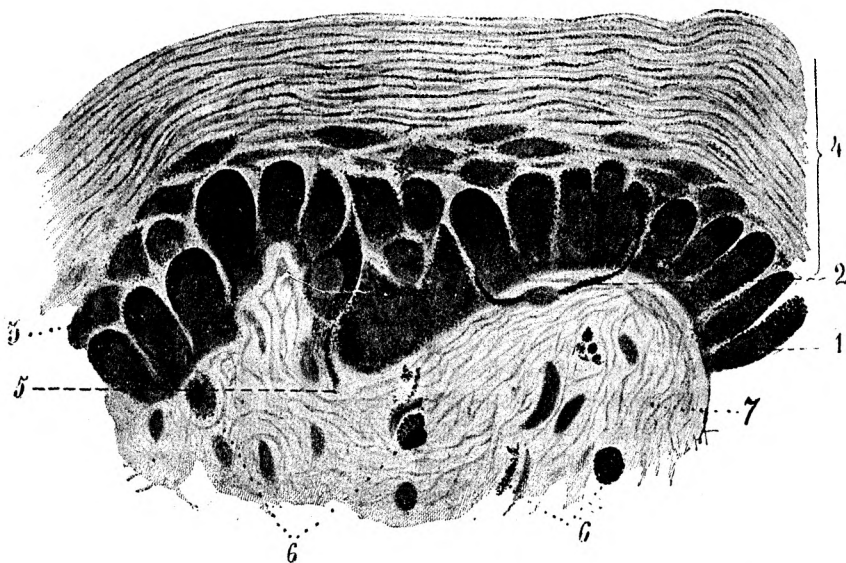

Рис. 1172. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе кожи негра: 1 — эпителиныя клѣтки основнаго слоя содержатъ много пигментной зернистости; 2, 5, 6 — клѣтки волокнистой соединительной ткани съ отростками и безъ нихъ, содержащія въ клѣточномъ тѣлѣ пигментныя зерна (хроматофоры — переносчики зеренъ пигмента); 3 — клѣтки слизистаго слоя (Malpighi) многогранныя содержатъ небольшое количество пигментныхъ зеренъ; 4 — роговой слой также содержитъ небольшое количество зеренъ въ плоскихъ чешуйкахъ. Увеличеніе 700 (Böhm und Davidoff).

Основа кожи образуется изъ элементовъ кожно-волокнуистой пластинки мезодермы и точно обозначается только на 3 мѣсяцѣ. Она состоитъ изъ слизистой волокнистой ткани. (Рис. 1173.) На 6 мѣсяцѣ въ ней появляются эластинныя волокна, а въ подкожной клѣтчаткѣ — жировыя клѣтки. (Рис. 1174, 1175). Въ это же время образуются

Рис. 1173.

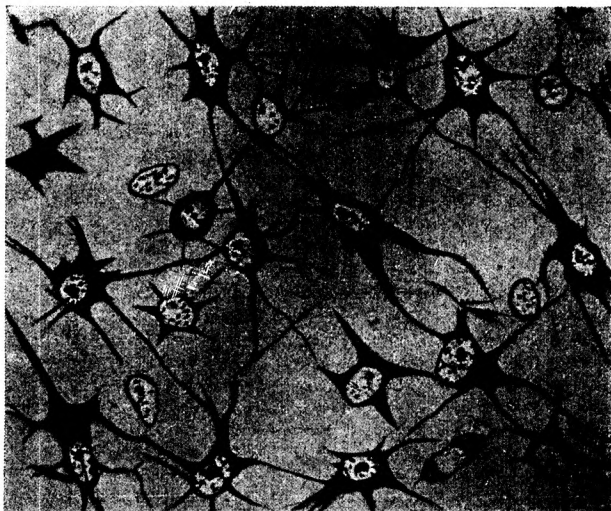

Рис. 1173. Слизистая зародышевая волокнистая соединительная ткань из подкожного слоя $3\frac{1}{2}$ дневного зародыша курицы; въ нѣкоторыхъ клѣткахъ видны фигуры митотическаго дѣленія ядра. Увеличеніе 640 (Szymonowicz).

Рис. 1174.

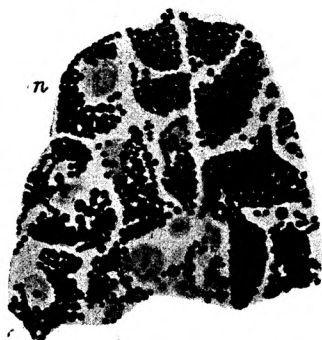

Рис. 1175.

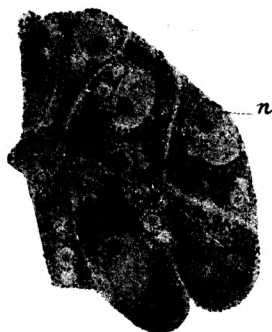

Рис. 1174, 1175. Жировыя клѣтки подкожнаго слоя трехдневнаго щенка: Рис. 1174 — группа жировыхъ клѣтокъ, окрашенныхъ осміевою кислотой: п — ядро клѣтки; мелкіе черныя жировыя шарики въ клѣточномъ тѣлѣ, еще не слившіеся въ большія капельки. Рис. 1175 — группа молодыхъ жировыхъ клѣтокъ съ проявленной зернистостью въ ихъ клѣточномъ тѣлѣ, являющейся предшествующей стадіей появленія жировыхъ шариковъ: п — клѣточное ядро. Увеличеніе 700 (Metzner).

сосочки сосочкового слоя основы кожи. На гладких мѣстахъ кожи сосочки образуются вторично изъ ранѣе образовавшихся первичныхъ гребешковъ Henle, изъ которыхъ каждый распадается обыкновенно на два параллельныхъ ряда отдѣльных сосочковъ. Бороздки, имѣющіяся на кожѣ у взрослыхъ, соотвѣтствуютъ первичнымъ гребешкамъ Henle. (Рис. 1176, 1177.)

Рис. 1176.

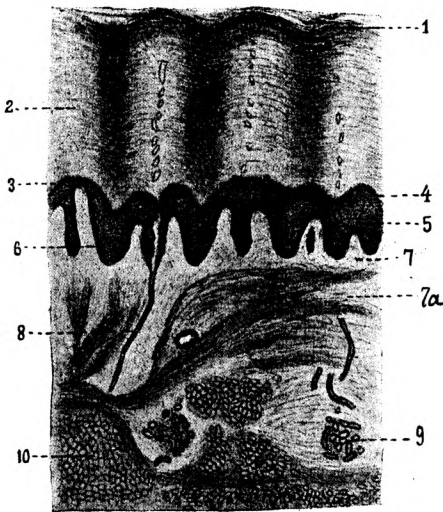

Рис. 1176. Перпендикулярный къ поверхности срѣзъ кожи пальца на его мякоти поперечно поверхностнымъ бороздкамъ. На поверхности видны три бороздки, соотвѣтствующія первичнымъ гребешкамъ Henle; между бороздками помѣщаются два ряда сосочковъ основы кожи: 1 — слой шелушащихся ороговѣвшихъ пластинокъ-клетокъ (*stratum disjunctum*); 2 — роговой слой (*stratum corneum*); 3 — свѣтлый слой (*stratum lucidum*); 4 — зернистый слой (*stratum granulosum*); 5 — волокнистый слой или сѣтчатый (*stratum filamentosum*); 6 — маточный или основной слой (*stratum germinativum* s. *basilare*); 7 — сосочковый слой основы кожи (*stratum papillare*); въ одномъ изъ сосочковъ помѣщается осязательное тѣльце Meissner'a; 7a — сѣтчатый слой основы кожи (*stratum reticulare*); 8 — выводной протокъ потовой железы; 9 — клубковидное тѣло потовой железы; 10 — подкожный слой или подкожная клетчатка съ множествомъ жировыхъ клетокъ. Увеличеніе 18 (Tourneux).

сѣтчатый (*stratum filamentosum*); 6 — маточный или основной слой (*stratum germinativum* s. *basilare*); 7 — сосочковый слой основы кожи (*stratum papillare*); въ одномъ изъ сосочковъ помѣщается осязательное тѣльце Meissner'a; 7a — сѣтчатый слой основы кожи (*stratum reticulare*); 8 — выводной протокъ потовой железы; 9 — клубковидное тѣло потовой железы; 10 — подкожный слой или подкожная клетчатка съ множествомъ жировыхъ клетокъ. Увеличеніе 18 (Tourneux).

Б. Придатки кожи.

Эпителиныя клетки надкожицы преобразуясь даютъ начало совершенно непохожимъ одно на другое эпителинымъ образованіямъ такимъ, какъ ногти, волосы, сальные и потовыя железы. Къ тому же отдѣлу эпителиныхъ образованій у различныхъ животныхъ относятся волосы, шерсть, перья,

когти, рога, кожные чешуйки, кожный панцирь крокодила, кожные зубы, шипы, копыта, китовый усъ, иглы дикобраза, клювъ птицъ, черепахи и т. п. (Рис. 1178.)

Рис. 1177.

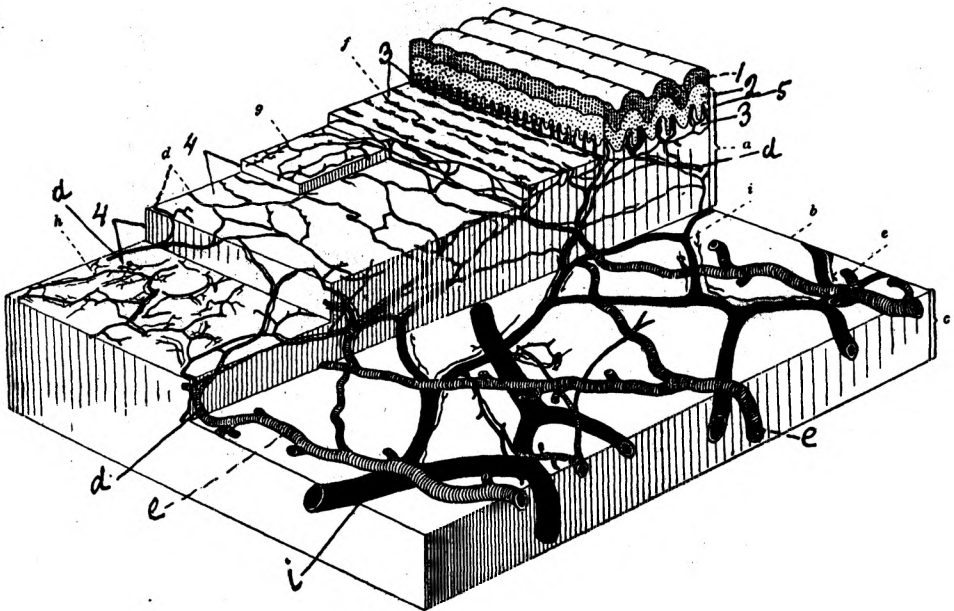

Рис. 1177. Схема распределенія кровеносныхъ сосудовъ въ кожѣ изъ подошвы человѣка: въ подкожной клѣтчаткѣ (с) имѣется сѣтъ изъ довольно толстыхъ артерій (е), болѣе тонкія вѣтви которыхъ проходятъ въ сѣтчатый слой основы кожи (4), гдѣ образуютъ сѣти артерій въ нѣсколько слоевъ одинъ надъ другимъ (d); наиболѣе тонкія артерійныя вѣтви отсюда переходятъ въ сосочковый слой основы кожи (3), гдѣ подъ основаніями сосочковъ образуютъ густую артерійную сѣтъ, отъ которой тонкія артерійки поднимаются въ сосочки и даютъ тамъ густую капиллярную сѣтъ (5); изъ нея у основанія сосочковъ образуются венки, которые, сливаясь между собой, даютъ густую венную сѣтъ (f) подъ сосочками въ сосочковомъ слоѣ (3) основы кожи; отъ нея болѣе толстыя вены идутъ вглубь, въ сѣтчатый слой кожи (4), гдѣ образуютъ венныя сѣти изъ болѣе толстыхъ венъ (g, h); изъ нихъ толстыя вены направляются въ подкожный слой — подкожную клѣтчатку (b, c), гдѣ образуютъ густую сѣтъ изъ толстыхъ венъ (i). 1 — роговой слой эпителія кожи; 2 — слизистый слой или Малпигіевъ; 3 — Малпигіевъ слой и основа кожи; b — наружный слой подкожной клѣтчатки (Spalteholz).

Рис. 1178.

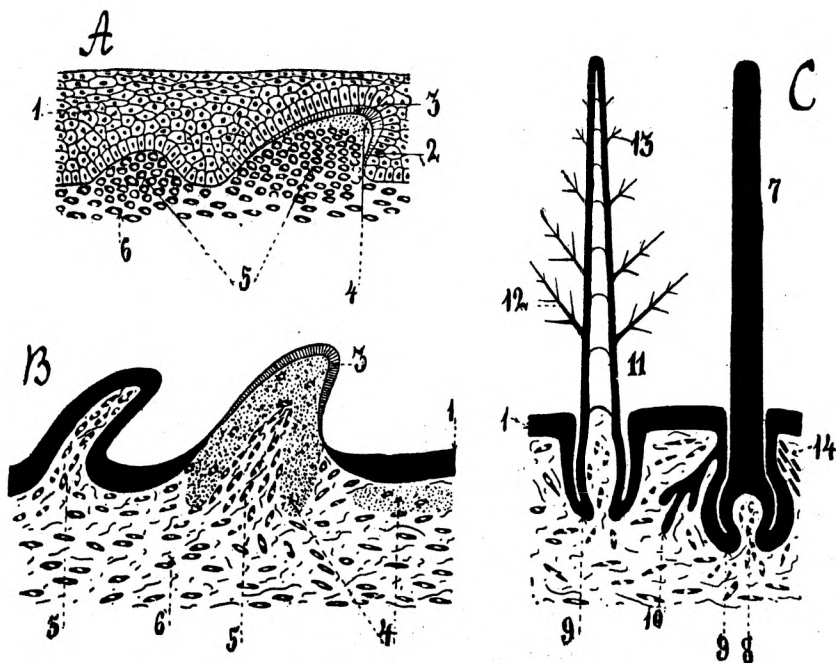

Рис. 1178. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе кожи для объясненія происхожденія придатковъ кожи: зубовидныхъ чешуекъ (А, В), перьевъ и волосъ (С), у позвоночныхъ: 1 — надкожица (epidermis); 2 — ея маточный слой кѣтокъ, образующихъ эмаль чешуекъ — 3; 4 — костное или зубное вещество (dentin) чешуйки, образуемое кѣтками основы кожи (derma) — 6, слагающимися въ сосочекъ — 5 — зубной сосочекъ, являющийся зубной мякотью (pulpa dentis); 7 — стволъ волоса; 8 — луковица его корня сидитъ на волосяномъ сосочкѣ (papilla pili); 9 — волосяной мѣшокъ; 10 — сальная железа; 11 — стволъ пера съ сосочкомъ внутри; 12 — бородка пера, слагающаяся изъ развѣтлений главнаго ствола; 13 — вторичныя вѣтви; 14 — мышца, выпрямляющая волосъ (erector pili). Чернымъ въ В и С зарисованы элементы надкожицы и ихъ производныя, а свѣтлымъ — элементы волокнистой соединительной ткани основы кожи и ихъ производныя (Roule).

1. Ноготь.

Ноготь имѣетъ тѣло, корень, свободный край и два боковыхъ края. Ноготь помѣщается въ углубленіи кожи, называемомъ ногтевымъ ложемъ. Боковые края ногтя лежатъ въ ногтевыхъ бороздкахъ; край

кожи, возвышающийся надъ ногтемъ, называется ногтевымъ валикомъ. Корень ногтя помѣщается въ складкѣ кожи, называемой ногтевой складкой; въ глубинѣ ея помѣщается ногтевая матка (*matrix unguis*). У корня ногтя въ области ногтевого ложа имѣется полулуніе — блѣдная фигура на общемъ розовомъ фонѣ тѣла ногтя (*lunula*). (Рис. 1179, 1180.)

Рис. 1179.

Рис. 1179. Конецъ пальца человѣка съ ногтемъ въ продольно-осевомъ сѣченіи: 1 — тѣло ногтя; 2 — эпителий ногтевого ложа; 3 — корень ногтя; 4 — ногтевая матка; 5 — ногтевая складка основы кожи; 6 — роговой слой эпителия; 7 — слой Malpighi надкожицы (Штида).

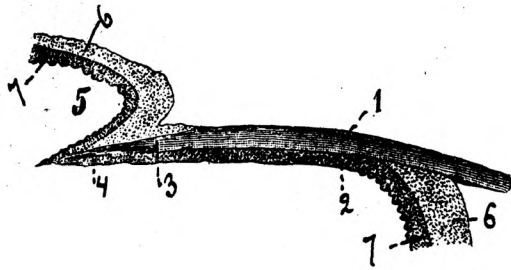

Рис. 1180.

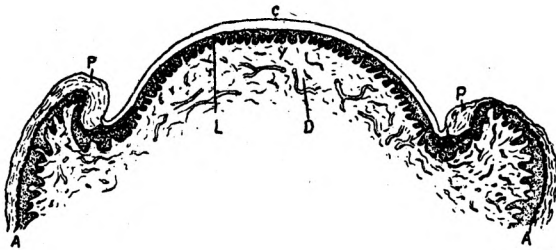

Рис. 1180. Поперечный разрѣзъ ногтя человѣка: С — тѣло ногтя; L — эпителий ногтевого ложа; Р — боковыя ногтевыя складки; А — надкожица; D — основа кожи подъ ногтевымъ ложемъ (Ranvier).

Тѣло ногтя состоитъ изъ удлинненныхъ по оси пальца и уплощенныхъ ороговѣвшихъ эпителиныхъ клѣтокъ, въ тѣлѣ которыхъ замѣчаются слѣды уплощенного и вытянутого по длинѣ клѣтки ядра. При вареніи въ крѣпкомъ растворѣ ѣдкихъ щелочей или сѣрной кислоты ноготь распадается на отдѣльныя клѣтки, подобныя клѣткамъ рогового слоя надкожицы. Клѣтки ногтя подобно клѣткамъ свѣтлаго слоя (*stratum lucidum*) надкожицы окрашиваются пикрокарминомъ въ желтый цвѣтъ.

Кожа въ области ногтевого ложа представляется измѣненной въ своемъ строеніи. Сосочковый слой соединительно-

тканной основы кожи, имѣть не сосочки, а гребешки (гребешки Henle), идущіе параллельно оси пальца. Представляется картина, будто отдѣльные сосочки, расположенные на одной параллельной съ осью пальца прямой, слились въ одинъ гребень. Въ кожѣ ногтевого ложа новорожденного человѣка такихъ гребней бываетъ 50—60, а высота гребней достигаетъ 100—200 μ .

Эти гребни покрыты, какъ въ кожѣ сосочки, основной перепонкой и снаружи отъ нея выравнены Малпигіевымъ слоемъ надкожицы; только въ послѣднемъ клѣткѣ зернистаго слоя не содержатъ зеренъ-капелекъ элеидина (Neunold, 1875). Вмѣсто элеидина клѣтки зернистаго слоя содержатъ зернистость изъ плотнаго вещества, окрашивающагося пикрокарминомъ подобно элеидину не въ красный цвѣтъ, но въ темный. Вещество этой зернистости **Ranvier** (1880) назвалъ ногтероднымъ (онихогеннымъ) веществомъ. На утолщенныхъ клѣткахъ этого зернистаго слоя лежитъ тѣло ногтя, замѣняя для нихъ роговой слой, но не находясь съ ними въ непосредственной связи; при своемъ ростѣ ноготь только скользитъ по поверхности этихъ эпителиныхъ клѣтокъ. (Рис. 1181.)

Малпигіевъ слой эпителиныхъ клѣтокъ въ ногтевомъ ложѣ вездѣ одинаковой толщины, исключая его мѣста у корня ногтя. Здѣсь Малпигіевъ слой является утолщеннымъ, а тѣло ногтя все болѣе и болѣе истончается въ направленіи отъ свободнаго края внутрь ногтевой складки кожи снаружи внутрь пальца. Это утолщенное мѣсто Малпигіева слоя, прилежающее къ корню ногтя, носитъ названіе матки ногтя (*matrix unguis*) или ногтероднаго слоя. Эпителиныя клѣтки этого ногтероднаго слоя содержатъ въ значительномъ количествѣ зерна онихогеннаго вещества. Клѣтки, постепенно оплотнѣвая снаружи, превращаются въ ороговѣвшія клѣтки ногтя и выдвигаются впередъ изъ маточнаго слоя.

Ногтевая складка кожи или ногтевой валикъ (*valium unguis*) у зародыша покрываетъ весь ноготь; у взрослого же наблюдается то, что роговой слой ногтевого валика прирастаетъ къ сосѣднимъ частямъ наружной поверхности тѣла ногтя и при ростѣ и движеніи его впередъ разрывается иногда не у поверхности ногтя, а на поверхности ногтевой складки, образуя болѣзненные заусеницы.

Видимая у корня ногтя блѣдная полулунная фигура (lunula) соответствует маточному утолщенію эпителиаго слоя, часть котораго, непокрытая ногтевой кожной складкой, видна. Блѣдность этого мѣста сравнительно съ цвѣтомъ сосѣднихъ частей ногтя объясняется большей толщиной здѣсь эпителиа, покрывающаго капиллярную сѣть кровеносныхъ сосудовъ, кровь которыхъ, просвѣчивая чрезъ слой эпителиа, сообщаетъ розовый цвѣтъ ногтю.

Рис. 1181.

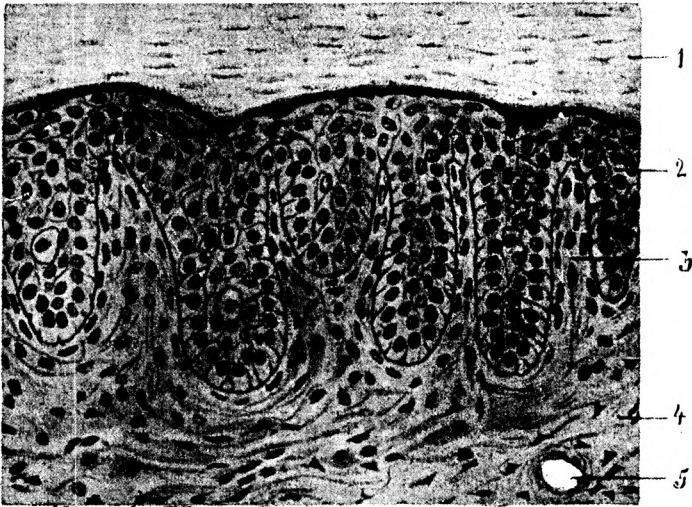

Рис. 1181. Поперечное сѣченіе ногтя и его ложа: 1 — вещество ногтя и плоскихъ ороговѣвшихъ эпителиальныхъ клѣтокъ, въ которыхъ замѣтны слѣды ядеръ; 2 — многослойный эпителий ногтевого ложа безъ рогового слоя, который замѣненъ ногтемъ; 3 — поперечное сѣченіе не сосочковъ, а валиковъ основы кожи ногтевого ложа; 4 — сѣтчатый слой основы кожи; 5 — поперечное сѣченіе кровеноснаго сосуда. Увеличеніе 280 (Szymonowicz).

Развитіе ногтя.

Ноготь закладывается въ началѣ 3 мѣсяца. (Рис. 1182.) Въ это время на тыловой поверхности концевой фаланги появляется поперечная дугообразная бороздка съ вогнутостью, обращенной къ концу пальца. Изъ глубины этой бороздки надкожица углубляется въ основу кожи въ косвенномъ направленіи внутрь и назадъ, соответствуя направленію буду-

щей ногтевой матки (*matrix unguis*). Въ срединѣ 3 мѣсяца передніе концы дугообразной линіи, закругляясь на концѣ пальца, сходятся вмѣстѣ, ограничивая овальной формы площадку. Эта площадка выдѣляется отъ окружающихъ

Рис. 1182.

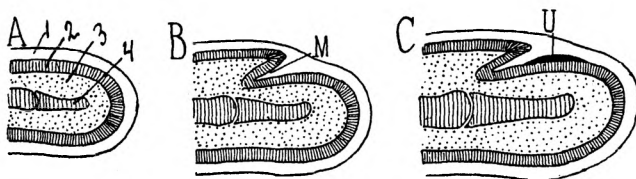

Рис. 1183.

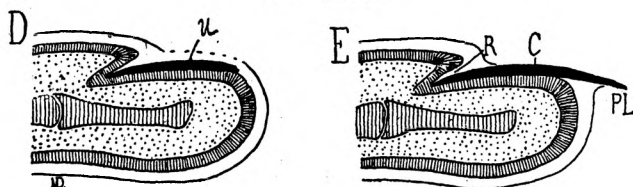

Рис. 1182, 1183. Схема развитія ногтя на продольныхъ сѣченіяхъ концевыхъ частей пальцевъ: Рис. 1182. А — конецъ пальца зародыша человѣка менѣе трехъ мѣсяцевъ: 1 — роговой слой; 2 — слой Malpighi надкожицы; 3 — основа кожи; 4 — зачатокъ концевой фаланги; В — кожа со всѣми составными частями образуетъ поперечную складку (ногтевую) тыльной поверхности пальца; М — клѣтки Малпигіева слоя надкожицы въ глубинѣ этой складки становятся ногтевой маткой; С — на поверхности площадки, отграниченной ногтевой складкой, въ толщѣ рогового слоя надкожицы и прикрытый имъ на поверхности Малпигіева слоя появляется пластинка изъ ороговѣвшихъ клѣтокъ — U — зачатокъ ногтя внѣ связи съ ногтевой складкой и маткой. Рис. 1183 — D — ногтевая пластинка — U — разраслась къ концу пальца и къ ногтевой складкѣ, дойдя до ногтевой матки; но все еще прикрыта съ поверхности роговымъ слоемъ надкожицы, который замѣтно истончается и слущивается сначала противъ центра пластинки; Е — ногтевая пластинка уже не прикрыта роговымъ слоемъ надкожицы и, закончивъ развитіе, состоитъ изъ: С — тѣла ногтя; PL — свободного конца его; R — корня ногтя (Duval).

частей толщиною поверхностнаго слоя эпителія. Въ началѣ 5 мѣсяца поперечная бороздка раздѣляетъ эту площадку на двѣ неравныя части: верхнюю большую, несущую на себѣ ноготь, и нижнюю или концевую, образующую на своей поверхности очень толстый роговой слой. Далѣе въ концѣ

3 мѣсяца по мѣрѣ роста пальца овальная площадка оказывается вся цѣликомъ на тыльной поверхности пальца. Немного позже появляются въ подлежащей основѣ кожи первичные продольные гребешки Henle и соответствующіе имъ пластинчатые продольные выступы глубокаго слоя надкожицы подъ тѣломъ ногтя. Въ то же время въ задней части овальной площадки образуется зернистый слой (*stratum granulosum*) съ зернами элеидина въ его клѣткахъ, распространяющійся также впередъ; а къзади отъ него имѣется слой, въ клѣткахъ котораго содержатся крупныя зерна кератина. Внутри надкожицы между зернистымъ слоемъ и толстымъ поверхностнымъ эпителиальнымъ слоемъ овальной площадки зарождается ногтевое вещество чрезъ преобразование клѣтокъ зернистаго слоя. Въ концѣ 4 мѣсяца толстый поверхностный эпителиальный слой разрушается, начиная съ центральной части овальной площадки, и его обрывки остаются еще въ теченіе нѣкотораго времени, образуя вокругъ зачатка ногтевой пластинки первичный околоногтевой валикъ. Такимъ образомъ ногтевая пластинка обнаруживается на поверхности пальца. На 5 мѣсяцѣ кератиныя зерна исчезаютъ изъ клѣтокъ и замѣняются зернами ногтероднаго вещества. Съ этого времени путемъ роста ноготь въдрывается назадъ въ заднюю эпителиальную складку, предшествуемый появленіемъ въ ея клѣткахъ зеренъ ногтероднаго вещества. (Рис. 1183.) Такимъ образомъ ноготь увеличивается и его наружная поверхность дѣлается гладкой. На продольныхъ разрѣзахъ ногтевое вещество является явно исчерченнымъ сверху внизъ и сзади напередъ. На 8 мѣсяцѣ ноготь достигаетъ дна ногтевой складки кожи, послѣ чего онъ удлиняется только впередъ въ направленіи къ свободному краю. Слѣдовательно, ноготь есть видоизмѣненный свѣтлый слой надкожицы (*stratum lucidum*), лежащій на зернистомъ слоѣ, клѣтки котораго вмѣсто зеренъ элеидина, содержать зерна ногтероднаго вещества.

2. Волосъ.

Волосъ (*pilum*) также есть производное эпителиальныхъ клѣтокъ надкожицы. Часть волоса, возвышающаяся надъ поверхностью кожи, называется волосянымъ стволомъ,

а вѣдряющаяся въ кожу — корнемъ волоса. Цилиндрическая полость въ кожѣ для корня волоса называется корневымъ влагалищемъ или волосянымъ мѣшкомъ, а утолщенная часть корня называется волосяной луковицей; въ нижней части волосяной луковицы существуетъ полость, открытая снизу и выполняемая такъ называемымъ, волосянымъ сосочкомъ. (Рис. 1184.)

Рис. 1184.

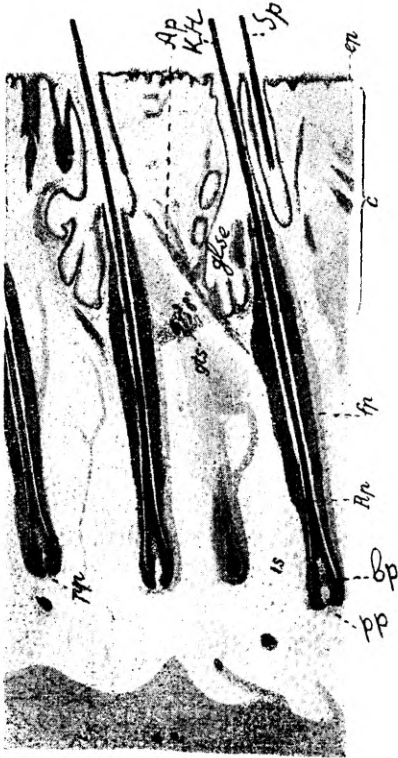

Рис. 1184. Перпендикулярный къ поверхности сѣвъ волосистой части кожи казеннаго чловѣка: *sp* — стволъ волоса; *KH* — продольное сѣченіе волоса; *Ap* — пучекъ мышечныхъ волоконъ — выпрямитель волоса (*arrector pili*); *Rp* — корень волоса; *br* — луковица волоса; *pr* — сосочекъ волоса; *fp* — волосяной мѣшокъ; *glse* — сальная железа; *gls* — потовая железа; *ts* — подкожная клѣтчатка съ множествомъ жировыхъ клѣтокъ; *с* — основа кожи; *ер* — надкожица. Увеличеніе 15 (*Sobotta*).

Стволъ волоса состоитъ изъ сердцевиннаго вещества, корковаго вещества и кожицы (*cuticula*).

Сердцевинное вещество волоса мягкое; оно занимаетъ осевую часть, распространяющуюся въ корнѣ почти на третью часть поперечника волоса. Оно состоитъ изъ кубическихъ и многогранныхъ клѣтокъ съ округленными углами величиною въ 15—22 μ въ поперечникѣ; въ поперечномъ сѣченіи волоса содержится 4—5 клѣтокъ. Онѣ

содержать въ своемъ тѣлѣ сморщенное ядро, пигментныя зерна, жировыя зерна; а между ними находятся маленькіе воздушныя пузырьки (Kölliker), придающіе серебристый блескъ волосамъ. Сердцевинное вещество совсѣмъ отсутствуетъ въ тонкихъ волосахъ и даже въ болѣе толстыхъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ корня волоса.

Корковое вещество волоса твердое и упругое; оно занимаетъ большую часть волоса, почти $\frac{2}{3}$ поперечника; способно воспринимать краски и гигроскопично; имѣетъ продольную исчерченность и довольно легко расщепляется по длинѣ. При кипяченіи въ крѣпкихъ растворахъ ѣдкихъ щелочей оно разлагается на удлиненныя нитевидныя ороговавшія эпителичныя клѣтки, плотно прилегавшія одна къ другой; въ нихъ не имѣется даже признаковъ ядра, но имѣется пигментная зернистость, отсутствующая только въ свѣтлыхъ волосахъ и въ постѣдѣвшихъ.

Кожца волоса (cuticula) при дѣйствіи крѣпкихъ растворовъ (40⁰/о) ѣдкихъ щелочей разлагается на тончайшія пластинчатыя удлиненныя прямоугольныя эпителичныя клѣтки, имѣющія размѣръ своей пластинки въ $40 \times 60 \mu$; въ средней части пластинки имѣется болѣе свѣтлое мѣсто, соотвѣтствующее сморщившемуся и исчезнувшему ядру. Эти ороговавшія пластинки располагаются на поверхности коркового вещества волоса черепицеобразно, при чемъ нижняя пластинка прикрываетъ нижній край выше лежащей пластинки; поэтому поверхность волоса при разсматриваніи его края является зубчатой съ направленіемъ зубцовъ отъ корня волоса къ его свободной поверхности. (Рис. 1185.)

Корень волоса заканчивается расширеніемъ, называемымъ волосяной луковицей (bulbus pili). (Рис. 1186.) Волосяная луковица состоитъ изъ неизмѣненныхъ эпителичныхъ клѣтокъ Малпигіева слоя, содержащихъ въ своемъ тѣлѣ зернистость. Зернистость клѣтокъ волосяной луковицы двухъ родовъ. Клѣтки центральной части луковицы, дающія начало волосу, содержатъ зернышки онхогеннаго вещества и постепенно ороговаваютъ по мѣрѣ выдѣленія своего изъ луковицы въ корень при ростѣ волоса. Клѣтки поверхностной части луковицы содержатъ зернышки элеидина или кератогіалина и идутъ на образованіе, такъ называемаго, внутренняго корневого влагалища.

Клѣтки луковицы ограничиваютъ заключенную въ ней почти шаровидную полость, имѣющую въ нижней части болѣе или менѣе суженное отверстіе, шейку.

Волосая луковица помѣщается обыкновенно въ глубокой части сѣтчатого слоя основы кожи или даже въ поверхностномъ слое подкожной клѣтчатки.

Волосной мѣшокъ (*folliculus pili*), обхватывающій корень волоса, состоитъ изъ всѣхъ слоевъ кожи, идущихъ

Рис. 1185.

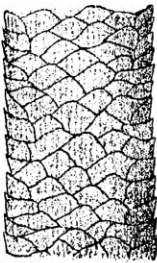
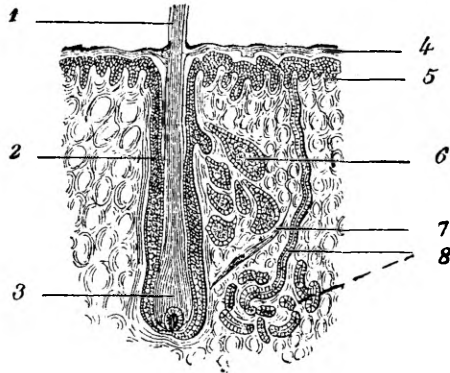

Рис. 1185. Поверхность ствола волоса, покрытая черепицеобразно чешуйками кожицы — *cuticula pili* (Testut).

Рис. 1186.

Рис. 1186. Полусхема перпендикулярнаго къ поверхности сръза кожи съ волосомъ: 1 — волосъ; 2 — волосной мѣшокъ; 3 — луковица волоса; 4 — роговой слой; 5 — слой Malpighi; 6 — сальная железа; 7 — мышечный пучекъ — выпрямитель волоса; 8 — потовая железа (Berdal).

съ поверхности вглубь и образующихъ внутри себя цилиндрическую полость для корня волоса, суживающуюся въ поверхностной части въ видѣ шейки (*collum folliculi pili*). Волосной мѣшокъ состоитъ изъ трехъ слоевъ. Наружный слой состоитъ изъ продольно направленію волоса идущихъ толстыхъ пучковъ клей дающихъ и эластинныхъ волоконъ сѣтчатого слоя соединительнотканной основы кожи (*stratum reticulare*). Средній слой волосаного мѣшка состоитъ изъ болѣе тонкихъ пучковъ сосочкового слоя (*stratum papillare*) изъ клей дающихъ волоконъ и эластинныхъ

волоконъ, кольцевидно обвивающихся вокругъ корня волоса. Этотъ слой толще перваго. Внутренній слой состоитъ изъ основной стеклопрозрачной перепонки (*membrana basilaris*), выстилающей изнутри весь волосяной мѣшокъ и значительно здѣсь утолщенной.

Дно волосяного мѣшка подъ волосяной луковицей образуетъ выступъ или сосочекъ, который входитъ чрезъ шейку въ полость луковицы. Этотъ выступъ со дна волосяного мѣшка называется волосянымъ сосочкомъ (*papilla pili*).

Волосяной сосочекъ по своему устройству вполне соответствуетъ сосудистому сосочку сосочковаго слоя основы кожи. Здѣсь онъ также образованъ изъ элементовъ средняго слоя волосяного мѣшка и выстланъ по поверхности основной перепонкой (*membrana basilaris*), отдѣляющей эпителияныя клѣтки луковицы отъ элементовъ рыхлой волокнистой соединительной ткани волосяного сосочка. Какъ въ кожный сосудистый сосочекъ, въ волосяной сосочекъ такъ-же входятъ кровеносные и лимфеносные сосуды и нервы. (Рис. 1187.)

Квнутри отъ волосяной сумки, точнѣе квнутри отъ ея основной перепонки лежатъ эпителияныя клѣтки надкожицы, которыя образуютъ въ общемъ такъ называемое наружное корневое влагалище.

Наружное корневое влагалище по своему устройству весьма рѣзко различается въ разныхъ частяхъ. Если корень волоса раздѣлить по его длинѣ на три части, то въ поверхностно лежащей трети наружное корневое влагалище устроено болѣе просто, чѣмъ въ двухъ болѣе глубоко лежащихъ третяхъ корня. Въ натурѣ граница между этими двумя областями корневого влагалища отмѣчается мѣстомъ впаденія въ волосяной мѣшокъ выводного протока сальной железы.

Корневое влагалище отъ поверхности кожи до выводного протока сальной железы, состоитъ изъ всѣхъ слоевъ надкожицы, безъ всякаго ихъ измѣненія загибающихся снаружи внутрь мѣшка и выстилающихъ его. Это суженное мѣсто волосяного мѣшка называется его шейкой. Клѣтки зернистаго слоя содержатъ значительное количество зеренъ элеидина, а ороговѣвшія клѣтки роговаго слоя непосредственно прилегаютъ къ кожицѣ волоса.

Элементы надкожицы проникают также въ болѣе глубокія части волосяного мѣшка глубже мѣста впаденія сальной железы, до дна его, давая кромѣ того эпителиныя клѣтки для образованія волосяной луковицы. Но здѣсь уже не бываетъ ни зернистаго слоя ни всего роговаго слоя. Кромѣ

Рис. 1187.

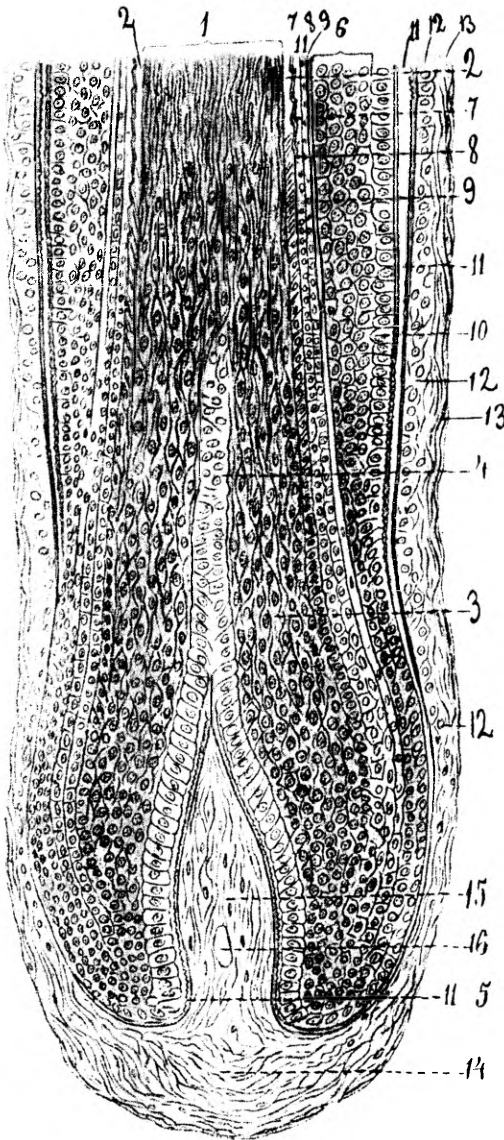
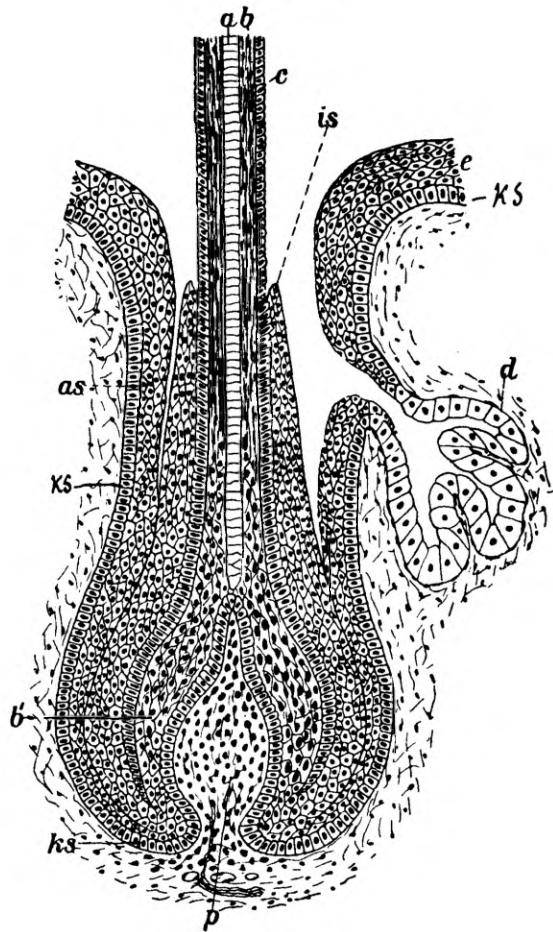

Рис. 1187. Продольное сѣченіе волоса человека съ волосянымъ мѣшкомъ: 1 — стволъ волоса; 2 — его кожица; 3 — корковое вещество волоса; 4 — сердцевина волоса; 7 — кожица внутреннего корневого влагалища; 8 — его же слой Нуклеу; 9 — его же слой Henle; 6 — наружное корневое влагалище; 10 — основной слой цилиндрическихъ клѣтокъ наружнаго корневого влагалища; 11 — стекловидная основная перепонка, 12 — внутренний слой волосяного мѣшка съ круговыми волокнами; 13 — наружный слой волосяного мѣшка съ продольными волокнами; 14 — основа кожи; 15 — волосной сосочекъ; 16 — кровеносный сосудъ въ поперечномъ сѣченіи. Увеличеніе 300 (Böhm und Davidoff).

того эпителийныя кѣтки Малпигіева слоя не прилегаютъ непосредственно къ волосу, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ между нимъ и волосомъ возникаетъ средостѣніе. Это средостѣніе вырастаетъ изъ боковыхъ частей волосяной луковицы точно такъ же, какъ изъ центральной части ея вырастаетъ волосъ. Это средостѣніе, состоящее изъ трехъ слоевъ эпителиаго происхожденія, называется въ общемъ внутреннимъ корневымъ влагалищемъ въ отличіе отъ находящагося снаружѣ отъ него наружнаго корневого влагалища, образуемаго Малпигіевымъ слоемъ надкожицы. (Рис. 1188.)

Рис. 1188.

Рис. 1188. Волосъ котенка въ продольномъ сѣченіи (полусхема): е — эпителий надкожицы; d — зачатокъ сальной железы; р — мезодермный волосяной сосочекъ; ks — маточный слой эпителиа; as — наружное корневое влагалище; is — внутреннее корневое влагалище; а — сердцевинное вещество волоса; с — кожа волоса (Haller).

Внутреннее корневое влагалище имѣть въ толщину 20—25 μ . Оно состоитъ изъ наружнаго слоя, называемаго слоемъ Henle, который слагается изъ одного ряда плоскихъ ороговѣвшихъ прозрачныхъ, утратившихъ ядра клѣтокъ, удлиненныхъ параллельно оси волоса. Величина ихъ въ длину 35—45 μ , въ ширину 10 μ .

Квнутри отъ него находится слой Huxley, состоящій изъ одного, двухъ рядовъ ядросодержащихъ зернистыхъ клѣтокъ, прозрачныхъ, удлиненныхъ, теряющихъ ядро на нѣкоторомъ разстояніи отъ волосаной луковицы. Эти клѣтки содержатъ въ себѣ зерна элейдина.

Внутренній слой внутреннего корневого влагалища называется кожей (cuticula) корневого влагалища и состоитъ изъ одного ряда плоскихъ ороговѣвшихъ клѣтокъ безъ всякихъ слѣдовъ ядра, прозрачныхъ, расположенныхъ черепицеобразно; при этомъ верхняя клѣтка прикрываетъ верхній край слѣдующей нижней. Кожица внутреннего корневого влагалища непосредственно соприкасается съ кожей корня волоса, при чемъ зубчики одной заходятъ въ зубчики другой; по этому при вырываніи волосъ тянетъ за собой и внутреннее корневое влагалище.

Теперь, если сдѣлать поперечный срѣзь черезъ волосаной мѣшокъ съ волосомъ надъ луковицей, то, идя снаружи внутрь, будутъ имѣться слѣдующіе слои: 1) наружный слой волосаго мѣшка, 2) внутренній слой его же, 3) основная перепонка, 4) наружное корневое влагалище, 5) внутреннего корневого влагалища слой Henle, 6) его же слой Huxley, 7) его же кожица, 8) кожица волоса, 9) его же корковый слой, 10) его же сердцевинный слой. Изъ нихъ 1 и 2 соединительнотканые слои, а 4—10 — эпителиные. (Рис. 1189.)

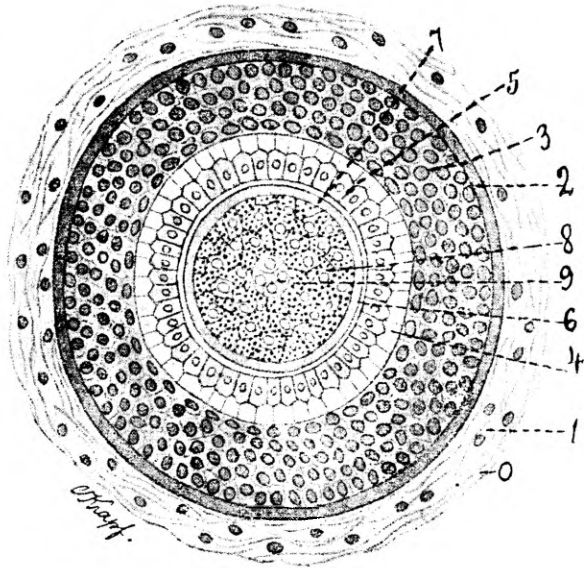
Волосъ, когда достигнетъ полнаго развитія, а также вообще вслѣдствіе прекращенія питанія изъ волосаго сосочка по какой либо причинѣ, отдѣляется отъ волосаной луковицы и выпадаетъ. Когда питаніе прекратилось только временно, то съ возстановленіемъ его эпителиныя клѣтки луковицы производятъ новый волосъ. Если же нарушеніе питанія въ сосочкѣ имѣетъ длительный характеръ, то сосочекъ сморщивается, уменьшается и совершенно сглаживается къ своему основанію. Вслѣдъ за его уменьшеніемъ клѣтки волосаной луковицы также сморщиваясь уничто-

жаютъ ея полость. (Рис. 1190.) Послѣ этого новый волосъ можетъ вырасти только послѣ того, какъ волосяной мѣшокъ образуетъ новый сосочекъ, а эпителий Малпигіева слоя надъ нимъ сформируетъ волосяную луковицу.

На границѣ средней трети волосяного мѣшка съ наружной, т. е., въ области его шейки въ полость его открывается выводной протокъ сальной железы, изливающей въ нее свой секретъ, т. е. жиръ.

Рис. 1189.

Рис. 1189. Поперечное сѣченіе волоса и волосяного мѣшка чело-
вѣка: 0 — на-
ружный слой во-
лосяного мѣшка;
1 — внутренний
его слой; 2 —
стекловидная ос-
новная перепонка;
3 — наружное
корневое влага-
лище; 4 — слой
Henle внутрення-
го корневое вла-
галища, 5 — слой
Nuxley его же;
6 — кожа его
же; 7 — кожа

волоса; 8 — корковый слой волоса; 9 — сердцевинное вещество его же. Увеличение 300 (Böhm und Davidoff.)

Глубже мѣста впаденія выводного протока сальной железы, подъ ея тѣломъ, снаружи къ волосяному мѣшку прикрѣпляется пучекъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ, идущій въ косвенномъ направленіи къ наружной поверхности сѣтчатого слоя основы кожи, гдѣ прикрѣпляется другой конецъ этого пучка мышечныхъ волоконъ; это выпрямляющая волосъ мышца (*musculus arrector pili*). Въ уголѣ, образуемомъ ею и волосомъ помѣщается тѣло сальной железы, которая выдѣляетъ свое отдѣляемое при сокращеніи мышцы. (См. рис. 1184, 1186.)

Такъ называемая „гусиная кожа“, появляющаяся при охлажденіи тѣла, зависитъ отъ одновременнаго сокращенія въ кожѣ тѣхъ же самыхъ мышцъ.

Кровеносные сосуды не только образуютъ капиллярную сѣть въ волосяномъ сосочкѣ, но также густую сѣть во внутреннемъ слое волосяного мѣшка вокругъ основной перепонки.

Рис. 1190.

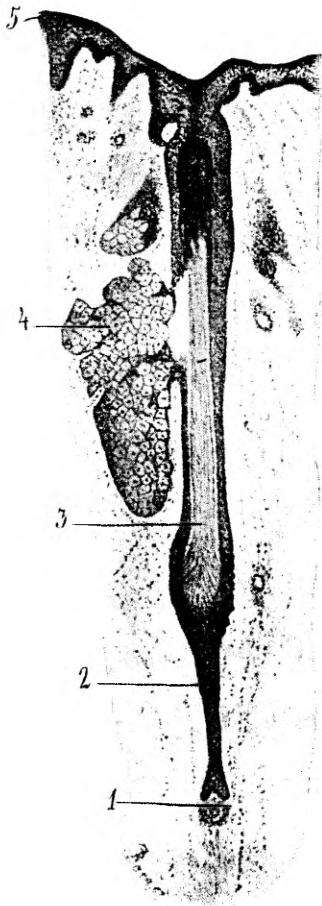

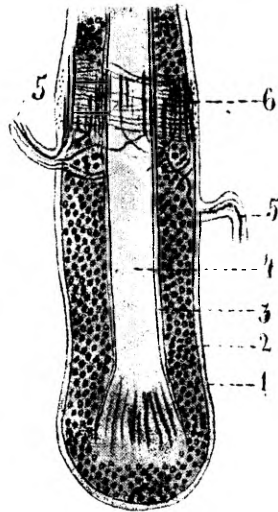
Рис. 1190. Продольное сѣченіе выпадающаго волоса изъ волосистой части головы взрослого человѣка: 1 — волосяной сосочекъ; 2 — сморщившееся корневое влагалище; 3 — волосяная луковица; 4 — сальная железа; 5 — надкожица. Увеличеніе 43 (Szymonowicz).

Волосы на нѣкоторыхъ мѣстахъ получаютъ особенныя нервныя окончанія и служатъ осязательными волосами. Таковы волосы — рѣсницы, пушкѣ на щекахъ и крыльяхъ носа у человѣка. **Jobert** (1872—75) нашелъ, что къ каждой рѣсницѣ подходятъ 40—50 нервныхъ мякотныхъ волоконъ;

они окружают волосной мѣшокъ подъ сальной железой; нѣкоторыя изъ нихъ проникаютъ внутрь волосяного мѣшка, но большинство обвиваются вокругъ волосяного мѣшка и даютъ вѣтви, идущія на равномъ разстояніи и параллельно оси волоса; потомъ они проникаютъ внутрь волосяного мѣшка, теряютъ мѣлинь, и образуютъ сплетеніе вокругъ основной оболочки (*membrana basilaris*); отъ этого сплетенія отдѣльныя вѣтви проникаютъ чрезъ основную оболочку и, раздѣляясь на первичныя волоконца, заканчиваются между клѣтками наружнаго корневого влагалища свободными концевыми первичными волоконцами съ утолщеніями на концахъ. (Рис. 1191.)

Рис. 1191.

Рис. 1191. Продольное сѣченіе чувствительнаго волоса кошки: 1 — стекловидная основная перепонка; 2 — наружное корневое влагалище; 3 — внутреннее корневое влагалище; 4 — волосъ; 5 — нервное мякотное волокно; 6 — чувствительное концевое нервное образованіе. Увеличеніе 160 (Böhm und Davidoff).

Остроумовъ нашелъ, что у плотоядныхъ, грызуновъ и др. имѣются осязательные волосы на усахъ съ особеннымъ устройствомъ. Прежде всего вокругъ волоса имѣется во внутреннемъ слоѣ волосяного мѣшка ниже сальной железы не только капиллярная сосудистая сѣтъ, но цѣлый кровяной мѣшокъ (*sinus*). Мякотныя нервныя волокна подходятъ къ основанію волосяного мѣшка, проникаютъ наискось снизу вверхъ чрезъ его стѣнку и ложатся кнутри отъ сосудистой сѣти и кровяного мѣшка; здѣсь они раздѣляются на вѣтви, поднимающіяся по направленію къ сальной желѣзѣ. Подъ сальной железой нервныя волокна, потерявъ мѣлинь, обра-

зуютъ сплетеніе вокругъ основной перепонки; отсюда вѣтви прободаютъ основную перепонку и разсыпаются между клѣтками наружнаго корневого влагалища на первичныя волокна, заканчивающіяся каждое осязательнымъ дискомъ съ осязательной клѣткой.

Развитіе волоса.

Первые зачатки волосъ представляются въ видѣ мѣстныхъ скопленій въ видѣ узелка эктодермныхъ клѣтокъ глубокаго слоя надкожицы, вдающихся вглубь мезодермной основы кожи. (Рис. 1192.) Навстрѣчу такому эктодермному

Рис. 1192.

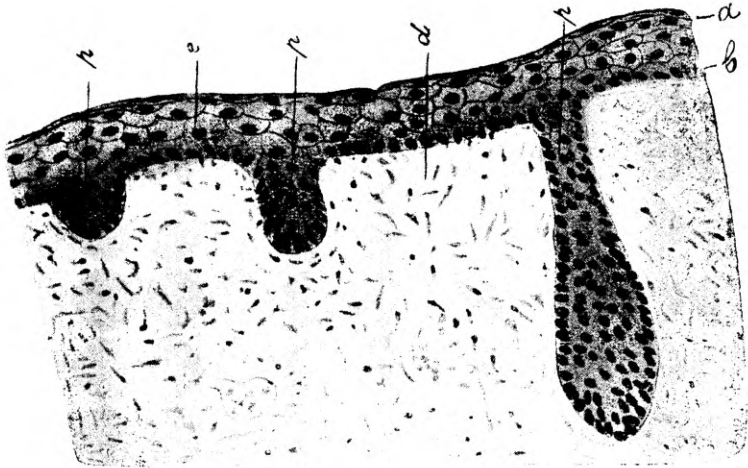

Рис. 1192. Кожа 3-мѣсячнаго зародыша человѣка въ перпендикулярномъ къ поверхности сѣченіи чрезъ бровь: а — наружный слой; b — внутренній слой эктодермы (e); d — элементы мезодермы основы кожи; p — три разнаго возраста зачатка волоса, состоящіе изъ вѣтвленія вглубь мезодермы глубокаго слоя эктодермы съ его b — маточнымъ слоемъ. Увеличеніе 250 (Prenant).

узелку разрастаются элементы мезодермной основы кожи и образуютъ мезодермный узелокъ, вдвигающійся потомъ постепенно въ нижнюю часть перваго узелка. (Рис. 1193.) Далѣе эктодермный узелокъ разрастается немного въ косвенномъ направленіи, проникая все далѣе и далѣе вглубь основы кожи и преобразуясь въ плотный клѣточный шнурокъ. Въ

то же время мезодермный узелок также опускается вглубь основы кожи, не теряя своих соотношеній съ болѣе глубокимъ концемъ эктодермнаго шнура и все болѣе и болѣе глубоко проникая въ его толщу. Наконецъ мезодермный узелокъ принимаетъ форму полушаровиднаго сосочка и называется волосянымъ сосочкомъ. (Рис. 1194.) Въ это время эктодермный шнурокъ обхватываетъ волосяной сосочекъ своей глубокой частью со всѣхъ сторонъ, кромѣ нижней, и называется зачаткомъ волоса. Далѣе элементы мезодермной основы кожи, начиная отъ элементовъ волосяного сосочка, уплотняются вокругъ зачатка волоса посте-

Рис. 1193.

Рис. 1194.

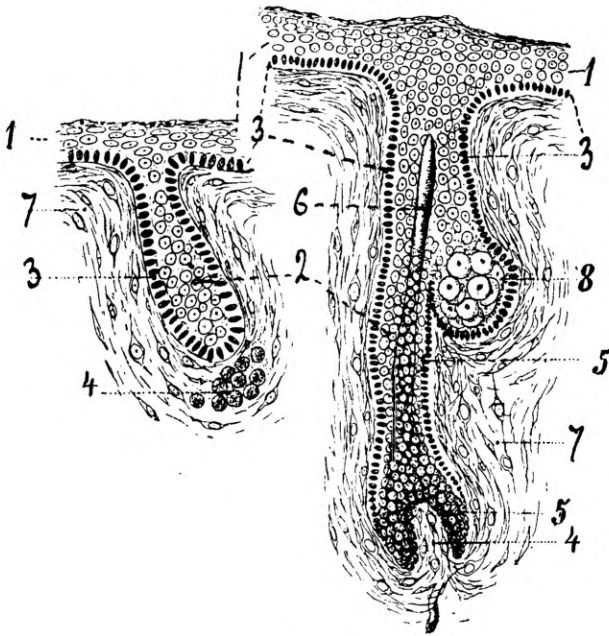

Рис. 1193, 1194. Развитие волоса въ кожѣ человѣка въ ея перпендикулярныхъ къ поверхности сѣченіяхъ: Рис. 1193 — изъ кожи 3,5 — мѣсячнаго зародыша: Рис. 1194 — изъ кожи 4-мѣсячнаго зародыша: 1 — эктодерма; 2 — клѣтки эктодермы, образовавшія зачатокъ волоса путемъ вѣдренія въ мезодерму (7); 3 — маточный слой эктодермы и покровнаго эпителия кожи; 4 — волосяной сосочекъ мезодермы (7); 5 — волосяная луковица; 6 — зачатокъ волосяного ствола изъ ороговѣвшихъ клѣтокъ эктодермы; 7 — мезодерма; 8 — зачатокъ сальной железы при волосѣ съ крупными клѣтками, вырабатывающими жиръ (Kollmann).

пенно извнутри кнаружи и образуютъ вокругъ него стѣнки волосяного мѣшка.

Обыкновенно первые зачатки волосъ появляются на головѣ на 3—4 мѣсяцѣ, потомъ на туловищѣ; на конечностяхъ они обнаруживаются только въ концѣ пятого мѣсяца.

Въ началѣ пятого мѣсяца на туловищѣ въ центральной части волосяного зачатка появляется конусовидное тѣлце болѣе плотнаго прозрачнаго вещества, вершина котораго направлена къ свободной поверхности кожи, а основаніе сидитъ на волосяномъ сосочкѣ. Это — новообразующійся волосъ. Волосъ растетъ отъ своего основанія и все болѣе и болѣе приближается къ свободной поверхности кожи; а клѣтки эктодермнаго зачатка волоса, окружающія его, преобразуются однѣ въ клѣтки волосяной луковицы, другія въ клѣтки корневого влагалища волоса. Появленіе волоса на поверхности кожи наблюдается на головѣ съ пятого мѣсяца, а на туловищѣ на шестомъ мѣсяцѣ. Эти волоски продолжаютъ расти вдлину до тѣхъ поръ, пока не будутъ замѣщены постоянными волосами. Выпаденіе этихъ волосковъ или пуха (lanugo) обыкновенно наблюдается въ первые мѣсяцы послѣ рожденія; хотя нѣкоторое количество раньше выпавшихъ волосковъ всегда встрѣчается въ околоплодной жидкости. Причиной выпаденія волосковъ бываетъ запускъ и уничтоженіе волосяной луковицы, которая отдѣляется отъ волосяного сосочка. Пушокъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ кожи, напр. на лицѣ, остается на всю жизнь.

Постоянные волосы зарождаются посредствомъ образованія плотныхъ шнуровъ, отходящихъ отъ паружнаго корневого влагалища уже существующаго волоска (Kölliker).

3. Сальные железы.

Сальные железы (glandulae sebaceae) то существуютъ самостоятельно, то являются придатками волосъ въ кожѣ. (Рис. 1195.)

Сальные железы, какъ придатокъ волоса, открываются въ шейкѣ волосяного мѣшка. Обыкновенно ихъ бываетъ одна, двѣ при каждомъ волосѣ, но иногда также три, четыре. (Рис. 1196.) Величина сальныхъ железъ находится въ обратномъ отношеніи къ величинѣ волоса: при большомъ

волосѣ бываютъ маленькія железы (см. рис. 1184) и при маленькомъ волосѣ (пухъ) большія железы. (Рис. 1197.)

Каждая сальная железа состоитъ изъ тѣла и выводного протока. Выводной протокъ сальной железы очень коротокъ, прямой и образованъ основной перепонкой, заходящей сюда

Рис. 1195.

Рис. 1195. Схема строения свободной сальной железы: 1 — надкожица; 2 — основа кожи; 3 — мѣшечки железы; 4 — выводной протокъ (Testut).

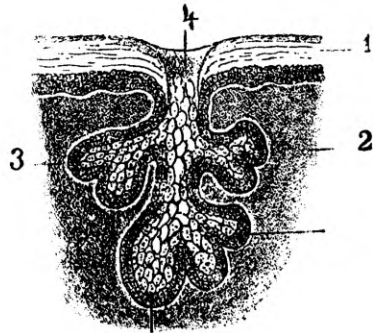

Рис. 1196.

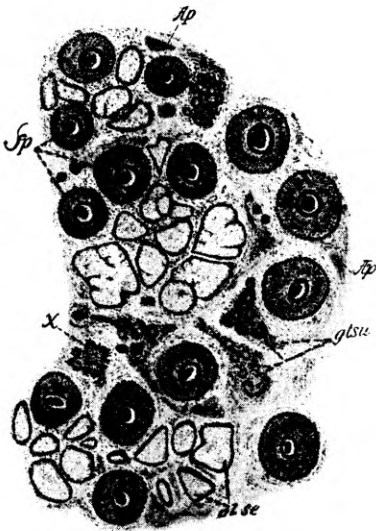

Рис. 1196. Параллельный поперечный срезъ волосистой части кожи казеннаго человѣка; волосы расположены группами, имѣя сбоку сальные и потовыя железы: Ap — выпрямляющая волосъ мышца (arrector pili); Sp — поперечное сѣченіе волоса и его корневого влагалища съ мѣшкомъ; glse — сальная железа; glsu — потовая железа; x — запусѣвшій волосяной мѣшокъ послѣ выпаденія волоса. Увеличение 20 (Sobotta).

и дальше распространяющейся на тѣло железы, какъ непосредственное продолженіе основной перепонки волосяного мѣшка и далѣе основной перепонки кожи. Точно также многослойный плоскій эпителий, выстилающій трубку выводного протока представляетъ собою продолженіе многослойнаго плоскаго эпителиа кожи только безъ его рогового слоя. (Рис. 1198.)

Тѣло сальной железы имѣетъ форму мѣшечка, который состоитъ изъ оболочки и отдѣлительнаго эпителія. (См. рис. 1190.)

Стѣнка мѣшка сальной железы образована основной перепонкой, кнаружи отъ которой имѣется еще эластинная сѣтъ, утолщающаяся вокругъ выводного протока и болѣе тонкая на тѣлѣ железы. Эта сѣтъ состоитъ изъ перекрещивающихся между собою и оплетающихъ тѣло железы клейдающихъ и эластинныхъ волоконъ.

Рис. 1197.

Рис. 1197. Продольное сѣченіе большой сальной железы въ кожѣ носа новорожденного ребенка. Увеличеніе 50 (Pouchet et Tourneux).

Въ этой эластинной сѣти заложена сѣтъ кровеносныхъ капилляровъ, питающихъ отдѣлительныя клѣтки железы, и нервы.

Отдѣлительныя эпителиныя клѣтки выполняютъ всю полость, образованную основной перепонкой. Между этими клѣтками различаются клѣтки, непосредственно прилегающія къ основной оболочкѣ; онѣ малы, многогранной формы, не содержатъ жировой зернистости, быстро размножаются; это — маточный слой эпителиныхъ клѣтокъ железы. (Рис. 1199.)

Квнутри отъ этого слоя лежитъ слой болѣ крупныхъ, многогранныхъ клѣтокъ съ большимъ шарообразнымъ ядромъ и жировой зернистостью въ клѣточномъ тѣлѣ. Въ центральной части полости мѣшка железы находятся тѣ же крупныя клѣтки, но уже переполненныя жировой зернистостью со

Рис. 1198.

Рис. 1198. Продольное сѣченіе сальной железы изъ волосистой части кожи головы человѣка: 1 — волосъ; 2 — тѣло сальной железы; 3 — ея выводной протокъ; 4 — многослойный плоскій эпителий шейки волосяного мѣшка; 5 — оболочка изъ волокнистой соединительной ткани. Увеличеніе 120 (Szymonowicz).

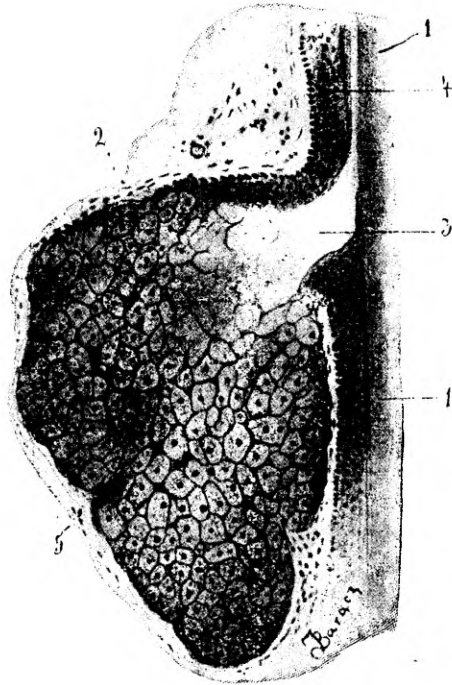

Рис. 1199.

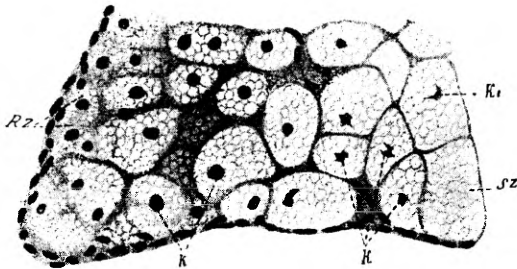

Рис. 1199. Часть сальной железы изъ кожи крыла носа казеннаго человѣка; отдѣлительныя клѣтки въ различной стадіи наполненія жировыми шариками; при приготовленіи препарата жиръ извлеченъ и потому видны подробности строенія клѣтокъ: К — нормальныя ядра клѣтокъ; К₁ — ядра измѣненныя, распадающіяся; Rz — краевыя клѣтки; Sz — клѣтки, переполненныя жиромъ. Увеличеніе 280 (Sobotta).

ны подробности строенія клѣтокъ: К — нормальныя ядра клѣтокъ; К₁ — ядра измѣненныя, распадающіяся; Rz — краевыя клѣтки; Sz — клѣтки, переполненныя жиромъ. Увеличеніе 280 (Sobotta).

сморщеннымъ ядромъ. (Рис. 1200.) Въ самомъ центрѣ полости мѣшка железы и ближе къ ея выводному протоку такія же клѣтки переполнены жировой зернистостью и вслѣдствіе разрыва клѣточного тѣла освобождаются отъ нея.

Нѣкоторыя клѣтки послѣ выработки жира настолько израсходываютъ свои дѣятельныя вещества, что уже не могутъ ихъ возстановить питаніемъ, и разрушаются, распадаясь на мельчайшія части, выдѣляющіяся вмѣстѣ съ жировой зернистостью. Другія клѣтки, еще не перешедшія рокового предѣла, освободившись отъ жировой зернистости, могутъ возстановить вещества клѣточного тѣла и снова вырабатывать жировую зернистость. Утраченныя отдѣлительныя

Рис. 1200.

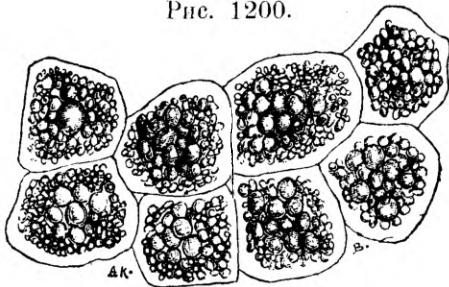

Рис. 1200. Эпителіальныя отдѣлительныя клѣтки сальной железы, переполненныя жировыми шариками различной величины; изъ-за нихъ клѣточныхъ ядеръ не видно (Robin).

клѣтки железы замѣщаются клѣтками слѣдующаго кнаружи слоя, а всѣ онѣ вообще — клѣтками приствѣочнаго маточнаго слоя, которыя не бываютъ заняты выработкой жира.

Самостоятельныя сальныя железы встрѣчаются только очень рѣдко: на губахъ, въ слизистой оболочкѣ полости рта, вокругъ грудныхъ сосковъ у женщинъ и на малыхъ губахъ, въ бороздкахъ полового члена у мужчинъ, около заднепроходнаго отверстія. Выводной протокъ ихъ открывается на свободную поверхность кожи. Строеніе этихъ железъ то же, что и выше описанныхъ.

Сальныя железы принадлежатъ къ типу простыхъ и сложныхъ мѣшеччатыхъ железъ (ацинозныхъ).

Развитіе сальныхъ железъ.

Придаточныя къ волосамъ сальныя железы развиваются вмѣстѣ съ волосами въ видѣ боковыхъ клѣточныхъ отростковъ отъ плотныхъ клѣточныхъ шнуровъ зачатковъ волосъ.

(См. рис. 1193, 1194.) На шестомъ мѣсяцѣ центрально лежащія въ отросткѣ кѣтки уже начинаютъ выдѣлять жировыя капельки. Свободныя салныя железы, какъ на грудныхъ соскахъ, малыхъ половыхъ губахъ, на свободномъ краѣ губъ и другихъ мѣстахъ, развиваются только послѣ рожденія на 4—5 мѣсяцѣ внѣутробной жизни. (См. рис. 1197.)

Жировая смазка.

При рожденіи кожа зародыша бываетъ покрыта густой жировой смазкой (*vernix caseosa*) бѣлаго цвѣта. Она образуется въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ утробной жизни изъ смѣси отпадающихъ съ поверхности кожи эпителиныхъ кѣтокъ и жировыхъ выдѣленій салныхъ железъ. Эта смазка особенно изобильна на сочленовныхъ сгибахъ конечностей.

4. Молочная железа.

а. Строеніе молочной железы.

Молочная железа устроена по типу салныхъ железъ кожи. Одна женская грудь съ соскомъ не содержитъ одну только молочную железу, но 10—20 сочетающихся железъ и имѣющихъ свои отдѣльные выводные протоки въ общемъ соскѣ. (Рис. 1201.) Мужская молочная железа по своему строенію соотвѣтствуетъ молочной железн 5—10-лѣтней дѣвочки.

Молочная железа принадлежитъ къ числу железъ съ періодической дѣятельностью; она дѣятельна только отъ времени конца беременности до конца кормленія; послѣ этого наступаетъ состояніе покоя. Эти состоянія железы отмѣчаются различіемъ въ ея строеніи.

Въ дѣятельномъ состояніи молочная железа является по типу строенія гроздевидной железой, т. е. состоящей изъ расширенныхъ грушевидныхъ отдѣлительныхъ мѣшковъ и выдѣлительныхъ трубочекъ или выводныхъ протоковъ, впадающихъ въ одинъ общій выводной протокъ. Нѣсколько отдѣлительныхъ мѣшковъ объединяются въ дольки волокнистой соединительной тканью, а нѣсколько долекъ въ доли. (Рис. 1202.)

Отдѣлительный мѣшокъ (acinus) имѣетъ шаровидную или грушевидную форму; величина его 80—200 μ въ поперечникѣ.

Форму отдѣлительнаго мѣшка образуетъ основная перепонка, продолжающаяся сюда изъ кожи чрезъ выводной протокъ и называемая въ железахъ обыкновенно собственной перепонкой (membrana propria). Груше-

Рис. 1201.

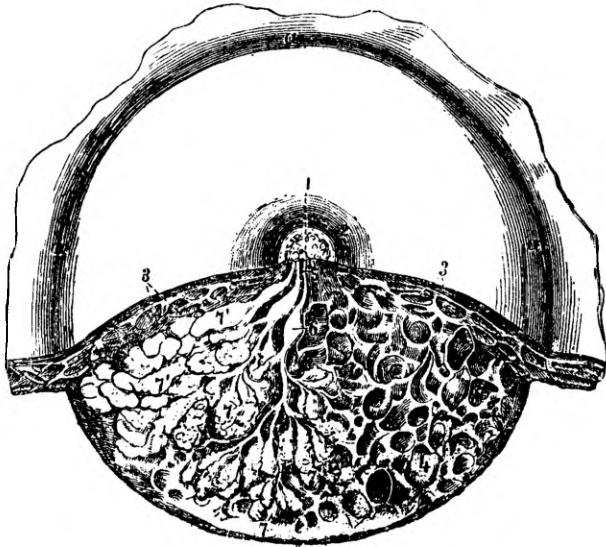

Рис. 1201. Молочная железа женщины; съ нижней ея половины снята кожа для обнаруженія отдѣльных сложныхъ железъ съ ихъ выводными протоками, составляющихъ своею совокупностью каждую грудную железу: 1 — сосокъ (papilla); 2 — areola; 3 — промежуточная рыхлая волокнистая соединительная ткань, переполненная жировыми клѣтками; 4 — ячейки для помѣщенія отдѣльныхъ долекъ железы; 5 — молоконосные протоки (ductus lactiferi); 6 — ихъ пазухи (sinus lactiferi); 7, 7' — дольки железы. Уменьшеніе $\frac{2}{3}$ (Luschka).

видная полость, образованная основной перепонкой, выстлана изнутри однимъ непрерывнымъ слоемъ отдѣлительныхъ клѣтокъ. Между основной перепонкой и слоемъ отдѣлительныхъ клѣтокъ заложены разрозненные мышечно-эпителинныя клѣтки, сократительныя клѣтки, клѣтки Boll'a (Lacroix 1894), развивающіяся изъ эпителиныхъ клѣтокъ глубокаго слоя времени состоянія покоя железы. (Рис. 1203.)

Отдѣлительныя клѣтки, покрывающія извнутри основную перепонку сплошнымъ слоемъ, ограничиваютъ большую центральную полость, занятую обыкновенно отдѣляемымъ. (Рис. 1204.) Отдѣлительныя мѣшки молочной железы дѣйствуютъ не всѣ одновременно, но прерывисто, чередуясь; вслѣдствіе этого и въ дѣятельной железнѣ одни мѣшки переполнены отдѣляемымъ, а другіе бываютъ пусты.

Рис. 1202.

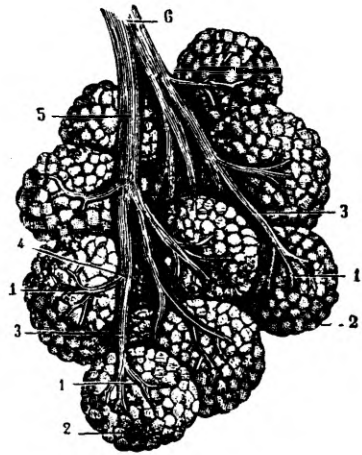

Рис. 1202. Одна доля молочной железы женщины (схема): 1, 3, 4, 5 — выводные дольковые протоки; 6 — выводной протокъ доли; 2 — отдѣлительныя мѣшечки железы (Duval).

Рис. 1203.

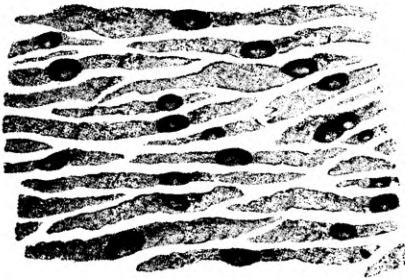

Рис. 1203. Мышечно-эпителиныя клѣтки отдѣлительной трубочки молочной железы, видимыя съ поверхности. Увеличеніе 450 (G. Herrmann).

Въ отдѣлительныхъ мѣшкахъ, не содержащихъ въ своей полости отдѣляемаго, отдѣлительныя клѣтки сравнительно большой величины, раздуты и выдаются своей свободной поверхностью въ полость мѣшка. (Рис. 1205.) Онѣ содержатъ въ клѣточномъ тѣлѣ множество жировыхъ мелкихъ шариковъ разной величины; изъ нихъ только нѣкоторыя большой величины. Послѣ этого всѣ жировые шарики вы-

дѣляются изъ клѣточного тѣла въ полость мѣшка, а клѣтка оказывается сокращенной и принимаетъ кубическую форму; клѣточное тѣло ея имѣетъ сѣтчато-волокнутое строеніе; клѣточное ядро яйцевидной уплощенной формы прижато къ основной перепонкѣ. (Рис. 1206.)

Рис. 1204.

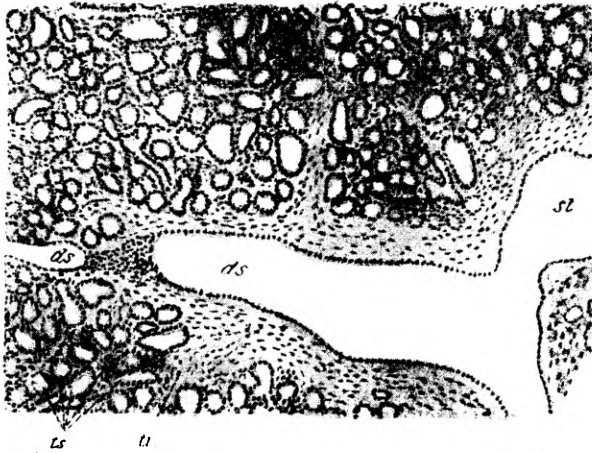

Рис. 1204. Молочная железа женщины въ періодъ дѣятельности показываетъ косое сѣченіе большого выводного протока и полоски волокнистой соединительной ткани, разгораживающей отдѣлительныя трубочки: ds — выводной протокъ; sl — пазухи выводного протока; ti — междольковая волокнистая соединительная ткань; ts — отдѣлительныя трубочки. Увеличеніе 50 (Sobotta).

Рис. 1205.

Рис. 1205. Поперечное сѣченіе двухъ отдѣлительныхъ трубочекъ изъ предыдущаго препарата; отдѣлительныя клѣтки однѣ цилиндрической формы и не содержатъ отдѣляемаго, а другія содержатъ капельки отдѣляемаго въ видѣ свѣтлыхъ кружковъ, гдѣ помѣщаются жировые шарики разной величины, которые при приготовленіи препарата растворены и извлечены; одна клѣтка (x) уже выдѣлила отдѣляемое въ центральный выводной каналъ трубочки и потому имѣетъ уплощенный видъ. Увеличеніе 420 (Sobotta).

Теперь наступает періодъ покоя, т. е. возстановленія веществъ, утраченныхъ въ предшествовавшій періодъ дѣятельности. (Рис. 1207.) Клѣтка мало по малу возрастаетъ въ своей величинѣ, выдаваясь своимъ тѣломъ внутрь полости мѣшка, становится болѣе высокой. Клѣточное ядро принимаетъ почти шаровидную форму и отодвигается кверху

Рис. 1206.

Рис. 1206. Поперечное сѣченіе трехъ отдѣлительныхъ трубочекъ изъ молочной железы мыши въ періодъ дѣятельности, обработанной жидкостью Flemming'a, содержащей осміевую кислоту. Отдѣлительныя клѣтки содержатъ отдѣляемое въ видѣ шариковъ изъ жира, окрашеннаго осміевою кислотой въ черный цвѣтъ и потому рѣзко замѣтнаго: L — просвѣтъ центральнаго выводнаго канала отдѣлительной трубочки; S — жировые шарики въ клѣткѣ; S₁ — жировые шарики, выдѣлившіеся въ выводной каналъ. Увеличеніе 420 (Sobotta).

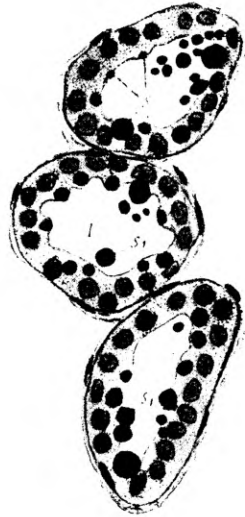

Рис. 1207.

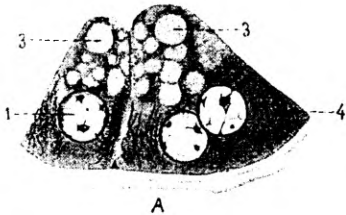

Рис. 1207. Отдѣлительныя клѣтки молочной железы въ стадіи покоя: 1 — ядро клѣтки; 3 — жировые шарики; 4 — волокнистыя образованія дѣятельнаго вещества клѣточного тѣла — ergastoplasma (Limon).

три отъ основной перепонки. Нѣкоторыя изъ клѣтокъ при этомъ оказались неспособными восполнить потерь своего вещества и выдѣлились вмѣстѣ со своимъ отдѣляемымъ въ полость мѣшка. Ядра ихъ находятся въ состояніи полного разложенія. (Рис. 1208.) Въ возмѣщеніе этой утраты видны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мѣшка клѣтки съ фигурами дѣлящихся ядеръ. Въ тѣлѣ нѣкоторыхъ клѣтокъ уже появляется матовая зернистость, а въ тѣлѣ другихъ клѣтокъ

и жировая зернистость. Такъ постепенно отдѣлительныя клѣтки опять вступаютъ въ дѣятельное состояніе, вырабатываютъ жировые шарики, переполняются ими, при чемъ ядро отодвигается къ основной перепонкѣ и уплощается, а клѣточное тѣло выпячивается въ полость мѣшка, куда потомъ выдѣляетъ весь выработанный жиръ. Каждый жировой шарикъ, выдѣляемый клѣткой, снабжается тончайшей оболочкой изъ бѣлковаго вещества клѣточного тѣла въ началѣ дѣятельности железы; потомъ этого не бываетъ.

Кромѣ выдѣленія жировыхъ шариковъ, отдѣлительныя клѣтки выдѣляютъ также серозную жидкость, содержащую въ растворѣ бѣлковыя вещества (нуклео-албуминъ, казеинъ), молочный сахаръ и минеральныя соли.

Рис. 1208.

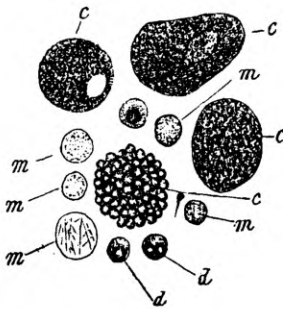

Рис. 1208. Форменные элементы молока и молозива: с — молозивныя тѣльца; т — молочные шарики; д — ядра разрушившихся отъ дѣятельности отдѣлительныхъ клѣтокъ. Увеличеніе 560 (Великій).

Такимъ образомъ отдѣлительныя клѣтки молочной железы по своей дѣятельности подобны клѣткамъ сальной железы, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что въ гораздо меньшемъ числѣ погибаютъ во время своей дѣятельности, и кромѣ того способны вырабатывать и жидкое отдѣляемое.

Всѣ выводные протоки отдѣлительныхъ мѣшковъ дольки соединяются въ одинъ внутридольковый протокъ; внутридольковые протоки въ свою очередь впадаютъ въ междольковый протокъ, а эти всѣ соединяясь даютъ общій выводной протокъ или молочный протокъ. (См. рис. 1202, 1201.)

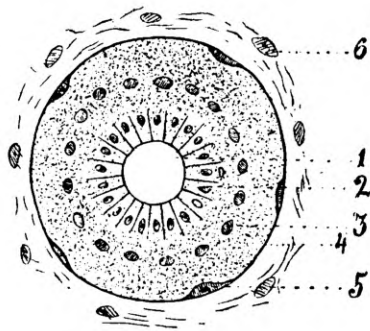
Основная перепонка отдѣлительнаго мѣшка, подходя къ выводному протоку, значительно утолщается и въ такомъ же состояніи переходитъ во внутридольковый протокъ, образуя его трубку. Изнутри каналъ покрывается клѣтками Boll'a (см. рис. 1203); а къ нимъ изнутри прилегаютъ приз-

менныя высокія клѣтки, расположенныя въ два слоя. (Рис. 1209.) Эти клѣтки содержатъ большое яйцевидное или шаровидное ядро, и не содержатъ жировой зернистости; онѣ не имѣютъ краевой пластинки и ограничиваютъ просвѣтъ правильной цилиндрической формы. (Lacroix 1894.)

Междольковые протоки и общій молочный протокъ имѣютъ то же самое строеніе съ добавленіемъ еще одного слоя эпителиальныхъ клѣтокъ, а снаружи оболочки изъ волокнистой соединительной ткани. Кромѣ того пустые междольковые протоки иногда имѣютъ продольную складчатость, которая на поперечныхъ сръзахъ даетъ картину просвѣта канала не въ видѣ правильного кружка, а въ видѣ кружка съ углубленіями мѣстами по краямъ (видѣ розетки).

Рис. 1209.

Рис. 1209. Поперечное сѣченіе млечнаго выводного протока: 1 — просвѣтъ протока; 2, 3 — выстилающія его цилиндрическія клѣтки, расположенныя въ два слоя; 4 — собственная перепонка (*membrana propria*); 5 — эпителино-мышечныя клѣтки (Boll); 6 — ядра клѣтокъ оболочки изъ волокнистой соединительной ткани.

Молочный протокъ каждой железы, подходя къ соску, образуетъ веретенообразное расширеніе (*sinus galactophorus*) и заканчивается, пройдя черезъ сосокъ, въ вершинѣ его самостоятельнымъ отверстіемъ.

Прекращеніе кормленія вызываетъ сокращеніе отдѣлительныхъ мѣшковъ до совершеннаго исчезанія ихъ полости. Тогда основная перепонка сокращается, образуя концентрическія складки, и придвигаетъ въ центральную часть мѣшка маленькія, неправильной формы эпителиныя клѣтки, располагающіяся тамъ безъ всякаго порядка. Таково же превращеніе железы въ старческомъ возрастѣ, начиная со времени нормальнаго прекращенія мѣсячныхъ выдѣленій.

Женскія груди въ большей своей массѣ состоятъ изъ сильно развитой подкожной клѣтчатки, т. е. рыхлой воло-

нистой соединительной ткани, которая содержитъ между своими элементами 10—20 отдѣльныхъ молочныхъ железъ. Рыхлая волокнистая соединительная ткань объединяетъ отдѣльные мѣшечки въ дольки, доставляя также обкладку изъ своихъ элементовъ для каждаго отдѣльнаго мѣшечка. Дольки также окружаются элементами рыхлой волокнистой соединительной ткани. Преобладающими среди элементовъ рыхлой волокнистой соединительной ткани являются жировыя клѣтки. Во время наибольшей дѣятельности молочной железы наблюдается также наибольшее развитіе жировыхъ клѣтокъ въ окружающей ее рыхлой волокнистой соединительной ткани. (См. рис. 1201.)

Кровеносные сосуды грудной железы развиваются вмѣстѣ съ развитіемъ жировыхъ клѣтокъ въ окружающей ее рыхлой волокнистой соединительной ткани и съ разрастаніемъ во время беременности железистыхъ долекъ въ видѣ густыхъ, капиллярныхъ сѣтей, окружающихъ каждый отдѣлительный мѣшокъ.

Лимфеносные сосуды начинаются въ долькахъ въ видѣ какъ бы щелевидныхъ пространствъ около отдѣлительныхъ мѣшковъ и идутъ по направленію выводныхъ протоковъ.

Въ началѣ дѣятельности грудной железы выдѣляется обыкновенно не молоко, а такъ называемое *молозиво* (colostrum). Оно содержитъ меньше жировыхъ шариковъ и самые шарики очень неравномѣрные по величинѣ; но какъ главное отличіе отъ молока — это присутствіе въ отдѣленіи, такъ называемыхъ, *молозивныхъ тѣлецъ*. Эти тѣльца шаровидной формы величиною въ 3—25 μ . **Henle** считалъ ихъ за простые пучки жировой зернистости. **Rauber** полагаетъ, что это лейкоциты, проникшіе въ железу и подвергшіеся жировому превращенію. Но большинство авторовъ считаетъ ихъ за переродившіяся и выдѣлившіяся отдѣлительныя клѣтки. **Lacroix** (1894) не нашелъ нѣ молозивныхъ тѣлецъ ядеръ, а потому не считаетъ ихъ за клѣтки. Это особенныя образованія, гіалиновые шары съ жировыми зернами, наблюдаемые въ отдѣлительныхъ клѣткахъ во время ихъ дѣятельности. (См. рис. 1208.)

Грудной сосокъ.

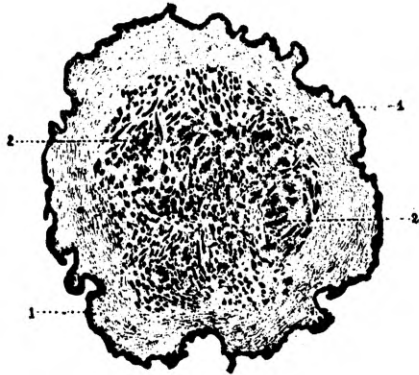
Придаточными образованіями грудной железы являются сосокъ и околососковый кружокъ (areola). (См. рис. 1201.)

Кожа соска тонка, не содержитъ ни волосъ, ни железъ; но на самой вершинѣ соска встрѣчаются нѣсколько большихъ сальныхъ железокъ, выводные протоки которыхъ открываются въ полость молочнаго протока.

Молочные протоки окружены волокнистой соединительной тканью, въ элементахъ которой заложены пучки гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ. Эти мышечные пучки имѣютъ два главныхъ расположенія: одни идутъ вокругъ соска кольцевидно, а другіе — продольно его оси; нѣкоторые изъ послѣднихъ начинаются въ кожѣ соска и даже въ ея сосочкахъ, и идутъ до основанія соска. (Рис. 1210.)

Рис. 1210.

Рис. 1210. Поперечное сѣченіе соска молочной железы женщины 30 лѣтъ на шестой недѣлѣ молокоотдѣленія: 1 — надкожица; 2 — молочные выводные протоки, проходящіе между пучками гладкихъ мышечныхъ волоконъ. Увеличеніе 3,5 (Tourneux).

Кожа вокругъ соска, особенно во время беременности, очень тонка и сильно окрашена отъ того, что клетки глубокаго слоя надкожицы содержатъ много темнаго пигмента. Въ подкожномъ слоѣ содержится много пучковъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ, отчасти составляющихъ продолженіе мышечныхъ пучковъ соска. Всѣ мышечные пучки образуютъ какъ бы сѣтъ съ главнымъ концентрическимъ направлениемъ пучковъ вокругъ соска. Подъ мышечнымъ слоемъ въ волокнистой соединительной ткани залегаютъ чувствительныя нервныя окончанія въ видѣ тѣлецъ Раcіні. (Рис. 1211—1213.)

Въ области околососковаго кружка имѣются салныя железы, значительно увеличивающіяся въ объемъ во время беременности, такъ что выдаются наружу въ видѣ бугорковъ, которые извѣстны подѣ именемъ бугорковъ Mont-

Рис. 1211.

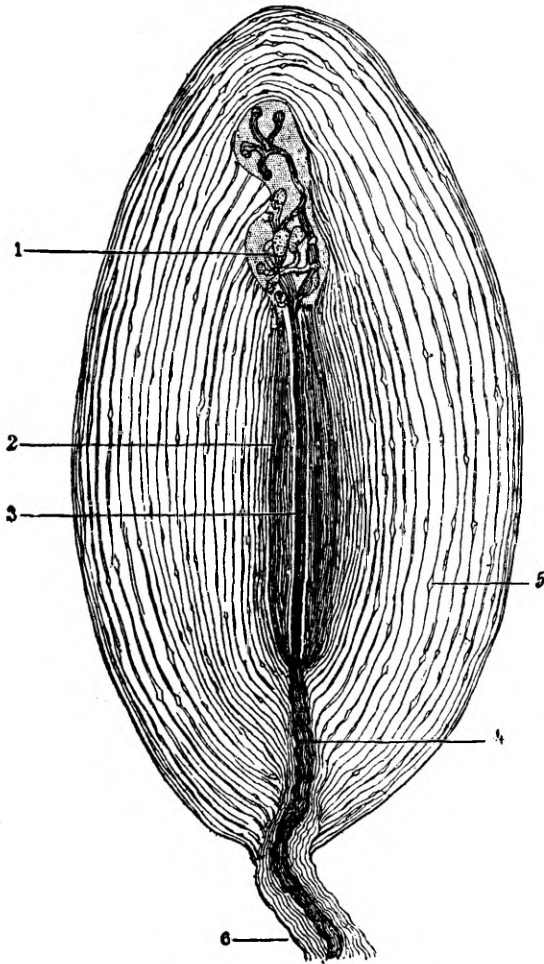

Рис. 1211. Продольное сѣченіе тѣльца Vater-Pacini: 1 — кисточка волоконцевъ, которой заканчивается главное нервно-волокно — 3; 2 — центрально-осевая полость тѣльца; 4 — канатикъ или нервное волокно, отдающее отъ себя во всѣ стороны пластинки, отходящія concentрично и образующія оболочку тѣльца — 5; 6 — оболочка Henle нервного волокна (Ranvier).

gomery. Кромѣ того иногда во время беременности развиваются добавочныя (3—4) молочныя железы подѣ мышечнымъ слоемъ. Наконецъ здѣсь же открываются протоки потовыхъ железъ.

Рис. 1212. Поперечное сѣченіе чувствительнаго тѣльца Vater-Pacini изъ кожи ребенка: 1, 2 — пластинки оболочки тѣльца; 3 — ядра пластинчатыхъ клѣтокъ волокнистой соединительной ткани, выстилающихъ изнутри поверхности пластинокъ оболочки тѣльца; 4 — внутренняя колба или полость тѣльца; 5 — осевой цилиндръ нервнаго волокна. Увеличеніе 80 (Догель).

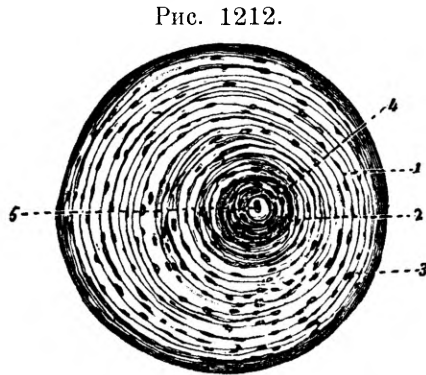

Рис. 1213.

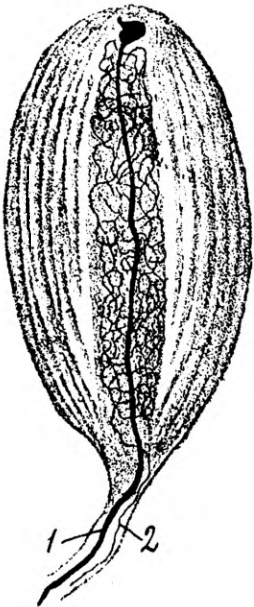

Рис. 1213. Продольное сѣченіе тѣльца Vater-Pacini, обработаннаго по способу Golgi: 1 — главное нервное волокно; 2 — побочное нервное волокно (Тимофеевъ, Пржевальскій).

Нервы молочной железы.

Нервные волокна сопровождаютъ кровеносные сосуды молочной железы и оплетаютъ отдѣлительныя трубочки; потомъ безмякотныя нервныя волокна проникаютъ чрезъ основную перепонку и у основаній отдѣлительныхъ клѣтокъ образуютъ основное сплетеніе; отъ этого сплетенія отходятъ узловатыя первичныя нервныя волокна и оплетаютъ, заканчиваясь свободно кустиками, вокругъ каждой клѣтки (Ариштейнъ, Догель). (Рис. 1214—1216.)

Рис. 1214.

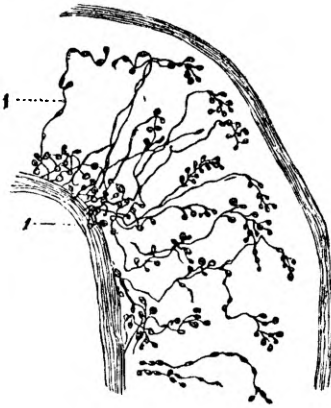

Рис. 1214. Съедине стѣнки отдѣлительной трубочки молочной железы беременной кошки; отдѣлительныя клѣтки не зарисованы: 1 — нервныя нити, образующія сначала сплетеніе на наружной поверхности отдѣлительныхъ клѣтокъ (между клѣтками и основной перепонкой трубочки), потомъ переходятъ въ концевыя узловатыя свободно заканчивающіяся кустики вокругъ клѣтокъ вѣточки. Увеличеніе 1000 (Димитріевскій).

Рис. 1215.

Рис. 1215. Два узловатыхъ нервныхъ волокна — 1 оплетаютъ, рассыпаясь на кустики, съ поверхности отдѣлительную клѣтку молочной железы беременной кошки. Увеличеніе 1500 (Димитріевскій).

Рис. 1216.

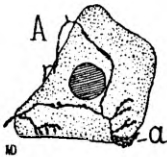

Рис. 1216. Концевыя части нервныхъ волоконцевъ, оплетающія снаружи отдѣлительныя клѣтки железъ: А — отдѣлительная клѣтка околоушной железы (parotis) кролика: а — концевые кустики, В — отдѣлительныя клѣтки молочной железы беременной кошки снабжаются каждая своей концевой вѣтвью четко-виднаго нервнаго волокна, оплетающаго ее снаружи (Ариштейнъ).

б. Развѣтіе молочной железы.

Первыя зачатки молочной железы появляются въ началѣ третьяго мѣсяца у зародыша длиною въ 26 миллиметровъ въ видѣ плотнаго клѣточного шнура, отходящаго отъ глубокаго слоя надкожицы вглубь мезодермы (Kölliker). (Рис. 1217.) Соотвѣтственно этому широкому цилиндрическому шнуру, растущему внутрь, надкожица образуетъ по-

верхностный выступ, который разрастается по мѣрѣ увеличенія внутреннего зачатка молочной железы въ видѣ бугорка. Въ то же время этотъ выступъ снаружи окружается бороздкой, ограничивающей вокругъ него круглый вѣнчикъ, потомъ преобразующійся въ около сосковый кружокъ (areola). (Рис. 1218, 1219, 1220.) Въ теченіе пятого мѣсяца первичный клѣточный шнуръ расширяется по поверхности,

Рис. 1217.

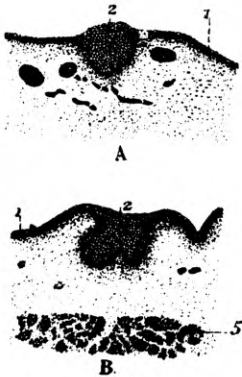

Рис. 1218.

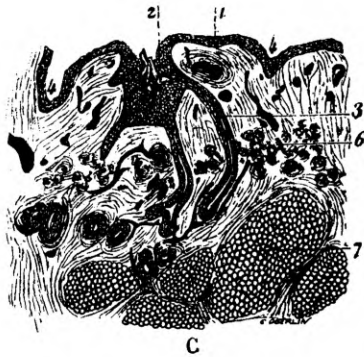

Рис. 1217, 1218. Перпендикулярныя къ поверхности кожи сѣченія чрезъ развивающуюся въ послѣдней молочной железу зародыша человѣка: Рис. 1217. А — у мужского зародыша длиною въ 32/40 миллиметровъ; В — у женскаго зародыша длиною въ 10/16 сантиметровъ. Рис. 1218 — у мужского зародыша длиною въ 24/35 сантиметровъ: 1 — надкожица; 2 — первичный выростокъ соска; 3 — молочные выводные протоки; 4 — круговая бороздка, ограничивающая круглую площадку вокругъ соска (areola); 5 — большая грудная мышца; 6 — подкружковые пучки гладкихъ мышечныхъ волоконъ; 7 — подкожная клѣтчатка съ множествомъ жировыхъ клѣтокъ. Увеличеніе 24 (Toupinex).

углубляется въ центрѣ и отдѣляетъ отъ своего внутреннего конца отростки перваго порядка, преобразующіеся потомъ въ молоконосные каналы. Немного позже, на шестомъ мѣсяцѣ въ подлежащей мезодермной ткани появляются маленькіе пучки гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клѣтокъ, составляющихъ подкружковую мышцу (*musculus subareolaris*). Въ это же время появляются отдѣльные шнурки, образующіе добавочныя железы Montgomery. Отростки перваго порядка вскорѣ дѣлаются полыми, а ихъ концы развѣтвля-

ются. Съ другой стороны первичный клѣточный шнурокъ въ центрѣ все болѣе и болѣе углубляется, принимая чашковидную форму, дно которой занято шелушащимися отпадающими клѣтками.

Рис. 1219.

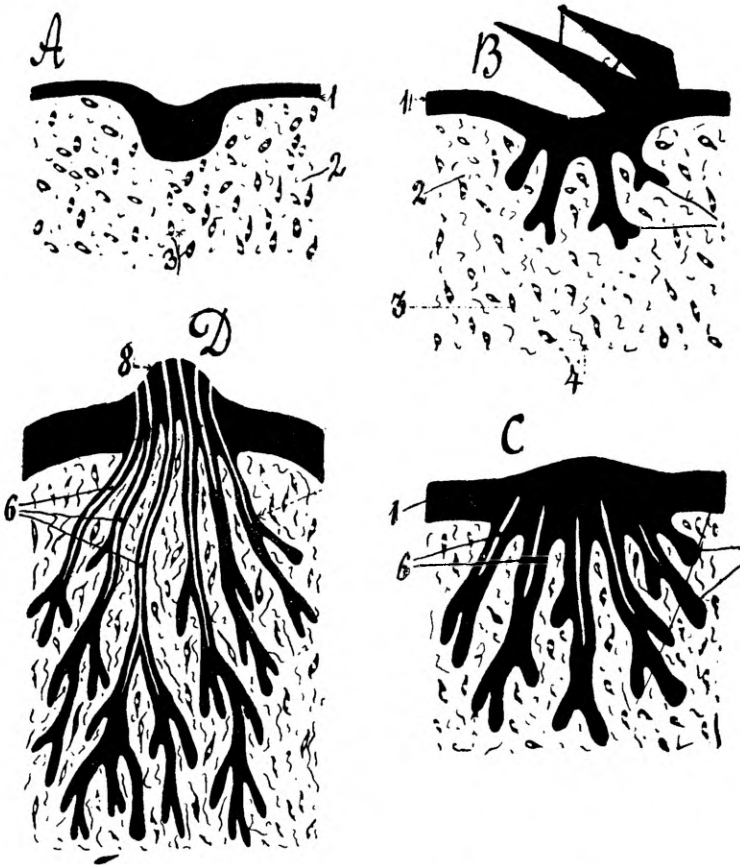
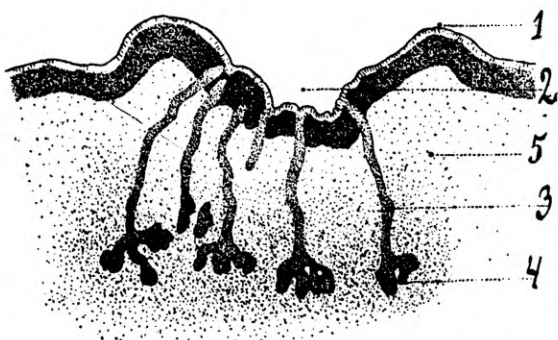

Рис. 1219. Последовательныя стадіи развитія (А—С) молочной железы млекопитающихъ (схема перпендикулярныхъ къ поверхности кожи сѣченій): 1 — надкожица (epidermis); 2 — основа кожи (derma); 3 — клѣтки ея; 4 — волокна ея же; чернымъ обозначены эктодермный зачатокъ молочной железы у зародыша — А и дальнѣйшее его последовательное развитіе — В, С, D; 5 — первичные шнуры эпителиныхъ клѣтокъ для образованія главныхъ выводныхъ протоковъ железъ съ зачатками ихъ развѣтвленій; 6 — образовавшіеся каналы въ клѣточныхъ шнурахъ; 7 — отдѣльная молочная железа съ ея выводнымъ протокомъ, открывающимся на поверхности образовавшагося соска — 8 (Roule).

Въ послѣдніе мѣсяцы внутриутробной жизни основа кожи, заложенная между молоконосными каналами, сжимается и выдвигаетъ кнаружи остатокъ первичнаго клѣточного шнура съ прилежащими къ нему концами молоконосныхъ каналовъ. Поверхность молочной железы въ это время сглаживается и молоконосные каналы открываются каждый отдѣльно и прямо наружу.

Рис. 1220.

Рис. 1220. Перпендикулярное къ поверхности кожи сѣченіе чрезъ развивающуюся молочную железу женскаго зародыша длиною въ 32,5 сантиметровъ (около 6 мѣсяцевъ): 1 — кожный валикъ круговой; 2 — площадка железы; 3 — главные выводные протоки въ видѣ плотныхъ шнуровъ изъ эпителиальныхъ клѣтокъ; 4 — концевыя развѣтвленія въ видѣ зачатковъ долекъ; 5 — мезодерма. Увеличеніе 90 (Kollmann).

Во время рожденія отдѣлительныя трубки железъ расширяются, ихъ эпителий преобразуется и отдѣляетъ молоко. Эти преобразования первыхъ дней жизни достигаютъ полнаго развитія къ концу второй недѣли. Отъ рожденія до половой зрѣлости молочная железа развивается очень медленно и только ко времени зрѣлости на концахъ выводныхъ каналовъ появляются маленькія дольки. Въ это же время происходитъ приподниманіе соска въ центрѣ кружка (areola), въ составъ котораго входятъ концы молоконосныхъ каналовъ и прилежащая часть подкружковой мышцы.

5. Потовыя железы.

Потовыя железы (*glandulae sudoriferae*) принадлежатъ къ числу простыхъ трубчатыхъ железъ. Каждая железа представляетъ собою узкую, длинную трубку, глубокий конецъ которой завитъ въ клубочекъ. Часть трубки, завитая

въ клубочекъ, составляетъ тѣло железы, а болѣе или менѣе прямая часть, соединяющая клубочекъ съ поверхностью кожи, — ея выводной протокъ. (Рис. 1221.) Если тѣло сальной железы помѣщается обыкновенно въ сѣтчатомъ слоѣ волокнистой основы кожи, то клубочекъ потовой железы всегда залегаетъ глубже его и часто въ под-кожной клѣтчаткѣ. (Рис. 1222, 1223.)

Рис. 1221.

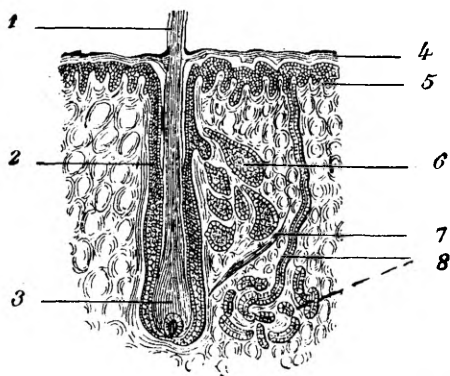
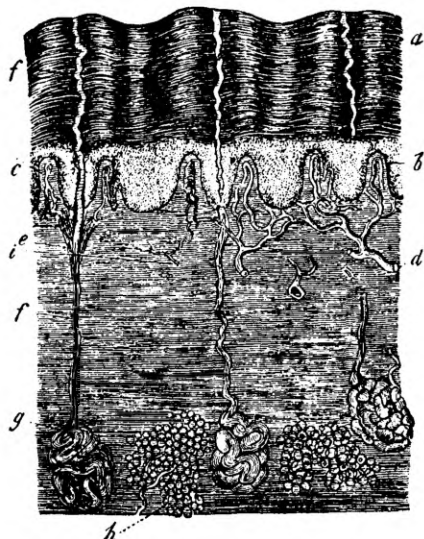

Рис. 1221. Полусхема перпендикулярнаго къ поверхности сръза кожи съ волосомъ: 1 — волосъ; 2 — волосаяной мѣшокъ; 3 — луковица волоса; 4 — роговой слой; 5 — слой Malpighi; 6 — сальная железа; 7 — мышечный пучекъ — выпрямитель волоса; 8 — потовая железа (Berdal).

Рис. 1222.

Рис. 1222. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе кожи человѣка, обнаруживающее клубочки потовыхъ железъ и ихъ выводные протоки (схема): а — роговой слой надкожицы; б — ея слизистый слой (Malpighi); с — сосочки сосочковаго слоя основы кожи; d — кровеносные сосуды; e, f — выводные протоки потовыхъ железъ; g — тѣло потовой железы, состоящее изъ клубкообразно завитой простой отдѣлительной трубочки; h — группа жировыхъ клѣтокъ въ подкожной клѣтчаткѣ; i — нервъ и его окончаніе въ сосочкѣ (Duval).

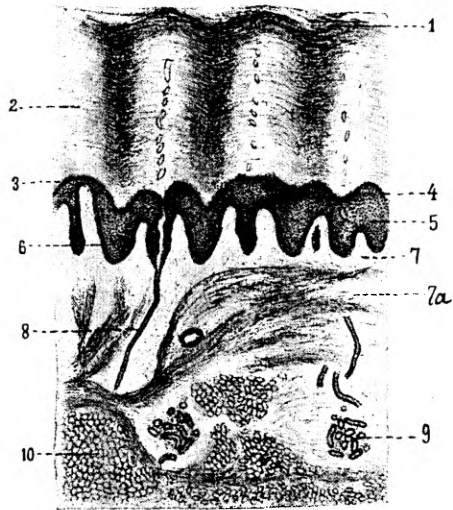

Вообще о размѣрѣ потовыхъ железъ можно сказать, что чѣмъ кожа тоньше, тѣмъ величина ихъ меньше. Клубочки железъ очень малы въ кожѣ вѣкъ, мужского поло-

вого члена, мошонки, носа, задней поверхности уха; они больше въ кожѣ промежности, около сосковаго кружка; еще болѣе крупны въ кожѣ ладонной поверхности кисти руки. Въ среднемъ величина ихъ 200—400 μ въ поперечникѣ; но поперечникъ железъ подмышковой впадины доходить до 1000—2000 μ .

Рис. 1223.

Рис. 1223. Перпендикулярный къ поверхности сръзь кожи пальца на его мякоти поперечно поверхностнымъ бороздкамъ. На поверхности видны три бороздки, соответствующія первичнымъ гребешкамъ Henle; между бороздками помѣщаются два ряда сосочковъ основы кожи: 1 — слой шелушащихся ороговѣвшихъ пластинокъ-клетокъ (*stratum disjunctum*); 2 — роговой слой (*stratum corneum*); 3 — свѣтлый слой (*stratum lucidum*); 4 — зернистый слой (*stratum granulosum*); 5 — волокнистый слой или сѣтчатый (*stratum filamentosum seu reticulare*); 6 — маточный или основной слой (*stratum germinativum s. basilare*); 7 — сосочковый слой основы кожи (*stratum papillare*); въ одномъ изъ сосочковъ помѣщается осязательное тѣльце Meissner'a; 7a — сѣтчатый слой основы кожи (*stratum reticulare*); 8 — выводной протокъ потовой железы; 9 — клубковидное тѣло потовой железы; 10 — подкожный слой или подкожная клетчатка съ множествомъ жировыхъ клетокъ. Увеличение 18 (Tourneux).

Число потовыхъ железъ въ квадратномъ миллиметрѣ кожи обыкновенно равно 25—30, но въ кожѣ ладонной поверхности кисти руки ихъ бываетъ 100 и больше. Общее число потовыхъ железъ у человѣка достигаетъ 2000000 (Sappey).

Трубка клубочка потовой железы имѣетъ на всемъ своемъ протяженіи почти одинаковый поперечный размѣръ (50—60 μ) съ одинаковымъ просвѣтомъ (10 μ); только въ слѣпкомъ концѣ трубка немного расширяется, а въ выводномъ концѣ — суживается.

Форма железистой трубки образована основной перепонкой (*membrana basilaris*), называемой здѣсь собственной перепонкой (*membrana propria*), заходящей сюда непосредственно изъ мѣста своего расположенія въ кождѣ; здѣсь она достигаетъ въ толщину 2 р. (Рис. 1224—1226.)

Изнутри эта трубка, состоящая изъ основной перепонки, выстлана слоемъ не сплошь лежащихъ мышечно-

Рис. 1224.

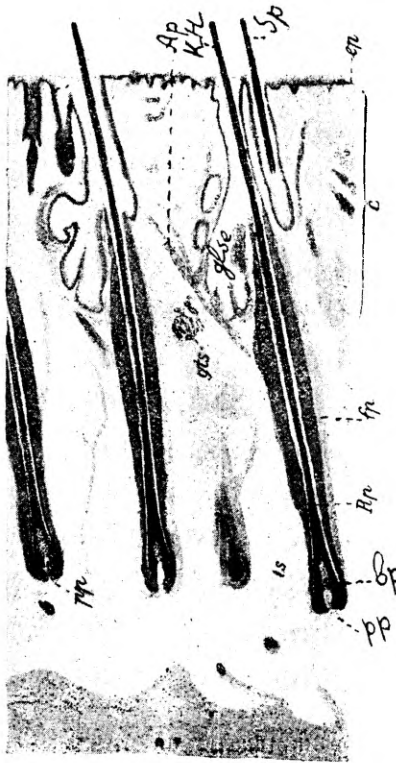

Рис. 1224. Перпендикулярный къ поверхности сръзь волосистой части кожи казеннаго чловѣка: sp — стволъ волоса; KH — продольное сѣченіе волоса; Ap — пучекъ мышечныхъ волоконъ — выпрямитель волоса (*arrector pili*); Rp — корень волоса; bp — луковица волоса; pp — сосочекъ волоса; fp — волосаяной мѣшокъ; glse — сальная железа; gls — потовая железа; ts — подкожная кѣтчатка съ множествомъ жировыхъ кѣттокъ; с — основа кожи; ep — надкожица. Увеличеніе 15 (Sobotta).

эпителиныхъ сократительныхъ кѣттокъ, кнутри отъ котораго помѣщается непрерывный слой эпителиныхъ отдѣлительныхъ кѣттокъ. (Рис. 1227.)

Отдѣлительныя кѣттки имѣютъ форму усѣченныхъ пирамидъ, имѣющихъ 35 μ въ поперечникѣ основанія и 8 μ въ высотѣ. Кѣтточное ихъ тѣло имѣетъ сѣтчато-волоконистое строеніе съ зернистостью, расположенной въ четкообразныхъ волоконцахъ, идущихъ отъ основанія кѣттки параллельно

Рис. 1225.

Рис. 1225. Параллельный поверхности срѣзь волосистой части кожи казеннаго человѣка; волосы расположены группами, имѣя сбоку сальныя и потовыя железы: Ap — выпрямляющая волосъ мышца (*arrector pili*); Sp — поперечное сѣчение волоса и его корневого влагалища съ мѣшкомъ; glse — сальная железа; glsu — потовая железа; x — запустѣвшій волосной мѣшокъ послѣ выпаденія волоса. Увеличеніе 20 (Sobotta).

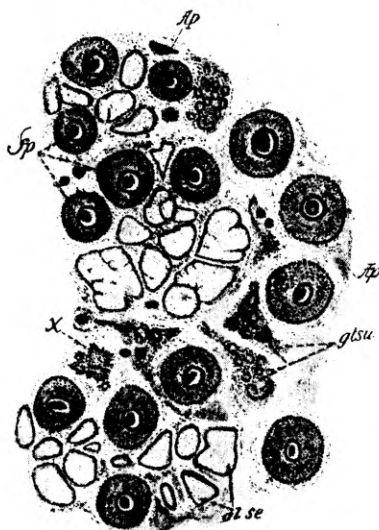

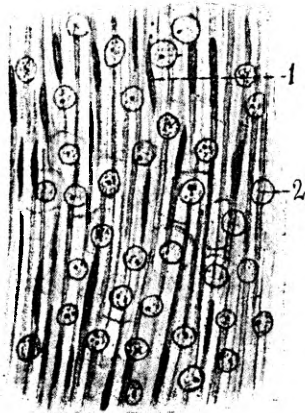
Рис. 1226.

Рис. 1226. Срѣзь чрезъ клубочекъ подмышковой потовой железы казеннаго человѣка; отдѣлительныя трубки широки и выстланы высокимъ цилиндрическимъ однослойнымъ эпителиемъ: L — просвѣтъ поперечнаго сѣченія отдѣлительной трубки; X — срѣзь касательный къ поверхности трубки; g — кровеносные сосуды; f — волокнистая соединительная ткань окружающая завитую въ клубокъ отдѣлительную трубочку железы. Увеличеніе 20 (Sobotta).

Рис. 1227.

Рис. 1227. Касательный срѣзь къ поверхности отдѣлительной трубочки потовой железы изъ подмышковой ямки человѣка: 1 — ядра гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ; 2 — ядра отдѣлительныхъ клетокъ. Увеличеніе 700 (Böhm und Davidoff).

ея высотѣ. Основаніемъ своимъ клѣтка прилегаетъ отчасти непосредственно къ основной перепонкѣ, отчасти къ подлежащей части мышечно-эпителиной сократительной клѣтки. Боковыя поверхности отдѣлительныхъ клѣтокъ не непосредственно прилегаютъ одна къ другой, но соединяются между собой только посредствомъ межклетѣчныхъ мостиковъ, оставляя между ними межклетѣчные соковые каналы. Ядро этихъ клѣтокъ шарообразное или яйцевидное помѣщается въ средней части клѣточного тѣла. (Рис. 1228.)

Рис. 1228.

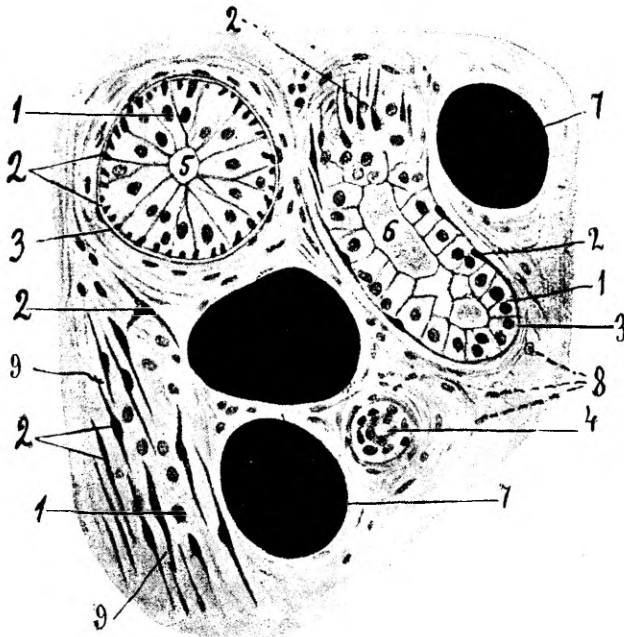

Рис. 1228. Сръзъ чрезъ клубочекъ потовой железы изъ кожи человѣка: 1 — отдѣлительная клѣтка; 2 — мышечно-эпителиныя сократительныя клѣтки (Boll); 3 — основная стекловидная перепонка (membrana propria); 4 — поперечное сѣченіе выводного протока железы, выстланнаго двухслойнымъ эпителиемъ; 5 — поперечное сѣченіе отдѣлительной трубки потовой железы; 6 — косое сѣченіе отдѣлительной трубки въ мѣстѣ ея изгиба; 7 — жировая клѣтка; 8 — ядра клѣтокъ волокнистой соединительной ткани, залегающей между извидами трубки клубочка потовой железы; 9 — отдѣлительная трубка железы сръзана касательно къ своей поверхности на глубину основанія отдѣлительныхъ клѣтокъ съ ихъ ядрами и мышечно-эпителиныхъ клѣтокъ. Увеличеніе 350 (Szymonowicz).

Находящіеся между отдѣлительными клѣтками и основной перепонкой мышечно-эпителиныя клѣтки (Nettmann, Ranvier 1879) всѣми своими особенностями напоминаютъ гладкія мышечныя волокна-клѣтки. Онѣ веретенообразной формы съ продольной исчерченностью по краямъ отъ палочковиднаго ядра; длина ихъ 160 μ . Онѣ расположены на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, почти параллельно между собой и наискось своей осью съ осью железистой трубки, вслѣдствіе чего кажется, будто онѣ обвиваютъ спирально послѣднюю. (См. рис. 1227.)

Часть железистой трубки, составляющая выводной протокъ железы, начинается еще въ клубочкѣ, потомъ или прямо, или сдѣлавъ изгибъ, поднимается къ поверхности эпителія въ углубленіе между сосочками. Здѣсь основная перепонка железистой трубки непосредственно переходитъ въ основную перепонку кожи, а эпителій выводного протока въ эпителій Малпигіева слоя кожи. (Рис. 1229 и см. рис. 1221—1223.)

Далѣе просвѣтъ выводного протока железы идетъ, уже не имѣя собственныхъ стѣнокъ, среди клѣтокъ надкожицы, сначала среди клѣтокъ Малпигіева слоя, а потомъ среди клѣтокъ рогового слоя; при этомъ каналъ его не проходитъ прямо чрезъ элементы надкожицы, но изгибаясь спирально, какъ винтъ штопора. (Рис. 1230.)

Эпителій выводного протока состоитъ изъ двухъ слоевъ клѣтокъ кубической формы съ небольшимъ шаровиднымъ ядромъ; клѣтки внутренняго слоя на своемъ концѣ, ограничивающемъ просвѣтъ канала, имѣютъ тонкую краевую каемку.

Завитки клубочка потовой железы помѣщаются въ рыхлой волокнистой соединительной ткани, элементы которой составляютъ прокладку между ними. Въ эту соединительную ткань проникаютъ кровеносные сосуды изъ глубокой сосудистой сѣти кожи и образуютъ густую капиллярную сѣть вокругъ основной перепонки трубки потовой железы. (Рис. 1231.) Выводной протокъ получаетъ капиллярную сѣть изъ поверхностной сосудистой сѣти, залегающей въ сосочковомъ слоѣ кожи.

Безмякотныя нервныя волокна образуютъ сплетеніе вокругъ клубочки потовой железы, но еще не установленъ способъ ихъ окончанія въ ней.

Рис. 1229.

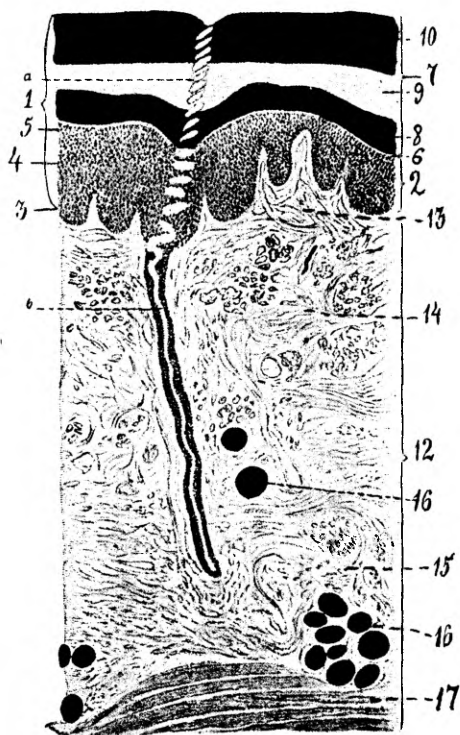

Рис. 1229. Кожа человека въ сѣченіи, перпендикулярномъ къ ея поверхности, послѣ обработки растворомъ осміевоы кислоты: 1 — эпителиальная часть кожи — эпидермисъ, состоящій изъ: 2 — расположенныхъ въ нѣсколько слоевъ эпителиальныхъ клѣтокъ слоя Malpighi, слагающагося изъ: 3 — одного слоя цилиндрическихъ клѣтокъ маточнаго слоя (*stratum germinativum*); 4 — слоя многогранныхъ клѣтокъ, соединяющихся между собой межкклѣтными мостиками-волоконцами и потому называемаго сѣтчатымъ или волокнистымъ (*stratum reticulare seu filamentosum*) слоемъ, и 5 — слоя зернистыхъ клѣтокъ (*stratum granulosum*); 6 — свѣтлый слой (*stratum lucidum*); кнаружи отъ него 7 — вообще роговой слой (*stratum corneum*),

который распадается на 8 — внутренней роговой слой, клѣтки котораго отъ недостатка питанія подвергаются отчасти жировому перерожденію, отчасти ороговѣваютъ въ наружныхъ частяхъ, почему сильно окрашиваются растворомъ осміевоы кислоты въ черный цвѣтъ; 9 — средний роговой слой съ вполне ороговѣвшими клѣтками; 10 — наружный роговой слой, состоящій изъ ороговѣвшихъ пластинокъ, теряющихъ связь между собой и потому легко слущивающихся; между отдѣльными пластинками и слоями ихъ накапливается жиръ, выдѣляемый сальными железами кожи, а также проникающій отъ окончательнаго разложенія веществъ клѣточного тѣла въ пластинкахъ, который окрашивается въ черный цвѣтъ растворомъ осміевоы кислоты и сообщаетъ этотъ цвѣтъ всему слою. 12 — основа кожи (*derma s. corium*), состоящая изъ волокнистой соединительной ткани и слагающаяся изъ: 13 — сосочкаго слоя (*stratum papillare*) и 14 — сѣтчатого слоя (*stratum reticulare*), состоящихъ изъ плотной волокнистой соединительной ткани, а 15 — подкожный слой (*subcutis*), состоящій изъ рыхлой волокнистой соединительной ткани, содержащей въ разныхъ мѣстахъ кожного покрова различное количество жировыхъ клѣтокъ — 16, окрашенных здѣсь

въ черный цвѣтъ осміевою кислотой; 17 — подлежащая ткань; а — выводной протокъ потовой железы въ слое эпителія не имѣетъ собственныхъ стѣнокъ и идетъ подобно винту штопора; b — выводной протокъ той же железы въ основѣ кожи. Увеличение 30 (Böhm und Davidoff).

Рис. 1230.

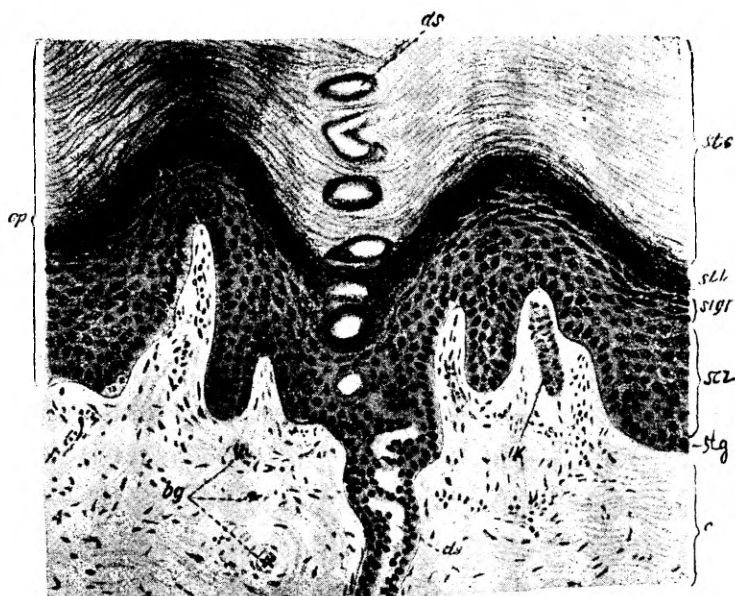

Рис. 1230. Кожа съ ладони человѣка въ перпендикулярномъ къ поверхности срѣзѣ: bg — кровеносные сосуды; с — основа кожи; ds — выводной протокъ потовой железы; ep — эпидермисъ; k — чувствительное тѣльце Meissner'a; stc — роговой слой эпидермиса; stl — свѣтлый слой; подъ нимъ промежуточный слой; stgr — зернистый слой; str — сѣтчатый слой; stg — маточный слой. Увеличение 170 (Sobotta).

Развитіе потовыхъ железъ.

Потовыя железы закладываются въ концѣ четвертаго мѣсяца въ видѣ плотныхъ шнурковъ изъ эктодермныхъ клѣтокъ, отходящихъ въглубь основы кожи почти перпендикулярно ея поверхности отъ глубокаго слоя надкожицы; преимущественно отъ вершины эктодермныхъ валиковъ, вдающихся между первичными гребешками Henle тамъ, гдѣ они имѣются. (Рис. 1232.)

На шестомъ мѣсяцѣ эти плотные шнуры становятся полыми въ центрально-осевой части, а ихъ глубокіе концы удлиняются и завертываются въ клубки. (Рис. 1233.) Только послѣ рожденія выводной каналъ продолжается наружу чрезъ надкожицу посредствомъ спиральнаго хода.

Рис. 1231.

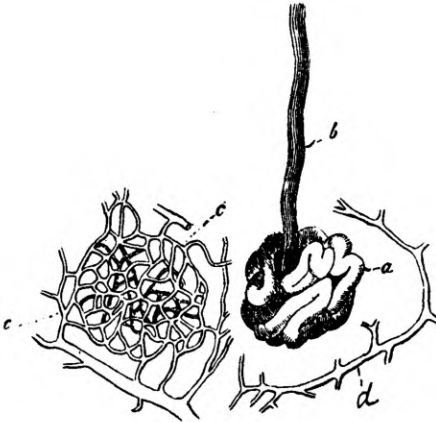

Рис. 1231. Схема капиллярной сѣти кровеносныхъ сосудовъ вокругъ тѣла потовой железы человѣка: а — простая трубочка потовой железы, свернутая въ клубочекъ; b — выводной протокъ; c — корзинкообразная сѣть кровеносныхъ капилляровъ, окружающая клубочекъ потовой железы; d — вены, принимающія кровь изъ капиллярной сѣти (Todel-Bowman).

Рис. 1232.

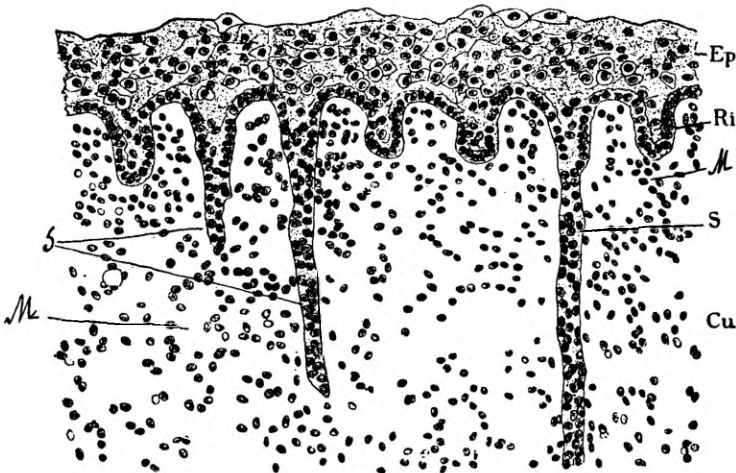
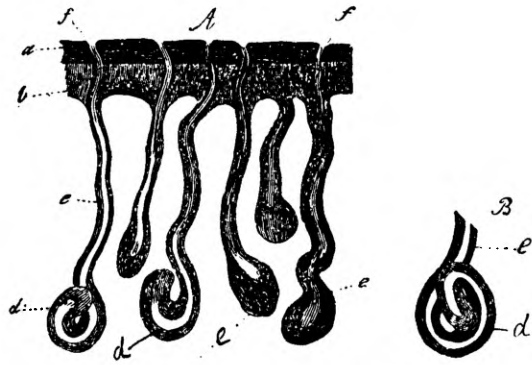

Рис. 1232. Перпендикулярное сѣченіе кожи четырехмѣсячнаго человѣческаго зародыша, на которомъ видны разныя стадіи развитія потовыхъ железъ: Ep — надкожица; Ri — первичные гребешки надкожицы; M — мезодерма; S — зачатки потовыхъ железъ (Minot).

Рис. 1233.

Рис. 1233. Схема развития потовых желез: А — видъ трубочекъ потовыхъ железъ у зародыша на седьмомъ мѣсяцѣ внутриутробной жизни; В — образованіе клубочка железы на восьмомъ мѣсяцѣ: а — роговой слой надкожицы; b — Малпигіевъ слой его же; e — выводной протокъ; d — зачатокъ клубочка железы; f — отверстіе выводного протока. Увеличеніе 50 (Kölliker).

В. Серозный покровъ.

Наружному покрову тѣла человѣка — кожѣ соответствуетъ внутренній покровъ — серозный, покрывающій внутреннія полости тѣла: брюшную, грудную и околосердечную, составляющія сначала у зародыша одну мезодермную полость тѣла (Coelom).

Серозный покровъ или серозная оболочка (tunica serosa) устроена, подобно кожѣ, изъ трехъ слоевъ: 1) поверхностнаго, состоящаго изъ эпителія или, какъ его прежде называли, эндотелія; 2) вглубь отъ него лежащаго слоя — соединительнотканной основы серозной оболочки, и 3) глубокаго — подсерознаго слоя, состоящаго, какъ и подкожная клѣтчатка, изъ рыхлой волокнистой соединительной ткани.

Эндотелій, покрывающій серозную оболочку, состоитъ изъ одного ряда очень тонкихъ пластинчатыхъ эпителиальныхъ клѣтокъ, прилегающихъ одна къ другой и соединяющихся между собой межкѣтными мостиками подобно вообще эпителиальнымъ клѣткамъ. Форма пластинчатыхъ клѣтокъ съ плоскости имѣетъ видъ неправильныхъ пяти-шестистороннихъ многоугольниковъ рѣдко съ прямолинейными границами, а болѣе часто съ зигзагообразно очерченными. Величина пластинокъ клѣтокъ 15—50 μ въ поперечникѣ. Ядро клѣточное въ видѣ круглой или овальной бляшки помѣщается въ одномъ изъ угловъ пластинчататаго тѣла клѣтки или въ

болѣе глубокомъ слоѣ его, гдѣ имѣется утолщеніе его вещества. (Рис. 1234.) Пластинчатая форма клѣтки эндотелія удерживается въ томъ случаѣ, если органъ, покрываемый имъ, находится въ растянутомъ состояніи; при сокращеніи органа клѣточное тѣло становится болѣе толстымъ и менѣе растянутымъ, границы его становятся прямолинейными и

Рис. 1234.

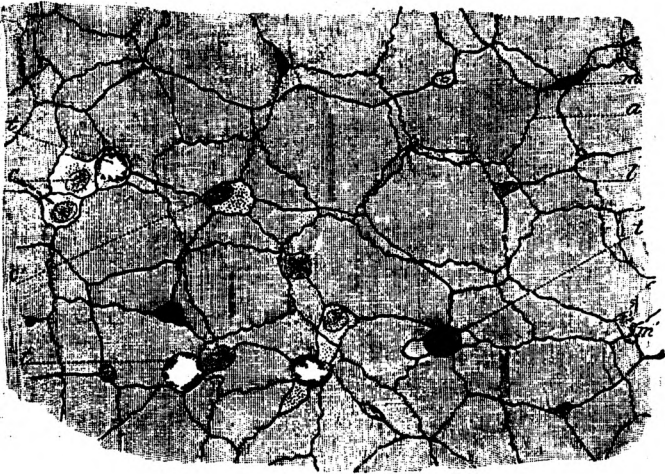

Рис. 1234. Разматриваемый съ поверхности большой сальникъ трехмѣсячнаго кролика, обработанный растворомъ азотно-кислаго серебра. Изображена въ болѣе рѣзкихъ чертахъ (а) верхняя поверхность препарата, а въ болѣе блѣдныхъ (б) нижняя поверхность. а — межклѣтныя щели верхней поверхности; b — межклѣтныя щели нижней поверхности; m — кучки альбуминовъ серебра межъ клѣтками верхней поверхности; m' — то же межъ клѣтками нижней поверхности; с, с' — маленькія промежуточные клѣтки; l — отверстія, продѣланныя лейкоцитами при своемъ прониканіи чрезъ эпителиальный слой клѣтокъ; въ одномъ изъ отверстій находится лейкоцитъ. Увеличеніе 300 (Ranvier).

клѣтка принимаетъ почти кубическую форму (Paneth 1876, Schwartz 1892, Soulié 1897).

Подъ клѣтками эндотелія имѣется стеклопрозрачная, не обнаруживающая никакого строенія, тонкая основная перепонка (*membrana basilaris*), подобная основной перепонкѣ кожи, только значительно тоньше (1—3 μ въ толщину). Многіе отрицаютъ ея существованіе.

Далѣ слѣдуетъ основа серозной оболочки (*tunica serosa propria*), состоящая изъ элементовъ волокнистой соединительной ткани. Толщина ея 30—120 μ . Здѣсь встрѣчаются клей дающія и эластинныя волокна соединительной ткани, расположенныя всѣ въ плоскостяхъ параллельныхъ съ плоскостью серозной оболочки, но въ нихъ пересѣкающіяся въ различныхъ направленіяхъ. Въ промежуткахъ между волокнами заложены неподвижныя разной формы клѣтки соединительной ткани и подвижныя клѣтки, лейкоциты.

Волокна основы серозной оболочки непосредственно переходятъ въ волокна слѣдующаго слоя, подсерознаго (*tunica subserosa*), состоящаго изъ элементовъ рыхлой волокнистой соединительной ткани, соединяющагося непосредственно съ элементами соединительной ткани подлежащей ткани или органа, покрываемаго серозной оболочкой.

Серозная оболочка содержитъ мало кровеносныхъ сосудовъ, располагающихся обыкновенно въ подсерозномъ слое и отсюда посылающихъ въ основу оболочки вѣтви, образующія тамъ капиллярныя сѣти съ широкими петлями. Рядомъ съ сосудами идутъ нервныя волокна, также образующія подъ эндотелиемъ сплетеніе.

Серозныя полости по своему развитію у зародыша соотвѣтствуютъ тканевымъ промежуткамъ рыхлой волокнистой соединительной ткани, только громадно увеличеннымъ. Какъ тѣ, такъ и другіе содержатъ лимфенную жидкость и одинаковыя клѣтки; тѣ и другіе сообщаются съ лимфеносными сосудами.

Серозная оболочка брюшной полости называется брюшиной (*peritoneum*); часть ея, покрывающая стѣнки полости, пристѣнная брюшина (*peritoneum parietale*), а покрывающая брюшныя органы — внутренностная брюшина (*peritoneum viscerale*). Пристѣнная серозная оболочка обыкновенно бываетъ толще внутренностной.

Серозная оболочка грудной полости называется плевою (*pleura*); часть ея, покрывающая стѣнки полости есть пристѣнная плева (*pleura parietalis*), а покрывающая легкія — легочная плева (*pleura pulmonalis*). Точно также серозная оболочка покрывающая сердце, называется сердечнымъ покровомъ (*epicardium* s. *pericardium viscerale*), а образующая

серозную полость вокруг сердца — сердечной сорочкой (pericardium perietale). (Рис. 1235, 1236.)

Въ брюшной полости кромѣ того имѣются двѣ широкихъ складки, построенныхъ изъ серозной оболочки: брыжжейка (mesenterium) и сальникъ (omentum).

Рис. 1235.

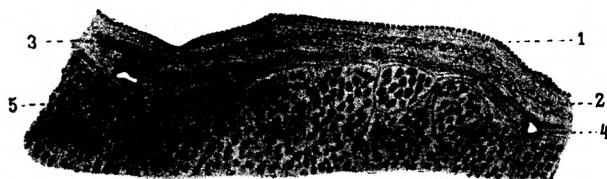
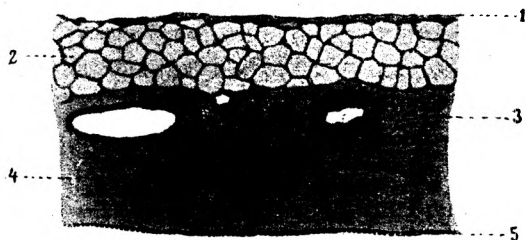

Рис. 1235. Перпендикулярный наружной поверхности сръзъ эпикарда казеннаго человѣка: 1 — однослойный кубическій эпителий эпикарда; 2 — волокнистая соединительнотканная основа серозной оболочки; 3 — слой ея изъ сѣти эластинныхъ волоконъ; 4 — подсерозный слой; 5 — сердечная мышца. Увеличение 45 (Soulié).

Рис. 1236.

2 — слой жировыхъ клѣтокъ въ рыхлой волокнистой ткани подсерознаго слоя серозной оболочки; 3 — сосудисто-нервный слой перикарда; 4 — плотный волокнистый слой перикарда; 5 — однослойный кубическій эпителий внутренней поверхности сердечной сорочки. Увеличение 45 (Soulié).

Рис. 1236. Перпендикулярный къ поверхности сръзъ сердечной сумки казеннаго человѣка: 1 — наружная поверхность сердечной сорочки, покрытая однослойнымъ плоскимъ эпителиемъ;

Брыжжейка есть поддерживающая кишку связка и состоитъ изъ двухъ листковъ серозной оболочки, прикрывающихъ, заложенную между ними въ видѣ пластинки, рыхлую волокнистую соединительную ткань, содержащую въ себѣ кровеносные и лимфеносные сосуды, нервы и лимфенные узлы.

Сальникъ является простымъ удвоеніемъ серозной оболочки сложенной въ два листка своими подсерозными слоями внутрь, а эндотельными поверхностями кнаружи. Различаютъ у различныхъ животныхъ сальники то въ видѣ непрерывной

двухлистной пластинки, то сальники съ небольшими въ его пластинкѣ сквозными отверстіями; кромѣ того имѣются сальники, содержащіе въ его пластинкѣ болѣе пространства въ отверстіяхъ, вслѣдствіе чего такіе сальники называются сѣтчатыми. (Рис. 1237, 1238.) У человѣка въ зародышевомъ состояніи сальникъ безъ отверстій, а у взрослого имѣеть сѣтчатое строеніе, т. е. онъ проходитъ всѣ указанныя три вида строенія въ своемъ развитіи.

Рис. 1237. Сѣтчатый сальникъ кролика при маломъ увеличеніи (Lapnois).

Рис. 1237.

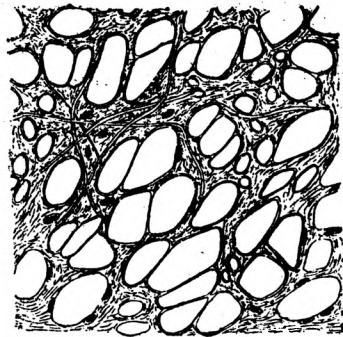

Рис. 1238.

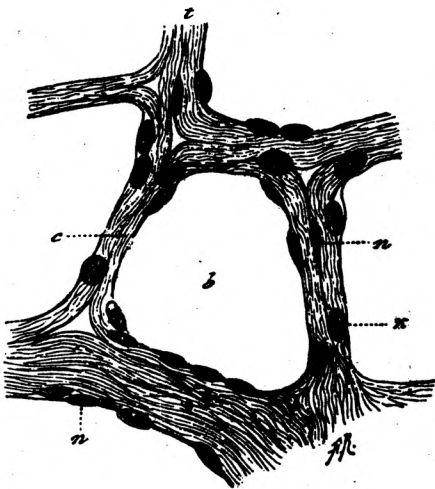

Рис. 1238. Сальникъ собаки: b — ячейка сѣтчатого сальника; t, c — перекладины изъ клей дающихъ волоконъ волокнистой соединительной ткани; n — ядра эндотелиальныхъ плоскихъ клѣтокъ; n¹ — ядра клѣтокъ волокнистой соединительной ткани. Увеличеніе 330 (Ranvier).

Слѣдовательно, сальникъ имѣеть двѣ поверхности, покрытыя эндотелиемъ; подъ эндотелиемъ слой основной перепонки почти неразличимой, а между ними элементы рыхлой волокнистой соединительной ткани, составляющей основу серозной оболочки; между элементами послѣдней проходятъ кровеносные и лимфеносные сосуды и мякотныя и безмякотныя нервныя волокна, образующія разнаго вида сплетенія.

Отдѣлъ XI.

Производные органы носоротовой ямки и верхняго (дыхательнаго) отдѣла первичной кишки.

Жаберныя щели и дуги.

У человѣческаго зародыша длиною въ 2—3 миллиметра появляются на переднебоковыхъ частяхъ верхняго или головнаго конца четыре жаберныя щели, идущія сзади напередъ и немного внизъ параллельно между собой. (Рис. 1239, 1240.) Эти щели происходятъ отъ того, что въ мѣстахъ ихъ расположенія исчезаетъ мезодерма, а остаются только эле-

Рис. 1239.

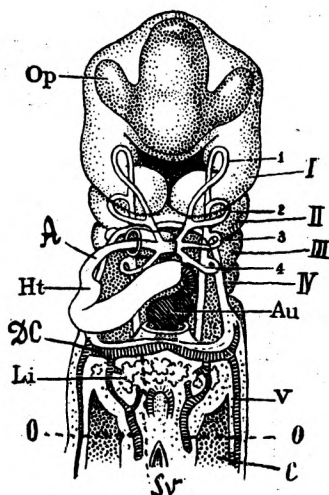

Рис. 1239. Видъ человѣческаго зародыша длиною въ 3,2 миллиметра спереди со вскрытой передней стѣнкой и отведенномъ вправо сердцемъ: Op — глазной пузырекъ; Ht — сердце; A — аортное расширеніе, продолжающееся въ аортныя дуги: 1, 2, 3, 4; I, II, III, IV — жаберныя дуги; Au — сердечное ушко или предсердіе; Sv — вѣнная пазуха; V — пупочная вѣна; O — желточно-брыжжѣечная вѣна; C — полость тѣла — Coelom; Li — зачатокъ печени; DC — протокъ Cuvier (W. His).

7. Патологія послѣдоваго періода.

- Александровъ О. А.** Къ вопросу о приращеніи дѣтскаго мѣста. — Журн. акуш., 1900, стр. 453. (Въ описанномъ авторомъ случаѣ разрыва матки во время беременности, — см. главу о разрывахъ матки, — нарушеніе цѣлости произошло безъ всякой видимой причины; при изслѣдованіи удаленной матки съ приросшими частями плаценты найдено вросаніе ворсинъ въ мыш. ткань, что можетъ имѣть этиол. значеніе въ происхожденіи разрывовъ матки.)
- Баташовъ.** Семидневное задержаніе послѣда въ полости матки. Выздоровленіе. — Журн. акуш., 1894, стр. 411. Корресп.
- Бенедиктовъ.** Тренія живота въ приращеніяхъ послѣда, по совѣту Акушеровъ: Девеса и Кораблева. — Другъ Здравія, 1850, № 14, стр. 105. (Плацента оставалась въ маткѣ 7 сутокъ; все время продолжались тренія живота).
- Бове.** О кровотеченіи изъ маточно-послѣдовыхъ сосудовъ въ послѣднемъ періодѣ родовъ и тотчасъ по окончаніи ихъ. — Дисс., Москва, 1861. Цит. по лит. указ.
- Варнекъ Л. Н.** См. стр. 98 „Указателя“.
- Гарнакъ А. М.** О способахъ выдѣленія оболочекъ и о значеніи задержанія ихъ. — Отчетъ Иноевса (Москва) за 1887 г., приложенія.
- Горвицъ М. И.** О боковомъ ущемленіи послѣда. — Медиц. Вѣстникъ, 1871, №№ 23—26. (Двойни; затрудненіе въ удаленіи послѣда; дно матки найдено какъ-бы расщепленнымъ и въ ней образовались двѣ полости.)
- Делоне.** О полезности выпрыскиванія укуса чрезъ пуповину въ послѣдъ при замедленіи сего послѣдняго. — Вѣстникъ Естеств. Наукъ и Медицины, издававшійся А. Іовскимъ, 1828, стр. 476. Реф. доклада.
- Дыскій И. А.** Случай 19-ти дневнаго задержанія дѣтскаго мѣста. Тромбозъ обѣихъ бедренныхъ венъ, септическая инфекція съ благополучнымъ исходомъ. — Больничная Газета Боткина, 1895, прот. Мед. Совѣщанія вр. Голицынской Больн. 28 іюля 1894 г.
- Зеленкевичъ В.** Приращеніе послѣда отъ неосторожностей во время беременности. — Медиц. Вѣстникъ, 1861, № 41, стр. 392. (Выдѣленіе послѣда произошло самостоятельно на 7-ой день; во время берем. больная выпрыгнула изъ экипажа.)

Истоминъ С. А. Четыре случая приращенія послѣда. — Журн. акуш., 1890, стр. 762.

Какушкинъ Н. М. См. стр. 98 „Указателя“.

Кашкаровъ И. А. Случай долгаго задержанія послѣда. — Медиц. Вѣстникъ, 1878, № 51. (Три недѣли).

Кашкаровъ И. А. *Metritis interstitialis partialis chronica sub graviditate.* — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПБ. за 1879—80 г., стр. 87.

Atonia uteri partialis ex metritide interstitiali chronica. — Патологоанатомическое изслѣдованіе. — Дисс., СПБ., 1880. (Исторія болѣзни 1-го случая неизвѣстна, во 2-омъ случаѣ больная умерла отъ кровотеченія, ничѣмъ не останавлимаго, чрезъ 5 часовъ послѣ родовъ; причиною атоніи и задержанія послѣда служило развитіе соедин. ткани, явившееся результатомъ хрон. восп. процесса.)

Кобылинъ А. Два случая задержанія дѣтскаго мѣста и его отдѣленія безъ оперативной помощи. — Медиц. Вѣстникъ, 1875, № 50.

Лазаревичъ И. П. О задержаніи пленки и другихъ оболочекъ яйца. — Журн. акуш., 1887, стр. 1.

Марковский П. И. *Decidua*, какъ постороннее тѣло. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 1, вып. 1, стр. 33. Реф.

Марьяничъ Н. П. Случай частичнаго приращенія послѣда и нѣсколько словъ о лѣченіи подобныхъ состояній. — Врачъ, 1891, № 47.

Массенъ В. Н. Къ ученію о задержаніи и приращеніи послѣда. — Журн. акуш., 1897, стр. 487 и 693. (Объектомъ гистол. изсл. автора послужили тѣ же два препарата матокъ съ задержанными частями плаценты, которые описаны раньше въ диссертации И. А. Кашкарова; для 1-го случая авторъ признаетъ наличность соединительно-тканнаго приращенія; для 2-го случая основу приращенія видитъ въ исчезаніи маточной части децидуальной запоздалой обол. или замѣщеніи ея гомогенною плотною, плохо разрывающеюся тканью.)

Михновъ С. Д. О задержаніи плодныхъ оболочекъ въ терапевтическомъ отношеніи. — Больничная Газета Боткина, 1897, №№ 7—12 и 15.

Орловъ В. О задержаніи и удаленіи послѣда. — Русская Медицина, 1893, № 17, стр. 263.

- Панфиловичъ М. А.** (ж.-вр.) Четыре случая искусственнаго поздняго отдѣленія плаценты. — Сборникъ прот. Общ. Калужскихъ вр. за 1896 г., стр. 36.
- Пашкевичъ Б.** (ж.-вр.) Случай задержанія дѣтскаго мѣста. — 1) Медиц. Обзорѣніе, 1885, т. 23, стр. 697; 2) Труды Общ. Русс. вр. въ Москвѣ за 1-ое полугодіе 1885 г., стр. 118.
- Пезаровіусъ М.** (акушерка). Случай задержанія послѣда на 5 недѣль. — Акушерка, 1891, № 22.
- Райхъ М. З.** О задержаніи плодныхъ оболочекъ. — Акушерка, 1897, № 17/18.
- Сочава Н. А.** Анестезія (въ оригиналѣ: анастезія) при выкидышѣ и сплошномъ приращеніи послѣда. — Медиц. Вѣстникъ, 1867, № 45.
- Сочава Н. А.** Нѣсколько интересныхъ случаевъ изъ гинекологической и акушерской практики. — Врачъ, 1883, № 33. Пунктъ 3-ій: Задержаніе части послѣда.
- Сыромятниковъ И. М.** Къ вопросу о долговременномъ задержаніи послѣда. — 1) Врачъ, 1882, № 1; 2) Труды Общ. Русс. вр. въ Москвѣ за 2-ое полугодіе 1881 г., стр. 22.
- Типяковъ В.** Матеріалы къ вопросу о задержаніи и выдѣленіи дѣтскаго мѣста. — Дисс., Москва, 1884.
- Толочиновъ Н. Ф.** Къ терапіи задержанія частей послѣда послѣ родовъ и выкидыша. — Современная Медицина, 1879, №№ 23—28, 30—32, 34, 35, 39 и 1880 г., №№ 5 и 6.
- Троновъ В.** Сплошное сращеніе послѣда. — Медиц. Обзорѣніе, 1887, т. 28, стр. 203.
- Фишеръ А. Р.** Нѣсколько словъ о значеніи задержанныхъ плодныхъ оболочекъ. (Матеріаль къ вопросу о т. наз. „самозараженіи“ родильницъ). — Врачъ, 1886, № 35.
- Хазанъ С. Ю.** О задержаніи дѣтскаго мѣста. — Акушерка, 1892, № 24.
- Чепурковскій Р. И.** Рѣдкій случай задержки плаценты въ маткѣ. — Прот. зас. и труды Бѣлосток. Мед. Общ. за 1897—1900 г., вып. 1, стр. 118. (19 дней).
- Шварцъ А.** Критическое разсужденіе: „Къ вопросу искусственнаго выдѣленія дѣтскаго мѣста въ разные періоды беременности“. — Современная Медицина, 1869, стр. 314.
- Шверцель К.** О задержаніи дѣтскаго мѣста послѣ родовъ. — Современная Медицина, 1861, № 11. (По наблюденіямъ автора, послѣдъ выдѣляется послѣ клизмы).

- Лазаревичъ И. П.** Разочарованіе. — Тамъ же, № 14.
(Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена замѣтка, опровергающая наблюденіе К. Шверцеля.)
- Шнее Г. (Schnee H.)** Quaedam de placenta in utero retenta. — Diss., Dorpat, 1847.
- Шрайберъ Л. Е.** Осложненія въ послѣдовомъ періодѣ. — Акушерка, 1899, № 19/20.
- Яновскій Р.** Случай задержанія послѣда 15-ти недѣльной давности. — Приложенія къ прот. Общ. Минскихъ вр. за 1888—89 г., стр. 21. (При выкидышѣ на 5—6 мѣсяцѣ беременности).

8. Осложненіе родовъ заболѣваніями и поврежденіями другихъ органовъ.

Подкожная эмфизема.

- Алексѣевъ П.** Случай эмфиземы кожи, развившейся во время акта родовъ. — 1) Москов. Врачебный Вѣстникъ, 1875, № 35, 2) Отчетъ Макѣева (Москва) за 1874—88 годы, приложенія.
- Голостѣновъ Н. Н.** Сообщилъ о случаѣ эмфиземы лица, шеи и груди у роженицы. — Прот. Орловскаго Мед. Общ. за 1897 г., стр. 17.
- Львовъ И. М.** О подкожной эмфиземѣ, развившейся во время родовъ. — Медиц. Вѣстникъ, 1880, №№ 34 и 35.
- Филипповъ В. В.** См. стр. 330 „Указателя“.

Воспаленіе легкихъ, спинная сухотка, кровавый поносъ, кровотеченія.

- Бржезинскій В. А.** Къ казуистикѣ кровоизліяній въ мочевой пузырь во время родового акта. — Журн. акуш., 1893, стр. 221.
- Бондаревъ П. Г.** Роды и воспаленіе легкихъ. — Журн. акуш., 1899, стр. 379.
- Кривошеинъ М.** Кровавый поносъ во время родовъ (dysenteria sub partu). — 1) Врачъ, 1898, № 11; 2) Труды вр. XII род. Приюта, СПБ., 1899.
- Личкусъ Л. Г.** Роды, осложненные спинной сухоткой. — Врачъ, 1885, № 17.

Райхъ М. З. О кровотеченіяхъ изъ различныхъ органовъ внѣ половой сферы во время родовъ. — Акушерка, 1898, № 1/2.

9. О внезапной смерти роженицъ.

Архангельскій И. Случай внезапнаго упадка силъ у роженицы, окончившійся смертью. — Военно-Мед. Журн., 1866, т. 97. (Вскрытіе произведено не было.)

Градусовъ Е. И. Случай внезапной смерти послѣ родовъ. — Прот. зас. Ферганскаго Мед. Общ. за 1897—98 г., стр. 37. (Въ данномъ случаѣ смерть наступила не внезапно, а при постепенномъ ухудшеніи общаго состоянія чрезъ 3 часа послѣ родовъ; авторъ указываетъ на шокъ.)

Львовъ И. М. Случай внезапной смерти во время родовъ. — Дневникъ Казан. Общ. вр. за 1885 г., № 3. (Авторъ засталъ роженицу уже мертвою и извлекъ мертваго младенца щипцами; причина смерти невыяснена.)

Монинъ Л. М. О смерти матери во время беременности. — Акушерка, 1898, № 5/6.

Монинъ Л. М. О смерти матери во время родовъ и въ послѣродовомъ періодѣ. — Акушерка, 1898, № 15/16.

Добавленіе: О смерти плода во время родовъ.

Шерешевскій Л. С. Смерть плода во время родовъ. — (Опытъ обзора этиологіи и статистики.) — Отчетъ Иноевса (Москва) за 1887 г., приложенія.

III. Акушерскія операціи.

Свѣдѣнія общаго характера и общая казуистика акушерскихъ операцій.

Бергъ Н. Нѣсколько случаевъ изъ акушерской практики. — Военно-Мед. Журн., 1860, т. 78.

Матвѣевъ А. Критическая замѣтка по поводу статьи Берга. — Современная Медицина, 1861, № 12, стр. 277.

- Гинзбургъ М. Д.** Отчетъ по оперативному акушерству за три года.
— 1) Медиц. Обзорѣніе, 1882, т. 18, стр. 326; 2) Прил. къ
прот. Харьков. Мед. Общ. за 1882 г., вып. 2. (Болѣе подробно).
- Катунскій Э.** Къ вопросу о правѣ родителей на жизнь плода. —
Медиц. Бесѣда, 1900, № 7.
- Кашкаровъ И.** Отчетъ объ акушерскихъ операціяхъ, произведен-
ныхъ въ Ярославлѣ съ 1880 по 1887 г. — Журн. акуш., 1888,
стр. 98.
- Котелянскій Б.** Отчетъ объ акушерскихъ операціяхъ за двухлѣт-
ній періодъ (съ 1 сент. 1887 по 1 сент. 1889 г.) — Медиц.
Обзорѣніе, 1890, т. 34, стр. 589.
- Лазаревичъ И. П.** Механика акушерскихъ операцій и вновь усо-
вершенствованные для нихъ инструменты. — Труды 2-го Съѣзда
Русс. вр., т. II, отд. акуш. и женск. бол., стр. 18. Москва,
1887.
- Надеждинъ Г. Г.** Къ вопросу объ акушерско-гинекологической по-
мощи въ провинціи. (Отчетъ о моихъ акушерско-гинекологи-
ческихъ операціяхъ за время съ 1887 по 1891 г.) — Журн.
акуш., 1895, стр. 876.
- Хазанъ С. Ю.** О наружныхъ акушерскихъ операціяхъ. — Акушерка,
1895, № 21/22.

Акушерскія операціи въ отдѣльности.

Искусственный законный выкидышъ.

- Васильевъ Д.** См. стр. 321 „Указателя“.
- Гиммельфарбъ Г.** См. стр. 356 „Указателя“.
- Гинзбургъ М. Д.** См. 2 статьи его на стр. 356 „Указателя“.
- Гинзбургъ М. Д.** Искусственный законный выкидышъ по способу
Peltzer'a при сильныхъ кровотеченіяхъ у беременныхъ. — Еже-
недѣльникъ журн. „Практ. Мед.“ 1894, № 10.
- Добровольскій Е. Н.** Пилокарпинъ какъ экболическое средство.
— Медиц. Вѣстникъ, 1879, №№ 10—13. (Отрицательный ре-
зультатъ примѣненія въ 1 случаѣ).
- Закъ Г. Г.** Къ вопросу о производствѣ законнаго искусственнаго
выкидыша. — Журн. акуш., 1897, стр. 1557. (Противъ ша-
блоннаго примѣненія вычерпыванія яйца ложкою въ 1 сеансъ,
такъ какъ въ 1 изъ описываемыхъ случаевъ операція выска-

бливанія, произведенная специалистами, при крупныхъ размѣрахъ яйца, осталась недоконченною; чрезъ 4 недѣли громадное кровотеченіе, авторъ удалилъ пальцемъ цѣльный оставшійся послѣдь.)

Зейдлеръ П. Разборъ показаній къ искусственному законному выкидышу. — Архивъ Суд. Мед. и Общ. Гиг., 1869, книга 2, отд. II, стр. 1.

Истоминъ С. А. См. стр. 394 „Указателя“.

Львовъ И. М. Вычерпываніе плоднаго яйца (abgrasio), какъ способъ производства искусственнаго законнаго выкидыша. — Врачъ, 1896, № 40.

Мандельштамъ В. Г. Нѣкоторыя замѣчанія о производствѣ законнаго искусственнаго выкидыша выскабливаніемъ. — Журн. акуш., 1897, стр. 267.

Матвѣевъ Г. Быстрый способъ произведенія искусственнаго законнаго выкидыша (выскабливаніе). — Труды ак.-гиг. Общ. въ Москвѣ за 1897 г., № 2, стр. 4.

Мершъ Г. Ф. Къ вопросу о дѣйствіи пилокарпина на беременную матку. — Врачебныя Вѣдомости, 1879, № 371.

Муратовъ А. А. О выскабливаніи, какъ способѣ для производства искусственнаго законнаго выкидыша. — Журн. акуш., 1896, стр. 1079.

Окуньковъ К. В. См. стр. 318 „Указателя“.

Соловьевъ А. С. Возбужденіе выкидыша по способу тампонаціи полости беременной матки. — Журн. акуш., 1889, стр. 113.

Типяковъ В. В. Случай искусственнаго прекращенія беременности. — Врачъ, 1892, № 35. (Опорожненіе матки предпринято по поводу упорнаго кровотеченія; такъ какъ чрезъ 2 недѣли больная умерла, то, для устраненія превратныхъ толкованій случая, возникшихъ въ мѣстномъ обществѣ, сообщаются подробности случая.)

Флоринскій В. М. О такъ называемомъ законномъ искусственномъ выкидышѣ. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПБ. за 1863—64 г., стр. 223. (Разсматриваются по очереди различныя показанія къ производству операціи, существующія въ современномъ акушерствѣ, и почти всѣ признаются неубѣдительными; по мнѣнію автора, и при абсолютномъ суженіи таза выкидышъ позволителенъ лишь у слабыхъ, болѣзненныхъ женщинъ.)

Харитоновскій Н. В. Къ вопросу о выскабливаніи матки, какъ методъ для производства искусственнаго законнаго выкидыша. (Сравненіе этого метода съ другими способами, вызывающими выкидышъ.) — Дисс., Юрьевъ, 1899.

Искусственные преждевременные роды.

Александровъ О. А. Объ искусственныхъ родахъ на основаніи данныхъ Московскаго Родовспомогательнаго Заведенія за послѣднее (1885—1894) десятилѣтіе. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1894 г., стр. 69.

Антоновскій Н. Сравнительный взглядъ на употребительные способы искусственнаго возбужденія преждевременныхъ родовъ. — 1) Дисс., СПб., 1864; 2) Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1863—64 г., стр. 477—539.

Баландинъ И. О. Объ операциіи искусственныхъ преждевременныхъ родовъ. — Дневникъ 1-го Съѣзда Моск.-Петерб. Общ., стр. 107. СПб., 1886.

Бергъ Н. Объ искусственныхъ преждевременныхъ родахъ. — Военно-Мед. Журн., 1856, т. 67, стр. 1.

Бояркинъ С. А. Случай искусственныхъ преждевременныхъ родовъ при узкомъ тазѣ. — 1) Отчетъ Макѣева (Москва) за 1892 и 93 г., приложения; 2) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1893 г., № 4.

Груздевъ В. С. Къ ученію объ искусственныхъ преждевременныхъ родахъ. (Случай девятикратнаго повторенія этой операциіи у одной и той же женщины.) — Врачъ, 1899, № 45, стр. 1317.

Добронравовъ В. А. Къ казуистикѣ операциіи возбужденія искусственныхъ родовъ при общесъуженномъ тазѣ. — Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, 1891, т. X, № 2, стр. 129.

Ждановъ Н. Р. Объ искусственныхъ преждевременныхъ родахъ. — Отчетъ Иноевса (Москва) за 1890 г., прил.

Каминскій. Искусственные преждевременные роды (partus arte praematurus). — Москов. Мед. Газ., 1865, № 41.

Козловъ А. (Koslow A.) De artificiali partus praematuri provocatione, — Diss., Dorpat, 1848.

Лазаревичъ И. П. Впрыскиваніе въ матку, какъ средство, вызывающее мышечную дѣятельность этого органа, съ цѣлью искус-

ственного возбужденія преждевременныхъ родовъ, усиленія родовыхъ потугъ и остановленія маточныхъ кровотеченій. — Кіевъ, 1858.

Массманъ. Рецензія. — Военно-Мед. Журн., 1859, т. 74, отд. V, стр. 29.

Лазаревичъ И. П. О предупрежденіи разрыва промежности съ описаніемъ случая искусственнаго возбужденія родовъ впрыскиваніемъ ко дну матки. — Москов. Мед. Газета, 1872, № 25.

Легонинъ В. О преждевременныхъ искусственныхъ родахъ, въ отношеніи значенія ихъ и показаній. — Дисс., Москва, 1859.

Личкусъ Л. Г. Возбужденіе искусственныхъ преждевременныхъ родовъ индуктивнымъ токомъ. — Врачъ, 1886, № 30.

Мамутовъ А. Вызываніе преждевременныхъ родовъ по видоизмѣненному способу Тарнье. — Журн. акуш., 1898, стр. 581.

Орловъ В. Къ казуистикѣ искусственныхъ преждевременныхъ родовъ. — Русская Медицина, 1891, № 26.

Писемскій Г. Ф. Нѣсколько словъ объ асептикѣ при искусственномъ возбужденіи преждевременныхъ родовъ. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 4, прил., стр. 97.

Побѣдинскій Н. И. О возбужденіи преждевременныхъ родовъ при помощи кольпейринтера и баллона Champetier de Ribes. — Журн. акуш., 1897, стр. 910.

Саваневскій В. О. Случай искусственныхъ преждевременныхъ родовъ при общесъуженномъ тазѣ. — Медич. Обзорѣніе, 1897, т. 47, стр. 618.

Собѣстіанскій Э. М. Видоизмѣненіе одного изъ способовъ вызыванія преждевременныхъ родовъ. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1898—99 г., стр. 215.

Соколовскій Д. М. Индуктивный токъ при преждевременныхъ родахъ. (Два случая.) — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1888 г., № 15.

Соловьевъ Г. А. Искусственные преждевременные роды по поводу узкаго таза. — 1) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1894 г., стр. 50; 2) Врачебныя Записки, 1894, № 15; 3) Отчетъ Макѣева (Москва) за 1892 и 93 г., приложенія.

Сукочевъ Я. Два случая искусственныхъ преждевременныхъ родовъ. — Москов. Мед. Газета, 1862, № 15.

Сыромятниковъ И. М. Возбужденіе искусственныхъ преждевременныхъ родовъ индуктивнымъ токомъ. — 1) Врачъ, 1885, № 24; 2) Труды Физ.-Мед. Общ. въ Москвѣ за 1885 г.

- Тольскій Н. А.** De partu arte maturando. — Дисс., Москва, 1858.
- Фавръ В. Е.** Случай искусственнаго возбужденія преждевременных родовъ посредствомъ однократнаго впрыскиванія воды ко дну матки по способу проф. Лазаревича. — Медиц. Вѣстникъ, 1879, № 6.
- Хотовицкій С. О.** Operatio provocationis partus ante terminum. — Военно-Мед. Журн., 1838, т. 32, стр. 319.
- Цѣхановецкій С. В.** Матеріаль къ статистикѣ искусственныхъ преждевременныхъ родовъ. — Матеріаль С. Петербургскаго Родовспомогательнаго Заведенія за 1881—1892 гг. — Дисс., СПб., 1894.
- Чунихинъ П. Н.** Случай искусственнаго возбужденія родовъ, при узкости таза и сильномъ суженіи рукава. — Врачъ, 1884, № 28.

Расширеніе маточнаго зѣва. Насильственное родоразрѣшеніе.

- Буяльскій И. В.** См. стр. 417 „Указателя“.
- Гогоцкій В. Н.** Случай посмертнаго насильственнаго родоразрѣшенія живыми двойнями. — 1) Журн. акуш., 1897, стр. 1114; 2) Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 10, вып. 19, прил., стр. 15.
- Ивановъ А. И.** О разрѣзахъ шейки матки во время родовъ и кровавомъ насильственномъ родоразрѣшеніи. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 8, стр. 2. Реф.
- Къ вопросу о кровавомъ расширеніи зѣва во время родовъ. (Hysterostomatomia sub partu). — Дисс., Кіевъ, 1895.
- Красовскій А. Я.** См. стр. 418 „Указателя“.
- Лазаревичъ И. П.** Суженія отверстія матки во время родовъ. — Современная Медицина, 1861, № 22.
- Левинovichъ М. И. и Ахшарумовъ Б. И.** Объ искусственномъ расширеніи маточнаго зѣва при помощи кольпейринтера Брауна. — Предв. сообщ. — Сборникъ трудовъ вр. СПбургскаго Род. Зав., вып. VI. СПб., 1898.
- Миквиць Э.** О кровавомъ расширеніи мало открытаго, и о кровавомъ раствореніи совершенно закрытаго маточнаго рыльца. — Другъ Здравія, 1845, стр. 126. (Съ описаніемъ 5 случаевъ).
- Побѣдинскій Н. И.** Искусственное расширеніе маточнаго зѣва въ акушерской практикѣ. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1895 г., стр. 132.

Щипцы.

Анановъ С. Къ вопросу о наложеніи акушерскихъ щипцовъ на послѣдующую головку. — Медич. Сборникъ, издаваемый Кавказ. Мед. Общ., 1874, № 20.

Боряковский А. Г. О примѣненіи прямыхъ щипцовъ при заднемъ видѣ темянныхъ предлежаній. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 4, прил., стр. 75.

Боряковский А. Г. Новые акушерскіе щипцы. — Врачъ, 1889, № 24.

Бурлаковъ В. М. Цѣль, условія и показанія къ операціи такъ называемыхъ высокихъ щипцовъ. — Журн. акуш., 1895, стр. 41.

Бурлаковъ В. М. О нѣкоторыхъ показаніяхъ и основной идеѣ акушерскихъ щипцовъ въ настоящее время. — Современная Медицина и Гигіена, 1896, № 4. (Литературный обзоръ).

Бѣлоруссовъ В. В. Объ исходѣ операціи наложенія щипцовъ для матери и ребенка при антисептическихъ условіяхъ. — По матеріалу СПетербургскаго Родовспомогательнаго Заведенія за 1886—92 гг. — Дисс., СПб., 1894.

Гартманъ. Демонстрировалъ изобрѣтенные имъ щипцы. — Прот. зас. Общ. Калужскихъ вр. 12 февраля 1872 г. (Къ щипцамъ приспособленъ особый рычагъ.)

Гинзбургъ М. Д. Шестьдесятъ девять родовъ, оконченныхъ щипцами, въ частной практикѣ. — Медич. Обзорѣніе, 1893, т. 39, стр. 629.

Димантъ Е. Б. Новое видоизмѣненіе акушерскихъ щипцовъ. — Журн. акуш., 1894, стр. 971.

Дмитріевъ А. Г. Матеріалы къ вопросу о высокихъ акушерскихъ щипцахъ. — Дисс., СПб., 1898.

Кривскій Л. А. О щипцахъ Tarnier'a. — Отчетъ Столыпина (СПб.) за 1898—1900 гг., стр. 357.

Кубасовъ П. И. Объ акушерскихъ щипцахъ, со включеніемъ механической теоріи ихъ и анализа существующихъ образцовъ. — Вѣстникъ Общ. Гиг., Суд. и Практ. Мед., 1890, т. VIII, отд. IV, стр. 1, 105 и 191 и 1891 г., т. IX, отд. IV, стр. 57 и т. X, отд. IV, стр. 161.

Лазаревичъ И. П. Нѣкоторыя основныя положенія относительно устройства и способа дѣйствія акушерскихъ щипцовъ съ опи-

- саніемъ новыхъ прямолинейно-узкихъ. — Рѣчи и прот. VI Съѣзда Русс. естествоисп. и вр. въ СІБ. въ 1879 г., отд. II, стр. 150. Реф.
- Лазаревичъ И. П.** Обь акушерскихъ щипцахъ. — Прот. VII Съѣзда Русс. естествоисп. и вр. въ Одессѣ въ 1883 г., прот. 3-го зас. Мед. Секціи. Краткій реф.
- Лазаревичъ И. П.** Обь акушерскихъ щипцахъ. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 5, стр. 34. Авторефератъ.
- Лазаревичъ И. П.** Вновь усовершенствованные параллельные прямые щипцы. — Журн. акуш., 1887, стр. 95.
- Лебединскій И.** Новые акушерскіе щипцы Тарнье. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СІБ. за 1877—78 г., стр. 260.
- Масалитиновъ А. Г.** Прямые щипцы безъ тазовой кривизны проф. И. П. Лазаревича. — Врачъ, 1883, №№ 19 и 20.
- Миллеръ В. Я.** О примѣненіи щипцовъ при заднемъ видѣ затылочныхъ и теменныхъ положеній. — Журн. акуш., 1890, стр. 109 и 191.
- Николаевъ Н.** Замѣчанія на одинъ случай наложенія акушерскихъ щипцовъ, описанный въ отчетѣ акушерской клиники Московскаго Университета за 1859—1860 годъ. — Москов. Мед. Газета, 1863, №№ 9—11.
- Парышевъ Д. А.** Щипцы Брейсса въ практическомъ ихъ примѣненіи. — Еженедѣльная Клин. Газета, 1885, №№ 36 и 37.
- Полотебновъ С. М.** Щипцы Брейсса, модифицированные докторомъ С. Полотебновымъ. — Журн. акуш., 1888, прот. ак.-гин. Общ. въ СІБ., годъ 3-ій, № 3, прил., стр. 29.
- Пуценко Е. П.** Applicatio forcipis. — Прот. зас. губернскаго земскаго Врач. Совѣта и Сов. вр. губ. земской Больн. за 1-ую половину 1885 г., стр. 155. Курскъ.
- Рихтеръ В. М.** De recto forcipis obstetriciae usu. — Synopsis, стр. 269.
- Quaenam forceps in praxi obstetricia adhiberi debeat? — Synopsis, стр. 280.
- Viginti observationes practicae, quibus, ob partum lentescentem, infans a me per forcipem extractus est vivus, salva matre puerpera. — Synopsis, стр. 289.
- Савинъ Ф. А.** Исторія родовъ съ наложеніемъ щипцовъ Лазаревича. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 5, стр. 43.
- Лазаревичъ И. П.** Замѣчанія по поводу описанія родовъ, составленнаго Ф. А. Савинымъ. — Тамъ же, стр. 44.

- Тольскій Н. А.** Щипцы Кристеллера. — Москов. Мед. Газета, 1862, № 43. Реф. докл. безъ заглавія.
- Топазъ И. Б.** Къ казуистикѣ наложенія щипцовъ на послѣдующую головку. — Отчетъ Иноевса (Москва) за 1886 г., прилож.
- Федоровъ И. И.** Нѣсколько словъ о преимуществахъ прямыхъ параллельныхъ щипцовъ проф. Лазаревича. — Журн. акуш., 1888, стр. 331.
- Федоровъ И. И.** См. стр. 413 „Указателя“.
- Федоровъ И. И.** Обыкновенные изогнутые щипцы и щипцы проф. Лазаревича при узкомъ тазѣ. Краткій обзоръ 102 случаевъ изъ клиники проф. Н. В. Ястребова, за время отъ 15 марта 1885 г. по 30-е декабря 1888 г. — Журн. акуш., 1889, стр. 89.
- Хазанъ С. Ю.** О родоразрѣшеніи помощью щипцовъ. — Акушерка, 1896, № 19/20.
- Черневскій Э. Ф.** Нѣсколько замѣчаній объ акушерскихъ щипцахъ. — Журн. акуш., 1895, стр. 25.
- Шредеръ.** Два случая наложенія щипцовъ. — Медиц. Прибавленія къ Морскому Сборнику, 1864, вып. 4, стр. 445.
- Штольцъ В. И.** О щипцахъ. — Журн. акуш., 1895, стр. 99.
- Эразмусъ I. Ф.** Partus forcipe terminatus. — Acta physico-med. Academiae Caesareae Naturae curiosorum vol. XIV, p. 35. Цит. по Рихтеру: „Geschichte der Medicin in Russland“, т. III, стр. 346.
- Ястребовъ Н. В.** Условія для наложенія акушерскихъ щипцовъ. — Сборникъ Славянскаго, т. I, стр. 399.

Выжиманіе плода.

- Артемьевъ.** Вновь предложенный родовспомогательный приѣмъ (expressio foetus), который въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ замѣнить спорышню или щипцы. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1867—68 г., стр. 234.
- Биддеръ Э. Θ.** Разборъ способа выжиманія плода при черепныхъ положеніяхъ по Кристеллеру. — Мед. отчетъ СПбургскаго Род. Зав. за 1873—76 гг., прил.
- Каминскій С.** Expressio foetus. — Москов. Медиц. Газета, 1867, № 28.
- Чудовскій В. А.** Выжиманіе плода при извлеченіи щипцами. — Журн. акуш., 1887, стр. 192.

Экстракція.

- Ахшарумовъ Б. И.** Объ извлеченіи послѣдующей головки при различныхъ формахъ суженія таза. — Отчетъ Столыпинскаго (СПБ.) за 1898—1900 гг., стр. 239. Реф.
- Выгодскій.** Новый способъ для извлеченія послѣдующей головки въ трудныхъ случаяхъ родовъ. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1889 г., № 8.
- Добрынинъ П. И.** Новый способъ освобожденія ручекъ, по Майргоферу. — Медиц. Вѣстникъ, 1871, № 35.
- Истоминъ С. А.** См. стр. 416 „Указателя“.
- Колбасенко И. С.** Къ вопросу объ извлеченіи послѣдующей головки. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 4, прил., стр. 107.
- Коппе Р.** Къ вопросу о выжиманіи послѣдующей головки. — Медиц. Обзорѣніе, 1885, т. 24, стр. 673.
- Черневскій Э. Ф.** О поворотѣ на ножки и извлеченіи плода при узкомъ тазѣ и объ извлеченіи послѣдующей головки вообще. — Врачъ, 1895, №№ 18 и 19.
- Штольцъ В. И.** О помощи при совершенныхъ ягодичныхъ положеніяхъ плода. — Еженедѣльникъ журн. „Практ. Мед.“, 1893, № 0. (Пробный №).

Профилактическое низведеніе ножки.

- Ахшарумовъ Б. И.** Къ вопросу о профилактическомъ низведеніи ножки при ягодичныхъ предлежаніяхъ. — 1) Дисс., СПБ., 1894; 2) Сборникъ трудовъ вр. СПбургскаго Род. Зав., вып. II. СПБ., 1894. Предв. сообщеніе.

Поворотъ.

- Боряковскій А. Г.** О наружномъ поворотѣ. — Акушерка, 1891, № 22.
- Гинзбургъ М.** Два поворота по способу Бракстонъ-Гикса. — Медиц. Обзорѣніе, 1879, т. 11, стр. 638.
- Добржинскій В. О.** Сообщилъ о случаѣ поворота на ножки съ послѣдующимъ извлеченіемъ placentaе. — Прот. зас. Общ. вр.

- Новгородской губ. за 1881 г., вып. 1, стр. 6. (Обширные дебаты относительно правильности дѣйствій оператора).
- Исаинъ И. Т.** Три случая наружнаго поворота на ножки. — Сообщ. и прот. зас. СПбургскаго Мед. Общ. за 1883 г., стр. 32.
- Истоминъ С. А.** Случай „сухаго“ поворота на ножки, съ послѣдующимъ извлеченіемъ младенца, при запущенномъ поперечномъ положеніи и выпаденіи ручки. — Журн. акуш., 1890, стр. 767.
- Каминскій С. С.** Акушерскій поворотъ наружными и внутренними приемами Бракстонъ-Гикса. — Моск. Мед. Газ., 1867, № 7/8 и № 9.
- Карповичъ.** О двухъ случаяхъ поворота на ножки. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1867—68 г., стр. 114.
- Левандовскій Г. А.** О поворотѣ утробнаго младенца на ягодичи посредствомъ крючкообразно введеннаго пальца въ прямую кишку онаго. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1878 г., № 7. (По способу д-ра Guéniot; случай, наблюдавшійся авторомъ у проф. Deraul'я.)
- Макѣевъ А.** О сложномъ — наружномъ и внутреннемъ поворотѣ по способу I. Braxton-Hicks'a. — Москов. Мед. Газета, 1868, №№ 18—20.
- Муратовъ А. А.** Къ вопросу о наружномъ поворотѣ плода на головку при косыхъ положеніяхъ его въ исходѣ беременности. — Медиц. Обозрѣніе, 1898, т. 49, стр. 649.
- Пуценко Е. П.** 3 случая applicationis forcipis при слабости и отсутствіи потугъ и два случая поворота на ножки при поперечномъ положеніи. — Прот. зас. губернскаго Врач. Совѣта и Сов. врачей губ. земской Больн. за 2-ую половину 1887 г., стр. 105. Курскъ.
- Рихтеръ В. М.** Versio infantis artificialis. — Synopsis, стр. 221.
[Содержится описаніе случаевъ различныхъ категорій поворота:
А) Ob brachium praeivum.
В) Versio ob situm infantis transversalem.
С) Versio infantis ob funiculum umbilicalem praeivum.
Д) Versio infantis ob convulsiones epilepticas parturientis.
Е) Versio infantis ob placentam in orificio uteri praeivam.
F) Versio infantis ob Nates praeivias.]
- Черневскій Э. Ф.** О поворотѣ на ножки и извлеченіи плода при узкомъ тазѣ и объ извлеченіи послѣдующей головки вообще. — Врачъ, 1895, №№ 18 и 19.

Эмбриотомія.

- Бажановъ.** Изъ земской акушерской казуистики. — Русская Медицина, 1888, № 33. (Попытка поворота, эмбриотомія, смерть.)
- Бидеръ Э. Ф.** Механическое пособіе при такъ наз. запущенныхъ поперечныхъ положеніяхъ. — Врачъ, 1881, №№ 7 и 8. (На основаніи 10 случаевъ декапитациі съ помощью крючка Braun'a, приче́мъ лишь въ одномъ случа́ѣ наступила смерть отъ разрыва маточной шейки, авторъ защищаетъ означенный инструментъ отъ нападокъ со стороны нѣкоторыхъ акушеровъ; въ случаяхъ, гдѣ декапитация невозможна изъ-за высокаго положенія шейки, авторъ, на основаніи 5 другихъ наблюденій, рекомендуетъ экзентерацію, послѣ которой нижній конецъ туловища легко выводится по механизму *evolutionis spontaneae*, или простымъ потягиваніемъ, или послѣ предварительнаго перелома позвоночника съ помощью того же крючка Braun'a.)
- Большесольскій П. К.** Два случая плодоизвлеченія съ нарушеніемъ цѣлости плода. — Прот. и труды Общ. Арханг. вр. за 1891 г., вып. II, стр. 27. (Въ одномъ случа́ѣ эмбриотомія.)
- Бриль М. О.** Случай эмбриотоміи мертваго плода у первороженицы, сдѣланной эмбриотомомъ проф. И. П. Лазаревича. — Врачъ, 1882, № 33, стр. 554. Корресп.
- Бриль М. О.** Внутритрубная спондилотомія. — Врачъ, 1887, № 27, стр. 525. (Три случая экзентераціи съ переламываніемъ позвоночника; въ одномъ случа́ѣ разрывъ боковой стѣнки растянутой шейки съ благопол. исходомъ; рекомендуется, между прочимъ, вылуцать, при случа́ѣ, выпавшую ручку.)
- Гамбурцевъ В.** Поперечное положеніе и разъятіе младенца. — Москов. Мед. Газета, 1864, №№ 26—28.
- Генрихсенъ К.** Изъ сельской акушерской практики. Четыре случая декапитациі. — Прот. зас. Общ. Одесскихъ вр. съ окт. 1876 по апрѣль 1877 г., стр. 116.
- Засядко Н.** Случай запущенныхъ родовъ при первомъ поперечномъ положеніи (*situs transversus primus*) съ послѣдующей эмбриотоміей. — Русская Медицина, 1886, № 21.
- Колбасенко И. С.** Случай брeфотоміи въ сельской практикѣ. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 4, прил., стр. 157.
- Кѣтлинскій, Ф. Ф.** Къ вопросу объ операциі отнятія выпавшей ручки. — Тоже, т. 5, прил., стр. 133.

- Лазаревичъ И. П.** Операци уменьшенія объема младенца. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1866—67 г., стр. 225. (О прободеніи и декапитаціи помощью изобрѣтеннаго авторомъ эмбриотома.)
- Маевскій А. И.** Практическія замѣтки. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1883 г., № 1. (Среди другихъ наблюденій сообщается о двухъ случаяхъ эмбриотоміи.)
- Макѣевъ А.** Случай decapitationis. — Труды Физ.-Мед. Общ. въ Москвѣ за 2-ую половину 1880 г., стр. 81.
- Марковскій П. И.** Два случая eviscerationis необычнымъ способомъ. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 1, вып. 2, стр. 14. Реф. (Противъ декапитаціи; evisceratio — при помощи троакара и пальца, послѣ чего поворотъ и экстракція.)
Къ вопросу объ эмбриотоміи. — Журн. акуш., 1892, стр. 367. (Съ добавленіемъ 3-го случая; инструменты, рекомендуемые для evisceratio, суть: пуговчатый или серповидный бистури и крѣпкій корнцангъ.)
- Панфиловичъ М. А. (ж.-вр.)** Три случая эмбриотоміи. — Сборникъ прот. Общ. Калужскихъ вр. за 1893 г., стр. 55.
- Панфиловичъ М. А. (ж.-вр.)** Два случая брѣфотоміи. — Тоже за 1897 г., стр. 30.
- Побѣдинскій Н. И.** Случай эмбриотоміи. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1895 г., стр. 122.
- Пущенко Е. П.** Decapitatio. — Прот. зас. губ. земскаго Врач. Совѣта и Совѣта вр. губ. земской Больницы за 2-ую половину 1885 г., стр. 121. Курскъ.
- Пѣтуховъ.** Эмбриотомія, произведенная кривыми ножницами. — Другъ Здравія, 1854, № 26.
- Реутскій И.** О показаніяхъ къ экзентераціи при запущенныхъ поперечныхъ положеніяхъ. — Русская Медицина, 1891, № 34.
- Розановъ П. Г.** Къ вопросу о механическомъ пособіи при запущенныхъ поперечныхъ положеніяхъ. — 1) Русская Медицина, 1891, №№ 13 и 14; 2) Труды Общ. Русс. вр. въ Москвѣ за 2-ое полугодіе 1890 г., стр. 49.
- Розенгартъ М. М.** Нѣкоторыя литературныя данныя къ вопросу о брахиотоміи при брѣфотоміи. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 5, прил., стр. 115.
- Соборовъ С.** Случай изъ акушерской практики. — Военно-Мед. Журн., 1867, т. 100, смѣсь, стр. 11. (Послѣ неудавшейся попытки поворота вылучена ручка, послѣ чего поворотъ удался.)

- Соловьевъ А. Н.** Случай декапитации посредствомъ крючка К. Брауна — Медиц. Вѣстникъ, 1877, №№ 34—36.
- Татариновъ П.** Случай сложной родовспомогательной операціи при подлежащемъ плечѣ и отсутствіи околоплодныхъ водъ. — Москов. Мед. Газета, 1866, № 28.
- Феноменовъ Н. Н.** Къ вопросу объ эмбриотоміи. Операція перерѣзки ключицъ (cleidotomia). — Ежедневный журн. „Практ. Мед.“, 1894, № 20.
- Флоринскій В. М.** Нѣсколько словъ о декапитации утробнаго младенца. — Медиц. Вѣстникъ, 1862, № 32. (Объ инструментѣ Пажо въ видѣ пеньковаго шнура для перетирания шейки.)
- Чудовскій В. А.** Къ техникумъ декапитации. — Врачъ, 1882, № 7.

Краниотомія.

- Багрянскій П. А.** Случай родовъ, оконченный краниотоміей. (Къ иллюстраціи оперативной дѣятельности въ захолустьяхъ.) — Прот. и труды Общ. Арханг. вр. за 1891 г., вып. 2, стр. 18.
- Баландинъ И. Ѳ.** О современномъ значеніи краниоклазии и приемахъ извлеченія перфорированной головки. — Дневникъ 3-го Съѣзда Русс. вр., стр. 378. Реф.
- Большесольскій П. К.** См. стр. 448 „Указателя“. (Въ одномъ случаѣ краниоклазія.)
- Брюкнеръ И. (Brückner J.)** De perforatione capitis fetus. — Diss., Dorpat, 1833.
- Кашкаровъ И.** Возможно ли довольствоваться нынѣшними общераспространенными краниокластами для всѣхъ цѣлей краниоклазмій? Описаніе инструмента другого типа. — Медиц. Обзоръ, 1887, т. 27, стр. 978. (Предлагается особый инструментъ, — видоизмѣненіе эмбриотома Лазаревича, — для выламыванія костей черепа.)
- Наблюденія надъ методами выламыванія костей свода черепа при краниотоміи. — Труды Общ. Русс. вр. въ Москвѣ за 1887 г., № 11.
- Къ вопросу объ удаленіи костей черепа при краниотоміи. — Журн. акуш., 1888, стр. 12.
- Кистеръ П. Э.** О краниотоміи живыхъ дѣтей. — Труды IV Съѣзда Русс. вр., стр. 970. Москва, 1892.

- Китеръ А.** Описаніе двухъ родовспомогательныхъ операцій. — Записки по части Врачебныхъ Наукъ, 1849, кн. 1, стр. 77. (Случай 1-ый: прободеніе на мертвомъ плодѣ.)
- Конаржевскій П. Г.** Матеріалы къ статистикѣ перфораций, произведенныхъ въ С. Петербургскомъ родовспомогательномъ заведеніи съ 1885 по 1894 г. включительно. — Дисс., СПб., 1897.
- Груздевъ В. С.** Рецензія. — Врачъ, 1897, № 22, стр. 635.
О дальнѣйшей полемикѣ, см. стр. 18 „Указателя“.
- Красина Т. М.** Два случая неправильныхъ родовъ. — Врачъ, 1880, № 37. (Во 2-омъ случаѣ произведена перфорация ампутаціоннымъ ножомъ чрезъ зеркало Fergusson'a.)
- Кубасовъ П. И.** Кефалотрипсиа, краниоклазія и базіотрипсиа по Тарнѣе. — Вѣстникъ Общ. Гиг., Суд. и Практ. Мед., 1892, т. XV, отд. IV, стр. 47 и т. XVI, отд. IV, стр. 81.
- Лазаревичъ И. П.** Показанія къ брефотоміи съ описаніемъ новоизобрѣтеннаго инструмента для этой операціи и двухъ случаевъ дробленія всей головки съ шейными позвонками. — Врачъ, 1890, № 12.
- Левандовскій Э. А.** Три случая употребленія краниокласта. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1876 г., № 8, стр. 169.
- Лейхтфельдъ П.** Прободеніе въ утробѣ материнской мертвѣго младенца. — Другъ Здравія, 1844, №№ 16 и 17.
- Личкусъ Л. Г.** Къ вопросу о прободеніи послѣдующей головки. — Врачъ, 1885, № 52.
- Маевскій А. И.** Практическія замѣтки. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1883 г., № 1. (Пунктъ 3-ій: случай кефалотрипсиа.)
- Орловъ В.** Прободеніе головки и извлеченіе плода одними ручными приѣмами. — Русская Медицина, 1888, № 17. (При гидроцефаліи.)
- Паупертовъ В. А.** Къ казуистикѣ перфораций головки. — Отчетъ Иноевса (Москва) за 1886 г., приложенія.
- Родзевичъ Г. І.** Изъ акушерской практики. — Русская Медицина, 1886, № 9. Пунктъ 1-ый: Прободеніе головки и извлеченіе ребенка при дѣтскомъ тазѣ.
- Соловцовъ Н. Н.** Прободеніе головки утробнаго младенца и его дальнѣйшая судьба. — Врачъ, 1898, № 52. (Предлагается производить перфорацию черепа, по возможности, настолько бережно, чтобы перфорированный родившійся младенецъ имѣлъ шансы на дальнѣйшее существованіе.)

- Сутугинъ В. В.** Къ вопросу объ извлеченіи плода послѣ прободенія головки. — Военно-Мед. Журн., 1872, т. 114.
- Сыромятниковъ И. М.** Эксперебраторъ. (Инструментъ для удаленія мозга послѣ прободенія головки плода.) — Труды Физ.-Мед. Общ. въ Москвѣ за 1885 г.
- Удинцовъ Г.** О значеніи краниокласта въ акушерской практикѣ. — 1) Дисс., СПб., 1873; 2) Военно-Мед. Журн., 1873, т. 116.
- Фавръ В.** Перфораторъ — буравъ. — 1) Журн. акуш., 1894, стр. 1071; 2) Труды Харьков. Мед. Общ. за 1895 г., вып. 1.
- Феноменовъ Н. Н.** О прободеніи черепа во время родовъ. — Врачъ, 1884, №№ 1—5.
- Эйнгорнъ I. В.** По поводу одного мѣста въ статьѣ частнаго преподавателя Н. Н. Феноменова. — Врачъ, 1884, № 34, стр. 592. (Историческая справка относительно хронологіи Ayur-Veda Sûsruta).
- Флоринскій В. М.** Можно ли допустить кефалотриксию надъ живыми младенцами? — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1860—61 г., стр. 133.
- Щеткинъ Д. С.** Инструментъ для просверливанія головки плода. — Медич. Обзоръ, 1893, т. 39, стр. 239.

Кесарское съченіе. Операция Porro.

- Абражановъ А. А.** Къ вопросу о кесарскомъ съченіи при относительномъ показаніи. — Журн. акуш., 1899, стр. 731.
- Автандиловъ М. З.** Случай консервативнаго кесарскаго съченія. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1896—97 г., стр. 238.
- Артемьевъ А. П.** См. стр. 403 „Указателя“.
- Айзенштатъ С. Л.** Кесарское съченіе, произведенное роженицею надъ собою помощью топора. — Врачъ, 1886, № 42.
- Баландинъ И. О.** См. стр. 341 „Указателя“.
- Башкировъ А. С.** Случай операціи Порро. — Журн. акуш., 1887, стр. 102.
- Башковъ В. Ф.** Случай кесарскаго съченія. — Врачъ, 1889, № 35. Корреспонденція.
- Бергъ.** Должно ли производить кесарское съченіе при тоническихъ судорогахъ матки? — Другъ Здравія, 1855, № 20.
- Бредовъ Р. К.** См. стр. 403 „Указателя“.

Бредовъ Р. К. Матеріалы для болѣе точнаго установленія показаній къ кесарскому сѣченію и операціямъ, уменьшающимъ объемъ плода при высшихъ степеняхъ суженія таза. — Дисс., СПБ., 1866.

Флоринскій В. М. Разборъ диссертациі Р. К. Бредова. — Медиц. Вѣстникъ, 1866, № 31.

Вейнбаумъ Н. См. стр. 336 „Указателя“.

Горецкій Ц. К. См. стр. 281 „Указателя“.

Гредингеръ. Случай кесарскаго сѣченія съ благопріятнымъ исходомъ для матери и младенца. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1894 г., стр. 64.

Грубе В. О. Случай Кесарскаго сѣченія на живой женщинѣ. — Прот. зас. Харьков. Мед. Общ. за 1871 г., № 12, стр. 95. (Первый случай въ Харьковѣ; операція произведена 17 сентября 1864 г.; рана матки оставлена незащитою; смерть на 4-ый день.)

Губаревъ А. П. Тяжелое осложненіе родовъ послѣ ventrofixatio uteri, приведшее къ кесарскому сѣченію. — Медицина, 1895, № 9.

Гугенбергеръ О. К. Къ вопросу о показаніяхъ къ кесарскому сѣченію. — Москов. Врач. Вѣстникъ за 1873—74 г., №№ 13 и 14. (О трехъ случаяхъ, гдѣ были произведены инныя операціи, а не кес. сѣченіе.)

Даниловичъ И. О. Случай кесарскаго сѣченія въ С. Петербургскомъ Родовспомогательномъ Заведеніи, оперированный по консервативному способу А. Я. Крассовскимъ. — Журн. акуш., 1887, стр. 446.

Дашкевичъ Л. Л. Случай кесарскаго сѣченія на мертвой. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 12, вып. 24.

Заксъ Г. Г. Случай кесарскаго сѣченія. — Журн. акуш., 1898, стр. 1158.

Случай Кесарева сѣченія. — Прот. и труды Общ. Рязанскихъ вр. за 1898 и 99 г., стр. 77.

Замшинъ А. И. Случай кесарскаго сѣченія по консервативному методу съ модификаціей Säger'a, оперированный А. И. Лебедевымъ. — Журн. акуш., 1887, стр. 461.

Замшинъ А. И. Къ вопросу о кесарскомъ сѣченіи при относительномъ показаніи. — Дисс., СПБ., 1888.

Предвар. сообщеніе. — Врачъ, 1888, № 8.

Зейдлеръ П. О кесарскомъ сѣченіи на мертвыхъ. — Архивъ Суд. Мед. и Общ. Гиг., 1870, кн. 4, отд. II, стр. 26.

Ивановъ А. И. Къ технику операціи консервативнаго кесарскаго сѣченія. — Журн. акуш., 1893, стр. 209.

Ивановъ А. И. Случай консервативнаго кесарскаго сѣченія при абсолютномъ показаніи. — Журн. акуш., 1893, стр. 726.

Ивановъ А. И. Случай консервативнаго кесарскаго сѣченія при косо-сѣуженномъ кифо-сколіозо-рахитическомъ тазѣ съ предлежаніемъ дѣтскаго мѣста. — Труды Общ. Кіевскихъ вр., т. III, вып. 3, стр. 196. Кіевъ, 1897.

Канъ Э. Г. Sectio cäsarea conservativa съ благопріятнымъ исходомъ для матери и ребенка. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1899 г., стр. 37.

Случай кесарскаго сѣченія при относительномъ показаніи. — Журн. акуш., 1899, стр. 1385. Корресп.

Киселевъ Н. С. Случай кесарскаго сѣченія по консервативному способу. — 1) Журн. акуш., 1898, стр. 316; 2) Сборникъ трудовъ вр. СПб. Род. Зав., вып. VI. СПб., 1898.

Крассовскій А. Я. Краткій обзоръ операцій кесарскаго сѣченія, произведенныхъ въ СПб. Родовспомогательномъ Заведеніи съ 16-го октября 1885 года по 1-е января 1888 года. — Журн. акуш., 1888, стр. 73.

Крассовскій А. Я. См. стр. 345 и 349 „Указателя“.

Кузьминъ П. И. Къ казуистикѣ сохраняющаго кесарскаго сѣченія. — Медич. Обзорѣніе, 1898, т. 50, стр. 651. (Кромѣ сѣуженія таза были рубцовыя измѣненія передней губы и передней стѣнки влагалища послѣ зашиванія фистулы.)

Лебедевъ А. И. Кесарское сѣченіе или краніотомія на живомъ плодѣ? — 1) Ежемед. Клин. Газета, 1886, № 36; 2) Труды Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1886—87 г., стр. 54.

Лезинъ В. В. Къ операціи Porro. — Врачъ, 1896, № 43.

Липинскій С. А. См. стр. 349 „Указателя“.

Липинскій С. А. Случай кесарскаго сѣченія по консервативному способу при относительномъ показаніи съ благопріятнымъ исходомъ для матери и плода. — Журн. акуш., 1896, стр. 1263.

Львовъ И. М. См. 2 работы его на стр. 404 „Указателя“.

Львовъ И. М. Кесарское сѣченіе при безусловномъ сѣуженіи таза съ благопріятнымъ исходомъ для матери и плода. — Врачъ, 1897, № 2.

- Львовъ И. М.** Два случая кесарскаго сѣченія при безъусловномъ сѣуженіи таза съ благопріятнымъ исходомъ для матери и плода. — Врачъ, 1899, № 4.
- Мазуркевичъ А. К.** Случай вторичнаго кесарскаго сѣченія на одной и той же женщинѣ. — Журн. акуш., 1892, стр. 27.
- Мазуркевичъ А. К.** Случай кесарскаго сѣченія. — Журн. акуш., 1892, стр. 146.
- Мазуркевичъ А. К.** Случай кесарскаго сѣченія, при относительныхъ показаніяхъ съ благопріятнымъ исходомъ для матери и плода. — Журн. акуш., 1896, стр. 1272.
- Макѣвъ А.** Случай кесарскаго сѣченія. — Москов. Медич. Газета, 1866, № 9. Корреспонденція изъ Лондона.
- Макѣвъ А.** Еще случай кесарскаго сѣченія. — Тамъ же, № 14. Корреспонденція изъ Эдинбурга.
- Мандельштамъ И. Г.** Случай консервативнаго кесарскаго сѣченія съ благопріятнымъ исходомъ для матери и ребенка. — Журн. акуш., 1897, стр. 756.
- Матвѣевъ А. Ѳ.** Кесарское сѣченіе на живой. — Хирург. Лѣтопись, 1891, т. I, стр. 354.
- Миллеръ В. Я.** Случай кесарскаго сѣченія по способу Порро, произведеннаго А. Я. Крассовскимъ. — Журн. акуш., 1887, прил. къ прот. № 13 ак.-гин. Общ. въ СПб.
- Нечипоренко В. С.** См. стр. 350 „Указателя“.
- Новицкій А. А.** Современное состояніе вопроса о кесарскомъ сѣченіи при относительномъ показаніи. — Врачъ, 1891, № 47.
- Новицкій І.** Случай кесарскаго сѣченія. — Врачебныя Вѣдомости, 1877, №№ 43 и 44.
- Оленинъ С. К.** Случай кесарскаго сѣченія съ благопріятнымъ исходомъ для матери и ребенка. — Прот. Тамбов. Мед. Общ. за 1897 г., стр. 125.
- Орловъ В. Н.** См. стр. 343 „Указателя“.
- Оттъ Д. О.** См. стр. 343 „Указателя“.
- Оттъ Д. О.** Три случая кесарскаго сѣченія. — Врачъ, 1891, №№ 8 и 9.
- Павловъ А. П.** Къ вопросу о выборѣ между консервативнымъ кесарскимъ сѣченіемъ и операцией Порро. Консервативное кесарское сѣченіе съ счастливымъ исходомъ для матери и плода. — Журн. акуш., 1897, стр. 123.

Павловъ П. О кесарскомъ сѣченіи на мертвыхъ. — 1) Дисс., СПб., 1864; 2) Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1863—64 г., стр. 419—460.

Петровъ В. А. См. стр. 350 „Указателя“.

Петровъ В. А. Случай операціи Рогго. — Врачъ, 1892, № 2.

Писемскій Г. Ф. Демонстрація микроскопическихъ препаратовъ фаллопиевыхъ трубъ, полученныхъ при повторномъ кесарскомъ сѣченіи и перевязанныхъ при первомъ кесарскомъ сѣченіи. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 10, вып. 19, стр. 40. Реф.

Побѣдинскій Н. И. Кесарское сѣченіе по способу Рогго съ благоприятнымъ исходомъ для матери и ребенка. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ, прот. зас. 26 января 1896 г.

Побѣдинскій Н. И. См. 3 работы его на стр. 343, 345 и 346 „Указателя“.

Пономаревъ М. Д. Кесарское сѣченіе на мертвой. — Прот. зас. Харьков. Мед. Общ. за 1871 г., № 12, стр. 92.

Поршняковъ Н. М. Случай операціи Рогго, произведенной А. Я. Крассовскимъ. — Журн. акуш., 1888, стр. 187.

Ракѣвъ А. П. См. стр. 350 „Указателя“.

Рено В. К. Случай кесарскаго сѣченія въ земской больницѣ съ благоприятнымъ исходомъ для матери и плода. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ, сообщено 22 апрѣля 1898 г.

Рейнъ Г. Е. Къ вопросу о кесарскомъ сѣченіи. — Медич. Вѣстникъ, 1876, № 32. Предв. сообщеніе. (Предлагается замѣна кесарскаго сѣченія вырѣзываніемъ беременной матки.)

Къ вопросу о замѣнѣ кесарскаго сѣченія вырѣзываніемъ беременной матки. (Способы безкровнаго вырѣзыванія беременной матки.) — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1878—79 г., стр. 72.

О замѣнѣ кесарскаго сѣченія вырѣзываніемъ беременной матки. — Тамъ же, стр. 139.

Кесарское сѣченіе или вырѣзываніе беременной матки? — Ежемед. Клин. Газета, 1881, №№ 14—18.

Рейнъ Г. Е. См. 2 работы его на стр. 350 „Указателя“.

Рейнъ Г. Е. Случай повторнаго кесарскаго сѣченія, съ благоприятнымъ исходомъ для матери и плода. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 10, вып. 19, стр. 20. Реф. (По поводу фиброзной опухоли малаго таза; о первой операціи кес. сѣч. у этой больной см. 3-ю изъ статей Г. Е. Рейна на стр. 350 „Указателя“.)

Рейнъ Г. Е. См. стр. 420 „Указателя“.

Рихтеръ В. М. Sectio caesarea in gravida, statim post mortem, instituta. — Synopsis, стр. 144.

Рихтеръ В. М. Relatio cum epicrisi de sectione caesarea Rigae in eadem foemina bis feliciter facta, quam ipsam hic Mosquae examinare contigit, lecta d. III junii 1811 in conventu Societatis physico-medicae Mosq. — Цит. по Richter'y „Geschichte der Medicin in Russland“, т. III, стр. 371.

Снегиревъ В. О. См. стр. 346 „Указателя“.

Соловьевъ А. Н. Кесарское сѣченіе по способу Porro — oophoro-hysterectomy caesarea. — 1) Медиц. Обзорѣніе, 1888, т. 30, стр. 805; 2) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1888 г., № 5.

Соловьевъ А. Н. О показаніяхъ къ искусственному законному выкидышу и кесарскому сѣченію. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1889 г., № 3.

Соловьевъ А. С. Случай кесарскаго сѣченія по Porro. — Къ вопросу о примѣненіи эластическаго жгута при вѣбрюшинномъ методѣ ухода за ножкою. — Журн. акуш., 1888, стр. 363.

Столыпинскій В. А. Къ вопросу о технику операціи кесарскаго сѣченія. — 1) Дисс., Казань, 1890; 2) Врачъ, 1890, № 23. Предварит. сообщ. (Эксперим. изученіе вопроса о значеніи эласт. жгута.)

Столыпинскій В. А. Кесарское сѣченіе при абсолютномъ суженіи таза съ благопріятнымъ исходомъ для матери и плода. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив. за 1894 г., вып. II, стр. 65.

Столыпинскій В. А. Случай кесарскаго сѣченія при относительномъ показаніи. — Журн. акуш., 1900, стр. 1461.

Сутугинъ В. В. Слѣдуетъ ли расширять показанье къ кесарскому сѣченію. — Труды II Съѣзда Русс. вр., т. II, отд. акуш. и женск. бол., стр. 36. Москва, 1887. (Безъ собств. фактическаго матеріала; ставится лишь вопросъ для совмѣстнаго обсужденія въ собраніи специалистовъ.)

Сутугинъ В. В. Кесарское сѣченіе при условномъ показаніи. — Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, 1888, т. VII, № 12/13, стр. 14.

Къ вопросу объ условномъ показаніи къ кесарскому сѣченію. — Врачъ, 1888, №№ 18 и 19.

Значеніе способа Porro и желательныя улучшенія его. — Медиц. Обзорѣніе, 1888, т. 30, стр. 1028.

Сутугинъ В. В. Второй случай удачнаго кесарскаго сѣченія съ видоизмѣненіемъ способа Рогго при абсолютномъ показаніи къ операциі. — Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, 1889, т. VIII, № 1, стр. 17.

Сутугинъ В. В. См. стр. 346 „Указателя“.

О двухъ кесарскихъ сѣченіяхъ при рактъ матки и обзоръ современнаго ученія о лѣченіи рака матки, осложненнаго беременностью. — Сообщ. и прот. зас. Сибургскаго Мед. Общ. за 1-ое полугодіе 1890 г., прил., стр. 12.

Тольскій Н. Случай кесарскаго сѣченія на живой женщинѣ съ благоприятнымъ успѣхомъ для младенца. — Москов. Медиц. Газета, 1862, № 20. (Оперировалъ проф. Кохъ, оперированная умерла отъ „нервнаго потрясенія“.)

Николаевъ Н. Замѣчанія относительно нѣкоторыхъ операций, произведенныхъ въ акушерской клиникѣ Московскаго Университета. — Тоже, 1862, №№ 50—52. (По поводу описаннаго Н. Тольскимъ случая акушерская клиника обвиняется въ цѣломъ рядѣ неправильныхъ дѣйствій.)

Тольскій Н. Отвѣтъ г. Николаеву. — Тоже, 1863, №№ 3, 5 и 6.

Николаевъ Н. По поводу отвѣта г. Тольскаго на мои замѣчанія относительно сообщеннаго имъ случая кесарскаго сѣченія, произведеннаго на живой женщинѣ въ акушерской клиникѣ Московскаго Университета. — Тоже, 1863, №№ 25—27.

Рубцовъ. По поводу отвѣта Н. А. Тольскаго на статью Н. П. Николаева. — Тоже, 1863, № 13.

Успенскій В. В. Къ казуистикѣ неправильностей женскаго таза. Четыре случая классическаго кесарскаго сѣченія. — Медиц. Обзорѣніе, 1900, т. 54, стр. 623.

Федоровская-Виридарская М. М. Случай повторнаго кесарскаго сѣченія. — Журн. акуш., 1895, стр. 249.

Федоровъ И. И. Случай консервативнаго кесарскаго сѣченія при абсолютномъ суженіи таза. — Журн. акуш., 1891, стр. 729.

Фишеръ А. Р. Случай сохраняющаго кесарскаго сѣченія при абсолютномъ показаніи. — Журн. акуш., 1892, стр. 1198.

Хазанъ С. Ю. Къ ученію о кесарскомъ сѣченіи при условномъ показаніи. — Журн. акуш., 1887, стр. 967. (На основаніи наблюденій въ Дрезденскомъ Пов. Инст.)

Чернышевъ И. В. Случай кесарскаго сѣченія при относительныхъ

- показаніяхъ. — Сообщ. и прот. зас. СПбургскаго Мед. Общ. за 1-ое полугодіе 1889 г., стр. 84.
- Ширшовъ Д. И.** Къ казуистикѣ кесарскаго сѣченія при узкихъ тазахъ. — Врачъ, 1896, № 36.
- Шмидтъ А. Э.** Критическія и экспериментальныя изслѣдованія о маточномъ швѣ. — Матеріалъ къ technikѣ кесарскаго сѣченія. — Дисс., СПб., 1881. (Къ собраннымъ изъ литературы 88 случаямъ присоединено подробное описаніе случая кес. сѣч., произведеннаго М. И. Горвацемъ.)
- Штоль К.** Случай операціи Рогго, произведенной директоромъ Московскаго Родовспомогательнаго Заведенія, докторомъ В. В. Сутугинымъ, 19 августа 1888 года. — Сообщ. и прот. зас. СПбургскаго Мед. Общ. за 2-ое полугодіе 1888 г., отд. сообщеній, стр. 24.
- Штраухъ М. А.** Случай консервативнаго кесарскаго сѣченія. — Труды Общ. Русс. вр. въ Москвѣ за 1-ое полугодіе 1892 г., стр. 87.
- Штраухъ М. А.** Три случая консервативнаго кесарскаго сѣченія. — Журн. акуш., 1898, стр. 857.
- Ястребовъ Н. В.** О консервативномъ кесарскомъ сѣченіи. — Журн. акуш., 1891, стр. 687. (Описаніе трехъ случаевъ.)

Лоносъченіе.

- Биддеръ Э. Ф.** Сообщилъ о случаѣ симфизеотоміи. — Журн. акуш., 1893, стр. 403.
- Биддеръ Э. Ф.** Сообщилъ о случаѣ симфизеотоміи. — Журн. акуш., 1893, стр. 894.
- Виридарскій С. Т.** Случай разсѣченія лоннаго соединенія. — Журн. акуш., 1894, стр. 23.
- Владиміровъ В. В.** Третій случай симфизеотоміи въ клиникѣ проф. Н. Н. Феноменова. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив., 1899, вып. I, стр. 39.
- Гороховъ Д. Е. и Хлѣбниковъ Н. Е.** Случай лоннаго хрящеразсѣченія въ земской практикѣ. — Врачъ, 1895, № 32.
- Димантъ Е. Б.** Экспериментальныя изслѣдованія о вліяніи сѣченія лоннаго соединенія на размѣры таза. — Предв. сообщеніе. — Журн. акуш., 1894, стр. 13. (Измѣренія въ различныхъ плоскостяхъ и направленіяхъ на тазахъ, какъ вырѣзан-

- ныхъ изъ трупа, такъ и *in situ* на трупѣ, при раздвиганіи концовъ лонныхъ костей до различныхъ степеней.)
- Ивановъ А. И.** Демонстрація родильницы послѣ симфизеотоміи. — Труды Общ. Кіевскихъ вр., т. IV, вып. 2, стр. 177. Кіевъ, 1898.
- Кашкаровъ И.** Сообщилъ о случаѣ симфизеотоміи. — Журн. акуш., 1893, стр. 235.
- Кочетковъ А. И.** Первый случай симфизеотоміи въ клиникѣ проф. Н. Н. Феноменова. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив., 1894, вып. IV, стр. 173.
- Кочетковъ А. И.** Второй случай симфизеотоміи въ клиникѣ проф. Н. Н. Феноменова. — Тоже, 1895, вып. II, стр. 49.
- Крассовскій А. Я.** Случай симфизеотоміи. — Журн. акуш., 1893, стр. 39.
- Лебедевъ А. И.** Сообщилъ о случаѣ симфизеотоміи. — Врачъ, 1893, № 4, стр. 110.
- Лезинъ В. В.** Два случая лоннаго хрищеразсѣченія въ земской практикѣ. — Врачъ, 1895, №№ 16 и 17.
- Липинскій С. А.** Краткій историческій очеркъ операціи лоносѣченія съ предъявленіемъ родильницы, перенесшей оную въ Могилевскомъ Родовспомогательномъ Заведеніи. — Журн. акуш., 1899, стр. 1240. Реф. изъ прот. Общ. вр. Могилевской губ. за 1896 г., стр. 73.
- Мироновъ М.** О симфизеотоміи. — Медиц. Обзоръ, 1893, т. 39, стр. 533.
- Нешель В. Е.** Случай лоносѣченія. — Врачъ, 1895, № 1.
- Рейнъ Г. Е.** См. 1-ую изъ работъ его на стр. 350 „Указателя“.
- Успенскій В. В.** По поводу двухъ случаевъ симфизеотоміи. — Медиц. Обзоръ, 1896, т. 46, стр. 569.
- Феноменовъ Н. Н.** Къ вопросу о симфизеотоміи (*symphyseotomia*). — Труды V Съѣзда Общ. Русс. вр. въ память Пирогова, т. I. СПб., 1894.
- Феноменовъ Н. Н. и Кочетковъ А. И.** Проектъ измѣненія операціи симфизеотоміи. — Врачъ, 1893, № 51. (Такъ какъ послѣ операціи лоносѣченія, по заживленіи раны, пространственныя отношенія таза остаются прежними и, слѣдовательно, при новыхъ родахъ потребуется новая операція, то авторы занялись идеей о созданіи стойкаго расширенія таза путемъ остеопластическаго выполненія пространства между расходящимися при лоносѣченіи концами лонныхъ костей; проектъ такой операціи разработанъ на трупахъ и опытами на животныхъ.)

IV. Патологія послѣродоваго періода.

1. Статистика акушерская вообще и статистика послѣродовыхъ заболѣваній въ частности.

- Артемьевъ А. П.** Краткій очеркъ о бывшей въ родильномъ отдѣленіи заболѣваемости септицеміей въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 годовъ. — Научныя Бесѣды вр. Закавказ. Пов. Инст., годъ 5-ый. Тифлисъ, 1890.
- Бидеръ Э. Ф.** Нѣсколько критическихъ замѣчаній о значеніи сравнительной статистики заболѣваемости и смертности въ родильныхъ учрежденіяхъ. — Врачъ, 1887, №№ 21 и 23. (По поводу нижеприведенной статьи д-ра Якуба авторъ говоритъ, что однѣ голыя цифры о заболѣваемости и смертности не даютъ надежной характеристики родовспомогательному учрежденію; для правильной оцѣнки необходимо знать внутреннюю жизнь его и всѣ условія его дѣятельности.)
- Буяльскій В.** Къ вопросу о теченіи послѣродоваго періода при нормальныхъ родахъ, протекшихъ безъ всякаго акушерскаго вмѣшательства. — Дисс., СПб., 1894.
- Бѣляевъ Я. П.** Этюдъ разбора санитарнаго состоянія Родовспомогательнаго Заведенія. Отчетъ за зиму 1882—83 г.) — Дисс., СПб., 1885.
- Гагаринъ П. П.** Разъясненіе слуховъ объ эpidеміи родильной горячки въ С. Петербургѣ. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1867—68 г., стр. 278. Заглавіе изъ указателя тома.
- Грюнингъ Р. Б.** Статистическій матеріалъ къ вопросу о профилактикѣ послѣродовыхъ заболѣваній. (По даннымъ отчетовъ С. Петербургскихъ родовспомогательныхъ учрежденій за 1885—97 г.) — Дисс., СПб., 1900.
- Докладъ** Статистической Комиссіи. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 3, прил., стр. 99.
- Икавитцъ Э. Х.** Къ статистикѣ смертности отъ родильной горячки въ родильныхъ домахъ. — Прот. зас. Тамбов. Мед. Общ. за 1886 г., стр. 194.
- Котовщиковъ А. И.** Статистика родовъ и смертности отъ нихъ по городамъ и селеніямъ Казанской губерніи. — Извѣстія и Ученыя Записки Каз. Унив., 1879, отд. мед. наукъ, стр. 175—225. (Свѣдѣнія за 1876 г.; общее число родив-

шихся 65 806, въ томъ числѣ было 748 двойней и 4 тройней; умерло отъ родовъ 436, изъ ихъ умерло: во время родовъ — 68, вскорѣ послѣ родовъ — 62, въ 1-ый день послѣ родовъ — 38, на 2-ой день — 21, на 3-й — 32, на 4-ый — 24, на 5-ый — 10, на 6-ой — 14, на 7-ой — 27, на 8-ой — 7, на 9-ый — 5, на 10—20 день — 62, на 21—30 день — 27, на 31—40 день — 14, на 41—50 день — 12 и на 51—60 день — 13.)

Котовщиковъ А. И. О смертности роженницъ и родильницъ. Сравнительная разработка данныхъ западно-европейскихъ государствъ и нѣкоторыхъ губерній Россіи. — Дисс., СПб., 1880.

Михайловъ В. Средніе русскіе акушерскіе итоги за пятьдесятъ лѣтъ по матеріалу печатныхъ отчетовъ родовспомогательныхъ учреждений. — (1840—1890.) — Дисс., СПб., 1895.

Муратовъ А. А. Матеріалы для акушерской статистики города Москвы. — Дисс., СПб., 1879. (Взяты свѣдѣнія изъ слѣд. учреждений: акуш. клиники Университета, род. отдѣленія Моск. Восп. Дома, род. пріютовъ Моск. Человѣколюбиваго Общ. и род. отдѣленія Моск. Голиц. Больницы; за какіе періоды времени взяты матеріалы, — точныхъ обозначеній, вообще, не содержится.)

Недородовъ И. П. Статистика о заболѣваемости женской половой сферы послѣ послѣднихъ родовъ. — Отчетъ Иноевса (Москва) за 1889 г., прил.

Сочава Н. А. Гинекологическія замѣтки. — Прил. къ прот. № 18 за 1871 г. Харьков. Мед. Общ. Пунктъ 2-ой: Устройство родильныхъ домовъ въ Англіи, пособія при родахъ на дому и статистика смертности въ родильныхъ домахъ и на дому.

Тарновскій И. М. Обзоръ состоянія послѣродовыхъ болѣзней съ марта 1859 г. по мартъ 1860 г. въ родильномъ госпиталѣ при Императорскомъ Повивальномъ Институтѣ, состоящемъ подъ покровительствомъ Государыни Великой Княгини Елены Павловны. — Военно-Мед. Журн., 1862, т. 83, отд. II, стр. 603.

Флоринскій В. М. О смертности родильницъ въ городѣ С. Петербургѣ и въ уѣздахъ СПб. губерніи. — Прот. зас. Общ. Русс. вр. въ СПб. за 1872—73 г., стр. 229.

Черневскій Э. Ф. См. стр. 119 „Указателя“.

Якубъ І. Ю. Заболѣваемость и смертность въ родильныхъ учрежденияхъ Европейской Россіи за періодъ времени съ 1875 по 1885 г. — 1) Врачъ, 1887, №№ 8, 10 и 11; 2) Труды 2-го Съезда Русс. вр., т. II, отд. акуш. и женск. бол., стр. 3. Москва, 1887.

2. Септическія заболѣванія родильницъ.

Этіологія и сущность родильной горячки.

Амброжевичъ П. М. Что такое „молочная лихорадка?“ — Акушерка, 1890, № 5.

Аншелесъ Ю. О. Способы полученія лохий по отдѣльнымъ частямъ полового канала женщины съ бактеріологическою цѣлью. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 6, вып. 11, прил., стр. 36.

Афанасьевъ А. Н. Къ вопросу о микроорганизмахъ послѣродовыхъ отдѣленій. — Тоже, т. 7, прил., стр. 79.

Добронравовъ В. А. Критика доводовъ, приводимыхъ въ защиту міазматическаго происхожденія послѣродовой горячки. — Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, т. II, стр. 315.

Замшинъ А. И. Къ вопросу о самозараженіи. — Врачъ, 1890, № 20.
„Самозараженіе“ („естественное зараженіе“) съ бактеріологической и экспериментальной точекъ зрѣнія. — Врачъ, 1892, № 8.

Бактеріологическія и экспериментальныя изслѣдованія объ антисептикѣ при родахъ вообще и объ естественномъ зараженіи (самозараженіи) въ частности. — Труды 4-го Съѣзда Русс. вр., стр. 963. Москва, 1892.

Запольскій Н. В. Теорія пuerперальнаго процесса. — Москов. Мед. Газета, 1871, № 15.

Каминскій С. Этіологія родильной горячки (febris puerperalis) и послѣродовое воспаленіе сочлененій (arthrophlogosis puerperarum). — Дисс., Москва, 1863.

Изъ области женскихъ болѣзней. (Отрывокъ изъ диссертаци.) — Моск. Мед. Газета, 1862, №№ 18 и 19. (Родильная горячка есть болѣзнь эндемическая, а не эпидемическая.)

Мандельштамъ В. Я. Историческій обзоръ ученія объ этіологіи и сущности родильной горячки. — Прот. Общ. Одесскихъ вр., зас. 26 января 1885 г.

Масловскій В. Ф. Къ ученію о самозараженіи родильницъ. — (Экспериментально-бактеріологическое изслѣдованіе.) — Журн. акуш., 1892, стр. 321.

Замшинъ А. И. По поводу статьи приватъ-доцента В. Ф. Масловскаго: „Къ ученію . . .“ Тамъ же, стр. 530.

Масловскій В. Θ. Отвѣтъ на замѣтку приватъ-доцента А. И. Замшина по поводу статьи приватъ-доцента В. Θ. Масловскаго: „Къ ученію“ — Тамъ же, стр. 636.

Масловскій В. Θ. *Bacillus pyogenes foetidus*, біологическія и патогенныя свойства этой палочки и значеніе ея для родильныхъ заболѣваній. — Больничная Газета Боткина, 1892, № 23.

Мироновъ М. М. О причинахъ послѣродовыхъ заболѣваній. — 1) Дисс., Харьковъ, 1889; 2) Труды Харьков. Мед. Общ. за 1889 г., вып. II.

Къ ученію о послѣродовыхъ заболѣваніяхъ. — (Предв. сообщ.) — Врачъ, 1889, № 30.

Образцовъ. Родильная горячка. (Очеркъ современнаго ученія объ этой болѣзни.) — Военно-Мед. Журн., 1860, т. 79, стр. 223.

Сочава Н. Современное ученіе о послѣродовой горячкѣ (*febris puerperalis*). — Медиц. Вѣстникъ, 1872, №№ 37, 40 и 41.

Строгановъ В. В. Стерильность мацерированныхъ плодовъ и асептический трупикъ для операцій на фантомѣ. — Журн. акуш., 1897, стр. 1323.

Тольскій Н. А. (Въ оригиналѣ лишь инициалы **Н. Т.**) О значеніи и сущности преній о послѣродовой горячкѣ въ Парижской Медицинской Академіи. — Москов. Медиц. Газета, 1858, №№ 39, 42 и 46.

Фохтъ А. Патологія пуэрперальныхъ заболѣваній. — Отчетъ Иноевса (Москва) за 1886 г., прил. (Клиническое разсмотрѣніе формъ заболѣваній, вызываемыхъ микробами патогенными и непатогенными; безъ собственныхъ бактеріологическихъ изслѣдованій.)

Фохтъ А. Основы патологіи и терапіи послѣродовыхъ заболѣваній. — 1) Отчетъ Иноевса (Москва) за 1888 г., прил.; 2) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1889 г., № 1.

Черневскій Э. Ф. Къ вопросу о послѣродовыхъ заболѣваніяхъ. — (Бактеріоскопическое изслѣдованіе.) — Дисс., СПб., 1888.

Формы инлостныхъ послѣродовыхъ заболѣваній.

Аксаковъ. *Ulcera puerperalia*. — Прот. зас. Общ. вр. гор. Вятки, № 8—12, стр. 20. Вятка, 1891. Цит. по Журн. акуш., 1891, стр. 849.

всѣхъ ихъ деталяхъ, ихъ рельефы контуры и краски. Зрительная память получаетъ безусловно великое значеніе потому и при изученіи искусствъ, при изученіи ихъ съ технической стороны, при изученіи ремеслъ, такъ какъ, начиная отъ настоящаго художника своего дѣла, скульптора, архитектора, инженера и до каменщика, маляра включительно, каждый въ этой области необходимо долженъ мысленно умѣть представлять себѣ свою работу. Мысль эту проводилъ еще Вольтеръ въ своихъ *Imaginations*.

Можно указать также довольно много какъ наукъ, такъ и профессій, гдѣ зрительная память получаетъ преобладающее значеніе. Зрительная память получаетъ особое значеніе, напримѣръ, при изученіи естественныхъ наукъ, медицины. Трудно даже представить себѣ хорошаго врача, а также и зоолога, которые не обладали бы способностью вполне яснаго и нагляднаго представленія специфическихъ чертъ животнаго и растительнаго міра, которые не имѣли бы отчетливаго воспроизведенія для себя состоянія внутреннихъ органовъ съ ихъ характерными особенностями. Зрительная память въ подобныхъ случаяхъ получаетъ безусловно громадное значеніе какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Для примѣра возьмемъ хотя бы такого рода частность, какъ изученіе анатоміи. Въ виду того, что въ конечномъ результатѣ изученія этой отрасли науки лежитъ требованіе — умѣть возстановлять въ своей памяти разсматриваемое тѣло, какъ нѣчто вполне связанное, состоящее изъ опредѣленнаго рода тканей и твердыхъ частей, большое значеніе получаетъ и способность хорошо усваивать форму, цвѣтъ и т. п.

Насколько необходима зрительная память для математика, нагляднѣе всего въ этомъ можетъ убѣдить изученіе хотя бы, напр., геометріи. При изученіи этой отрасли математики, какъ при рисованіи и черченіи, лишь хорошо одаренный зрительною памятью пріучается быстро и отчетливо воспринимать и воспроизводить въ своей памяти матеріальныя формы геометрическихъ фигуръ.

При изученіи исторіи и такъ близко соприкасающейся съ ней географіи, гдѣ дается понятіе объ опредѣленнаго рода событіяхъ, людяхъ и мѣстностяхъ, зрительная память, естественно, занимаетъ выдающуюся роль и способна оказывать громадную помощь. Единственно она можетъ въ данномъ

случаѣ сдѣлать усвоеніе фактовъ болѣе яркимъ, красочнымъ, картиннымъ, а потому и саму передачу ихъ болѣе увлекающей и интересной. Умѣнье же художественно описывать и комбинировать историческіе факты для слушателя или читателя равносильно вліянію хорошо исполненной, не говоря уже о картинѣ, но хотя бы даже географической карты, гдѣ дается наглядное представленіе мѣстности, расположенія рѣкъ, городовъ и т. п.

Доказано, что благодаря хорошей зрительной памяти какъ взрослому, такъ и ребенку дается возможность лучше запечатлѣвать въ умѣ даже механически какой либо образъ, будетъ ли это самымъ предметомъ или же его начертаніемъ. На этомъ основаніи зрительная память получаетъ такое громадное значеніе при изученіи, напр., орѳографіи, и чѣмъ слабѣе зрительная способность памяти, тѣмъ всегда оказывается болѣе шансовъ для изучающаго быть побѣжденнымъ болѣе счастливо одареннымъ въ такомъ отношеніи товарищемъ.

Какимъ путемъ, напр., можетъ получить объясненіе такого рода наблюдаемое нерѣдко явленіе, что ребенокъ, сравнительно болѣе интеллигентный и довольно много читающій съ большимъ трудомъ иногда одолѣваетъ орѳографическія трудности, чѣмъ его товарищъ, находящійся въ сравнительно менѣе культурныхъ условіяхъ? Безспорно, въ первомъ случаѣ должно ожидать болѣе сознательнаго отношенія къ своему дѣлу. Сознаніе же — опорная точка памяти вообще. Память сознательная — эта форма и рассматривается обыкновенно какъ память въ собственномъ смыслѣ слова. Благодаря своей интенсивности, сознаніе способно всегда сильнѣе противостоять забвенію, а благодаря своей сложности сознательное отношеніе къ чему бы то ни было оказывается способнымъ вступать въ многочисленные соотношенія съ другими состояніями и тѣмъ самымъ увеличивать шансы для оживленія, воспроизведенія въ памяти опредѣленнаго предмета. Однако въ механизмѣ нашей памяти сознаніе является, повидимому, иногда элементомъ какъ бы добавочнымъ. Читая книгу, слѣдя за текстомъ, мы обыкновенно, вѣдь, бѣгло скользимъ по ея строкамъ и не всматриваемся при этомъ сознательно въ каждую при этомъ букву. Тѣмъ не менѣе процессъ чтенія механическимъ является лишь въ своемъ позднѣйшемъ возрастѣ, движенія

его становятся автоматическими, тогда какъ въ первый періодъ своей жизни всѣмъ актамъ его сопутствуетъ всегда до извѣстной степени сознание. Начиная учиться читать или писать всегда сознательно слѣдитъ за своими первыми попытками въ этомъ направленіи. Каждое же наше движеніе можетъ въ извѣстной мѣрѣ переходить за рубежъ сознанія, т. е. становится безсознательнымъ, когда привычно и уже успѣваетъ утратить значительную степень въ своей первоначальной напряженности. Въ данномъ случаѣ это одно изъ основныхъ условій. Установивъ такого рода фактъ, можетъ быть и болѣе яснымъ, что при хорошей зрительной памяти чтеніе всегда можетъ служить въ то же время и совершенно произвольнымъ упражненіемъ до извѣстной степени въ орфографіи. При недостаткѣ зрительной памяти можно хотя много разъ прочитывать какое либо изъ трудныхъ орфографическихъ мѣстъ, и можно въ немъ долго ошибаться; въ данномъ случаѣ получается въ сущности аналогичное явленіе, если бы, напр., неискусный рисовальщикъ возымѣлъ намѣреніе нарисовать на память какой либо предметъ.

Наиболѣе яркимъ представителемъ слухового типа является, конечно, музыкантъ, способный скоро и легко усваивать прежде всего звуковые образы. Обладая тонкостью музыкальнаго слуха, человѣкъ получаетъ возможность и воспроизводить въ опредѣленной мѣрѣ послѣдовательно всѣ слуховыя комбинаціи воспринятыхъ имъ звуковъ. Но не говоря уже о музыкѣ, отъ хорошей слуховой способности вообще и отъ умѣнья удерживать, сохранять въ памяти звуки въ сильной степени зависитъ успѣхъ, напр., изученія иностранныхъ языковъ; отъ этого также въ зависимости можетъ быть и искусство писать стихи, насколько это касается сочетанія такта и размѣра стиха, его рифмы.

Что касается моторнаго типа памяти, сравнительно болѣе ярко выраженнымъ онъ встрѣчается рѣже, а потому и менѣе останавливалъ на себѣ общее вниманіе. На такую особенность человѣка болѣе другихъ обратила вниманіе и занялась изслѣдованіемъ въ этой области англійская школа. Къ категоріи людей моторнаго типа относятъ всѣхъ успѣвающихъ прежде всего въ техникѣ какого бы ни было ремесла. Говоря о способности удерживать главнымъ образомъ моторные образы, Кейра замѣчаетъ, что способность

эта „помимо той пользы, которую она может приносить для знанія и для воспроизведенія звуковъ, она предрасполагаетъ къ рисованію, лѣпкѣ, къ каллиграфіи, къ плавности рѣчи, къ быстрой и вѣрной игрѣ на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ и въ частности къ работамъ, требующимъ ловкости.“

Въ виду того, что проявленіе памяти принадлежитъ къ категоріи наиболѣе поразительныхъ въ сферѣ психическихъ способностей человѣка, въ жизни и исторіи указывается довольно примѣровъ, когда способность эта рельефно выражалась. Примѣры выдающихся счетчиковъ, людей, обладающихъ способностью запоминать наизусть чуть ли не цѣлые фоліанты, въ такомъ же родѣ ученыхъ по различнымъ специальностямъ, художниковъ, въ состояніи наглядно убѣждать въ феноменальномъ проявленіи этой способности какъ въ зрительномъ, такъ слуховомъ или моторномъ направленіи. Однако въ колоссальномъ видѣ памятью обладаетъ сравнительно меньшинство, а потому и болѣе нормальнымъ явленіемъ считается память средняя. Тѣмъ не менѣе, указать точно норму въ данномъ случаѣ всегда можетъ представлять не мало затрудненій. По этому поводу проф. Оршанскій замѣчаетъ: „Въ жизни мы встрѣчаемъ у людей постепенный переходъ отъ средней памяти къ очень большой, отъ послѣдней къ такъ называемой феноменальной. Спрашивается, у кого изъ членовъ этого рода можно предположить начало этой предполагаемой особой специфической, геніальной памяти“. На основаніи высказаннаго взгляда тотъ же авторъ склоненъ считать феноменальную память, „лишь гипертрофіей общаго всѣмъ людямъ душевнаго качества“.

При нормальномъ, здоровомъ состояніи человѣкъ не можетъ обладать исключительно присутствіемъ одного какого либо изъ видовъ памяти при полномъ отсутствіи остальныхъ. Память зрительная, слуховая и моторная въ качествѣ основной встрѣчается лишь въ различныхъ степеняхъ. Нерѣдко можетъ быть, конечно, что эти виды памяти будутъ имѣть свои градаціи, проявленія одного вида будутъ сильнѣй, другого слабѣй, отчего въ тѣсной зависимости и явится разнообразіе и степени яркости самихъ представленій у человѣка. Такъ, напр. производя самонаблюденія, Тэнъ замѣчаетъ: „Я обладаю обыкновенной памятью на формы и немного лучшей на цвѣта. Я безъ труда вспоминаю черезъ нѣсколько лѣтъ

пять или шесть частей предмета, но не помню его точнаго контура . . . Даже при произвольныхъ представленіяхъ, которыя отличаются наибольшей живостью, я вижу только на половину“. Продолжая самоанализъ, тотъ же авторъ указываетъ, что онъ могъ не только свободно повторять мысленно понравившуюся ему музыку, этого мало, онъ „почти ее чувствовалъ“. Такъ, вспоминая о томъ впечатлѣніи, которое и произвела на него опера Мейербера „Пророкъ“, онъ говоритъ, что помнилъ „не только порядокъ звуковъ, ихъ различную высоту, остановки и продолжительность, не только музыкальную фразу, повторяемую на подобіе эха, но даже рѣзкій, пронзительный тембръ гобоя ее воспроизводящаго, его жесткія, напряженныя ноты, имѣющія такую дикую пронзительность, что нервы вздрагиваютъ отъ него, проникаясь грубымъ удовольствіемъ, какъ отъ вкуса слишкомъ крѣпкаго вина“. Обладая указанными данными памяти, Тэнъ успѣлъ проявить себя въ качествѣ глубокаго психолога и писателя, владѣющаго способностью яркаго и колоритнаго слога.

Различіе въ припоминаніи, конечно, всегда будетъ зависить отъ способа пріобрѣтенія его. Люди такъ называемаго средняго нормальнаго типа, которые чаще всего и встрѣчаются въ нашей жизни, рѣзко выраженныхъ видовъ своей памяти не проявляютъ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ три вида памяти у такихъ людей являются болѣе или менѣе уравновѣшенными, въ виду того, что сами воспринимающія способности ихъ въ этомъ отношеніи оказываются до извѣстной степени одинаковыми. Пользуясь одинаково своими воспринимающими способностями въ силу условій, человѣкъ естественно не можетъ проявлять усиленно и какого либо вида памяти.

Наблюденія надъ людьми средняго типа показали, что, если такому человѣку приходится о чемъ либо вспоминать, размышлять, то смотря по предмету и на основаніи предыдущаго опыта отъ занятій, онъ и употребляетъ всегда въ разнообразныхъ комбинаціяхъ различные образы. Если такого типа человѣку необходимо вспомнить какое либо лицо или вещь, они представляются ему съ опредѣленными своими особенностями со стороны формы, окраски, звука и т. п. У человѣка, котораго относятъ къ нормальному, среднему типу памяти, всѣ эти образы воспроизводятся въ памяти въ большинствѣ случаевъ какъ бы сразу вмѣстѣ. Такъ, вспоминая, напр., кого либо изъ своихъ знакомыхъ, онъ вспомнить об-

щую фигуру этого знакомаго, тонъ его голоса, цвѣтъ его волосъ, манеру держать себя. Школьныя наблюденія нерѣдко, напр., могутъ указать, что дѣти, относимыя къ среднему, нормальному типу памяти, каждое слово своего урока представляютъ себѣ въ видѣ печатныхъ или писанныхъ буквъ, въ видѣ ихъ звуковъ и въ видѣ тѣхъ движеній, которыя производятъ при написаніи или произнесеніи этихъ буквъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ребенокъ средняго типа воспроизводитъ въ своей памяти всѣ эти образы сразу вмѣстѣ въ опредѣленномъ взаимномъ соотношеніи.

Въ жизни человѣка память вообще всегда занимала и будетъ занимать видную роль. Въ былыя времена память и способности человѣка являлись какъ бы синонимами, да и въ позднѣйшее время между тѣмъ и другимъ въ сущности дѣлается ли особо строгое раздѣленіе? Потому различнаго рода виды и формы дарованій оказываются всегда такъ тѣсно и неразрывно связанными съ проявленіями выдающейся памяти въ опредѣленномъ направленіи.

XIV.

О развитіи „памяти“.

Безспорно, что природныя особенности нашей памяти всегда имѣютъ громадное значеніе, а широкій просторъ при этомъ ихъ развитію можетъ дать возможность процвѣтанію и опредѣленнаго рода талантовъ. Нѣкоторые философы вполне соглашались съ тѣмъ положеніемъ, что наиболѣе развитое проявленіе памяти является прямымъ слѣдствіемъ большаго ея упражненія въ извѣстномъ направленіи. Спенсеръ указываетъ, напр., что хорошею памятью обладаютъ очень часто тѣ въ опредѣленномъ направленіи, чьи предки имѣли болѣе возможности долгое время упражнять соотвѣтствующую свою способность. Кэйра по этому поводу замѣчаетъ: „Никогда не случается, чтобы дикарю измѣнила память на мѣста, какъ никогда этого не бываетъ съ волкомъ или лисицей; эта память была слишкомъ необходимой, слишкомъ неизмѣнно пускалась въ ходъ при томъ образѣ жизни, какой вели его предки“.

Неоспоримо, что каждый изъ видовъ нашей памяти въ состояніи достигать тѣмъ большей степени развитія и процвѣтанія, чѣмъ больше его упражнять и наоборотъ, когда ему приходится бездѣйствовать, оказывается одинаково способнымъ пропорціонально ослабѣвать. Установивъ такого рода положеніе, можно имѣть и достаточно оснований, что слабое проявленіе памяти въ какомъ либо направленіи въ сущности далеко еще не всегда коренная неспособность въ такомъ отношеніи. Многіе философы не даромъ держатся того мнѣнія, что до извѣстной мѣры мы способны какъ бы создать себѣ желанный видъ памяти. Наблюденія и экспериментъ въ данномъ случаѣ уже давно оцѣнены по достоинству. Свѣдѣнія же, которыя имѣются по

этому вопросу, и которыя въ извѣстной мѣрѣ объединены въ общій взглядъ при помощи науки и установленныхъ ею принциповъ, мы постараемся разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе.

Какъ мы уже упоминали выше, человѣкъ, обладающій отъ природы хорошими зрительными, слуховыми или моторными особенностями памяти, имѣетъ данныя и въ послѣдствіи можетъ оказаться выдающимся художникомъ, артистомъ въ своемъ дѣлѣ. Специальное развитіе опредѣленнаго вида памяти дастъ возможность разрабатывать соотвѣтствующаго рода науку, искусство и успѣшно работать въ своей профессіи. Что же касается того, какую степень развитія при благоприятныхъ природныхъ данныхъ въ силахъ получить каждый изъ нашихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, когда въ качествѣ средства развитія памяти имѣетъ систематическое упражненіе, въ этомъ не трудно убѣдиться изъ наглядныхъ примѣровъ на каждомъ шагу въ обыденной жизни. Такого рода, напр., профессионалы, какъ живописцы, обойщики, мозаитчики и т. п., систематически упражняя свое зрѣніе, получаютъ наглядную способность различать самыя тонкіе оттѣнки красокъ тамъ, гдѣ каждый изъ насъ нерѣдко замѣтитъ лишь основной преобладающій тонъ. Какъ на примѣръ выдающейся остроты зрѣнія довольно можетъ быть и въ средѣ глухо-нѣмыхъ. Глухо-нѣмые выучиваются постепенно замѣчательно тонко слѣдить за движеніями губъ и вообще всего лица говорящаго. Навыкъ ихъ въ этомъ направленіи можетъ нерѣдко дойти до такой степени, что они получаютъ возможность повидимому безъ особаго затрудненія не только что говорить, но и говорить даже громко или тихо. Указываютъ на то, что глухо-нѣмые бывали въ состояніи не только понять, но и могли повторить рѣчь говорящаго, хотя бы онъ находился на отдаленномъ концѣ комнаты, тогда какъ и сравнительно гораздо ближе стоявшіе къ оратору, но обладавшіе зауряднымъ развитіемъ зрѣнія и слуха, не въ силахъ оказывались улавливать рѣчь вполнѣ. Однако, стоило лишь говорившему при этомъ повернуться къ зрителямъ спиной или же становилась недостаточной степень освѣщенія и глухо-нѣмые при этомъ утрачивали проявленную ими столь блестяще способность.

Не менѣе поразительнымъ можетъ быть также и проявленіе развитой упражненіями утонченности слуха. Какъ на

примѣръ такого рода явленій въ сферѣ обыденной жизни, указываютъ на охотниковъ, лѣсныхъ сторожей, которые настолько успѣваютъ изошрить свой слухъ, что довольно свободно различаютъ пѣніе и крики различного рода птицъ, опредѣляютъ сравнительно правильно разстояніе по звуку. Что же касается людей, специально посвятившихъ себя занятію музыкой или пѣніемъ, вполне естественно, что они развиваютъ свою способность до тонкаго различія гармоніи и дисгармоніи тамъ, гдѣ для уха неспециалиста это можетъ быть и не ошутимо.

По словамъ Карпентера, одинъ очень искусный піанистъ могъ исполнять фортепіанныя пьесы даже въ полуснѣ. Фактъ такого рода, по мнѣнію того же автора, находитъ себѣ объясненіе отчасти въ развитіи слуховой памяти, отчасти и въ участіи также развитого мышечнаго чувства, съ своей стороны въ данномъ случаѣ опредѣлявшаго извѣстную послѣдовательность и ходъ движеній.

Примѣры слѣпыхъ отъ рожденія или же ослѣпшихъ вслѣдствіе болѣзни могутъ служить также не менѣе нагляднымъ доказательствомъ, насколько возможно развитъ свое чувство осязанія. Не говоря уже о работахъ, исполняемыхъ слѣпыми благодаря исключительно изошренному осязанію, но ихъ искусство читать книги, напечатанныя выпуклыми буквами и читать не менѣе бѣгло, чѣмъ зрящій читаетъ напечатанное типографской краской, — служитъ въ то же время примѣромъ того, какую пользу возможно бываетъ извлекать изъ преобладающаго развитія одного изъ видовъ памяти.

Указывается, однако, довольно примѣровъ, что развитіе какого либо вида памяти преимущественно, хотя и имѣетъ свои положительныя стороны, неоспоримыя при благопріятныхъ условіяхъ, при обратныхъ же въ то же время это можетъ грозить довольно серьезной опасностью. По очень мѣткому опредѣленію Кэйра, человѣкъ съ исключительнымъ развитіемъ какого либо вида памяти — безусловно крупный капиталистъ, но капиталистъ, вложившій непредусмотрительно всѣ свои средства въ одинъ банкъ. Когда дѣла этого банка идутъ хорошо, капиталистъ получаетъ громадную выгоду; но стоитъ лишь почему либо банку прекратить платежи и крупный его вкладчикъ рискуетъ остаться нищимъ. Не аналогичное ли явленіе можетъ быть, когда, напр., болѣзнь заставляетъ человѣка утрачивать преобладающій видъ его

памяти или перемена условий жизни резко поворачивает привычное направление занятий. Въ подобныхъ случаяхъ, выполнѣ естественно, всѣ остальные виды памяти, ослабленные исключительнымъ развитіемъ памяти специальной, а теперь уже въ силу обстоятельствъ или утраченной, или непримѣнимой, въ качествѣ недоразвитыхъ бываютъ въ состояніи лишь сравнительно очень слабо реагировать. Какъ иллюстрація можетъ служить примѣръ приводимый у Кэйра. Онъ указываетъ на одного изъ пациентовъ Шарко, вслѣдствіе болѣзни утратившаго свою выдающуюся зрительную память. Больной этотъ дошелъ до такого состоянія, что пересталъ даже узнавать себя самого въ зеркалѣ. Пришлось начинать воспитаніе своей памяти сначала, на подобіе малаго ребенка. Чтобы заучить, напр., рядъ фразъ этому больному приходилось „читать ихъ вслухъ нѣсколько разъ и производить такимъ путемъ впечатлѣніе на ухо; когда впослѣдствіи онъ ихъ повторялъ, онъ имѣлъ ясное ощущеніе внутренняго слуха, предшествующее произношенію словъ — ощущеніе нѣкогда ему неизвѣстное“. Какъ говорилъ самъ больной: „я принужденъ сказать себѣ то, что хочу удержать въ памяти, тогда какъ прежде мнѣ стоило это только фотографировать зрѣніемъ“. Подобнаго же рода явленія наблюдаются, когда при потерѣ зрѣнія научаются читать, проводя рукой по выпуклостямъ буквъ, т. е. прибѣгая къ помощи пальцевъ, замѣняющихъ въ данномъ случаѣ глаза. Сравнительно болѣе развитой моторный видъ памяти получаетъ возможность такимъ путемъ давать даже полное представленіе процесса чтенія. При потерѣ каждаго изъ видовъ нашей памяти происходитъ то же самое: утраченный видъ памяти постепенно какъ бы возрождается черезъ посредство остальныхъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ видѣть, что пострадавшій вслѣдствіе какихъ либо неблагопріятныхъ причинъ видъ памяти до извѣстной степени можетъ получить какъ поддержку такъ и быть даже замѣненнымъ другимъ. Однако происходитъ это лишь въ томъ случаѣ, если исключительность развитія памяти не доходитъ до предѣловъ односторонности; иначе грозитъ большая опасность: пострадавшій видъ памяти тогда утратитъ тѣмъ сильнѣе въ возможности быть до извѣстной степени замѣненнымъ другимъ.

Чрезмѣрное развитіе какого либо изъ видовъ памяти, которое неизбѣжно всегда должно итти въ ущербъ остальнымъ,

влечетъ за собою вполнѣ естественное уклоненіе отъ нормы. Когда нѣтъ опредѣленной пропорціональности въ развитіи всѣхъ отдѣловъ нашей памяти, понятно, и проявленіе отдѣльныхъ представленій при этомъ пропорціонально умѣряется. При такого рода условіяхъ положеніе человѣка, иногда можетъ оказаться чрезвычайно затруднительнымъ. Помимо того исключительное развитіе, направленіе нашей памяти можетъ грозить даже болѣзненностью своего проявленія. Слабую степень такого рода болѣзненности въ проявленіи памяти до извѣстной степени могъ наблюдать у себя каждый. Напр., бываетъ иногда, что совершенно случайно увидѣнный предметъ, услышанное слово или мотивъ начинаютъ вдругъ неотступно преслѣдовать, доставляя тѣмъ довольно непріятное ощущеніе. Но это лишь слабыя тѣни. На болѣе же крупныя явленія такого же рода намъ можетъ указать какъ сама жизнь, такъ и исторія. Ни чѣмъ инымъ, какъ гипертрофіей проявленія памяти въ опредѣленномъ направленіи и объясняются такого рода явленія, каковы были, напр., голоса, слышанные Орлеанской дѣвой, демонъ, преслѣдовавшій Сократа, и дьяволъ, въ котораго Лютеръ бросалъ чернильницей, небесный вѣстникъ представлявшійся Магомету и т. п.

Въ виду того, что въ жизни черезчуръ рѣдко приходится пользоваться исключительно одной какой либо группой образовъ зрительныхъ, слуховыхъ или осязательныхъ, и каждое дѣло требуетъ всегда болѣе или менѣе извѣстнаго соединенія такихъ образовъ, взаимная помощь и поддержка между ними является существеннымъ требованіемъ для лучшаго выполненія дѣла.

Что же касается крайностей, то во многихъ отношеніяхъ онѣ могутъ оказываться далеко не всегда удобными, а потому и съ этимъ приходится быть черезчуръ осторожнымъ. Въ виду опасности преобладающаго развитія какихъ либо образовъ у человѣка, задача воспитанія должна быть направлена къ тому, чтобы стремиться до извѣстной мѣры уравновѣсить въ умѣ его эти образы другъ другомъ. Какъ можно убѣдиться, выгода получится безусловная: человѣкъ избѣгнетъ грозящей ему опасности односторонности и въ то же время получитъ возможность обладать большимъ разнообразіемъ способностей. Достигнуть успѣха въ такомъ отношеніи воспитаніе можетъ конечно, лишь при умѣнши соединять въ памяти человѣка все разнообразіе комбинацій образовъ.

Что выдающіяся способности каждаго чловѣка всегда могутъ служить до извѣстной степени средствомъ, опираясь на которое является возможность помочь развитію тѣхъ данныхъ къ которымъ чловѣкъ еще мало приспособленъ, — доказано уже въ достаточной степени. Такимъ путемъ, какъ указываютъ сами факты, въ извѣстной мѣрѣ получается возможность исправлять даже дефекты самой нашей наслѣдственности.

Исторія въ состояніи указать намъ довольно примѣровъ, гдѣ разнообразныя таланты имѣли самые разнообразныя источники своего питанія. Такъ, напр., извѣстный художникъ Леонардо де Винчи, не говоря уже о живописи, обладалъ также прекрасно разработанными способностями скульптора, архитектора, математика, музыканта, поэта. Онъ настолько проявлялъ разносторонность своего развитія, начиная отъ рѣдкой способности къ философіи до фехтовальнаго, наѣздническаго и танцевальнаго искусства включительно, что вполне могъ служить нагляднымъ образомъ удачной постановки воспитанія природныхъ задатковъ чловѣка. Вторымъ подобнаго же рода примѣромъ могъ быть также собрать по профессіи Леонардо де Винчи Бенвенуто Челлини, геній котораго былъ не менѣе разнообразенъ и изобрѣтателенъ, приводя въ удивленіе рѣдкимъ проявленіемъ своей памяти.

Но такого рода явленія, конечно, всегда бывали исключительными, тѣмъ не менѣе, въ качествѣ болѣе рѣзко и наглядно выраженныхъ, они въ состояніи указать яснѣе, каково можетъ оказаться преимущество до извѣстной степени гармоническаго проявленія памяти чловѣка, богато одареннаго природой. Можно найти довольно убѣждающихъ доказательствъ, насколько всегда цѣлесообразнѣе будетъ стремиться при посредствѣ ярко выраженныхъ природныхъ данныхъ оказывать помощь въ развитіи и другимъ способностямъ, сравнительно отъ природы болѣе слабо выраженнымъ, но въ то же время крайне необходимымъ для блага чловѣка. Знаменитый поэтъ Мильтонъ, когда ослѣпъ, имѣлъ возможность сохранить всю силу своей богатой памяти. Въ періодъ потери зрѣнія онъ создалъ свой полный яркихъ образовъ и красокъ „Потерянный рай“. Къ періоду потери слуха Бетховеномъ относится также появленіе его извѣстной оперы „Фиделіо“.

Спеціалізуючись в певній області, кожен, природно отримує багато даних проспівати в ній, тим більше маючи природним даруванням в цьому напрямку. Гармоничне же розвиток пам'яті взагалі, як і вказують факти, усуває до певної ступеня, односторонність спеціалізації, тим самим дає можливість людині почувати себе і більше вільним по відношенню багатьох знань. Отже не важко переконатися, що рівновага образів забезпечує собою і багато переваг для людини середнього типу пам'яті. Хоча у такого людини і порівняно менше шансів на успіх в якійсь з окремих спеціальних областей знань, але при хороших умовах до його послуг може бути досить різноманітне число засобів. Звичайно, не розпізнавши попередньо типу пам'яті людини, не можна і констатувати саму і нерівномірність його успіхів при одних і тих же умовах. Тим більше, займаючись вихованням людини, завжди необхідним є старатися визначити переважаючий вид її пам'яті. Ігнорування такої важливої сторони, не говорячи вже про те, що могло б пошкодити талант, не дати йому необхідного і належного розвитку, але могло б і направляти його не до того, для чого цей талант створено. З боку виховання завжди було б дуже непрактичним зосереджувати свою увагу на одній якійсь стороні, займатися виключно її розвитком, а інші, якщо навіть і не ігнорувати, то все ж залишати без належного уваги. Добре знаючи відмінні особливості виховуваного, керівник разом з тим добре може знати, як причину, так і користь певного роду образів. Безсумнісно, що від його мистецтва буде багато залежати визначити відносне достоїнство цих образів в призначенні їх до кожного окремого випадку.

Якщо керівник має можливість замітити, що його вихованець проявляє прагнення утримувати в своїй пам'яті переважно певного роду образи, у керівника отримується і шлях користуватися такими даними для більш зручного досягнення намічених собі цілей. Просвіщена і розумна ініціатива керівного виховання, заснована на можливо більш уважному вивченні індивідуальності вихованця, завжди суміє в

данномъ случаѣ создать подходящіе и полезныя при этомъ приемы.

Одинъ изъ старѣйшихъ французскихъ педагоговъ Лекко Бубодранъ уже издавна примѣнялъ довольно удачно выработанный имъ способъ опредѣленія превалирующихъ впечатлѣній у его учениковъ. Съ этой цѣлью Бубодранъ имѣлъ обыкновеніе прибѣгать къ слѣдующему. Онъ показывалъ своимъ ученикамъ какую либо модель, предлагалъ хорошенько обратить на нее вниманіе, а затѣмъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени убиралъ ее и предлагалъ нарисовать ее на память. Что очень при этомъ важно, Бубодранъ старался при помощи цѣлаго ряда поставленныхъ вопросовъ узнавать, какимъ именно путемъ каждый изъ учениковъ руководствуется въ данномъ случаѣ. У однихъ при этомъ наблюдалось проявленіе болѣе сильнаго впечатлѣнія отъ контура модели, у другихъ отъ окраски ея и т. д. Опытъ многихъ педагоговъ помимо того рекомендуетъ нѣсколько испытанныхъ въ такомъ же направленіи мѣръ.

Французскій ученый Ножье сдѣлалъ очень интересное наблюденіе. Онъ замѣтилъ, что между способностью познания черезъ посредство нашихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ и способностью рѣчи есть тѣсное соотношеніе и обѣ эти способности развиваются, параллельно, оказывая взаимное содѣйствіе. Ребенокъ смотритъ на какой либо предметъ, заинтересованъ имъ, и впечатлѣніе это чаще всего проявляется стремленіемъ назвать предметъ. Такимъ путемъ находитъ себѣ объясненіе и дѣтская болтовня.

Касаясь того же вопроса, Тэнъ находитъ, что, чѣмъ больше какая либо наша идея отличается живостью и ясностью, тѣмъ и сильнѣе бываетъ наше стремленіе выразить ее въ словѣ. „Въ нормальномъ состояніи мы думаемъ про себя словами, замѣчаетъ Тэнъ, которыя умственно слышимъ, читаемъ или произносимъ, а внутри насъ находится образъ такихъ звуковъ, такихъ буквъ или такихъ мускульныхъ и осязательныхъ ощущеній горла, языка, губъ.“ „Произнесеніе мысленное граничитъ съ произнесеніемъ дѣйствительнымъ“, говоритъ тотъ же авторъ. „Видѣть и называть“ — этотъ основной принципъ Песталоцци ложится въ основу всегда при нашемъ познаніи и изученіи какъ окружающаго міра, такъ и большинства наукъ, когда является необходимость соединять словесныя образы съ зрительными предста-

вленіями самихъ предметовъ. Само слово всегда и должно быть яркимъ выразителемъ нашихъ психическихъ актовъ.

Итакъ, научиться говорить является возможнымъ при посредствѣ знакомства съ окружающимъ, при опредѣленномъ знаніи предметовъ. Признавая это, Ножье не отрицаетъ однако же и того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ знаніе предмета можетъ и вырабатываться, повидимому, и самостоятельно, отдѣльно отъ развитія нашей рѣчи. Нагляднымъ примѣромъ въ данномъ случаѣ съ успѣхомъ могутъ служить слѣпые или глухо-нѣмые отъ рожденія. Но примѣръ слѣпыхъ, глухо-нѣмыхъ уже примѣръ, выходящій изъ нормы.

Не трудно убѣдиться, что, чѣмъ какой-либо предметъ получаетъ возможность ближе и непосредственнѣе на насъ дѣйствовать, тѣмъ онъ становится для насъ доступнѣе при усвоеніи. Исходя изъ такого положенія, воспитаніе умственное и должно поставить себѣ необходимой задачей выработку тѣхъ путей, которые непосредственно ведутъ къ этой цѣли. Оно должно стремиться развить въ ребенкѣ съ дѣтства способность къ болѣе ясному и точному, отчетливому воспріятію окружающихъ впечатлѣній; затѣмъ должно и указать путь болѣе легкаго и свободнаго запоминанія всего испытаннаго. Иными словами, хотя одаренный уже самой природой человѣкъ и научается видѣть, говорить, осязать, тѣмъ не менѣе помощь въ развитіи этихъ природныхъ даровъ является существенно необходимой въ виду блага успѣшности умственной жизни человѣка. Наблюдая людей, можно встрѣтить вѣдь не мало примѣровъ, что обладающіе даже какимъ либо изъ специальныхъ видовъ памяти въ то же время слабо успѣваютъ въ соотвѣтствующей отрасли знанія. Обладать опредѣленнаго вида памятью — условіе существенно необходимое въ дѣлѣ нашей умственной жизни, тѣмъ не менѣе, само по себѣ это условіе оказывается чрезчуръ недостаточнымъ. Какъ очень характерно замѣтилъ Малербъ, обладать памятью — это значитъ лишь имѣть краски и палитру, но далеко еще не быть въ то же время живописцемъ. Отсюда понятно, почему, иногда при сравнительно хорошихъ природныхъ условіяхъ человѣкъ не можетъ также хорошо работать умственно. Какъ оказывается, въ данномъ случаѣ, вся причина заключается въ недостаточной степени общаго развитія ума человѣка, а потому и въ отсутствіи опредѣленной

гармоніи въ основныхъ элементахъ этой сферы. Что большая или меньшая степень общаго развитія нашего ума влечетъ за собой неизмѣнно и ту степень легкости, съ которой мы оказываемся въ состояніи воспринимать отношенія вещей и судить о нихъ вѣрно, — это очевидно, а потому и изыскиваніе средствъ и способовъ въ такомъ направленіи безчуждо важно. Въ прямыхъ интересахъ нашего умственнаго развитія рѣшеніе такого важнаго вопроса не мало зависитъ отъ руководящаго воспитаніемъ. Если воспитатель окажется въ силахъ рѣшить его болѣе или менѣе удовлетворительно, онъ дастъ громадный успѣхъ всему своему дѣлу.

Итакъ, въ виду того, что каждое сообщаемое знаніе необходимо воспринимать и запоминать, на развитіе и проявленіе этой основной способности нашего ума и направляется обыкновенно дѣятельное усиліе. Задаваясь цѣлью развитія ума своихъ учениковъ, великій Песталоцци всегда стремился для этого соединить въ умѣ ученика различнаго рода образы изучаемаго предмета. Песталоцци заставлялъ ученика внимательно разсматривать предметъ. При этомъ, не ограничиваясь простымъ фиксированіемъ предмета, ученикъ долженъ взять его въ руки, конечно, если это возможно, и продѣлать съ нимъ цѣлый рядъ опытовъ, пока такимъ путемъ и не составитъ себѣ до извѣстной степени яснаго понятія объ основныхъ свойствахъ даннаго предмета и качествахъ. Замѣтивъ форму, цвѣтъ предмета, взвѣсивъ, измѣряя предметъ, невольно каждый будетъ стремиться дѣлать сравненіе дѣйствительности своихъ какъ зрительныхъ, такъ и слуховыхъ и осязательныхъ впечатлѣній, такимъ путемъ, находя и отличительныя свойства предмета, и производя довольно разнообразную гимнастику умственную. Умѣлое и искусное соединеніе образовъ различнаго рода въ качествѣ умственнаго упражненія, какъ доказано на опытѣ, получаетъ всегда большое значеніе въ общемъ ходѣ умственнаго теченія.

Такимъ путемъ устанавливается до извѣстной степени контроль однихъ впечатлѣній черезъ посредство другихъ, напр., зрительныхъ при посредствѣ осязательныхъ, слуховыхъ, и наоборотъ. Наглядные результаты въ дѣлѣ умственнаго развитія дѣтей даетъ примѣненіе хотя бы, напр., усовершенствованнаго болѣе въ настоящее время первоначальнаго обученія грамотѣ, построеннаго именно на такого рода

системѣ. Въ настоящее время одновременное обученіе чтенію и письму признанъ въ методикѣ самымъ удобнымъ приѣмомъ. Раньше были того мнѣнія, что сначала надо выучить читать, а затѣмъ уже приступать къ обученію письму, но каждое изъ нихъ, взятое въ отдѣльности оказывалось черезчуръ далекимъ отъ совершенства и крайне непрактичнымъ во многихъ отношеніяхъ. Потому большинство успѣло уже твердо убѣдиться въ истинѣ, высказанной однимъ изъ извѣстныхъ французскихъ педагоговъ Комперэ, что чтеніе, письмо и рисованіе всегда взаимно поддерживаютъ другъ друга. Придерживающійся подобнаго взгляда педагогъ и приступаетъ къ обученію грамотѣ съ болѣе или менѣе сходными приѣмами: выходя изъ разложенія рѣчи на слова и звуки, онъ показываетъ ученикамъ опредѣленные буквы, затѣмъ чертитъ ихъ и громко называетъ. Когда ученики успѣютъ вполне освоиться съ буквами, дѣлается не менѣе послѣдовательный переходъ къ соединенію буквъ, къ слогамъ, тѣмъ же путемъ отъ слоговъ къ цѣлымъ фразамъ.

При такого рода обученіи чтеніе и письмо является взаимно поддерживающими и дружно содѣйствующими общей цѣли, обоюдному успѣху, что и доказано опытомъ. „Совмѣстное обученіе чтенію и письму способствуетъ такимъ образомъ воспитанію глаза, уха, руки, ребенокъ научается смотрѣть, слушать, говорить; надо ли прибавлять, что онъ научается и думать“, — замѣчаетъ по тому же поводу не менѣе извѣстный французскій педагогъ Руссело. Этотъ путь въ дѣлѣ умственного развитія находилъ себѣ сторонниковъ, хотя, можетъ быть, еще не настолько увѣренныхъ, уже не только во время Монтэня, но и гораздо раньше.

Приѣмъ такого рода способа умственного развитія дѣтей получилъ особую разработку и охотно практикуется нѣмецкими педагогами. Въ настоящее время мы имѣемъ въ такомъ направленіи достаточно пособій. Обыкновенно задаваясь намѣреніемъ соединить зрительныя, слуховыя и моторныя образы при умственной гимнастикѣ, стремятся показать ребенку, напр., книжку съ возможно болѣе изящно исполненными рисунками. Здѣсь каждой картинкѣ соотвѣтствуетъ слѣдующая внизу надпись крупными буквами. Показывая картинку, педагогъ объясняетъ значеніе cadaго рисунка, называетъ его, стремясь, чтобы ученики получили возможно болѣе ясное впечатлѣніе зрительныхъ образовъ отъ нарисо-

ваннаго и написаннаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и запомнили произнесенное названіе. Когда педагогъ замѣтитъ, что это начало въ достаточной степени усвоено учениками, смотря по условіямъ онъ выбираетъ какой-либо въ данномъ случаѣ болѣе удобный по названію рисунокъ, разбиваетъ названіе на отдѣльные звуки, и начинаетъ давать основательное знакомство ученику съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Въ то же время дѣлается и переходъ къ письму. Чтобы лучше разложить слово на его составныя части, для большей наглядности, педагогъ пишетъ это слово полностью на классной доскѣ, стремясь останавливать вниманіе учениковъ на гласныхъ звукахъ и заставляя произносить ихъ громко, переходить затѣмъ къ указанію измѣненія ихъ отъ соединенія съ согласными. Конечно, руководящій обученіемъ необходимо долженъ при этомъ зорко слѣдить, чтобы дѣти внимательнѣе относились ко всѣмъ его пріемамъ. Когда педагогъ приступаетъ къ написанію опредѣленной буквы, вооружившись перьями, ученики, уже изучившіе элементы письма, по силѣ возможности должны стремиться копировать его движенія. Педагогъ, понятно, послѣдовательно укажетъ ученикамъ, какія для каждой данной буквы необходимо умѣть чертить линіи и какія при этомъ необходимы движенія. Такимъ путемъ до извѣстной степени достигается желаемое соединеніе упражненій глаза, уха и дополняется упражненіемъ руки, т. е. упражненіемъ моторнаго характера. Развитие руки въ частности является уже специальною отраслью при посредствѣ опредѣленнаго рода гимнастическихъ упражненій во время письма.

Людьми компетентными въ дѣлѣ воспитанія считается въ виду той же цѣли, для обоюдной поддержки между нашими зрительными, слуховыми и моторными впечатлѣніями, очень полезнымъ заставлять дѣтей описывать предметы, которые находятся у нихъ передъ глазами. Песталоцци при этомъ настоятельно требовалъ, чтобы дѣти возможно болѣе старались точно и ясно называть и обозначать замѣченныя ими свойства и качества наблюдаемыхъ предметовъ; тѣмъ самымъ наглядно и указывалось, въ какой мѣрѣ они въ состояніи уже были опредѣлять отношенія величинъ, которыя различали ихъ глаза, уши и руки. Если же почему либо является неудобнымъ производить такого рода опыты съ живой конкретной дѣйствительностью, то въ такихъ случа-

яхъ рекомендуется прибѣгать къ помощи описанія предметовъ по хорошо исполненнымъ картинкамъ. Наблюденія указываютъ, что тѣмъ или инымъ путемъ въ результатѣ дѣти могутъ прекрасно научиться разсматривать предметы детально и выдѣлять изъ цѣлаго его частности.

Рекомендуемая система въ данномъ случаѣ ставитъ одно изъ необходимыхъ условій: каждый ребенокъ способенъ заинтересоваться, но чѣмъ, какимъ именно предметомъ — вотъ вопросъ для руководящаго очень важный и цѣнный. Если воспитатель будетъ въ силахъ рѣшить этотъ вопросъ болѣе или менѣе удовлетворительно, въ его распоряженіи будетъ и путь для воздѣйствія въ опредѣленномъ направленіи. Для того, чтобы воздѣйствовать въ такомъ направленіи, опытъ рекомендуетъ нѣсколько испытанныхъ мѣръ. Съ такою цѣлью руководящими воспитаніемъ предпринимаются, напр., съ дѣтьми разнообразныя экскурсіи, во время которыхъ вниманіе дѣтей стараются направлять на болѣе отдаленные предметы, къ которымъ постепенно приближаются. Показывая при этомъ дѣтямъ какой-либо предметъ, стремятся съ тою же цѣлью дать имъ возможность разсматривать его лучше и при возможно болѣе разнообразныхъ положеніяхъ. Такимъ путемъ вырабатывается у дѣтей совершенно незамѣтно до извѣстной степени правильность глазомѣра, этого столь цѣннаго и необходимаго въ жизни качества. Не мало помогаютъ также, какъ указываютъ наблюденія, въ данномъ случаѣ и нѣкоторыя игры. Такъ напр., игра въ мячъ, воланъ, бѣганье взапуски и т. п. Эти игры, упражняютъ тѣло ребенка, сообщаютъ ему извѣстную степень силы, ловкости, гибкости и въ то же время приучаютъ глазъ, и ухо ребенка соразмѣрять правильное разстояніе и дѣлать ему болѣе вѣрную оцѣнку.

Теченіе умственного развитія съ дѣтства всегда оказывается способно итти тѣмъ болѣе быстрыми шагами, чѣмъ больше условій, благопріятствующихъ и способствующихъ сохраненію и развитію нашей памяти, этого цѣннаго дара природы. По своему характеру условія эти могутъ быть раздѣлимы на двѣ категоріи: на естественныя и искусственныя. Къ числу естественныхъ условій прежде всего, конечно, принадлежитъ общее удовлетворительное состояніе организма человѣка, отсюда здоровье и все, что можетъ способствовать

его сохраненію и возстановленію, должно быть поставлено на первомъ планѣ.

Когда мозгъ человѣка обладаетъ нормальнымъ строеніемъ и при работѣ имѣетъ возможность получать достаточную степень питанія, прямымъ слѣдствіемъ является не ограничиваться воспринятіемъ впечатлѣній окружающаго, но и является полная возможность укоренить, органически запечатлѣть и воспроизводить впослѣдствіи испытанное. Почему лишь у безусловно здороваго человѣка, при исполнѣ здоровомъ мозгѣ, и можетъ быть допустима по всѣмъ даннымъ болѣе совершенная память.

По наблюденіямъ Рибо, хорошая или дурная память зависитъ прежде всего отъ фізіологическихъ причинъ. Дѣти, страдающія малокровіемъ, въ большинствѣ проявляютъ слабую память. Также было замѣчено, что дѣти невростениковъ, алкоголиковъ, страдающихъ какимъ либо хроническимъ недугомъ, людей съ расшатаннымъ организмомъ, обнаруживаютъ склонность къ слабой памяти.

Въ дѣлѣ проявленія нашей памяти, какъ на факторы, имѣющіе громадное значеніе, Рибо указываетъ на кровообращеніе и дѣятельность сердца. Въ виду того, что ни въ одномъ изъ нашихъ органовъ во время ихъ работы не происходитъ столько обмѣна веществъ, столько дѣятельности и быстроты, какъ въ нашемъ мозгу, при работѣ онъ необходимо долженъ получать и большее количество крови. Большая или меньшая успѣшность работы является прямымъ слѣдствіемъ того или иного питанія мозга. Иначе говоря, результатъ работы мозга является слѣдствіемъ опредѣленнаго рода питанія его, зависитъ отъ этого питанія. При нормальномъ проявленіи памяти предполагается необходимо дѣятельное обращеніе достаточнаго количества крови, обладающей матеріалами, необходимыми для правильнаго обмѣна веществъ. Замѣчено при этомъ, что, состоя изъ сохраненія и воспроизведенія впечатлѣній, наша память въ качествѣ жизненныхъ условій обоихъ своихъ актовъ требуетъ одинаково какъ питанія здоровою кровью, такъ и здороваго кровообращенія. Есть довольно фактовъ, наглядно указывающихъ на тѣсную связь между этими условіями. Что большая или меньшая степень сохраненія впечатлѣній въ нашей памяти зависитъ отъ условій ея питанія, такъ же какъ и воспроизведеніе ихъ отъ условій кровообращенія,

могутъ служить такого рода примѣры. Каждый въ состояніи, напр., наблюдать, насколько въ тѣсной зависимости отъ степени здоровья память его окажется способной проявляться сильнѣе и слабѣе. Незначительныя повидимому впечатлѣнія, но полученныя въ моментъ сильнаго напряженія здоровой энергіи, когда физическое движеніе и удовольствіе усилили наше кровообращеніе, залегаютъ въ нашей памяти обыкновенно замѣтно прочно. Романисты уже издавна подмѣтили ту черту человѣческой натуры, что когда сильное душевное волненіе усиливаетъ кровообращеніе въ организмѣ человека, то и группы чувствованій приобрѣтають обыкновенно отъ окружающаго болѣе живости, яркости и болѣе долго сохраняются.

Между всѣми частями нашего мозга, ихъ функціями и тѣми психическими актами, которые съ ними связаны, существуетъ тѣсная внутренняя солидарность. На этомъ основаніи, что касается психологическаго механизма, то и разстройства его могутъ являться, какъ доказываютъ, непосредственнымъ результатомъ дезорганизаціи нервныхъ элементовъ. Болѣзнь и, какъ прямое слѣдствіе ея, упадокъ силъ, усталость имѣють въ данномъ случаѣ роковое значеніе. У людей больныхъ, истощенныхъ вмѣстѣ съ болѣзнью и пониженнымъ кровообращеніемъ замѣчается всегда ослабленіе памяти. Въ такомъ состояніи впечатлѣнія плохо сохраняются и воспроизведеніе ихъ бываетъ довольно тягостно. Упадокъ силъ во всѣхъ видахъ — это такое состояніе, когда дѣятельность крови затруднена, замедлена. Органическое запечатлѣніе въ памяти, которое заключается въ опредѣленномъ измѣненіи мозгового вещества, не успѣваетъ при этомъ произойти. Кровообращеніе же и воспроизведеніе нашихъ впечатлѣній, которыя находятся всегда въ такомъ близкомъ взаимномъ соотношеніи, при нездоровомъ состояніи организма являются рѣзко выраженными въ ту или другую сторону. Такъ напр., хотя бы во время лихорадки, когда, какъ извѣстно, состояніе кровообращенія то повышено, то ослаблено, это наглядно проявляется на состояніи памяти. При лихорадочномъ состояніи, когда наше кровообращеніе бываетъ сильно повышено, составъ крови измѣняется, обременяясь продуктами слишкомъ быстраго сгоранія и обмѣна веществъ. При этомъ, хотя такого рода состояніе и сопровождается всегда усиленною дѣятельностью мозга, характеръ

нашихъ воспоминаній приобрѣтаеть сравнительно извращенный видъ. По мѣрѣ же возстановленія здоровья, замѣчается и возстановленіе вмѣстѣ съ тѣмъ и нормальности въ проявленіяхъ дѣйствія окружающаго міра.

Извѣстно, что въ дѣтствѣ и юности¹⁾ проявленіе и развитіе памяти бываетъ интенсивнѣй, чѣмъ, въ зрѣломъ возрастѣ, не говоря уже о старости. Въ числѣ другихъ причинъ объясняется это отчасти и тѣмъ, что въ ранніе періоды жизни человѣка дѣятельность процессовъ питанія организма кровью повышена и новые связи между элементами потому болѣе легко и быстро оказываются способны возстановливаться. У стариковъ же, какъ и у людей истощенныхъ, наоборотъ ослабленіемъ того же рода дѣятельности объясняется болѣе быстрое сглаживаніе новыхъ впечатлѣній. Недостатокъ памяти до извѣстной степени парализуетъ и развитіе нашего ума. По этому поводу Рише очень характерно замѣчаетъ. „Безъ памяти въ познаніи нѣтъ ничего: ни воображенія, ни сужденія, ни рѣчи, ни сознанія. Это замокъ свода интеллектуальнаго зданія“. Слѣдовательно, если еще въ нашихъ силахъ, то въ стремленіи устранить причины, ослабляющія память и вызывающія ея переутомленіе, долженъ состоять главный путь ея сохраненія. Въ данномъ случаѣ подкрѣпляющая пища и періодическое чередованіе дѣятельности и покоя организма — изстари извѣданныя средства.

Если на здоровье человѣка и на окружающую его среду съ ранней поры не обратитъ должнаго вниманія, впоследствии самыя усовершенствованныя способы не будутъ въ состояніи оказывать въ достаточной мѣрѣ желаемаго вліянія. Чистый воздухъ, питательная и удобоваримая пища, хорошо защищающая человѣка одежда и какъ результатъ бодрое

1) Этимъ я не хочу сказать, что „память“ ребенка, какъ утверждали раньше, сильнѣе памяти другихъ возрастовъ. Память, конечно, развивается, специализируется и потому трудно даже сравнивать эту способность у взрослого человѣка и у ребенка — до того она въ неодинаковыхъ условіяхъ. Нельзя, конечно, здѣсь указывать на то, что взрослый часто не запоминаетъ, что запоминаетъ ребенокъ (здѣсь разница интересовъ), что дѣти будто бы скорѣе научаются иностраннымъ языкамъ (здѣсь нужно не упускать изъ виду то, что для взрослого является механическимъ и потому скучнымъ, не представляется таковымъ ребенку) и пр.

Интересные опыты надъ памятью дѣтей производились разными изслѣдователями, упомяну, напр., опыты гг. Бинэ, Анри, Нечаева.

настроєніє духа способны дѣлать человѣка болѣе воспріимчивымъ по отношенію ко всему окружающему. Теченіє этой воспріимчивости, проявляясь въ видѣ памяти, при такихъ условіяхъ естественно будетъ итти быстрѣй и окажется сопряженнымъ съ меньшей степенью труда, когда получаетъ свое начало во время расцвѣта свѣжихъ силъ. По изслѣдованіямъ проф. Керка, пища всегда способна оказывать вліяніє какъ на нашу умственную дѣятельность вообще, такъ и на состояніє нашей памяти въ частности. По мнѣнію Рибо, хорошее питаніє имѣетъ громадное значеніє для сохраненія силы впечатлѣній. По его наблюденіямъ, напр., если дѣти не завтракаютъ или завтракаютъ плохо, у нихъ можно замѣтить болѣе слабое проявленіє памяти. Недостатокъ пищи ослабляетъ силы. Плохая же пища, оказывая свое дѣйствіє на желудокъ, на его работу, такъ вліяетъ на нервную субстанцію, что мозгъ принужденъ бываетъ отказываться отъ правильной и свободной работы. Когда какое либо неудобоваримое вещество попадаетъ въ желудокъ, пищеварительный процессъ начинаетъ встрѣчать труднопреодолимые препятствія и для нашей умственной сферы тогда скоро окажется, что для ея работы не имѣется уже достаточно нервной субстанции. Последняя является въ полной мѣрѣ занятой попыткой уменьшить непригодный матеріалъ, поступившій въ качествѣ пищи. Съ этимъ фактомъ безъ труда знакомы могутъ быть многіє. Какъ указываютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ неудобоваримостью пищи устранялась даже совершенно и вся способность продолжительности мышленія. Наблюденія также указали, что такимъ же свойствомъ можетъ обладать и самая лучшая пища, если она не приготовлена, какъ слѣдуетъ. Отсюда и прямое слѣдствіє, что проявленію памяти въ числѣ другихъ функцій нашего мозга всегда въ состояніи способствовать въ пищѣ все то, что одновременно способствуетъ сохраненію и возстановленію нервныхъ клѣточекъ мозга. По изысканіямъ фізіологіи извѣстно, что сама основа памяти лежитъ въ нервной силѣ и каждый актъ памяти сопряженъ съ опредѣленной тратой этой нервной силы. Сила же эта, какъ и каждая другая, поддерживается прежде всего характеромъ питанія ея, а помимо того имѣетъ еще чередующіє періоды дѣятельности и покоя. Какъ доказано научно и опытомъ, если эти основныя условія не находятся

въ извѣстномъ пропорціональномъ отношеніи между собою то память въ качествѣ способности ума подвергается опредѣленнаго рода измѣненіямъ. Чрезмѣрная дѣятельность, искусственно вызванная, производитъ потому разстройство памяти, а полное бездѣйствіе ее ослабляетъ.

Какъ во всемъ и всегда, опредѣленнаго рода привычка получаетъ безспорно громадное значеніе. Не то же ли и въ дѣлѣ передачи мозговыхъ движеній. Непрестанное молекулярное движеніе, изъ котораго слагаются акты нашей умственной дѣятельности, имѣетъ свою органическую причину. Для укорененія каждаго впечатлѣнія требуется время, потому что и питаніе его совершаетъ свое дѣло не моментально. Какъ для того, такъ и для другого необходимо непрестанное движеніе въ опредѣленномъ направленіи. Сохраненію этого направленія и способствуетъ лишь періодическое повтореніе одного и того же впечатлѣнія. Отсюда въ качествѣ прямого вывода и основной законъ нашей памяти — это практика періодическихъ упражненій въ опредѣленномъ направленіи. Такимъ путемъ, какъ и каждая способность нашего организма, память до извѣстной мѣры получаетъ возможность и быть укрѣпляемой и даже исправляемой соотвѣтствующими упражненіями. Безъ особаго труда можно замѣтить, что чѣмъ чаще будетъ повтореніе какого-либо впечатлѣнія, тѣмъ прочнѣе это впечатлѣніе окажется способнымъ закрѣпиться въ нашей памяти. При каждомъ болѣе или менѣе однообразномъ повтореніи опредѣленнаго рода вліяній, условія эти повлекутъ за собой чисто машинальныя воспроизведенія въ нашей памяти всего ставшаго привычнымъ. На этомъ основаніи, если ребенокъ вращается среди интеллигентныхъ людей въ семьѣ, въ силу такихъ условій у него естественно является и болѣе возможности утверждать въ своей памяти тѣ знанія и свѣдѣнія, которыя онъ въ послѣдствіи получить въ школѣ. Наоборотъ, среда малокультурная, неимѣющая ничего общаго съ научными пріобрѣтеніями ребенка въ школѣ, можетъ служить съ своей стороны противовѣсомъ, какъ и плохая подготовка почвы.

Для того чтобы пріучить себя поднимать тяжести, упражняются въ этомъ постепенно. Сначала поднимаютъ малые грузы, а затѣмъ все большіе и большіе. Чтобы пріучить

свою память проявляться въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, развить, укрѣпить ее, поступаютъ тѣмъ же порядкомъ. Принимая это во вниманіе, рекомендуется упражнять память черезъ опредѣленные промежутки, которые и должны быть не слишкомъ отдалены другъ отъ друга, не слишкомъ продолжительны и не часты. Какъ успѣли уже въ достаточной степени убѣдиться, сама опасность нарушенія такого правила выражается въ томъ, что впечатлѣнія въ нашемъ мозгу перепутываются, а потому и все, подлежащее въ данномъ случаѣ запоминанію вполне не поддается послѣднему.

Улучшить память — равносильно укрѣпить ее. Главный же путь къ тому, какъ доказано, состоитъ въ стремленіи запечатлѣвать въ нашемъ мозгу до такой степени все, что желательно запомнить, чтобы это стало какъ бы частью самого нашего мозга.

Ежедневный опытъ учить насъ, что чѣмъ чаще въ какомъ либо направленіи происходитъ работа, тѣмъ сильнѣе и искуснѣе становится участвующій въ такой работѣ органъ. Каждое мышечное волокно, первоначально слабо отвѣчающее на какое-либо раздраженіе, становится обыкновенно тѣмъ болѣе чувствительно къ этому раздраженію, чѣмъ чаще возбуждается въ томъ же направленіи. Вслѣдъ за каждой работой принимающее въ ней участіе мышечное волокно становится все болѣе пригоднымъ къ ней, а потому и повтореніе какого-либо опредѣленнаго движенія является для него сравнительно и болѣе легкимъ съ теченіемъ времени. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ упражненій и облегчается какъ воспроизведеніе всѣхъ нашихъ органическихъ процессовъ, такъ въ томъ числѣ и дѣятельность мозга.

Какъ доказано, ощущеніе и воспроизведеніе его образа въ нашей памяти представляютъ въ сущности одинъ и тотъ же психо-физиологическій процессъ, но только разной интенсивности. Наблюденія и опытъ указываютъ, что каждое ощущеніе оказывается всегда интенсивнѣе своего воспроизведенія. Яркій солнечный лучъ, напр., въ дѣйствительности и воспроизводимый памятью далеко вѣдь не одно и то же.

Каждый могъ замѣтить, насколько мы бываемъ долѣе способны сохранять воспоминанія о вещахъ, событіяхъ, которыя такъ поразили нашъ мозгъ какъ что либо не

обычайное, замѣчательное, и въ то же время всѣ явленія незначительныя легко и быстро ускользаютъ изъ нашей памяти. Причина заключается въ томъ, что первыя успѣваютъ запечатлѣваться сильно въ мозгу, тогда какъ послѣднія лишь скользятъ по его поверхности и исчезаютъ, какъ въ зеркалѣ лицо случайнаго прохожаго мелькнетъ и исчезнетъ.

На томъ же основаніи все, чего мы сильно желаемъ, способно не менѣе сильно врѣзываться въ нашъ мозгъ. Потому мы всегда легко воспроизводимъ въ своей памяти довольно детально понравившуюся мелодію, голосъ дорогой по воспоминаніямъ или внѣшность какого-либо человѣка, картину, ландшафтъ, какъ и сильно чѣмъ-либо поразившую насъ сцену. Конечно, отъ силы впечатлѣнія при этомъ всегда зависитъ большая или меньшая правильность, детальность и интенсивность самого воспроизведенія. Чѣмъ сильнѣе произведено впечатлѣніе на человѣка какимъ-нибудь произведеніемъ науки, искусства или самой природы, спустя долгое время онъ оказывается въ состояніи воспроизводить въ памяти полученное впечатлѣніе, можетъ вспоминать его. Время проходитъ, тѣмъ не менѣе все прочно запечатлѣвшееся въ нашей памяти мы не утрачиваемъ способности воспроизводить умственно въ видѣ отвлеченной идеи, и все какъ бы вновь встаетъ у насъ передъ глазами, развертываясь нерѣдко со всѣми своими деталями. Необходимо при этомъ замѣтить, что коснувшись длительности запоминаній, всегда надо принимать во вниманіе прежде всего именно силу впечатлѣнія, не взирая даже иной разъ на его продолжительность. Бываютъ, напр., такіе случаи жизни какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей, когда моментальныя, но въ то же время очень сильныя впечатлѣнія остаются въ памяти навсегда. Человѣкъ, напр., побывавшій на войнѣ и испытавшій всѣ ея ужасы, легко можетъ воспроизводить въ памяти всю кровавую картину видѣннаго имъ поля сраженія. До извѣстной степени той же цѣли могутъ достигать и художественно исполненныя произведенія литературы и искусства, отъ впечатлѣній которыхъ у людей нервныхъ и съ развитою воспріимчивостью въ опредѣленномъ направленіи наглядно иной разъ проявляется буквально отраженіемъ физическимъ въ видѣ пробѣгающей по спинѣ дрожи или такъ назыв. мурашекъ.

Бѣлинскій замѣчаетъ, что человѣкъ способенъ бываетъ иной разъ чуть ли не всю жизнь сохранять воспоминанія даже о вздорѣ, который былъ прочитанъ имъ въ дѣтствѣ и ему понравился тогда. Эта первая книжка, прочитанная съ захватывающимъ интересомъ, служить для юнаго ума въ своемъ родѣ Америкой, открывая ему новый міръ. Конечно, такого рода почетная роль принадлежитъ всегда лишь всему тому, что человѣку посилено въ опредѣленный моментъ. Все, что производитъ на человѣка сильное впечатлѣніе, значить попадаетъ въ тотъ благопріятный моментъ, когда умъ человѣка обладаетъ уже достаточно подготовленной почвой для воспріянія такого впечатлѣнія. Пока умъ человѣка не бываетъ подготовленъ къ опредѣленнаго рода работѣ, онъ лишь въ состояніи схватывать отдѣльныя ея части, не восприметъ ее и не запомнитъ въ общемъ цѣломъ. Такъ поступаетъ не только ребенокъ, но и взрослый, умственно неразвитой человѣкъ. Работа отвлеченнаго характера какъ чтеніе, напр., для того, и для другого можетъ оказаться, неинтересной въ виду своей непосильности. Овладевъ процессомъ чтенія, человѣкъ можетъ читать, въ силу тѣхъ или иныхъ условій неопредѣленное время подобно гоголевскому Петрушкѣ. То онъ будетъ слишкомъ малъ, чтобы сумѣть самостоятельно справляться съ матерьяломъ, предлагаемымъ ему книгой, то еще не доразвить до настоящаго пониманія его умственно. Однако, та же самая вещь, но прочитанная, напр., другимъ лицомъ вслухъ, можетъ произвести нерѣдко совершенно иное впечатлѣніе. Конечно, не малую долю вліянія въ данномъ случаѣ будетъ имѣть и голосъ, и интонація читающаго, не говоря уже о тѣхъ попутныхъ объясненіяхъ, которыя являются при этомъ въ своемъ родѣ переводомъ всего, о чемъ трактуетъ книга, какъ съ чужого языка на удобопонятный родной.

Наблюдаемые факты указываютъ, что въ тѣсной зависимости отъ неравенства силы воспринимаемыхъ человѣкомъ впечатлѣній находится и само разнообразіе его воспоминаній. По этому поводу Кэйра замѣчаетъ, что хотя свойство нашихъ ощущений, благодаря которому они, даже кратковременныя сами по себѣ, могутъ оживать снова въ видѣ образовъ, дѣлаетъ возможнымъ познаніе, такъ какъ „умъ находитъ въ нихъ постоянный матеріалъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ при-

обрѣтенія нашего ума не могли бы быть настолько обширны, если бы „не существовало основного закона, управляющаго нашими состояніями сознанія.“ Этотъ основной законъ — законъ ассоціаціи, въ силу котораго всѣ факты, сознаваемые одновременно или послѣдовательно, обладаютъ способностью какъ бы спланиваться другъ съ другомъ, при чемъ это соединеніе имѣетъ больше силы и тѣмъ больше держится, чѣмъ продолжительнѣе была смежность образовъ, чѣмъ чаще встрѣчались они въ воспріятіи или наконецъ, чѣмъ живѣе было само воспріятіе“.

Каждый довольно часто въ состояніи наблюдать, какъ иногда начало какой либо врѣзавшейся почему либо въ памяти фразы, мотива, оказываются способны оживлять въ нашей памяти совершенно автоматически свое продолженіе. Иногда, напр., довольно можетъ быть вспомнить начало стихотворенія, чтобы безъ ошибки, плавно произнести его все. Иногда мы можемъ безъ труда воспроизвести въ памяти цѣлую фразу, представивъ себѣ въ умѣ ея первую букву, слогъ или слово и т. п. Знакомый уже намъ образъ, появляясь передъ нами вновь, какъ и знакомое уже ощущеніе, влечетъ всегда вслѣдъ за собой и всѣ тѣ состоянія нашего сознанія, которыя первоначально были ассоціированы съ такимъ образомъ или ощущеніемъ. Поэтому, когда приходится вспоминать сразу нѣсколько предметовъ, довольно можетъ оказаться одного какого либо названія, понятія, чтобы такимъ образомъ все, болѣе или менѣе тѣсно связанное съ этимъ и какъ бы ввѣренное нашей памяти на сохраненіе, появилось на свѣтъ. Такъ не только виды историческихъ мѣстъ способны пробуждать наши воспоминанія о происходившихъ тамъ нѣкогда выдающихся событіяхъ, историческихъ личностяхъ, но одно названіе мѣстности, лица и т. п., сразу способно развернуть въ нашемъ воображеніи всю опредѣленнаго характера картину, всѣ отдѣльныя части которой, такъ тѣсно ассоціированы другъ съ другомъ, что при возникновеніи одной какой либо изъ нихъ неизбѣжно вызываетъ и появленіе вслѣдъ за собой и всѣхъ своихъ ближайшихъ сосѣдей. Тѣмъ очень наглядно и при этомъ картинно описываетъ свои наблюденія въ такомъ направленіи, произведенныя имъ надъ самимъ собою. Для образца онъ вспоминаетъ, напр., одинъ изъ вечеровъ при посѣщеніи Швейцаріи. Онъ говоритъ,

когда „я вспоминаю вечеръ, проведенный въ Ловено на Лаго-Маджіоре, я вижу снова свой обѣдъ въ гостиницѣ, толстую совершенно бѣлую скатерть, смущенную хорошенкую служанку; затѣмъ, немного спустя извилистую тропинку между тимьяномъ и левандой, озеро синевато-сѣраго цвѣта подъ влажнымъ покровомъ паровъ блески свѣта, сверкающія полосы, серебряные узоры, которые заблудшійся лучъ рисовалъ тамъ и сямъ на гладкой поверхности воды, едва слышный шумъ маленькихъ волнъ, замиравшихъ на плоскомъ песчаномъ берегу, и колокольчики коровъ, звенѣвшіе тамъ и сямъ въ тишинѣ“.

Изъ такого рода примѣра ясно, что въ нашихъ воспоминаніяхъ существуетъ свой опредѣленный порядокъ и извѣстная послѣдовательность. При этомъ самыя строгія наблюденія указали, что при запоминаніи, какъ и при воспроизведеніи чего либо въ памяти, не бываетъ хаотичности, а наоборотъ, наблюдается всегда опредѣленнаго рода послѣдовательность. Всѣ, самыя разнообразныя впечатлѣнія при этомъ, зрительныя, слуховыя и т. п., полученныя въ извѣстный моментъ въ различныхъ образахъ, группируясь въ видѣ ряда воспоминаній, составляютъ въ общемъ одно стройное цѣлое, которое живетъ всегда общей жизнью. Аналогичное же явленіе наблюдается также, когда между какими либо понятіями или явленіями можно бываетъ усматривать сходство. Въ подобныхъ случаяхъ, когда одно что либо намекаетъ, походить на другое, въ общемъ все можетъ быть довольно легко схвачено памятью, какъ бы при одномъ взглядѣ. А потому услышимъ ли мы, напр., спустя большой даже промежутокъ времени какую нибудь понравившуюся или знакомую намъ мелодію, увидимъ ли лицо, напоминающее собою исполнявшаго ее когда либо передъ нами человѣка, мы окажемся вмѣстѣ съ тѣмъ въ состояніи и быстро возстановить въ своей памяти все тогда происходившее даже съ соблюденіемъ до извѣстной степени строго детальной послѣдовательности при желаніи. Такимъ образомъ каждая изъ частныхъ въ данномъ случаѣ является какъ бы звеномъ своей общей цѣпи.

Итакъ, чтобы запомнить до извѣстной степени легко и правильно даже цѣлую серію предметовъ, явленій, они должны быть самымъ естественнымъ ходомъ вещей въ нашемъ умѣ

приведены въ опредѣленный порядокъ, а также, насколько возможно, должна быть установлена и естественная связь ихъ между собою. При различнаго рода умственныхъ занятіяхъ оказывается всегда необходимымъ умѣть вызывать въ своей памяти одновременно всѣ роды образовъ, которые дали бы при этомъ другъ другу взаимную поддержку. Для успѣха каждаго дѣла является всегда также не менѣе необходимымъ сохраненіе въ нашей памяти какъ хорошо въ ней удерживающихся образовъ такъ и удерживающихся сравнительно болѣе плохо. Какъ мы уже указывали выше, одинъ человѣкъ по самой своей природѣ имѣетъ возможность легче, съ большей быстротой и живостью усваивать зрительные образы, другой слуховые и т. д., т. е. въ прямой зависимости отъ своей индивидуальности. На натуру человѣка обыкновенно дѣйствуетъ все окружающее, но нѣкоторые изъ факторовъ этого окружающаго естественно получаютъ и преобладающее значеніе и вліяніе въ силу индивидуальныхъ свойствъ каждаго изъ насъ. Сравнительно довольно рѣдкое явленіе, чтобы умъ человѣка былъ одаренъ, напр., способностью къ воспринятію конкретныхъ образовъ и абстракцій, также и не менѣе рѣдка равная способность къ воспринятію различнаго рода чувствованій. Можно видѣть довольно людей, которые прекрасно усваиваютъ музыкальные мотивы и въ то же время далеко не проявляютъ такой же способности по отношенію хотя бы живописи. Специализація въ подобныхъ случаяхъ, какъ говорятъ факты, способна итти дальше и дальше, подавляя чувствительность въ другомъ направленіи. Возьмемъ хотя такой примѣръ. Художникъ-колористъ способенъ всегда къ воспринятію красокъ предметовъ, художникъ-рисовальщикъ оказывается же способнымъ къ воспринятію болѣе формы предметовъ. Такимъ образомъ при усвоеніи знаній способъ ассоціаціи или наиболѣе привычная точка зрѣнія у каждаго до извѣстной степени своеобразны. Многолѣтнія педагогическія наблюденія уже въ достаточной степени, повидимому, успѣли убѣдить, что при стремленіи къ правильности въ развитіи памяти ребенка всегда необходимо сообразоваться съ индивидуальностью его въ этомъ направленіи. На необходимость индивидуализаціи для успѣшности преподаванія наглядно указали уже многіе опыты. Соотвѣтственно основнымъ особенностямъ нашей памяти должны быть потому различны

и сами методы развитія ея. Опираясь на индивидуализацію, дѣло воспитывающаго сумѣть ассоціировать, связывать между собой въ памяти ребенка хорошо и плохо удерживающіеся образы и тѣмъ самымъ положить основу навыка въ опредѣленномъ направленіи. Извѣстно, что какія либо формы памяти, т. е. привычки ея въ дѣтствѣ и юности, приобрѣтаются несравненно скорѣй и легче. А потому, когда человѣкъ съ ранней поры получить извѣстный навыкъ, научиться связывать между собою различные виды своей памяти, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ научится и большому умѣнью владѣть ими. Отсюда вполне понятна будетъ, какъ мы постараемся указать дальше, та экономія вниманія, которая можетъ быть достигнута нашимъ умомъ при возможности ассоціированія нашихъ впечатлѣній.

Придавая большое значеніе нашей памяти, со стороны педагогики являлось вполне естественнымъ изыскивать невозможныя пути къ ея развитію. И вотъ относительно развитія памяти мнемоническимъ путемъ образовалась въ своемъ родѣ цѣлая литература, указывающая на различные способы.

Ознакомившись съ задачей мнемонистовъ и тѣми путями, которыми они стремятся ее рѣшить, не придемъ ли, къ сожалѣнію, къ далеко нежеланному выводу, что въ большинствѣ случаевъ мнемоника эта съ своими фокусами въ сущности бесполезная работа и потеря времени. Последнее можно сказать даже по отношенію людей уже взрослыхъ, для которыхъ занятіе мнемоникой еще можетъ быть допустимо. Что же касается неокрѣпшихъ силъ ребенка, занятіе мнемоникой для нихъ можно считать положительно вреднымъ. Въ виду того, что для воспитанія памяти ребенка единственно правильнымъ способомъ можно считать тотъ способъ, въ основѣ котораго лежитъ разумное пониманіе предмета, его полная осмысленность, мнемонисты оказываются несостоятельными. Заставляя дѣтей заниматься мнемоникой, они нагружаютъ ихъ головы только массой лишнихъ свѣдѣній, очень часто являющихся въ видѣ лишняго баласта для дѣтской памяти и ослабляющихъ саму ея воспріимчивость.

Какъ каждую способность, память полезно развивать, укрѣплять, но не возбуждать, однако, искусственно, къ чему

направляются всѣ стремленія мнемонистовъ. Не прямымъ ли слѣдствіемъ подобнаго же рода намѣреній бываютъ такія крайне нежелательныя явленія, когда дѣти вдругъ повидимому расцвѣтали умственно, память ихъ давала хорошіе результаты, а потомъ въ ихъ способностяхъ такъ же быстро начиналъ замѣчаться сильный упадокъ. Такого рода случаи могли происходить, какъ объясняли, отъ излишка умственного напряженія у ребенка. Когда также стремятся къ тому, чтобы все обученіе основать на памяти, на заучиваніи болѣе механическомъ, то это влечетъ естественно къ ущербу общаго развитія впослѣдствіи.

21. (Vgl. das Bekenntnis des Hekatontarchen unter dem Kreuz: in Wahrheit war er Gottes Sohn. 27, 54.)

22. (Vgl. 27, 24: Ich bin unschuldig an dem Blute dieses Gerechten; sehet ihr zu.)

23. Die Synedristen halten eine Sitzung und bestechen die Soldaten.

24. Sie legen ihnen die Mär von dem Diebstahl der Leiche in den Mund.

25. Sie versprechen den Soldaten für ihre Sicherheit bei Pilatus zu sorgen, falls er ihre Nachlässigkeit strafen wolle.

26. Die Soldaten nehmen das Geld und handeln nach der Anweisung der Synedristen.

27. So ist das (bekannte) Gerücht von dem Leichendiebstahl entstanden.

21. und sie sprachen: in Wahrheit war er Gottes Sohn.

22. „Pilatus antwortete und sprach: Ich bin rein von dem Blut des Sohnes Gottes; euch aber gefiel es so.“

23.

24. „Sie alle“ bitten Pilatus, dem Centurio und den Soldaten Schweigen aufzulegen.

25.

26. Pilatus befiehlt dem Centurio und den Soldaten zu schweigen.

27.

Wenn das Matthäusevangelium Pseudopetrus als Vorlage gedient hat, so scheiden aus der Betrachtung aus vor allem a) die Punkte, welche direkte Übereinstimmungen aufweisen, also 1, 6a, 9, 18, 20, 21, 22; ferner b) die Stücke, welche sich ohne weiteres als willkürliche oder vielleicht aus bestimmten Interessen oder Tendenzen heraus vorgenommene Erweiterungen erklären lassen, also 6b, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17. Ist man nicht geneigt, eine Benutzung des Matthäusevangeliums durch Pseudopetrus anzuerkennen, so bleibt nur der Schluss offen, dass beide in den sub a genannten Punkten auf einer gemeinsamen Quelle fassen. Nimmt man als solche Quelle mündliche Tradition an, so bereiten die mehrfach wörtlichen Übereinstimmungen (bes. in 1, 9, 21) Schwierigkeiten. Diese Übereinstimmungen legen es näher, an eine gemeinsame schriftliche Quelle zu denken oder

anzunehmen, dass das Matthäusevangelium Pseudopetrus aus Vorlesung bekannt gewesen sei und er einiges daraus im Gedächtnis behalten habe ¹⁾. Die sub b genannten Punkte nötigen auch in diesem Falle zu keiner anderen Beurteilung.

Anders steht es mit den weder unter a, noch unter b genannten Punkten.

Anlass zur Bestreitung der Geschichtlichkeit des Matthäusberichtes haben namentlich die folgenden Momente gegeben: 1) dass die Synedristen um die Weissagung Jesu von seiner Auferstehung am dritten Tage gewusst haben sollten; 2) dass die Synedristen die Bewachung des Grabes ein paar römischen Soldaten überlassen haben sollten, statt auch eigene zuverlässige Männer damit zu betrauen; 3) dass die Soldaten ihren Rapport nicht ihren direkten Vorgesetzten, sondern den Synedristen abstatten; 4) dass die Synedristen den Soldaten ohne weiteres ihre wunderbare Erzählung glauben und ihnen keinen Vorwurf wegen Pflichtvernachlässigung machen; 5) dass die Synedristen erst noch eine Sitzung abhalten und es für gut befinden, durch Bestechung und Eingebung einer Lüge bei den heidnischen Römern sich selbst zu kompromittieren; 6) dass die Soldaten darauf eingegangen seien, den Juden zu lieb eine schwere Dienstverletzung (Schlafen auf Posten) auf sich zu nehmen, und endlich 7) dass die Synedristen es für möglich gehalten haben sollten, Pilatus, der ihnen doch wenig wohlgesinnt war, zu veranlassen, eine schwere Dienstverletzung seiner Untergebenen zu übersehen ²⁾.

Alle diese Anstösse fehlen bei Pseudopetrus! Sollte auch schon er sie wirklich sämtlich als Anstösse empfunden und mit bewusster Überlegung vermieden haben?! Und wenn man das nicht annehmen will, so würde es doch einen mehr als merkwürdigen Zufall darstellen, dass er bei seiner Umarbeitung der Matthäuserzählung gerade das abgeändert hätte, was 1700 Jahre später der Kritik anstössig erscheinen sollte.

Erscheinen diese beiden Möglichkeiten ausgeschlossen, so ist der Schluss unausweichlich, dass Pseudopetrus, mag er im übrigen auch das Matthäusevangelium, sei es als direkte Vorlage, sei es gedächtnismässig, benutzt haben, bei seinen Abweichungen auch mündliche Überlieferungen verwertet hat. Ob nun die Erzählung von der Grabeswache historisch oder eine Legende

1) So auch Harnack ThLZ 1894, Sp. 10.

2) So schon Paulus, Commentar, III³ 1805, S. 879 ff.

ist, — war sie einmal Bestandteil der mündlichen Überlieferung, so ist sie fraglos in sehr verschiedenen Formen im Umlauf gewesen. Und dass die Details — je nach dem grösseren oder geringeren Mass der Urteilkraft und Besonnenheit der Einzelnen — hier mehr, dort weniger glaubwürdig berichtet worden sind, ist selbstverständlich.

Es lassen sich aber in der Petruserzählung auch direkte Indizien dafür wahrnehmen, dass Elemente mündlicher Überlieferung in ihr Aufnahme gefunden haben.

Hierher gehört schon gleich die Einleitung der Erzählung, die Grundangabe, warum die Synedristen überhaupt eine Bewachung des Grabes erbitten. Es ist eine unvollziehbare Vorstellung, dass die gesamten Volksmassen, die einst Jesu nachgelaufen waren, in dem Moment, wo Jesu Schicksal sich wandte, nun auch völlig und bis auf den letzten Mann von ihm abgefallen sein sollten. Mag sich während der Kreuzigung auch keine Hand für ihn geregt haben und das Volk stumpf und dumpf zugeschaut haben, im Stillen wird manches Wort der Trauer, des Bedauerns, des Zweifels laut geworden sein. Und das wird je später desto mehr geschehen sein, — besonders auch angesichts und unter dem Einfluss der nachmaligen Wirksamkeit der Apostel. Da kann solches auch leicht in die Überlieferung von der Grabeswache eingedrungen oder von einem intelligenten Schriftsteller als Motiv in seine Erzählung eingefügt worden sein.

Pseudopetrus lässt die Synedristen angesichts dieser Volksstimmung befürchten, dass das Volk, wenn das Grab leer gefunden würde, an eine Auferstehung des Hingerichteten glauben und ihnen als den Urhebern der Hinrichtung „Übles“ zufügen würde. Das ist ein feiner Zug, der alle geschichtliche Wahrscheinlichkeit für sich hat. So können die Synedristen wirklich gedacht haben. Sollte wirklich vor Pseudopetrus niemand, der die Geschichte von der Grabeswache hörte, darauf gekommen sein, sich die Sache so vorstellig zu machen?

Aber noch mehr! Jene Volksstimmung lässt sich auch sonst als Bestandteil apokrypher Tradition nachweisen. Der genannte Bussruf des Volkes (Pt. 28) hängt aufs engste zusammen mit dem Weheruf des Volkes bei der Kreuzigung (Pt. 25). Dieser aber findet sich fast wörtlich in syrischen Übersetzungen (Syr. sin., Syr. cur., Tatian) und in der lateinischen Evangelienhandschrift S. Germanensis 1 (g¹) als eine Erweiterung von Lk. 23, 48.

Mag Pseudopetrus also einen derartig interpolierten Text von Lk. 23 vor sich gehabt und verarbeitet haben ¹⁾, jedenfalls bezeugt das Vorhandensein dieser Glosse ²⁾, dass schon frühzeitig eine entsprechende Tradition im Umlauf gewesen ist, denn die Glosse trägt einen durchaus volkstümlichen Charakter und sieht nicht wie eine gelehrte Randbemerkung aus

Als ein Stück alter, von Pseudopetrus vorgefundener Tradition möchte ich auch den Namen des römischen Centurio in Anspruch nehmen. Zahn hat ³⁾ den Namen Petronius auf den gleichen Namen des syrischen Statthalters zur Zeit des Caligula zurückgeführt: „es scheint nicht fernliegend, dass der Verfasser von diesem gehört hatte“. Dem gegenüber hält Berendts ⁴⁾ für unwahrscheinlich, dass mündliche Tradition „die Erinnerung an den syrischen Statthalter dieses Namens bis auf den Verfasser des Petrusevangeliums gebracht hätte“. Er will den Namen deshalb lieber als eine Reminiszenz aus dem Jüdischen Krieg des Josephus erklärt wissen.

Mir scheinen beide Erklärungsversuche gleich wenig Wahrscheinlichkeit für sich zu haben. So einleuchtend Zahns Vermutung ist, dass der Name des syrischen Statthalters auf den Centurio bei der Grabeswache übertragen worden ist, so zweifelhaft erscheint, dass erst Pseudopetrus diese Übertragung vollzogen haben sollte.

Der „κεντυρίων“ der Grabeswache bei Pseudopetrus ist identisch mit dem des Markus und dem „ἐκατόνταρχος“ des Matthäus bei der Kreuzigung. Das wird durch den Gleichlaut der Worte beider bewiesen. Diese Übertragung des Centurio von der einen Stelle an die andere ist auch in einer anderen Schrift, dem Martyrium des Longinus, vollzogen worden, eine Schrift, die, wie die Verschiedenheit der Namen beweist, nicht vom Petrusevangelium abhängig ist ⁵⁾. Den Namen Longinus trägt der Centurio unter dem Kreuz auch in einer der beiden griechischen Rezensionen der Pilatusakten, in Handschriften der anderen Rezension und in einer lateinischen Version trägt ihn jener Soldat, der dem Gekreuzigten den Lanzenstich versetzt ⁶⁾.

1) Zahn, Das Ev. des Petrus, 1893, S. 47.

2) Wenn es eine solche ist und nicht der ursprüngliche Text? Vgl. Merx, Die Evv. des Mk. und Lk., 1905, S. 505 f.

3) A. a. O. S. 41 f.

4) A. a. O. S. 68.

5) Vgl. die Stellenangabe bei Zahn a. a. O. S. 40 f., Anm. 1.

6) Vgl. die Stellenzitate bei Zahn a. a. O.

Diese differenten Namengebungen wie die Verwendung des Hauptmanns in verschiedenen Erzählungen (im Martyrium des Longinus steht er an beiden Stellen) beweisen auf der einen Seite, dass man schon frühzeitig an dem namenlosen Hauptmann mit seinem Bekenntnis unter dem Kreuz ein besonderes Interesse gehabt hat, anderseits, dass eine feste Tradition über ihn sich nicht herausgebildet hat, sondern dass verschiedene Traditionen über ihn in Umlauf gewesen sind.

Da nun der erwähnte syrische Statthalter mit Namen Petronius „sich als einen sehr besonnenen und über religiöse Dinge billig denkenden Beamten erwiesen hat“ ¹⁾, der daher in gutem Andenken geblieben sein wird, so ist es sehr möglich und wahrscheinlich, dass sein Name weiterhin bekannt geworden und dank einer leicht möglichen Verwechslung der Personen auf jenen namenlosen Hauptmann übertragen worden ist. Ja, es ist sogar nicht einmal undenkbar, dass jener Hauptmann unter dem Kreuz und der nachmalige syrische Statthalter in der Tat eine und dieselbe Persönlichkeit gewesen sind ²⁾, dass also jener Centurio faktisch Petronius geheissen hat und eine ältere Überlieferung, die diesen Namen noch kannte, nachmals in Vergessenheit geraten ist.

Wie dem auch sei, hat die Tradition sich überhaupt mit jenem Centurio beschäftigt, so wird nicht erst Pseudopetrus ihm den Namen Petronius beigelegt und auch wohl nicht erst er ihn in die Erzählung von der Grabeswache übertragen haben, sondern er wird beides schon vorgefunden haben.

Für die Benutzung von Überlieferungselementen im Petrus-evangelium spricht noch mancher einzelne Zug, z. B. der sich selbst vom Grabe fortwälzende Stein (v. 37). Denn gegenüber der Matthäuserzählung, dass ein Engel den Stein weggewälzt habe (28, 2), bedeutet dieser Zug keine Steigerung, die sich aus irgend welchen Interessen des Verfassers erklären liesse. So sehr dieser Zug zur plastischen Gestaltung des Bildes beiträgt, so echt volkstümlich erscheint er auch.

Hierher gehört ferner die ganz beiläufige Notiz, dass die Grabstätte Jesu „Josephs Garten“ geheissen habe (v. 24). Das

1) Zahn, a. a. O. S. 41.

2) Zwischen dem Tode Jesu und der Zeit des Caligula liegt etwa ein Jahrzehnt, innerhalb dessen ein solches Avancement schon denkbar wäre. Vgl. hierzu Zahn a. a. O. S. 42.

kann nur eine volkstümliche Bezeichnung gewesen sein, die als gangbare dem Verfasser des Petrus-evangeliums bekannt gewesen sein muss, denn er verwendet sie zur näheren Bezeichnung einer dem Leser unbekannten Örtlichkeit.

Besonders charakteristisch ist vor allem auch die Schlussnotiz des Fragments, dass die Jünger voll Trauerns gewesen seien und dass Simon Petrus und Andreas mit Levi, des Alphäus Sohn, an das (galiläische) Meer gegangen seien (v. 59 und 60). Der Zusammenhang der ganzen Erzählung, namentlich der Zusammenhang von v. 59 und 60 schliesst aus, dass hier eine Reminiscenz an Mk. 26, 7 und Mt. 28, 7. 10 vorliege. Nicht weil den Jüngern eine dahinlautende Weisung zu teil geworden ist, verlassen sie Jerusalem, sondern es erscheint das durchaus als eine Folge ihrer Betrübnis. Von Trauer und Niedergeschlagenheit der Jünger erzählt auch das Lukasevangelium (24, 21), aber gerade dieses Evangelium weiss nichts davon, dass die Jünger Jerusalem verlassen hätten. Während Matthäus die einzige Erscheinung des Auferstandenen vor den Jüngern, die er erzählt, nach Galiläa verlegt (28, 16 ff.), kennt Lukas nur Erscheinungen in Jerusalem, ebenso auch der 4. Evangelist (Joh. 20). Dagegen weiss der Anhang des 4. Evangeliums, Kp. 21, wieder nur von einer Erscheinung des Auferstandenen in Galiläa zu berichten.

Hier liegen die Niederschläge verschiedener Überlieferungen vor, die neben einander bestanden haben müssen. Das bestätigten Zeugnisse, wie die bei Justin Dial. 53, Apol. I, 50 und Orig. II, 18 und 45, die von einer Flucht der Jünger aus Jerusalem berichten, aber ohne Galiläa zu nennen.

Gerade in ihrer Vereinzelung sind diese Zeugnisse charakteristisch. Sie beweisen, dass die kanonischen Evangelien längere Zeit nicht die einzige und alleinige Quelle für die Erzählung von den Ereignissen waren, sondern dass neben ihnen auch andere Nachrichten im Umlauf gewesen sind.

Beweisend dafür, dass das Petrus-evangelium vielfach auf alten Überlieferungen ruht, ist endlich noch eine andere Erscheinung in ihm, die auch schon Zahn beobachtet hat ¹⁾, das ist die Konfusion, die in dem Bericht über die Meldung von den Ereignissen am Grabe vor Pilatus herrscht.

Die Synedristen, die nach Pt. 38 ff. selbst Augenzeugen dieser Vorgänge gewesen sind und auch v. 43 unter den eine Meldung

1) A. a. O. S. 22 f.

bei Pilatus erwägenden *ἐκεῖνοι* mitinbegriffen sind, gehen nach v. 45 nicht zu Pilatus, sondern nur die Leute des Centurio gehen hin. Nur so wird das „*οἱ περὶ τὸν κεντυρίωνα*“ verstanden werden dürfen, zumal ihnen (wie auch Mt. 27, 54) das Bekenntnis jenes Hauptmanns (Mk. 15, 39) in den Mund gelegt wird, das die Synedristen selbstverständlich nicht mit bekannt haben können. Dennoch antwortet Pilatus mit den an Mt. 27, 24 orientierten Worten, die wiederum nur ausschliesslich an die Synedristen gerichtet sein können. Jetzt erst, v. 47, treten „sie alle“ zu Pilatus, was wieder nur die Synedristen allein bezeichnen kann, denn sie bitten Pilatus, dem Centurio und den Soldaten Schweigen zu befehlen.

Eine ähnliche Konfusion tritt uns nun auch in einem früheren Abschnitt entgegen. Als nach der Finsternis die Sonne wieder schien, „freuten sich“ die Juden (v. 23) und liefern Joseph den Leichnam Jesu aus. Obgleich jetzt nur erzählt wird, dass Joseph den Leichnam bestattet habe, fährt doch v. 25 fort: „Da (*τότε*) sahen die Juden und die Ältesten und die Priester, welches Übel sie sich selber zugefügt und fingen an zu jammern und zu sprechen: Wehe über unsere Sünden etc.“ Werden hier die Synedristen mit unter diesen Reumütigen genannt, so weiss v. 28 plötzlich nichts mehr von solcher Reue, da ist es nur noch „das ganze Volk“, das ähnlich spricht, und die Synedristen „hören“ nur davon und fürchten sich und bitten daher Pilatus um Bewachung des Grabes. Und zum Überfluss steht zwischen beiden Angaben in v. 26 die Notiz, dass „sie“ die Jünger verfolgt hätten.

Zahn zieht aus diesen Beobachtungen nur den Schluss, dass die Darstellung der Ereignisse eine „äusserst nachlässige“ sei ¹⁾. Mit Unrecht. Man wird dem Verfasser nur Nachlässigkeit in der äusseren Form vorwerfen können.

Vor allem ist zu bemerken, dass die differenten Darstellungen von dem Verhalten der Synedristen in v. 25 und v. 28 zwei verschiedenen Erzählungen angehören, der Kreuzigungserzählung und der Geschichte von der Grabeswache. Der Bussruf (des Volkes) in v. 28 ist dem in v. 25 sichtlich nachgebildet und dient als Brücke von einer Erzählung zur anderen. Hieraus ist zu schliessen, dass hier zwei ursprünglich selbständige Überlieferungen mit einander verbunden worden sind. Eingeschoben

1) So auch v. Schubert, Kunze u. a.

ist noch ein anderes Überlieferungselement (die Notiz von der Verfolgung der Jünger), das durch seine Inkongruenz mit dem Kontext sich auch als ein ursprünglich selbständiges Stück zu erkennen gibt ¹⁾.

Sind hier verschiedene Überlieferungsstücke miteinander verbunden worden, so wird es bei der Erzählung von der Grabeswache nicht anders sein. Die Unstimmigkeiten werden nicht nur durch nachlässige Kompilation aus verschiedenen Evangelienstellen entstanden sein, sondern vielmehr dadurch, dass auch hier verschiedene Traditionen über das gleiche Ereignis zusammengefloßen sind. Dem entspricht es, dass, wie wir erkannt haben, auch sonst in die Erzählung von der Grabeswache einzelne Überlieferungselemente aufgenommen worden sind.

Und dass überhaupt verschiedene Überlieferungen über die Grabeswache im Umlauf gewesen sind, wird auch durch die Differenzen zwischen der Matthäus- und der Petruuserzählung, die sich, wie gezeigt, nicht durch Überarbeitung der einen durch den Verfasser der anderen erklären lassen, bewiesen.

Ergibt sich somit als Resultat unserer Untersuchung, dass über die Grabeswache nicht zuerst Matthäus berichtet hat, sondern dass verschiedene Überlieferungen, die stark von einander abwichen, vorhanden gewesen sind, so hindert uns nichts mehr, auch den Josephusbericht aus eben solchen ausserkanonischen Überlieferungen herzuleiten. Und ebenso findet unsere Erkenntnis, dass auch in ihm verschiedene Traditionen zusammengefloßen sind, durch unsere Beobachtungen an dem sonstigen Material eine Sicherung.

Von hieraus fällt ein helleres Licht auch auf einen der früheren Abschnitte der Josephusinterpolationen, auf die Notiz von der Inschrift im Tempel.

Wir haben erkannt, dass die Angabe im Petrusevangelium von der Verfolgung der Jünger (v. 26) ein versprengtes Element in der Überlieferung ist. Es ist schon (S. 200 f.) nachgewiesen worden, dass diese Angabe: „wir wurden von ihnen gesucht wie Missetäter und als solche, die den Tempel anzünden wollten“, nicht von der Josephusnotiz über die Inschrift im Tempel abhängig sein kann und ebensowenig diese von jener.

Dennoch kann keinem Zweifel unterliegen, dass beide Angaben aus einer Wurzel erwachsen sind. Hat man nach dem

1) Gegen Kunze, a. a. O. S. 92.

Bericht der Evangelien über den Prozess vor dem Synedrium Jesu den Vorwurf gemacht, dass er in frevler Lästung von dem Tempel geredet habe (vgl. Mt, 26, 61 und Parall.), und hat man seinen Anhängern gleichfalls Lästung des Tempels vorgeworfen (Act. 6, 13), so wird man auch in den gleichen Kreisen das sensationelle Wort Jesu von der dereinstigen Zerstörung der Stadt und des Tempels in gehässigster Weise besprochen und von den Jüngern den Verdacht geäußert haben, dass sie vielleicht sogar selbst eine Vernichtung des Tempels herbeizuführen planten.

Die Tradition von dem letztgenannten Verdacht hat uns das Petrus-evangelium aufbewahrt und noch dazu in einer Verbindung, die diese Tradition noch als solche erkennen lässt¹⁾. Daran findet das Resultat unserer Untersuchung der Josephusnotiz über die Tempelinschrift, dass auch diese Notiz nicht vom Verfasser der Interpolation auf Grund der kanonischen Evangelien komponiert ist, sondern auf einer ausserkanonischen Tradition ruht, eine ungesuchte Stütze und Bestätigung.

Der Weltherrscher aus jüdischem Lande.

Bei dem VIII Stück der Josephusinterpolationen haben wir es nicht mit einem Zusatz zu tun, sondern mit einem Ersatz für eine im griechischen Josephustext anders lautende Aussage. Dieses Stück steht in Bell. jud. VI, 5, 4 nach dem Satze: Was sie (die Juden) jedoch am meisten zum Kriege getrieben hatte, war ein zweideutiger Orakelspruch (χρησμός ἀμφίβολου), der sich gleichfalls in ihren heiligen Schriften fand, dass nämlich um diese Zeit einer aus ihrem Lande die Weltherrschaft erlangen werde (ἀπὸ τῆς χώρας αὐτῶν τις ἄρξει τῆς οἰκουμένης). Während der slavische Text nun offen lässt, ob dieser Orakelspruch auf Herodes, „den gekreuzigten Wundertäter Jesus“ oder Vespasian zu deuten sei, fährt der griechische Text mit grosser Bestimmtheit fort: „τοῦθ' οἱ μὲν ὡς οἰκεῖον ἐξέλαβον καὶ πολλοὶ τῶν σοφῶν ἐπλανήθησαν περὶ τὴν κρίσιν, ἐδήλου δ' ἄρα τὴν Οὐεσπασιανοῦ τὸ λόγιον ἡγεμονίαν ἀποδειχθέντος ἐπὶ Ἰουδαίας αὐτοκράτορος“.

1) Auch v. Soden rechnet diese Notiz zu denen, „welche uns den Eindruck ursprünglichster Überlieferungen machen“. (Das Petrus-evangelium und die kanonischen Evangelien ZThK, III, 1892, S. 87).

In diesem Verhältnis der beiden Texte will Berendts „ein kleines, aber nicht zu verkennendes Zeichen“ dafür erblicken, „dass der Text von Jos. Slav. gewissermassen die Vorstufe für den Text des griechischen *Bellum Judaicum* darstellt“ ¹⁾, ein direktes Zeichen also dafür, dass Josephus selbst der Autor auch der im slavischen Text erhaltenen Fassung sei. Hierin kann ich ihm nicht beipflichten. Allerdings darauf, dass im vorhergehenden Satze Tacitus hist. V, 13 mit dem slavischen Text des Josephus gegen den griechischen zusammengeht, will ich kein Gewicht legen. Berendts will daraus den Schluss ziehen, „dass die slavische Übersetzung des Josephus auf eine Vorlage zurückgeht, die schon im 1. Jahrhundert unserer Zeitrechnung im Umlauf war, also zu den Zeiten des Josephus selbst“ ²⁾. Jos. Slav. liest hier nämlich statt ἀπὸ τῆς χώρας αὐτῶν: „aus dem jüdischen Lande“, ebenso Tacitus: „pluribus persuasio inerat antiquis sacerdotum litteris contineri, eo ipso tempore fore ut valesceret Oriens profectique Judaea rerum poterentur“.

Der im griechischen Text stehende Ausdruck ἀπὸ τῆς χώρας αὐτῶν kann, da im Vorhergehenden nur die Juden (in Jerusalem) Subjekt sind, kaum anders verstanden werden als vom jüdischen Lande. Dennoch lag es nahe, da einerseits diese Deutung des αὐτῶν nicht unbedingt notwendig erscheint, vor allem aber, weil es sich hier um ein Zitat handelt, einen präziseren Ausdruck einzusetzen, dass der Weltherrscher gerade aus dem jüdischen Lande hervorgehen solle. Eine solche Verdeutlichung können der Verfasser der Vorlage des Slaven und Tacitus unabhängig von einander vorgenommen haben.

Aber auch wenn wir von Tacitus ganz absehen, lässt sich nachweisen, dass die im slavischen Text erhaltene Fassung der Deutung nicht einer jüngeren Zeit angehört als dem 1. Jahrhundert.

Freilich, älter als die Fassung im griechischen Text des *Bellum judaicum* braucht sie nicht zu sein. Und dass ihr Verfasser den griechischen Text nicht gekannt haben könne, lässt sich nicht behaupten. Damit würde auch das „unverkennbare Zeichen“ der Autorschaft des Josephus fallen.

Darin aber ist Berendts beizustimmen, dass jedenfalls ein Christ die Fassung des Slaven nicht geschrieben haben kann. Dass die Weissagung Micha 5, 1 ff. mit dem Orakelspruch ge-

1) A. a. O. S. 70.

2) A. a. O. S. 28.

meint ist, dürfte nicht zu bezweifeln sein. Nun könnte ja freilich ein Christ, dem die Beziehung der Weissagung auf Christum selbst feststand, immerhin eine so schwankende Deutung eingesetzt haben, wenn er einerseits überhaupt nur die Deutung auf Christum hineinbringen, anderseits aber doch die Fiktion der Autorschaft des Josephus aufrecht erhalten wollte. Unmöglich gemacht wird diese Annahme aber durch die Nennung des Herodes. Wollte er nur den Namen Jesu hineinbringen, so nötigte ihn doch nichts, nun auch Herodes und zwar gerade diesen als einen möglicherweise von der Weissagung Gemeinten zu nennen. Selbst wenn er gewusst hätte, dass tatsächlich die Weissagung auf Herodes gedeutet worden ist, müssen wir bei einem Christen voraussetzen, dass er diesen Namen vermieden hätte. Er hätte sich ja mit einem unbestimmteren Ausdruck wie etwa „andere meinten noch andere“ helfen können.

Dass die Weissagung wirklich auf verschiedene Persönlichkeiten gedeutet worden ist, das weiss und bezeugt auch Josephus (im griechischen Text). Schon dass er von den Juden sagt, sie hätten die Weissagung auf „einen ihres Stammes“ bezogen, kann so verstanden werden, dass verschiedene Namen genannt worden sind, die nur das gemeinsam hatten, dass sie Juden angehörten. Aber wenn er dann auch die Deutungen „vieler ihrer Weisen“ für irrig erklärt, so ist ganz evident, dass er verschiedene Deutungen meint. Er hält nur seine eigene Deutung auf Vespasian im Gegensatz zu allen anderen, nicht nur zu einer anderen für richtig.

Wenn nun ein anderer Schriftsteller die Deutung offen lassen wollte, so kann das im direkten Gegensatz zu der sicheren Deutung des Josephus auf Vespasian geschehen sein. Es kann sein, dass er diese Deutung für entschieden irrig hielt, oder auch, dass ihm neben ihr andere ihm bekannte Deutungen gleichwertig erschienen. Jedenfalls ist es durchaus denkbar, dass die Josephusdeutung eliminiert und durch eine unbestimmte Fassung ersetzt worden ist.

Stellt somit die Fassung des slavischen Textes auch keine „Vorstufe“ des griechischen Josephustextes dar, so kann sie doch jedenfalls nicht viel jünger sein als diese. Das wird durch die beiden neben dem des Vespasian eingesetzten Namen bewiesen.

Dass gerade diese zwei Namen gewählt worden sind, beweist, dass der Interpolator sie nicht willkürlich von sich aus eingesetzt hat. Dass Herodes von der Weissagung gemeint sein

könnte, ist für einen Schriftsteller im letzten Drittel des 1. Jahrhunderts (und das ist ja der allerfrüheste Termin für die Abfassung der Stelle) so fernliegend, dass er nicht von sich aus auf diesen Namen verfallen sein kann. Es muss zu Zeiten in der Tat die Weissagung auf Herodes bezogen worden sein. Ist das der Fall gewesen, so ist es selbstverständlich nur in jüdischen Kreisen geschehen. Und dass die Kunde hiervon über jüdische Kreise hinausgedrungen sein und eine Erinnerung an diese längst doch als irrig erkannte Deutung sich bis in späte Zeiten anderswo erhalten haben sollte, ist so unwahrscheinlich wie nur möglich. So beweist dieses Moment wiederum, dass wir den Josephusinterpolator nur in jüdischen Kreisen suchen dürfen.

Auch der zweite Name weist in keiner anderen Richtung. Dass die Michaweissagung von den Christen auf Christum gedeutet worden ist, ist ja selbstverständlich, aber damit ist noch nicht erwiesen, dass sie nur von Christen so gedeutet worden ist. Die Erwartungen, die man im jüdischen Volk an den Wundertäter und Propheten aus Galiläa geknüpft hat und von denen der Josephusinterpolator selbst (in IV) so Genaueres zu erzählen weiss, lassen erkennen, dass auch unter Juden eine Deutung der Weissagung auf Jesum möglich gewesen ist. Die Kreuzigung Jesu vernichtete endgültig die vom Volk gehegten Hoffnungen und erwies eine solche Deutung als irrig. Dass Jesus hier, wo von den Deutungen der Weissagung die Rede ist, gerade mit dem Ausdruck „der gekreuzigte Wundertäter“ bezeichnet wird, spiegelt die erwähnte Entwicklung wieder. Denn hier gerade auch der Kreuzigung zu gedenken, war durch nichts nahe gelegt, eine Bezeichnung wie „jener Wundertäter“ oder „der Wundertäter Jesus“, wie derselbe Verfasser sie V, 4 braucht, hätte vollauf genügt. Wird hier dennoch der Kreuzigung gedacht, so kann es nicht ohne Absicht geschehen sein. Diese Absicht kann ich nur darin erblicken, dass der Verfasser andeuten wollte, dass ihm auch diese Deutung irrig erscheine. Irrig aber konnte sie ihm nur wegen der Kreuzigung erscheinen, weil er eben nicht an eine Auferstehung glaubte, also weil er selbst ein Jude war.

Dass hier Jesus mit Namen genannt wird, spricht nicht dagegen, dass diese Notiz von demselben Verfasser herrührt wie die übrigen Interpolationen und dass der Verfasser im übrigen mit Absicht diesen Namen vermieden hat. Durch die Nennung der Namen zweier anderer historischer Persönlichkeiten erschien

es geboten, auch bei der dritten Persönlichkeit deren historischen Namen zu nennen. Und hier konnte der Interpolator es um so leichter tun — auch wenn er sonst einen Grund hatte, den Namen zu vermeiden —, als er sich an dieser Stelle auf eine Namensnennung beschränkte und nichts von dieser Persönlichkeit erzählen wollte, ausserdem aber auch durch die Hinzufügung „der gekreuzigte Wundertäter“ jede Überschätzung der Person Jesu hinderte. Es steht aber auch nichts im Wege, den Namen „Jesus“ an dieser Stelle für eine Glosse zu halten¹⁾, die ein späterer Abschreiber oder vielleicht sogar erst der slavische Übersetzer hinzugefügt hat, vielleicht gleichfalls nur aus dem Grunde, weil ihm hier zwischen zwei anderen historischen Namen die Nennung des historischen Namens unerlässlich schien.

Wie dem auch sei, jedenfalls fällt alles Schwergewicht auf die Bezeichnung „der gekreuzigte Wundertäter“. Mit Recht erkennt R. Seeberg hierin die eigentliche Anschauung des Verfassers von Jesus²⁾. Mehr als das ist er ihm nicht gewesen. Kein Christ, nur ein Jude kann so geschrieben haben.

Ihm, dem Juden, waren die Deutungen der Weissagung auf Herodes und Jesus irrig. Dass er sie trotzdem hierher setzte, lässt vermuten, dass er auch der Deutung auf Vespasian nicht beizupflichten geneigt war.

Berendts meint, es könnte auffallend erscheinen, dass unter den Auslegungen der Weissagung diejenige, welche erst von der Zukunft die Erfüllung erwartete, nicht erwähnt ist. „Das kann aber, fährt Berendts fort, so erklärt werden, dass der Verfasser diese Auslegung von vornherein abweist und als nennenswert nur solche aufführt, die eine historische Persönlichkeit ins Auge fassen. Er ist aber zur Zeit noch nicht schlüssig, welche Deutung er annehmen soll“³⁾. Berendts gewinnt auf diese Weise ein Indizium für die Autorschaft des Josephus. Dieses Indizium schwindet, wenn wir richtig erkannt haben, dass die beiden ersten Deutungen im slavischen Text dem Interpolator irrig erschienen sind und er durch ihre Einsetzung auch die dritte als irrig kennzeichnen oder das doch wenigstens andeuten wollte. Als seine eigene Meinung würde dann durchschimmern: sind diese auf bereits bekannte historische Persönlichkeiten bezoge-

1) Vgl. Berendts a. a. O. S. 69.

2) A. a. O. S. 294, Anm. 89.

3) A. a. O. S. 70, Anm. 2.

nen Deutungen irrig, so gehört eben die Erfüllung der Weissagung noch der Zukunft an. Das hier auszusprechen aber hatte er keine Veranlassung, denn im Zusammenhang seines Textes handelte es sich nur um die Deutungen der Weissagungen auf bereits bekannte historische Persönlichkeiten, denn durch eine solche waren die Juden zum Kriege getrieben worden. Dabei ist ja natürlich nicht nur an den letzten, mit der Zerstörung Jerusalems endenden Krieg zu denken, sondern auch an alle vorhergehenden Versuche das Römerjoch abzuschütteln. Von einem solchen Versuch hat ja der Interpolator selbst zu erzählen gewusst.

So führt auch diese Erkenntnis, dass der Interpolator die Erfüllung der Weissagung erst von der Zukunft erwartet, ebenso wie die Nennung des Herodes und des gekreuzigten Wundertäters in diesem Zusammenhang zu dem Resultat, dass wir in ihm nur einen Juden und zwar einen, der bald nach dem Jahre 70 geschrieben hat, erblicken dürfen.

Das Apostelstück.

Das Verhältnis des Berichts zur kanonischen Apostelgeschichte.

Wie die Christusstücke, besonders IV, zu den Evangelien, so verhält sich das Apostelstück (V) zu der kanonischen Apostelgeschichte. Auch hier finden wir einen Bericht, der hier und da Berührungen mit der kanonischen Schrift aufweist, an einer Stelle sich sogar direkt an diese anzulehnen scheint, im übrigen aber von der Erzählung der Apostelgeschichte im ganzen und einzelnen aufs stärkste abweicht.

Gleich in den einleitenden Worten, mit denen die Interpolation an den Josephustext angefügt ist, fällt auf, dass von den beiden hier genannten römischen Prokuratoren gesagt wird, dass sie über die genaue Beobachtung der „reinen“, d. h. der jüdischen Gesetze gewacht hätten (V, 1). In den Akten erscheinen ausschliesslich die Synedristen als solche Wächter des Gesetzes, ja, im ersten Teil der Akten treten die römischen Beamten überhaupt nicht hervor.

Dem Aktenbericht scheint sich dann zu nähern, wenn es V, 2 heisst, dass Abweichungen vom Gesetz den Gesetzeslehrern, also der jüdischen Behörde gemeldet wurden. Dennoch erscheinen in V, 3 wieder die römischen Beamten als die über solche Gesetzesübertretungen urteilenden Richter. Dabei ist an dieser Stelle auf ein Ereignis Bezug genommen, das auch nach den Akten sich so abgespielt hat: die Sendung des „Gesetzesübertreters“ Paulus vor das Angesicht des Kaisers geschah infolge einer Anklage der Juden durch den römischen Prokurator. Im Widerspruch zu den Akten bleibt aber dabei, 1) dass diese Sendung nicht in die Zeit des Festus verlegt, sondern um ca. 1½ Jahrzehnte zurückdatiert wird, und 2) dass dieses einzige

derartige Ereignis, das in den Akten erwähnt wird, hier zu einem „um so häufiger“ vervielfacht wird.

Im Widerspruch zu den Akten wird sodann diese Sendung Angeklagter nach Rom von der christlichen Bewegung abgelöst. Erst V, 4 kommt der Josephusinterpolator auf letztere zu sprechen.

Was er über diese christliche Bewegung zu sagen hat, stimmt durchaus mit dem Aktenbericht überein, ja, es klingt wie eine kurze Zusammenfassung des letzteren. Nicht nur wird der Inhalt der apostolischen Predigt richtig dahin angegeben, dass es sich vor allem um eine Verkündigung der Auferstehung Jesu gehandelt habe (V, 4), sondern es fehlt auch nicht ein, wenn auch kurzer, Hinweis auf die Wundertaten der Apostel (V, 6). Ebenso stimmt die Angabe über den Erfolg dieser Wirksamkeit der Apostel mit den Akten überein, dass viele aus dem Volke sich hätten überzeugen lassen und „zwar nicht um Ruhmes willen“, denn diese christlichen Zeugen seien geringe Leute gewesen (V, 5). Um so auffallender ist, dass daneben sofort wieder charakteristische Abweichungen auftreten: 1) dass der apostolischen Predigt eine politische Spitze gegeben wird (V, 4), und 2) dass den Aposteln Handwerke zugeschrieben werden, von denen die kanonischen Schriften nichts wissen.

Übereinstimmend mit dem Aktenbericht ist des weiteren, dass die Behörden wohl darauf bedacht sind, diese christliche Bewegung zu unterdrücken (V, 7), aber dennoch ihr gegenüber eine unsichere schwankende Stellung einnehmen (V, 8 ff). Hier scheint sogar eine Stelle aus dem betreffenden Aktenbericht fast wörtlich zitiert zu sein (V, 9 vgl. Act. 5, 38). Den Akten widerstreitet aber dabei, dass hier die Initiative für das Vorgehen gegen die Christen und ebenso das erwähnte Schwanken nicht den Synedristen, sondern den römischen Prokuratoren zugeschrieben wird.

Mit den Akten vereinigen liesse sich auch die Angabe V, 11, dass die Zerstreuung der Christen nach Antiochien und „in ferne Länder“ eine Folge der Verfolgung gewesen sei. Es widerstreitet ihnen aber, dass die Sendung einzelner zum Kaiser in eine Reihe mit dem „Entlassen“ nach Antiochien und in ferne Länder gestellt wird und dass diese „Entlassung“ „zur Erprobung der Sache“ erfolgt sei.

Dieses eigentümliche Mischungsverhältnis von Übereinstimmung und Abweichung gegenüber dem Aktenbericht stellt ein eigenartiges Problem dar. Die Übereinstimmungen, besonders

das scheinbare Zitat V, 9, legen die Annahme nahe, dass der Verfasser auf Grund der kanonischen Apostelgeschichte gearbeitet habe, die Abweichungen verbieten aber durch ihre Eigentümlichkeit, diese Annahme ohne weiteres als richtig zu akzeptieren und damit das Problem schon für gelöst zu erachten.

Liegt eine Benutzung der Akten vor?

Die Annahme, dass der Josephusinterpolator ein Christ späterer Zeit gewesen sei, bei dem wir also unbedingt voraussetzen müssten, dass er die Akten gekannt und auf Grund der Akten gearbeitet habe, nötigt dazu, die Abweichungen für bewusste und beabsichtigte Abänderungen zu erklären. Solche vorzunehmen müsste er einen bestimmten Zweck gehabt haben.

Diesen Zweck wird man nun wieder vor allem darin zu erblicken geneigt sein, dass der Interpolator die Fiktion der Autorschaft des Josephus aufrecht erhalten wollte. War das sein Bestreben, dann musste er ja freilich darauf bedacht sein, seine eigene bessere Kenntnis der Dinge zu verhüllen und so zu schreiben, wie nach seiner Meinung Josephus geschrieben haben könnte. Dem würde es entsprechen, wenn er den Erzähler von dem Aktenbericht darin abweichen lässt, dass nicht nur die Synedristen, sondern auch die römischen Prokuratoren zu den Christen Stellung nehmen, wenn er der apostolischen Predigt eine politische Spitze gibt, wenn er über den Stand der Apostel abweichende Angaben macht und dgl.

Unvereinbar mit dieser Annahme ist aber, 1) dass er sich nicht darauf beschränkt, in den Text des Josephus seine Interpolation einzufügen, sondern auch den Josephustext selbst, den wir bei einem späteren christlichen Interpolator voraussetzen müssen, abändert. Er lässt a) im voranstehenden Text die Angabe des Josephus über die Kinder des Agrippa, unter denen Agrippa II ausdrücklich genannt wird, weg und sagt statt dessen und im Widerspruch gegen seine Vorlage kurzweg, dass Agrippa gestorben sei, ohne einen Sohn zu hinterlassen. Demgemäss lässt er auch in dem Satz, wo von der Sendung der beiden Prokuratoren Cuspius Fadus und Tiberius Alexander die Rede ist (V, 1), die Anknüpfung „ὅς παντάπασιν ὄντος νηπίου“ fort. Des weiteren hat er dann die in seiner Vorlage auf die Erwähnung der Prokuratoren folgenden Bemerkungen über die Herodianer gestrichen und ebenso auch den Anfang von B. j. II, 12, 1,

wo gleichfalls Agrippa II erwähnt war. Er hat sodann b) die Aussage des Josephus, dass das Volk sich unter diesen Prokuratoren ruhig verhalten habe, weil sie seine einheimischen Gebräuche unangetastet gelassen hätten (μηδὲν παρακινούντες τῶν ἐπιχωρίων ἔθων ἐν εἰρήνῃ τὸ ἔθνος διεφύλαξαν), dahin abgeändert, dass sie das Volk dadurch in Frieden erhalten hätten, dass „sie nicht gestatteten, sich in etwas von den reinen Gesetzen zu entfernen“. Hierher gehört endlich, c) dass im griechischen Josephustext ausdrücklich Tiberius Alexander als Nachfolger des Cuspius Fadus bezeichnet wird (ἔπειτα), während unser Verfasser eine gleichzeitige Wirksamkeit der beiden Prokuratoren anzunehmen scheint (V, 1 und 12).

Gegen die Annahme, dass die Abweichungen vom Aktenbericht um jener Fiktion willen hergestellt seien, spricht 2) die chronologische Verwirrung, die der Interpolator dem Josephus aufgebürdet hätte. Sämtliche erwähnte Ereignisse werden mit grosser Bestimmtheit in die kurze Amtszeit der beiden genannten Prokuratoren (44—48) verlegt. Schon das ist auffallend, denn nichts nötigte den Interpolator, seinen Einschub gerade an dieser Stelle, wo von diesen Prokuratoren die Rede war, einzusetzen. Namentlich aber, dass auch die Sendung der Angeklagten nach Rom in diese Zeit verlegt wird, ist aus dem Streben, die Fiktion der Autorschaft des Josephus zu wahren, nicht zu erklären. Sollte wirklich der Interpolator Josephus zugetraut haben, dass er über die Ereignisse der Amtszeit des Felix und Festus, die er, Josephus, ja selbst miterlebt hatte, so wenig orientiert gewesen sei? Oder sollte er den Lesern des Jüdischen Krieges zugemutet haben, Josephus solche Ignoranz zuzutrauen? Ausserdem wäre die Stelle im Bellum judaicum II, 13, 7 am Schluss, wo von einer Sendung nach Rom durch Felix ausdrücklich die Rede ist, viel passender für einen Einschub gewesen, da ja eine gleiche Sendung, die dieser Zeit angehörte, erwähnt werden sollte.

Es liegt nahe zu vermuten, dass man sodann die Abänderungen der Aktenerzählung aus der Absicht des Interpolators, das Verhalten der römischen Behörde gegenüber den Christen in ein günstigeres Licht zu rücken, wird erklären wollen. Hat doch H. Holtzmann auch den Bericht über das Verhalten des Pilatus (in IV) aus einer solchen Absicht zu erklären gesucht ¹⁾.

1) A. a. O. Sp. 588.

Man könnte sich darauf berufen, a) dass die Sache gerade bei den Prokuratoren erwähnt wird, über die Josephus ein relativ günstiges Urteil fällt, ferner b) dass der Interpolator das Lob des Josephus noch verstärkt (V, 1) und die beiden Prokuratoren mit dem Epitheton „edel“ versieht (V, 7).

Man würde dabei aber übersehen, dass ein solches Bestreben gar nicht zu irgend welchen Abweichungen vom Aktenbericht genötigt hätte, dass vielmehr die Interpolation für die Römer viel ungünstiger als dieser lautet. Im ersten Teil der Akten wird von dem Verhalten der römischen Behörde in Angelegenheit der Christen überhaupt nicht geredet, weder im ungünstigen, noch im günstigen Sinne. Alle Verfolgungen der Christen gehen ausschliesslich von der jüdischen Obrigkeit aus (vgl. 4, 5—7. 5, 17 ff, 34. 6, 12 f. 9, 1 f. 12, 1 ff.). In den späteren Abschnitten sind es auch allemal die Juden, die bei Verfolgung der Apostel die Initiative ergreifen, die römischen Behörden verhalten sich meist abwartend, greifen nur ein, wenn bei ihnen eine direkte Anklage erhoben wird oder wenn ein Tumult des Volkes entsteht. Auch dann beweisen sie Objektivität, ja, suchen die Apostel zu schützen und fällen kein Urteil ohne triftigen Rechtsgrund (vgl. 13, 12. 16, 20 und 38 f. 18, 12 ff. 19, 31. 21, 31 ff. und 22, 29. 23, 10. 24. 25, 16 ff., 25 ff. 26, 31). In der Josephusinterpolation erscheinen dagegen gerade die römischen Prokuratoren als diejenigen, die die Initiative ergreifen. Als sie sahen „die Verführung der Leute“, sind sie es, die „mit den Schriftgelehrten“ die Apostel gefangen nehmen wollten (V, 7). Von ihnen wird die schwankende Haltung ausgesagt, die in den Akten von dem Synedrium berichtet wird (V, 8 f.).

Wenn also der Interpolator bei Gelegenheit des Prozesses Jesu den römischen Prokurator zu entlasten die Tendenz gehabt haben sollte, so bestimmt ihn diese Tendenz in dem vorliegenden Abschnitt jedenfalls nicht, denn er verwischt durchaus das für die Römer günstige Bild, das die Akten bieten. Hieraus ist zu schliessen, dass auch in der Jesuserzählung die genannte Tendenz den Verfasser nicht bestimmt hat, wie wir oben (S. 126 ff.) bereits erkannt haben.

Sind somit die Abweichungen vom Aktenbericht nicht aus bestimmten Zwecken und Absichten des Verfassers heraus zu erklären, so bleibt nur noch, wenn der Verfasser ein Christ gewesen sein soll, die Möglichkeit, dass er die Akten wohl gekannt, aber nicht vor sich gehabt, dass er sie also nur gedäch-

nismässig benutzt habe und dass die Abweichungen dann als unbeabsichtigte zu fassen seien. Aber auch dieses lässt sich nicht glaubhaft machen.

1) Eine solche gedächtnismässige Benutzung der Akten, wie sie hier vorliegen würde, bzw. eine nur so oberflächliche Kenntnis ihres Inhalts, wie unser Verfasser sie beweist, ist nur in einer sehr frühen Zeit denkbar, wo die kanonischen Akten noch nicht die alleinige oder Hauptquelle für die Kenntnis der von ihnen geschilderten Epoche darstellten, sondern wo auch noch andere und zwar abweichende Überlieferungen im Umlauf waren. Damit würde also die Entstehung der Josephusinterpolation in eine Zeit verlegt, in der dem Verfasser neben den Akten auch noch andere Quellen zur Verfügung gestanden haben. Dann bleibt die Frage aber bestehen, wo hat er seine Kenntnis her: aus den Akten oder von wo anders?

Bei einer gedächtnismässigen Benutzung der Akten müssten 2) die Abweichungen als blosse „Gedächtnisfehler“ und Irrtümer erklärt werden. Es wurde aber schon bemerkt, dass der Interpolator die Ereignisse mit grosser Bestimmtheit ausschliesslich in die Amtszeit der Prokuratoren Cuspius Fadus und Tiberius Alexander, d. h. in die Jahre 44–48, verlegt. Diese Prokuratoren werden in den Akten überhaupt nicht erwähnt. Und die Hauptstücke des von den Akten berichteten Stoffes fallen gerade in Zeiten, die weit vor und weit hinter der Amtszeit jener Prokuratoren liegen. Und gerade bei dem Ereignis, von dem der Interpolator etwas gewusst hat, der Sendung Pauli nach Rom, nennen die Akten andere Prokuratorennamen. Hat also der Interpolator die Akten überhaupt gekannt, so hätte ihm vor allem im Gedächtnis bleiben müssen, dass das von ihnen Berichtete auf einen langen Zeitraum von mehreren Jahrzehnten sich verteilt und zeitlich weit auseinander liegende Ereignisse umfasst. Die chronologische Verwirrung, die der Interpolator anrichtet, lässt sich als ein blosser „Gedächtnisfehler“ nicht erklären.

Ein Gedächtnisfehler dürfte höchstens angenommen werden, wenn er durch einen besonderen Anlass erklärt werden könnte. Der Interpolator muss aber Anlass gehabt haben, gerade in die Amtszeit des Cuspius Fadus und Tiberius Alexander die Ereignisse zu verlegen. Dass ihm dieser Anlass durch die Erwähnung der beiden Prokuratoren in seinem Josephustext geboten war, ist nicht anzunehmen, denn 1) nötigte ihn ja nichts, gerade an dieser Stelle seine Interpolation einzufügen, und 2)

sieht er sich, wie schon erwähnt wurde, ja auch veranlasst, den Josephustext an dieser Stelle (vor und nach dem Einschub) abzuändern und zwar auch gerade des Josephus Aussage über die beiden Prokuratoren. Da er also ebenso zu einer Änderung seiner Aktenvorlage, wie zu einer Änderung seines Josephustextes Anlass gehabt haben müsste, so könnte dieser Anlass nur ausserhalb beider Vorlagen liegen. Ein solcher Anlass könnte, da es sich in beiden Fällen um einen Bericht über die beiden Prokuratoren handelt, nur durch eine bestimmte Kunde von diesen Prokuratoren geboten erscheinen. Der Interpolator müsste gerade von diesen Prokuratoren und ihrem Verhalten zu den Christen Genaueres gewusst haben. So würden wir auch hier wieder vor die Frage gestellt: wo hat er diese Kenntnis her?

Als Resultat ergibt sich somit, dass die Frage, ob der Verfasser die kanonischen Akten gekannt und benutzt habe, — wenn man nur die Abweichungen von diesen im Auge hat — zu verneinen ist. Dieses Resultat bedarf der Nachprüfung unter Berücksichtigung auch der Übereinstimmungen. Denn da die Übereinstimmungen mit den Akten an einer Stelle sogar sich bis zu einer fast wörtlichen Berührung steigern, so bleibt die Frage zu beantworten, ob sie überhaupt obiges Resultat zulassen und ob sie überhaupt aus anderen Quellen erklärbar sind.

Die Quellen des Berichts.

Am auffallendsten und deutlichsten ist die Berührung des Josephusberichts mit den Akten in V, 9. Hier wird den Prokuratoren die gleiche Erwägung zugeschrieben, die Act. 5, 34 ff. von Gamaliel berichtet. Die Übereinstimmung ist so gross, dass an einer Abhängigkeit des einen Schriftstücks vom anderen kaum zu zweifeln möglich erscheint. Auch darin stimmen beide Berichte überein, dass infolge dieser Erwägung von einer weiteren Verfolgung und Behinderung der Apostel vorläufig Abstand genommen wird. Dennoch fehlt es auch hier nicht an charakteristischen Abweichungen.

Man vergleiche:

Act. 5, 38 f.

Wenn der Plan oder das Werk von Menschen ist, so wird es zu nichte werden; ist es aber aus Gott, so vermöget ihr sie nicht zu vernichten.

Jos. Slav.

Aufgeradem Wege geschehen solche Wunder nicht. Wenn sie aber nicht von Gottes Ratschluss herkommen, so werden sie schnell überführt werden.

Vor allem erscheint die Tendenz des Ausspruchs verschoben. Im Aktenbericht gibt Gamaliel durch diese Erwägung zu bedenken, dass durch die Verfolgung der Apostel die Verfolger selbst als Gotteswidersacher (θεομάχοι) zu stehen kommen könnten. Bei Josephus Slav. handelt es sich nur um den Zweifel, ob man es hier mit gottwidriger Zauberei oder faktisch von Gott verliehener Machtübung zu tun habe. Den Gegensatz bildet im Aktenbericht „Plan und Werk von Menschen“ wie bei den Aufruhrversuchen des Theudas und Judas des Galiläers (v. 36 f.); darauf, dass die Apostel Wunder getan haben, wird gar nicht reflektiert. Bei Josephus Slav. steht den Redenden im Vordergrund und fest, dass es sich um Wunder handelt, die auf geradem, d. h. natürlichem Wege nicht geschehen. Es ist auch nicht unbemerkt zu lassen, dass, wie die Erwähnung des Theudas und Judas zeigt, gerade im Aktenbericht die Erwägung einen politischen Hintergrund hat. Der Josephusinterpolator, der sonst und auch im selben Stück V gern die politische Seite hervorkehrt, lässt sie diesmal unberücksichtigt. Schon dieser Umstand spricht stark dagegen, dass er hier den Aktenbericht benutzt und exzerpiert habe.

So lassen die Unterschiede zwischen den beiden Berichten schon Zweifel darüber aufkommen, ob hier wirklich ein Abhängigkeitsverhältnis zwischen ihnen besteht. Dieser Zweifel wird verstärkt durch die Beobachtung, dass alle sonstigen Berührungen zwischen den beiden Berichten so entfernte sind, dass sie eine direkte Abhängigkeit nicht zu beweisen vermögen. Es ist daher leichter an eine gemeinsame Quelle zu denken.

Forscht man nach der Quelle, aus der Lukas seinen Bericht Act. 5 geschöpft hat, so ist es selbstverständlich, dass — vorausgesetzt die Geschichtlichkeit des Berichteten — nicht etwa das offizielle Sitzungsprotokoll im Archiv des Synedriums in Frage kommen kann, in das etwa nur er und kein anderer Einsicht gewonnen hätte. Es handelte sich ja um ein durchaus öffentliches Ereignis, das in jedem Fall, mochte man zu den Aposteln innerlich stehen, wie man wollte, Aufsehen erregt haben muss. Waren doch die Synedristen bisher feindlich gegen die Apostel vorgegangen und hatten ihre Predigt nach Möglichkeit zu unterdrücken und zu hindern gesucht. Und nun verlassen die Apostel das Gerichtsgebäude ungehindert! Es unterliegt keinem Zweifel, dass auch weiteren Kreisen, nicht nur den an jener Sitzung Beteiligten, die Stellungnahme des Synedriums

und das pointierte Wort Gamaliels bekannt geworden sein wird. Ist es aber bekannt geworden, so wird es auch weiter überliefert worden sein.

Dass solche Überlieferungen über die Geschichte der apostolischen Zeit mehrfach in Umlauf gewesen sein werden, lässt die Apostelgeschichte selbst erkennen. Meint man doch in ihr die Verarbeitung mehrerer schriftlicher Quellen noch jetzt nachweisen zu können. Solche schriftliche Quellen sind aber nicht als Geheimdokumente aufzufassen, ohne die keine Kunde von den betr. Ereignissen erhalten geblieben wäre, sondern sie setzen das Vorhandensein mündlicher Überlieferung voraus, deren Niederschlag sie bilden. Ob nun Lukas seine Geschichtsdarstellung aus einer oder mehreren schriftlichen Quellen oder auch, bezw. ausschliesslich aus mündlicher Überlieferung gewonnen hat, ist gleichgültig. Jedenfalls setzt sein Werk solche mündliche Überlieferung voraus.

Nun hat sich solche Überlieferung natürlich nicht auf einzelne engumgrenzte, an der Sache besonders interessierte Kreise beschränkt, sondern sie ist eine vielfache und vielgestaltige gewesen, die je nach dem grösseren oder geringeren Interesse für das Überlieferte mehr oder weniger genau und treu war. So different sich die Überlieferungen über ein und dasselbe Ereignis auch gestaltet haben mögen, so schliesst solche Differenzierung doch nicht aus, dass Berührungen und fast buchstäbliche Anklänge, namentlich wo es sich um *ipsissima verba* und andere Pointen handelte, haben bestehen bleiben können.

Dass in der Tat der Josephusinterpolator nicht auf der kanonischen Apostelgeschichte, sondern auf deren Überlieferungsquellen, bzw. auf Überlieferungen, die nur zum Teil auch dem Verfasser der Akten bekannt geworden sind, fusst, beweist sein ganzer sonstiger Bericht.

Es wurde schon im vorigen Paragraph als auffallend konstatiert, dass er nicht nur mit grosser Bestimmtheit die berichteten Ereignisse in die Zeit der Prokuratoren Cuspius Fadus und Tiberius Alexander verlegt, sondern auch alle Ereignisse ausschliesslich auf diese kurze Zeit konzentriert. Ebenso wurde schon bemerkt, dass er über die beiden Prokuratoren anders zur Aussage zu bringen sich veranlasst sieht, als was seine Josephusvorlage ihm bot.

Es kommt dazu, dass er alle Ereignisse um das „Gamalielwort“ gruppiert und diese Zusammenschiebung in eine Zeit ver-

legt, in die nach den Akten auch das Gamalielwort nicht gehört. Diese Datierung ist um so auffallender, als er, wie sein IV Stück zeigt, über die Zeit des Pilatus, in welche das Gamalielwort nach den Akten hineingehört, sich nicht gerade schlecht orientiert erwiesen hat.

Allen diesen Erscheinungen vermag nur die Annahme gerecht zu werden, dass dem Josephusinterpolator als Quellen für seine Darstellung nur sehr unvollkommene Traditionen einerseits über die berichteten Ereignisse der apostolischen Geschichte, anderseits speziell über die Amtszeit der beiden genannten Prokuratoren zur Verfügung gestanden haben. Von jenen Ereignissen hatte er gehört, hier und dort, dieses und jenes, aber nicht so Genaues, dass er im stande war, sie richtig zu datieren. Auf der anderen Seite muss ihm aus dem ganzen Zeitraum von Pilatus bis Festus eine Einzeltradition gerade über jene zwei Prokuratoren entgegengetreten sein, während er von den übrigen Prokuratoren nichts Genaueres wusste. Nur so kann er dazu gekommen sein, sein Material zu einer kurzen Geschichte aus der Amtszeit des Cuspius Fadus und Tiberius Alexander zu kombinieren.

Dieser Schluss gewinnt an Sicherheit, wenn man die Einzelheiten schärfer ins Auge fasst.

Darauf, dass der Interpolator in dem Abschnitt vor seinem Einschub über die Familienverhältnisse der Herodianer andere Angaben macht als Josephus im griechischen Text, will ich kein Gewicht legen. Denn da mag Berendts mit seiner Vermutung recht haben, dass „das Versehen erst auf slavischem Boden eingetreten ist“ ¹⁾. Auch der Fehler, dass gegen den griechischen Text die Prokuratoren als gleichzeitig amtierend eingeführt werden, könnte erst auf slavischem Boden entstanden sein ²⁾, obgleich auch die durchgehenden pluralischen Wendungen V, 3. 7. 8. 10. 11, namentlich aber der Schlusspassus (V, 12): „Claudius entfernte die beiden Landpfleger, sandte den Cumanus“, dafür zu sprechen scheinen, dass bereits der Verfasser der Vorlage hier einer anderen (irrigen) Tradition gefolgt ist.

Wichtiger ist die weitere Abänderung betreffs der Stellung der beiden Prokuratoren zum jüdischen Volk. Während hier von den Prokuratoren ein positives Handeln im Interesse der

1) A. a. O. S. 58.

2) Berendts a. a. O. S. 61.

Juden ausgesagt wird, weiss Josephus im (griechischen) *Bellum judaicum* nur von einer indifferenten Stellung zu berichten, die es zu keinen Konflikten hat kommen lassen. Dagegen weiss er in den *Antiquitäten* sogar von einem Eingriff des Cuspius Fadus in die Rechte der Juden zu erzählen (*Ant.* XV 11, 4. XX, 1, 1). Mag immerhin, wie Berendts vermutet, in dem Text, in den die Interpolationen eingeschoben wurden, das *Votum* über die beiden Prokuratoren schon so gestanden haben, wie wir es jetzt beim *Slaven* lesen, und mag nun Josephus es selbst geschrieben oder der Interpolator es von sich aus abgeändert haben, jedenfalls beweisen die verschiedenen Urteile in den drei vorliegenden Josephusberichten, dass dem Verfasser oder den Verfassern verschiedene Traditionen über die Amtstätigkeit der beiden Prokuratoren bekannt geworden sind.

Dass aber unter den Juden gerade über diese zwei Prokuratoren mehrfache Überlieferungen im Umlauf gewesen sind und sie in der Überlieferung mehr hervortraten, obgleich sie nur ganz kurze Zeit regiert haben, erklärt sich leicht, wenn man bedenkt, dass der eine von ihnen, Tiberius Alexander, aus jüdischem Blute war, also in besonderer Weise die Erwartungen und das Interesse der Juden erregt haben wird, und dass sie beide in ihrer Stellung zum Judentum sich vorteilhaft von ihren Amtsgenossen in früherer und späterer Zeit abhoben.

Daraus wird es sich auch erklären, dass dem Interpolator gerade über diese zwei Prokuratoren genauere Kunde zugekommen ist.

Dass er auf Traditionen fusst und zwar auf mehr oder weniger unvollkommenen und unsicheren, erhellt auch aus seinem weiteren Bericht über die Stellung der Prokuratoren zu den Juden und den Christen.

Wenn es zunächst in V, 2 — mit der Angabe V, 1 nicht recht zusammenstimmend — heisst, dass Anklagen über Gesetzesübertretungen bei den Gesetzeslehrern anhängig gemacht wurden, und sodann in V, 3 — jetzt im Einklang mit 1 —, dass die Prokuratoren dafür gestraft hätten, so liegt hier vielleicht nur ein Abschreiberversehen vor. Im Slavischen würde es sich nur um die Endung handeln, die leicht mit einer ähnlich aussehenden verwechselt werden konnte: *sakonoučitelem* (m) = den Gesetzeslehrern und *sakonoučiteli* (u) = von den Gesetzeslehrern. Wie dem auch sei, das geschilderte Verhalten der Prokuratoren steht durchaus im Einklang mit dem, was die Akten

in ihrem ersten Teil berichten, obgleich hier die römischen Behörden gar nicht erwähnt werden. Nach den Akten liegt die Initiative beim Vorgehen gegen die Christen durchaus nur in der Hand des Synedriums. Die Schilderung der Akten aber setzt voraus, dass das Synedrium eine weitgehende Machtbefugnis besass. Wie es kam, dass ihm diese auch zur Zeit der römischen Prokuratoren eingeräumt war, dafür bringt der Josephusbericht die Erklärung: diese Macht lag „in der bewussten Konnivenz der römischen Gewalthaber“ ¹⁾. Wenn hier eine solche Periode der Konnivenz nur erst unter Claudius angesetzt wird, so hängt das damit zusammen, dass dieser Zeitraum allein hier in Frage kam, und sie wird damit keineswegs nur auf diesen Zeitraum beschränkt. Auch andere römische Prokuratoren haben bekanntlich der jüdischen Obrigkeit weitgehendes Entgegenkommen bezeigt.

Entspricht diese Ergänzung des Aktenberichts durchaus den historischen Verhältnissen, so muss der Verfasser über letztere eine gute Kunde zur Verfügung gehabt haben. Dass sie sich nur auf die Amtszeit der beiden Prokuratoren bezog, erklärt sich daraus, dass unter diesen die Konnivenz eine besonders weitgehende war.

Weniger gut ist er über die einzelnen Regierungstaten der römischen Prokuratoren orientiert. Als einzige Strafverfügung erwähnt er nur, dass sie die Angeklagten verjagt und vor das Angesicht des Kaisers gesandt hätten. Es kann keinem Zweifel unterliegen, dass er dabei an die Sendung des Paulus nach Rom gedacht hat. Denn nicht nur kommt er jetzt sofort auf die christliche Bewegung zu sprechen, die für ihn fraglos auch unter die Rubrik „Abweichen vom Gesetz“ fällt, sondern er erwähnt nachher das Senden nach Rom gerade in bezug auf die Christen (V, 11).

Um so auffallender ist, dass er hier von einem „um so häufiger“ redet. Wenn die Ausdrucksweise in V, 11 auch auf die einmalige Sendung des Paulus „und seiner Gefährten“ ²⁾ passt, so doch nicht die Ausdrucksweise in V, 3. Das „um so häufiger“ kann nur von einem oft wiederholten Senden verstanden werden. Hier liegt nur die doppelte Möglichkeit vor, dass der Verfasser entweder die Kunde von der Sendung Pauli verallgemeinert hat in der Meinung, dass solches, wenn es einmal geschehen

1) Berendts a. a. O. S. 59.

2) So fasst Berendts den Plural, a. a. O. S. 62

war, wohl auch öfter vorgekommen sei, -- oder dass er fälschlich andere Sendungen nach Rom, die mit der christlichen Bewegung nichts zu tun hatten (vgl. z. B. Bell. jud. II, 13, 2 u. 7), mit der Sendung Pauli zusammengeworfen hat. Es ist übrigens nicht unmöglich, wenn auch nicht gerade sehr wahrscheinlich, dass er auch von einem Aufenthalt Petri und anderer in Rom gehört und nun gemeint habe, sie seien auch „hingesandt“ worden.

Jedenfalls ist einerseits die in Rede stehende Angabe nicht gemacht worden, ohne dass dem Verfasser über diese Sache irgend eine Kunde zugekommen war, anderseits kann er nur eine sehr unsichere Tradition zur Verfügung gehabt haben, um sowohl zu der fälschlichen Verallgemeinerung, als auch zu seiner irrigen Datierung zu kommen.

Was er sodann in V, 4 ff. von der christlichen Bewegung erzählt, entspricht im wesentlichen dem Aktenbericht, ist aber dennoch so allgemein gehalten, dass hierdurch eine Abhängigkeit nicht bewiesen werden kann. Er erzählt nicht mehr, als was jeder Zeuge der Bewegung gewusst haben kann und muss, der sich nicht völlig gleichgültig gegen das, was um ihn geschah, abgeschlossen hatte. Seine Selbständigkeit beweist er dadurch, dass er auch hier nicht versäumt, der christlichen Predigt die uns bereits bekannte politische Spitze zu geben. Und dass er auch hier auf Überlieferungen fusst, erhellt aus dem Hinweis auf den Beruf der Apostel.

Dass er darüber orientiert gewesen ist, dass die Apostel „von den Geringen“ waren, dürfte nicht Bedenken erregen, denn gerade dieser Umstand mag dazu beigetragen haben, dass viele verächtlich auf die ganze Bewegung hinblickten, dass aber auch der Umfang dieser Bewegung um so mehr auffiel und die ganze Sache zu einer mehr besprochenen wurde. Wenn der Erzähler sodann beispielsweise Handwerke anführt, die von den Aposteln sonst nicht bezeugt sind, so spiegelt sich in dieser Angabe gerade die volkstümliche Überlieferung wieder. Es werden kurzweg einige gangbare Handwerke genannt, denn keiner wird vorher nachgefragt haben, ob die Apostel gerade diese oder vielleicht andere betrieben haben.

Auch das V, 7—11 Folgende lässt erkennen, dass der Verfasser hier auf Grund unsicherer Überlieferungen berichtet. War er nicht schlecht informiert, wenn er anfangs über die Konnivenz der römischen Prokuratoren gegen das Synedrium berichtete, so

ist es — namentlich angesichts des hierin glaubwürdigeren Aktenberichts — fraglos zu weit gegangen, wenn er die Verfolgung der christlichen Bewegung und vollends gar die Initiative zu dieser den Prokuratoren zuschreibt. Es ist ein Missverständnis, das auf mangelhafter Überlieferung beruht. Was er gewusst hat, wird nicht mehr gewesen sein, als was er selbst in den ersten Sätzen berichtet hat. Dass die Prokuratoren persönlich die Verfolgung der Christen begonnen hätten, wird nur eine eigene Vermutung des Interpolators sein, zu der er durch seine Auffassung, dass auch hier ein Abweichen vom Gesetz (vgl. den Ausdruck „Verführung der Leute“) vorlag, gekommen ist. Dabei schimmert der wirkliche Sachverhalt noch durch, wenn hier „die Schriftgelehrten“ als mitbeteiligt erwähnt werden.

Dafür, dass der Verfasser hier frei gestaltet hat, was ihm durch die Überlieferung geboten war, spricht auch der Zusatz, den er zur Erklärung des Vorgehens der Prokuratoren hinzufügt, eine Begründung, die ihm nicht mit in der Überlieferung dargeboten worden sein kann. Was den Wortlaut anlangt, so vermutet R. Seeberg, dass hier die Übersetzung nicht in Ordnung sei. Es kann auch nur eine etwas ungeschickte Ausdrucksweise vorliegen, der Sinn ist jedenfalls: „denn das Kleine ist nicht mehr klein, wenn es im Grossen sich vollendet hat“.

Mit dem erwähnten Missverständnis hängt es zusammen, wenn nun auch das, was die Akten über das weitere Verhalten des Synedriums auf Grund des Gamalielwortes berichten, auf die Prokuratoren übertragen wird. Bemerkenswert ist aber, dass dabei „Schreck über die Zeichen“ als Grund des Schwankens angegeben wird, sowie ein „sie schämten sich“. In der griechischen Vorlage wird der Ausdruck *αἰσχύνεσθαι* gestanden haben. Ich glaube, nach dem Zusammenhang wird hier besser: „sie scheuten sich, trugen Bedenken“ zu übersetzen sein. Diese Angabe stimmt nur schlecht zu dem parallelen Aktenbericht, ja, es erscheint das Gamalielwort in diesem Zusammenhang fast wie ein fremdes, nicht hierher gehöriges Element. Damit würde sich bestätigen, dass es hier durch eine unsichere Überlieferung hineingeraten ist. Denn unter der Scheu und dem Schreck, der die Prokuratoren überkommt, kann nicht verstanden werden jene Furcht Gamaliels, als ein *θεράχος* zu erscheinen, sondern nur die abergläubische Furcht vor dem Zaubenhaften, Übernatürlichen. Mit solchen Leuten wollen die Prokuratoren lieber nichts zu tun haben, weil sie ihnen Übles zufügen könnten. Es ist ein feiner

Zug, dass der Interpolator den heidnischen Römern solche abergläubische Furcht zuschreibt, ein Beweis, dass er sich Gedanken über ihr Verhalten gemacht hat, was auch wieder dafür spricht, dass er hier auf Grund von Überlieferungen berichtet.

Dass er in der Tat hier auf Überlieferungen fusst und auf Grund solcher auch das „Gamalielwort“ an dieser Stelle eingefügt hat, wird durch eine andere „chronologische Verwirrung“ bewiesen, die aber in diesem Falle auf seiten der Akten liegt.

Nach dem Aktenbericht (5, 36ff.) bezieht sich Gamaliel zur Begründung seiner Sentenz auf den Aufstand des Theudas, der (nach v. 37) vor dem des Galiläers Judas, also (spätestens) vor dem Jahre 7 n. Chr. stattgefunden haben soll. Nach Josephus Ant. XX, 5, 1 ist dieser Theudas aber erst zur Zeit des Prokurators Cuspius Fadus, also ca. 10 Jahre nach jener Synedriumverhandlung, aufgetreten. Dass zwei verschiedene Ereignisse bei Lukas und Josephus gemeint seien, wie viele Ausleger der Akten behufs Ehrenrettung des Lukas annehmen, erscheint ausgeschlossen, denn es ist „absolut unwahrscheinlich, dass zu verschiedener Zeit zwei Leute desselben Namens eine Bewegung derselben Art und desselben Verlaufes hervorgerufen haben“ ¹⁾. Dieser offenbare Anachronismus ist ein Hauptgrund für die Bestreitung der geschichtlichen Authentie des Gamalielausspruchs wie des ganzen Berichtes.

Im slavischen Josephusbericht wird nun derselbe Ausspruch mit einigen Modifikationen den römischen Prokuratoren in den Mund gelegt, von denen der eine gerade der ist, in dessen Amtszeit nach Jos. Ant. XX, 5, 1 jener Aufstand des Theudas wirklich stattgefunden hat. Und es wird auch hier die genannte Sentenz im Zusammenhang einer Erzählung von der Verfolgung der Christen erwähnt.

Es wurde schon oben darauf hingewiesen, dass der Verfasser, wenn er die christliche Bewegung ausschliesslich in die Amtszeit der beiden Prokuratoren Cuspius Fadus und Tiberius Alexander verlegt, dazu nur dadurch veranlasst worden sein kann, dass ihm gerade über diese Prokuratoren eine diesbezügliche Überlieferung bekannt war. Das wird durch die Stellung der gleichen Sentenz im Aktenbericht und im slavischen Bericht direkt bewiesen.

1) Wendt in Meyers Komm. z. St.

Daraus, dass diese Sentenz in beiden Berichten im Zusammenhang einer Erzählung über die christliche Bewegung, im übrigen aber in durchaus verschiedener Umrahmung auftritt, ist zu schliessen, dass eine Überlieferung existiert haben muss, die diese Sentenz in Anwendung auf die christliche Bewegung kannte, im übrigen aber so allgemeiner Natur war, dass eine Beziehung auf ein bestimmtes, chronologisch genau datierbares Ereignis nicht möglich erschien.

Wenn nun des weiteren in den Akten diese Sentenz mit dem unter Cuspius Fadus entstandenen Aufruhr des Theudas in Verbindung gebracht wird, im slavischen Bericht dagegen dieselbe Sentenz eben diesem Cuspius Fadus (und seinem Amtsgenossen) in den Mund gelegt wird, so erhellt daraus, dass diese Sentenz in den Überlieferungen über Ereignisse aus der Amtszeit des Cuspius Fadus eine Rolle gespielt hat.

Da nun nach dem Aktenbericht ein Ereignis aus dieser Zeit wohl im Zusammenhang mit der Sentenz erwähnt, aber in völlig andere Zeit verlegt wird, so muss in der Überlieferung der Name des Cuspius Fadus nicht ein wesentliches Element gewesen sein. Das ist um so weniger anzunehmen, als eine auf eine Sache bezügliche Sentenz vor allem im Hinblick auf diese Sache von Interesse ist und die Person, die sie vielleicht ausgesprochen hat, leicht überhaupt unbekannt bleiben kann. Somit ist anzunehmen, dass in der Überlieferung die Sentenz nicht an die Person des Cuspius Fadus, sondern ausschliesslich an das Ereignis aus seiner Amtszeit, das allein hier in Frage kommen konnte, an den Aufstand des Theudas geknüpft gewesen ist.

Daraus, dass die gleiche Sentenz sowohl in bezug auf die christliche Bewegung als auch in bezug auf das ihr nicht unähnliche Ereignis, den Aufstand des Theudas, genannt worden ist, ist weiter zu schliessen, dass in der Überlieferung die beiden genannten Ereignisse in irgend einer Verbindung miteinander Erwähnung gefunden haben.

Erst von hier aus begreift sich ungezwungen die Entstehung der beiden Berichte mit ihren Übereinstimmungen und Abweichungen.

War dem Verfasser der Akten eine Überlieferung bekannt, die die christliche Bewegung und den Aufstand des Theudas im Zusammenhang mit der Sentenz in Verbindung brachte, so konnte er, wenn ihm die Überlieferung das nicht durch eine anderweitige sichere Datierung verbot, leicht dazu kommen, diese

Kunde in einem anderen chronologischen Zusammenhang zu verwenden. Wenn er sie mit aller Sicherheit in seiner Erzählung vom Prozess der Apostel verwendet, bei dem er Gamaliel die Sentenz in den Mund legt, so muss ihn dazu eine andere Überlieferung veranlasst haben, nach der Gamaliel bei dem Kampfe der Synedristen wider die christliche Bewegung entscheidend eingegriffen ¹⁾ oder auch nur eine hervorragendere Rolle gespielt habe. Er konnte um so leichter zu der Meinung kommen, dass gerade Gamaliel diese Sentenz ausgesprochen habe, als sie durchaus „das Gepräge eines rabbinischen Weisheitsspruches“ trägt ²⁾. Dass er aber dabei den Aufstand des Theudas völlig falsch datiert, kann geschehen sein, weil er wusste, dass er jedenfalls nicht gleichzeitig mit den von ihm berichteten Ereignissen stattgefunden habe. Das konnte ihn leicht zu der Meinung führen, dass er jedenfalls einer früheren Zeit angehören müsse. Da lag es denn nahe, ihn mit dem ähnlichen Aufstandsversuch Judas des Galiläers zusammenzustellen.

Diese Zusammenstellung kann Lukas sogar schon in der Überlieferung vorgefunden haben, wie ja auch Josephus Ant. XX, 5, 1 und 2 die beiden Aufstandsversuche neben einander erwähnt. Er ist ja allerdings dazu durch die Erwähnung der Söhne jenes Judas veranlasst, immerhin aber kann die unmittelbar vorhergehende Erzählung vom Aufstand des Theudas mit dazu beigetragen haben, ihm die Erinnerung an die ähnliche Affäre des Vaters der hier Genannten wachzurufen. Und so kann auch in der Volksüberlieferung die Erzählung von einem Aufstande mit der Erinnerung an einen ähnlichen anderen zusammengetreten sein.

Dass die Lukaserzählung auf diesem Wege entstanden ist, erscheint mir wahrscheinlicher, als dass eine ungenaue Reminiscenz an den Antiquitätenbericht sie beeinflusst habe. Eine solche hätte eher dazu führen können, den Aufstand des Judas in die Zeit des Theudas zu verlegen als umgekehrt, da ja über jenen an einer Stelle berichtet wird, wo von den römischen Prokuratoren der vierziger Jahre die Rede ist. Man müsste also annehmen, dass der Verfasser der Akten sich einerseits so ungenau des Josephusberichtes erinnerte, dass er nichts mehr von dem eigentlichen Inhalt des Berichtes wusste, andererseits aber

1) Wendt a. a. O.

2) Wendt a. a. O.

doch wieder so genau, dass er wusste, die beiden Aufstände seien bei Josephus in der von ihm angegebenen Reihenfolge erwähnt und der zweite in die Zeit der Schatzung des Quirinius verlegt gewesen.

Aus den angeführten Überlieferungselementen erklärt sich auch die Entstehung des slavischen Josephusberichtes über die christliche Bewegung ohne Schwierigkeit. Der Verfasser braucht im Gegensatz zu Lukas bei im übrigen gleicher Kenntnis der Tradition nur bestimmter gewusst zu haben, dass der Aufstand des Theudas in der Amtszeit des Cuspius Fadus vorgekommen war. Das hinderte ihn daran, das von der Überlieferung Berichtete so wie Lukas zurückzudatieren, nötigte ihn vielmehr, auch das über die christliche Bewegung Berichtete in diese Zeit zu verlegen. Da er aber seinerseits nur über die christliche Bewegung zu berichten die Absicht hatte, so konnte er den Aufstand des Theudas unerwähnt lassen. Deswegen kann er ihn immerhin gekannt haben, jedenfalls lässt sich aus seinem Schweigen über ihn keine Unkenntnis folgern.

Dass aber beide Berichte sich als verschiedene Bearbeitungen des gleichen Überlieferungsmaterials erklären, ist ein starker Beweis dafür, dass ihnen in der Tat solche Überlieferungen zu Grunde liegen.

Dem entspricht auch der Schluss des Berichtes.

Wenn der Verfasser hier (V, 11) von einer „Belästigung“ durch die Apostel redet, so kann er damit nach dem Vorausgehenden nur meinen, dass die andauernde christliche Bewegung, die die Prokuratoren immer wieder zwang, doch Stellung zu ihr nehmen, diesen lästig wurde und sie daher die Unruhstifter loszuwerden trachteten. Eben die Unsicherheit, wie man gegen die Christen vorgehen sollte, — das Bestreben einerseits, ein Abweichen vom Gesetz nicht zu gestatten, die Furcht anderseits, sich mit den Wundertätern einzulassen, — meint der Verfasser, wenn er die Prokuratoren die Apostel fortsenden lässt „zur Erprobung der Sache“.

Es ist zuviel in diesen Satz hineingelegt und daher lässt sich daraus auch kein Schluss ziehen, wenn Berendts die Sache so auffasst, als ob hier die Gründung der antiochenischen Gemeinde auf heidnisch-jüdische Veranstaltung zurückgeführt oder gar die Mission „in ferne Länder“ als von den römischen und jüdischen Machthabern befördert zum Zweck der „Erprobung

der Sache“ angesehen würde¹⁾. Der letztere Ausdruck gehört nur zu dem Verbum „entliessen sie“, nicht aber zu den näheren Bestimmungen. Der Gedanke ist dieser: zur Erprobung der Sache, d. h. um weiteres abzuwarten, entliessen sie sie zu gehen, wohin sie wollten, und da sind die einen hierhin und die anderen dorthin gegangen.

Die Zusammenstellung zeigt aber, dass hier wiederum ursprünglich getrennte Überlieferungen zusammengearbeitet worden sind. Denn die einzelnen Stücke passen nicht gut zusammen. Das Entlassen zum Kaiser fordert ein anderes „Erproben der Sache“ als das Entlassen nach Antiochien und in ferne Länder. Dort würde es sich handeln um eine Entscheidung vor einem Gericht, hier um ein Abwarten der weiteren Entwicklung. Gemeinsam ist diesen Stücken nur, dass den Aposteln die Möglichkeit gegeben wird, sich aus Jerusalem zu entfernen.

Es liegt hier somit eine Verbindung verschiedener Überlieferungen vor, die berichtet haben, dass infolge der Verfolgung die Apostel zum Teil (Paulus) ihrem Wunsche gemäss nach Rom gesandt worden, zum Teil nach Antiochien, zum Teil auch in andere Länder gegangen sind. Wann das eine und das andere geschehen ist und ob die Datierung hier mehr oder weniger richtig ist, kommt dabei gar nicht in Betracht. Was der Verfasser wusste, hat er eben alles an einer Stelle und daher natürlich im Zusammenhang miteinander untergebracht.

So ergibt die nähere Prüfung des V Stückes das gleiche Resultat, das in betreff der übrigen erzielt wurde, dass der Interpolator im wesentlichen auf Grund ihm zugänglich gewordener volkstümlicher Traditionen seinen Bericht komponiert hat.

Der Charakter des Berichts.

Die bisherige Untersuchung des V Stückes hat bereits eine Reihe von Momenten hervortreten lassen, die stark dagegen sprechen, dass ein Christ der späteren Zeit diesen Bericht komponiert habe. Dieses Resultat bedarf noch einer weiteren Prüfung am Detail.

Die Annahme der Autorschaft eines Christen der späteren Zeit hat zur Voraussetzung, dass er für seine Interpolationen

1) A. a. O. S. 63.

den uns bekannten griechischen Josephustext benutzt habe. Es wurde schon darauf hingewiesen, dass unter dieser Voraussetzung die Abänderungen, die er an seinem Text — abgesehen vom Einschub selbst — vorgenommen hätte, unerklärlich wären. Diese „Abänderungen“ können nur entweder von Josephus selbst oder von einem anderen Schriftsteller des 1. Jahrhunderts herrühren. Denn sie beruhen auf differenter Tradition. In jedem Fall muss es ein Jude gewesen sein, der sie geschrieben hat. Von der Veränderung der Angaben über die Familie des Agrippa sehe ich dabei — aus schon oben angegebenem Grunde — ab. Beweisend ist aber die Notiz in unserem Stück V, 1 über die beiden Prokuratoren.

Es wurde bereits bemerkt, dass hier das Lob, welches ihnen von Josephus gespendet wird, verstärkt erscheint, sowohl V, 1, wie auch V, 7 durch das Epitheton „edel“. Diese Verstärkung ist nur bei einem Juden verständlich. Welcher Christ sollte sich dazu veranlasst gefühlt haben? Darauf lässt sich nicht erwidern, dass er es getan habe, um eine Anknüpfung für das Folgende, das Vorgehen der Prokuratoren gegen die Christen, zu haben. Denn nichts nötigte ihn ja, ohne jeden historischen Untergrund die Darstellung der Akten in diesem Sinne abzuändern. Ebenso wenig kann das verstärkte Lob durch die Fiktion der josephinischen Autorschaft veranlasst sein. Denn wenn der Falsator sich zuvor darüber orientiert hätte, wie Josephus geschrieben hätte, so wäre ihm das entgegengesetzte Urteil über Cuspius Fadus Ant. XV, 11, 4. XX, 1. 1 nicht entgangen.

Dass es ein Jude ist, der hier schreibt, wird auch durch den Ausdruck „die reinen Gesetze“ bestätigt. Dieser Ausdruck ist um so bemerkenswerter, als zur Bezeichnung der Gesetze als der jüdischen die Josephusvorlage, die wir bei einem christlichen Interpolator voraussetzen müssen, den Ausdruck ἐπιχώριος darbot. Ersetzte der Interpolator diesen Ausdruck durch den anderen „rein“, so kann dieser letztere nur ein ihm geläufiger gewesen sein. Wenn also diese Bezeichnung nicht von Josephus selbst herrührt, so kennzeichnet sie doch auch den Interpolator als einen Juden (vgl. Ps. 19, 9 f.).

Auch die Interpolation selbst trägt keinen anderen Charakter.

Wenn hier die Schilderung der Akten von der Macht der jüdischen Obrigkeit durch den Hinweis auf die Konnivenz der römischen Prokuratoren ergänzt wird, so ist, wie schon oben gezeigt wurde, nicht einzusehen, was einen Christen zu dieser

Abänderung des Aktenberichts veranlasst haben sollte. Bei einem Juden ist dagegen eine solche Darstellung gut verständlich. Einem solchen musste eine derartige Handlungsweise römischer Beamter durchaus sympathisch sein.

Mit der Bezeichnung Jesu als des „vorherbeschriebenen Wundertäters“ (V, 4) wird direkt auf IV zurückverwiesen. Diese Bezeichnung Jesu schlechtweg als „der Wundertäter“, die uns auch in VIII entgegentrat, stimmt durchaus mit der ganzen Haltung des Schriftstellers in IV überein, und sie bestätigt auch das zu VIII Hervorgehobene (S. 221), dass uns in ihr die eigentliche Meinung des Verfassers entgegentritt.

Damit harmoniert auch die Angabe über den Inhalt der apostolischen Predigt (V, 4). Wenn dieser damit, dass es sich vorzugsweise um die Auferstehung Jesu gehandelt habe, auch im wesentlichen richtig bestimmt wird, so klingt doch heraus, dass der Erzähler selbst an der Wahrheit der von ihm berichteten Apostelpredigt zweifelt. Schon die Wendung „dass er lebendig sei, da er auch gestorben sei“, statt der vom Interpolator selbst VII, 5 gebrauchten („auferstanden“) scheint beabsichtigt zu sein, um diese Lehre als irrig zu kennzeichnen.

Dass der Verfasser in der Tat nicht an die Wahrheit dieser Rede glaubt, erhellt nicht nur aus seiner in VII bekundeten Skepsis, sondern auch schon aus seinem Urteil über das Tun der Apostel in V, 7. Hier bezeichnet er dieses einmal als „Verführung“, was neben dem dicht dabeistehenden Lob der Prokuratoren, die diese Verführung verfolgen, besonders bezeichnend ist, sodann auch als etwas zur Zeit noch „Kleines“, an sich Unbedeutendes, aus dem sich nur eventuell Grosses entwickeln könnte.

Den Ausdruck „Verführung“ nur auf die vom Verfasser den Aposteln zugeschriebene politische Richtung ihrer Predigt zu beziehen, ist nicht statthaft, da die in Aussicht gestellte Befreiung aus der Knechtschaft das Lebendigsein des Gekreuzigten zur notwendigen Voraussetzung hat: eine „Verführung“ ist die Ankündigung solcher Befreiung nur, wenn die Behauptung der Auferstehung des gekreuzigten Befreiers, mit der sie begründet wird, falsch ist.

Alle diese Wendungen einem Christen zuzuschreiben und sie als Fiktion zu fassen, scheitert — abgesehen von dem bereits Hervorgehobenen — an der Betonung des geringen Standes der Apostel in diesem Zusammenhang, die mit einer Fiktion

unvereinbar ist. Sollte Josephus als der Verfasser erscheinen, so ist es unbegreiflich, wie der Interpolator darauf verfallen ist, hier, wo er Josephus eine Verurteilung der christlichen Bewegung in den Mund legt, ihm zugleich, ohne dass der Zusammenhang es erforderte oder auch nur nahelegte, eine Anerkennung der Christen zuzuschreiben. Denn wenn irgendwo, so liegt hier eine gewisse Parteinahme für die Christen vor, die einen Christen zum Verfasser haben könnte.

• Eine Anerkennung und Parteinahme aber ist es, wenn von denen, die die Lehre der Apostel annahmen, gesagt wird, dass sie es „nicht um Ruhmes willen“ getan hätten. Diesen Ausdruck kann ich nicht so verstehen, dass damit gesagt sein soll: „nicht als wenn die Apostel berühmte Leute gewesen wären“, denn dazu bildet das Folgende keinen Gegensatz¹⁾. Gemeint ist m. E. vielmehr, dass die Leute die Lehre der Apostel nicht annahmen, weil sie dadurch Ruhm oder überhaupt einen augenblicklichen positiven Gewinn erlangten, denn ein solcher war von so geringen Leuten nicht zu erwarten, — dass sie es vielmehr nur getan hätten, weil die Predigt der Apostel auf sie einen überzeugenden Eindruck gemacht hatte. Dass dieses die Meinung ist, findet eine Bestätigung in der Stellung des folgenden Satzes hinter dieser Aussage.

Diese Anerkennung ist nur verständlich, wenn sie nicht eine Fiktion ist, sondern der wirklichen Meinung des Verfassers entspricht. Da nun ein Interpolator, der sonst mit so meisterhafter Schlaueit seine eigene Meinung zu verhüllen verstanden haben soll, am allerwenigsten hier, wo nicht die geringste Nötigung dazu vorlag, sein Urteil über die erste Christengemeinde eingeschoben haben kann, so bleibt nur die Möglichkeit offen, dass ein objektiv denkender Schriftsteller diesen Satz geschrieben hat, weil sein Gerechtigkeitssinn ihm verbot, ein ihm von der Überlieferung dargebotenes Moment deshalb, weil es für die Christen günstig lautete, zu verschweigen. Und dass der Interpolator ein solch objektiv urteilender und nach Gerechtigkeit strebender Mann war, ist uns schon mehrfach früher entgegengetreten.

So entspricht auch dieses Moment trotz der den Christen gezollten Anerkennung den bisherigen Resultaten und vermag somit nicht als Gegeninstanz zu fungieren.

1) Gegen R. Seeberg a. a. O. S. 293, Anm. 60.

Als solche ist auch nicht der Hinweis auf die Wundertaten der Apostel zu verwerten. Denn was der Interpolator V, 6 über diese aussagt, geht nicht über das hinaus, was er IV, 3. 6. 10 über Jesu Taten gesagt hat, und unterliegt deshalb der gleichen Beurteilung. Dass Jesus und die Apostel Wunder getan haben, muss er auf Grund der ihm zu Ohren gekommenen Überlieferungen für wahr halten, und gerade das gibt ihm zu denken und veranlasst ihn zu schwanken, was er eigentlich von diesen Leuten halten soll, wie das der Eingang von IV und der Abschnitt über das leere Grab in VII deutlich erkennen lassen. Dieses macht es auch erst recht verständlich, wie er dazu gekommen ist, das „Gamalielwort“ auf die Prokuratoren in dem Sinne anzuwenden, wie er es V, 8f, getan hat.

Auch der Ausdruck, dass in der Folge die Prokuratoren von den Aposteln „belästigt“ worden seien (V, 11), verbietet es, an einen Christen als den Verfasser zu denken¹⁾. Ich muss Berendts darin beistimmen, dass ein Christ diesen Ausdruck „selbst im Namen des Josephus nicht gebraucht hätte“. Was der Interpolator meint, ist ja freilich nur, dass die Prokuratoren die christliche Bewegung in der Folge lästig empfunden hätten (vgl. oben S. 240), aber so wie er geschrieben hat, liegt in dem Ausdruck immerhin auch eine direkt die Prokuratoren betreffende Handlungsweise der Apostel²⁾. R. Seeberg empfindet ganz richtig, „dass der Verfasser ihnen offenbar unfreundlich gegenübersteht“³⁾. Das ist nur durch das Missverständliche des Ausdrucks veranlasst, der einen Vorwurf gegen die Apostel zu enthalten scheint. Einen solchen Vorwurf zu machen, ja, selbst auch nur den Schein eines Vorwurfs zu erwecken, hatte der Interpolator, auch wenn er sich Josephus als Verfasser vorstellte, keinen Grund, zumal er ihn unbeschadet seiner Fiktion ganz leicht hätte vermeiden können. Der Ausdruck ist nur erklärlich, wenn der Verfasser selbst kein festes Urteil über die Apostel hatte.

Diese Beobachtungen hinsichtlich des Charakters des Berichts gewinnen an Kraft, wenn man als Gegenbild auch hier wieder die Schriften ähnlichen Inhalts aus der apokryphen Literatur, also in diesem Falle die Apostelakten und -legenden zur Vergleichung heranzieht. Auch wenn man das im Auge

1) So auch Berendts a. a. O. S. 62.

2) Vgl. Lk. 6, 18: ἐνοχλοῦμενοι ἀπὸ πνευμάτων ἀκαθάρτων.

3) A. a. O. S. 294, Anm. 69

behält, dass die Josephusinterpolation eine Fiktion darstellen soll, kann man den grossen Unterschied nicht verkennen.

Was vor allem bei den apokryphen Apostelakten wahrnehmbar ist, ist eine eingehende und sorgfältige Benutzung der kanonischen Literatur. Wenn nun der Josephusinterpolator auch um seiner „Fiktion“ willen eine derartige deutliche Anlehnung an die kanonische Apostelgeschichte nicht wagen durfte, so nötigte die Fiktion ihn doch nicht, sich in Widerspruch zu jener Literatur zu setzen. Es hätte vielmehr bei aller Freiheit der Darstellung ein Bericht, der im wesentlichen den Akten parallel lief und sie zu bestätigen vermochte, auf eine viel günstigere Aufnahme rechnen können. Und ein jeder Widerspruch musste den Eindruck dieses ausserkanonischen Zeugnisses abschwächen. Sollte der „schlaue“ Fälscher daran gar nicht gedacht haben?!

In den apokryphen Apostelakten herrscht des weiteren durchweg die Tendenz vor, die Gestalten der christlichen Zeugen, vor allem die Apostel, mit einem verherrlichenden Nimbus zu umgeben. Zu dem Zweck werden die Wundertaten nach Möglichkeit gehäuft und vergrössert. Wenn nun der Josephusinterpolator — wieder wegen seiner Fiktion — auf derartiges natürlich verzichten musste, so bleibt es doch immerhin mehr als wunderbar, dass er es vermochte, sich von der seine Zeit beherrschenden Tendenz so weit freizumachen, dass ihm unversehens auch Aussagen und Wendungen aus der Feder haben fliessen können, die dieser Tendenz direkt widersprechen. Das ist um so auffallender, als innerhalb der von ihm selbst „komponierten“ Interpolation solche Aussagen (z. B. die über den geringen Stand der Apostel) keineswegs unvermeidlich erschienen und auch entsprechende Wendungen (z. B. „belästigt von ihnen“) keineswegs den Schein der Autorschaft des Josephus stützten.

Im Gegensatz hierzu verdient die in der Josephusinterpolation uns entgegentretende judenfreundliche Stimmung des Verfassers Beachtung. Mit Recht hat schon Berendts geurteilt: „eine derartig milde Beurteilung der christlichen Bewegung ist nicht lange nach 70 n. Chr. auf jüdischer Seite denkbar“¹⁾. Welchen Zweck sollte ein Christ der späteren Zeit damit verfolgt haben, im Gegensatz zu der Stimmung seiner Zeitgenossen

1) A. a. O. S. 62.

auf der einen Seite den Juden eine so milde Beurteilung der christlichen Bewegung zuzuschreiben, auf der anderen aber auch die Juden auf Kosten der römischen Behörde von der Schuld an der Verfolgung der Christen in etwas zu entlasten und das im Gegensatz zu den kanonischen Akten. Diesen Umstand vermag auch die „Fiktion“ nicht zu erklären, da ihr nicht beide erwähnten Momente gleichmässig zu dienen vermochten.

Dass nämlich der Verfasser überhaupt die Tendenz gehabt habe, die Juden — im Interesse seiner Fiktion — zu entlasten, wird man angesichts seines gegenteiligen Verfahrens in IV nicht behaupten können. Tut er es scheinbar in V, so müssen eben andere Gründe ihn hier dazu bewogen haben. Und wenn es seine Tendenz gewesen wäre, so würde mit dieser die den Juden zugeschriebene milde Beurteilung der christlichen Bewegung unvereinbar erscheinen. Denn hat er seine Interpolation frei — nach Auswahl aus dem Stoff der kanonischen Akten — komponiert, so hätte er ja ebensogut andere Episoden wählen können und nicht gerade die „Gamalielepisode“.

So drängt auch hier wieder alles darauf, dass wir in dem Verfasser nicht einen Christen der späteren Zeit, sondern einen Juden des ersten Jahrhunderts erblicken müssen, der mit seiner Darstellung im wesentlichen an das gebunden war, was ihm durch die Überlieferung dargeboten war.

Der Wert des Berichtes.

Angesichts dessen, dass die Josephusinterpolationen sich als ein Niederschlag von Überlieferungen des ersten Jahrhunderts erweisen, wird auch hier danach zu fragen sein, ob sie für die Kenntnis der geschilderten Zeit von Belang sind.

Das, was das V Stück an Tatsachenmaterial enthält, ist so gering, dass nur wenig hier in Frage kommen kann.

Inwieweit die im slavischen Text günstiger gefärbte Aussage über die beiden Prokuratoren Cuspius Fadus und Tiberius Alexander den Vorzug vor der im griechischen Text des *Bellum judaicum* und der in den Antiquitäten enthaltenen verdient, wird schwer zu entscheiden sein. Es ist immerhin möglich, dass Josephus in seinen für ein römisches Leserpublikum berechneten Werken eine gar zu judenfreundliche Gesinnung von den römischen Prokuratoren nicht hat aussagen wollen und dass die im

slavischen Text erhaltene Beurteilung mehr der Wirklichkeit entspricht. Es ist aber ebenso möglich, dass eine unter den Juden umlaufende Überlieferung den Ruhm dieser Prokuratoren als ihnen freundlich gesinnter Männer im Gegensatz zu anderen Trägern des Amts übertrieben hat.

Was über die christliche Bewegung als solche zur Aussage gebracht wird, stimmt im wesentlichen mit dem Bericht der kanonischen Akten überein, sodass angesichts der Unabhängigkeit der beiden Berichte von einander die hier zu Grunde liegende Überlieferung als eine relativ gute zu bezeichnen ist. Hierher gehört die Angabe, dass den Hauptinhalt der apostolischen Predigt die Verkündigung der Auferstehung Jesu gebildet habe und dass der Erfolg dieser Predigt ein nicht geringer gewesen sei. Bemerkenswert ist sodann die Erwähnung der Sendung einzelner Christen zum Kaiser, wie der Hinweis auf die Ausbreitung der christlichen Bewegung nach Antiochien und in „ferne Länder“. Trotz der „chronologischen Verwirrung“ bleibt bestehen, dass diese Ausbreitung in eine relativ frühe Zeit gehört, denn es ist eine für den Verfasser bereits einigermassen weit zurückliegende Zeit.

Insbesondere die scheinbare Anlehnung an Act. 5 wird man bedeutsam zu finden geneigt sein. Gerade weil das „Gamalielwort“ hier in ganz anderem Zusammenhange verwendet wird, könnte diese Darstellung als eine direkte Bestätigung des Aktenberichtes gefasst werden. In der Tat, enthält die Interpolation ein Moment aus diesem Bericht in ähnlicher, aber doch wieder abweichender Umgebung, so ist das ein Zeichen dafür, dass die beiden Berichte (bzw. die ihnen zu Grunde liegenden Überlieferungen) nicht gänzlich aus der Luft gegriffen sind, sondern dass sie auf ein gewisses Tatsachenmaterial zurückgehen.

Mit Sicherheit lässt sich daraus aber nur das Eine erschliessen, dass die christliche Bewegung in jüdischen Kreisen damaliger Zeit eine sehr verschiedene Beurteilung erfahren hat. Auf der einen Seite ist sie unbedingt verurteilt worden. Nach dem Slaven wurde die apostolische Predigt als eine „Verführung“ der Leute (V, 7, vgl. auch I, 12) beurteilt. Das bestätigt den Bericht der Akten über das Verhalten der Synedristen. Hiermit stimmt überein, dass die christliche Bewegung bereits in der beiden Berichten zu Grunde liegenden Überlieferung mit dem Aufstandsversuch des Theudas auf gleiche Linie gestellt worden ist. Auf der anderen Seite hat sich der Zweifel geltend

gemacht, ob nicht die christliche Bewegung doch einer anderen, günstigeren Beurteilung unterliege. Es verdient Beachtung, dass dieser Zweifel nach beiden Berichten Gliedern der obersten Behörden zugeschrieben wird und demgemäss deren Verhalten als ein schwankendes erscheint. Sodann lässt auch die Anwendung eines rabbinischen Weisheitsspruches auf die christliche Bewegung erkennen, dass der genannte Zweifel nicht ganz vereinzelt aufgetreten ist.

Diese Momente, die beiden Berichten gemeinsam sind, beweisen, dass diese Berichte auf geschichtlichen Tatsachen ruhen. Inwieweit die weiteren Einzelheiten der einen oder der anderen Erzählung Glaubwürdigkeit verdienen, ist eine ganz andere Frage.

Vergleicht man die beiden Berichte nach dieser Seite, so ist nicht zu verkennen, dass der Aktenbericht jedenfalls zunächst in einer Hinsicht den Vorzug vor dem des Slaven verdient. Hat in dieser Zeit überhaupt eine Verfolgung der christlichen Bewegung stattgefunden, so ist die Initiative dazu sicher von der jüdischen und nicht von der römischen Oberbehörde ausgegangen. Nicht nur kompetierte die christliche Sache ihrem Wesen nach durchaus nur vor das Synedrium, sondern die römische Behörde hatte auch keine Veranlassung sich in die Sache zu mischen, so lange die Bewegung eine innervolkliche blieb und es zu keinen tumultuarischen Ausschreitungen kam, die etwa ein Einschreiten mit Militärgewalt notwendig machten.

Damit gewinnt auch die lukanische Datierung des Ereignisses auf die Amtszeit des Pilatus nicht unbedeutend an Gewicht und zwar umsomehr, als durch den slavischen Bericht der Hinweis auf die schwankende Stellung der Oberbehörde seine Bestätigung findet.

Ein solches Schwanken in der Beurteilung der christlichen Bewegung auf seiten der jüdischen Obrigkeit ist nur zu der von Lukas angegebenen Zeit denkbar. Bald darauf bricht jene Verfolgung aus, deren erstes Opfer Stephanus wurde. Dass der Aktenbericht hier gute geschichtliche Erinnerung bringt, ist fast allgemein zugestanden. Jetzt aber ist von einem Schwanken keine Spur mehr zu bemerken. Nach den Akten begünstigt die jüdische Obrigkeit direkt das rücksichtslose Vorgehen des Saulus gegen die Christen (Act. 26, 10), steht also nunmehr mit voller Entschiedenheit in bewusstem Gegensatz zur christlichen Bewegung. Und auch in der Folgezeit bleibt es durchweg bei dieser ablehnenden, ja, direkt feindlichen Haltung des Synedriums. Hat

es eine Zeit gegeben, wo man im Synedrium noch nicht so entschieden gegen die Christen stand, so kann das nur vor dem Auftreten des Stephanus gewesen sein, also nur noch zur Zeit des Pilatus.

Auch die Einführung des Gamaliel in die Erzählung hat trotz des ihm in den Mund gelegten Anachronismus alle geschichtliche Wahrscheinlichkeit für sich. Dass der Verfasser der Akten zu dieser Einführung des Gamaliel dadurch veranlasst worden sei, dass ihm die von der Überlieferung im Zusammenhange mit der christlichen Bewegung zitierte Sentenz als ein Wort des Gamaliel bekannt war, ist nicht unmöglich, aber doch wenig wahrscheinlich. Denn eine solche pointierte Sentenz konnte leicht auf ein anderes Ereignis als das ursprünglich gemeinte angewandt werden. Und wenn daher der Verfasser der Akten auch wusste, dass Gamaliel ursprünglich dieses Wort ausgesprochen hatte, so nötigte ihn das noch nicht zu der Meinung, dass Gamaliel dieses Wort gerade bei jener Gelegenheit gesprochen habe.

Viel wahrscheinlicher ist es, dass ihm eine Überlieferung über ein Eingreifen des Gamaliel in eine die christliche Sache betreffende Synedriumsverhandlung bekannt gewesen ist. Und da kaum anzunehmen ist, dass die Nennung einer so bekannten Persönlichkeit in einem solchen konkreten Zusammenhange ganz willkürlich oder irrtümlich erfolgt sei, so spricht das dafür, dass auch hier eine Tatsache zu Grunde liegt.

Das wichtigste Moment in der Erzählung des Slaven ist aber der Bericht über das Verhalten der römischen Oberbehörde bei Gelegenheit der christlichen Bewegung.

Vor allem bestätigt der Josephusbericht, mag er in seinen Einzelheiten auch noch so sehr zu beanstanden sein, den Aktenbericht mit grosser Bestimmtheit dahin, dass tatsächlich bereits in früher Zeit auf judäischem Boden Verfolgungen der Christen unternommen worden sind. Auf der anderen Seite lässt die Verlegung sämtlicher hierbei in Betracht kommender Ereignisse auf den kurzen Zeitraum von nur ca. 4 Jahren erkennen, dass der Berichterstatter nicht von einer langen, über einen weiten Zeitraum sich erstreckenden Dauer solcher Verfolgungen gewusst, sondern die Christenverfolgung nur als eine kurze Episode angesehen hat. Damit bestätigt er den Bericht der Akten, dass die Feindschaft der Juden gegen die Christen nur gelegentlich zu gröberen Ausschreitungen und härteren Massnahmen

geführt und dass es auch lange Ruhezeiten für die christliche Gemeinde gegeben hat.

Indem aber auch hier die Initiative bei der Verfolgung der Obrigkeit zugeschrieben wird und zwar nicht, ohne dass auch die Synedristen daran beteiligt sind, bestätigt der Josephusbericht, dass die Verfolgungen der Christen nicht ausschliesslich tumultuarische Pöbelausschreitungen gewesen sind, sondern dass auch obrigkeitlicherseits gegen die Christen vorgegangen worden ist.

Wenn der Berichterstatte nun aber die Initiative ausschliesslich den römischen Prokuratoren zuschreibt und die Synedristen nur mittun lässt, so ist er unzweifelhaft damit ebenso im Irrtum, als wenn der Aktenbericht die Verfolgung ausschliesslich der jüdischen Oberbehörde zuschreibt und die römische Behörde völlig aus dem Spiel lässt.

Wenn die Römer sich auch in dieser Sache nicht viel um das Treiben der Juden gekümmert haben werden, so ist es doch undenkbar, dass sie den Juden völlig freie Hand gelassen haben und auch bei einer solchen Kompetenzüberschreitung, wie es die Steinigung des Stephanus notorisch war, nicht eingeschritten sein sollten. Auch wenn es sich hier um einen Akt tumultuarischer Lynchjustiz gehandelt haben sollte, bleibt das Schweigen der Akten über die Römer rätselhaft. Sind doch die Römer in einem anderen ähnlichen Fall nach dem Bericht derselben Akten recht rasch bei der Hand (Act. 21, 31).

Man mag zur Erklärung des Stephanusfalles auf die Wirren gegen Ende der Prokuratur des Pilatus verweisen¹⁾. Damit ist aber noch keineswegs sicher gestellt, dass die Passivität der Römer sich daraus erkläre, dass sie damals wegen jener Wirren nicht eingreifen konnten. Der slavische Bericht lässt eine wahrscheinlichere Erklärung geben: dass die Römer zeitweise nicht eingreifen wollten.

Mag nämlich dieser Bericht mit seiner Erzählung von einem persönlichen Vorgehen der Prokuratoren gegen die Christen irrig sein, so ist doch zu fragen, wie ein so irriger Bericht entstehen konnte. Dass ein Missverständnis zu Grunde liegt, ist klar. Dass aber die Synedristen mit den Prokuratoren verwechselt worden sind, wenn letztere an der Aktion gegen die Christen völlig unbeteiligt waren, ist undenkbar. Eine solche Verwechslung ist nur möglich, wenn die Prokuratoren zum mindesten

1) So z. B. v. Dobschütz, Probleme S. 29.

um die Absichten der Synedristen gewusst und das Vorgehen gegen die Christen gebilligt und zugelassen haben, der jüdischen Oberbehörde also in der Tat zu Zeiten Konnivenz bewiesen haben (vgl. oben S. 234).

Aber auch noch in anderer Beziehung ist die V Josephus-interpolation, soweit sie das Verhalten der römischen Obrigkeit betrifft, von Wert.

Haben wir richtig erkannt, dass der historischen Wirklichkeit nur soviel entspricht, dass die Prokuratoren der jüdischen Behörde in Sachen der christlichen Bewegung nur Konnivenz bewiesen haben, selbst aber in keiner Weise aktiv beteiligt gewesen sind, so ist es erklärlich, dass die urchristliche Überlieferung daran keine Erinnerung aufbewahrt, vielmehr die römische Behörde einfach mit Stillschweigen übergangen hat. Liegt uns nun doch ein Bericht vor, dessen Entstehung sich nur aus einer Kenntnis des faktischen Verhaltens der römischen Behörde erklärt, so müssen die Wurzeln der ihm zu Grunde liegenden Überlieferung in Kreisen zu suchen sein, die zu der näheren Umgebung der leitenden Personen gehörten. So bietet uns der soeben in Rede stehende Josephusbericht ungesucht eine Bestätigung eines an ganz anderer Stelle gewonnenen Urteils, dass nämlich die im slavischen Josephustext erhaltenen Interpolationen auf Überlieferungen ruhen, die in jüdischen, und zwar dem Synedrium und damit auch den römischen Prokuratoren nahestehenden Kreisen in Umlauf gewesen sind (vgl. oben S. 159 f.). Dadurch gewinnt jenes Urteil an Sicherheit und die dort erwähnte Episode, die Bestechung des Pilatus, tritt noch einen Schritt weiter aus dem Dunkel der blossen „Legende“ heraus.

So bedeutsam die Notizen des V Stückes über das Verhalten der römischen Prokuratoren sind, so unwichtig erscheint dagegen die Einzelnotiz in V, 11. Es wurde schon oben dargelegt, dass hier keineswegs die Gründung der antiochenischen Gemeinde auf heidnisch-jüdische Veranstaltung zurückgeführt oder gar die Mission „in ferne Länder“ als von den römischen und jüdischen Machthabern befördert angesehen wird, wie Berendts angenommen hatte ¹⁾. Es ist deshalb auch nicht aus diesem Satze ein Schluss zu ziehen, ob ein Christ oder ein späterer Jude so etwas hätte schreiben oder nicht schreiben können. Mehr als dass überhaupt Christen aus Palästina zur Verantwor-

1) A. a. O S. 63.

tung nach Rom gesandt worden und Christen infolge der Verfolgung nach Antiochien und „in ferne Länder“ gegangen sind, ist nicht zu entnehmen, also nur eine Bestätigung von Tatsachen, die kaum einer Bestätigung noch bedürfen, da sie ohnehin feststehen.

Dennoch verdient es einige Aufmerksamkeit, dass diese Tatsachen, insbesondere die Ausbreitung der christlichen Bewegung infolge der Verfolgung, auch in jüdischen Kreisen nicht unbeachtet und unbeurteilt geblieben sind.

Gerade für die Überlieferungen, die innerhalb des jüdischen Volkes über die Tatsachen der urchristlichen Geschichte im Umlauf gewesen sind, erscheinen — hier wie in allen übrigen Stücken — die Interpolationen im slavischen Josephustext als ein überaus wertvolles Zeugnis.

Schluss.

Der Verfasser und die Zeit seines Werkes.

Die Interpolationen im slavischen Text des Josephus tragen durchweg ein ausgesprochen jüdisches Kolorit. Das ist nicht eine künstliche Imitation, hergestellt von einem Christen späterer Zeit, um den Anschein zu erwecken, dass Josephus selbst der Verfasser sei. Dass der Verfasser tatsächlich ein Jude gewesen ist, hat die ganze Untersuchung in allen einzelnen Teilen bewiesen.

Es lassen sich aber noch einige nähere Angaben über den Verfasser machen.

Mustert man die einzelnen Angaben in dem Berichte durch, die einen Schluss in dieser Hinsicht gestatten könnten, so ist unverkennbar, dass sie nach zwei verschiedenen Richtungen weisen.

Auf der einen Seite fällt in die Augen, dass der ganze Bericht ausschliesslich nur Jerusalem und Judäa berücksichtigt, ja, von einer Wirksamkeit Jesu in Galiläa scheint der Erzähler überhaupt nichts gewusst zu haben. Der Verfasser ist also offensichtlich ausschliesslich auf jerusalemische Traditionen beschränkt gewesen. Das könnte dazu verführen an einen Jerusalemiten oder einen Judäer zu denken. Dafür scheint zu sprechen, dass der Erzähler gelegentlich Jerusalem schlechtweg nur „die Stadt“ nennt (IV, 13. 15.), dass er sich mit der Topographie der Stadt bekannt erweist (er weiss z. B., dass der Ölberg vor der Stadt liegt), dass er mehrfach Einzelheiten erwähnt, die kaum weiter als in Jerusalem und Judäa bekannt gewesen sein dürften. Dennoch wäre es ein Irrtum, wenn man daraufhin den Verfasser für einen Judäer erklären würde.

Auf der anderen Seite nämlich tritt uns eine ganze Reihe von Momenten entgegen, die mit grosser Deutlichkeit dafür

sprechen, dass der Verfasser nicht in Jerusalem bekannt, geschweige denn in Jerusalem oder Judäa ansässig gewesen ist.

Beweisend ist in dieser Beziehung besonders das V Stück der Interpolationen. Wenn der Verfasser hier alles, was er über die christliche Bewegung zu sagen weiss, in das eine kurze Quadriennium der Prokuraturen des Cuspius Fadus und Tiberius Alexander verlegt, so beweist er damit, dass er selbst den Ereignissen durchaus ferngestanden und sie auch nicht als — wenn auch persönlich noch so unbeteiligter — Augenzeuge miterlebt hat. Die „chronologische Verwirrung“, die er hier anrichtet, ist nur begreiflich, wenn sie auf ungenügender Information beruht und der Verfasser genötigt war, ausschliesslich auf Grund solcher Information seinen Bericht zu schreiben. Das weist auf einen Auswärtigen.

Mit diesem Resultat stimmt durchaus überein, was sich sonst noch an desbezüglichem Material aus den Interpolationen erheben lässt.

Eine ähnliche „chronologische Verwirrung“ wie im V Stück ist uns in den Täuferstücken entgegengetreten. Die Annahme, dass der Täufer schon unter Archelaus aufgetreten sei und doch Philippus überlebt habe, ist nur denkbar bei einem Verfasser, dem die Namen Archelaus und Philippus eben nicht mehr als Namen waren und der mit ihnen nicht bestimmte Zeitbegriffe verband, wie das bei einem jeden Judäer der Fall sein musste, der entweder die Regierungszeit dieser Herrscher miterlebt oder doch wenigstens eine Vorstellung davon hatte, wie weit die Regierung des einen oder des anderen Herrschers zurücklag. Ist der Verfasser somit jedenfalls nicht ein Augenzeuge oder auch nur ein Zeitgenosse der Wirksamkeit des Täufers gewesen, so auch nicht ein Judäer, der gewusst haben müsste, ob sich die Wirksamkeit des Täufers, die ja in Judäa stattgefunden hatte, über einen Zeitraum von 30 Jahren oder nur von wenigen Monaten erstreckt habe.

Auch dass der Verfasser sich über die Herodianer und ihre Familienverhältnisse nur schlecht orientiert erweist, spricht dafür, dass er ihnen und ihrem Herrschaftsgebiet fern gestanden hat und bei seinem Bericht ausschliesslich auf das angewiesen war, was ihm in verschiedenen Einzeltraditionen dargeboten wurde.

Das bestätigt das VI Stück, sofern es erweist, dass der Verfasser den jerusalemischen Tempel jedenfalls nicht so genau

gekannt hat, dass er auf Grund eigener Anschauung über die dort befindlichen Inschriften berichten konnte.

Diesem Standpunkt des Verfassers entspricht es, dass er auch bei seinen Lesern Unbekanntschaft mit den geographischen Verhältnissen Palästinas voraussetzt. Er fühlt sich veranlasst, die Lage von Judäa durch den Hinweis auf die allbekannte Stadt Jerusalem näher zu bestimmen, und gibt an, dass der Ölberg vor der Stadt liege.

Vielleicht dürfen wir ihn in Syrien suchen, wohin die Berührungen mit dem Petrusevangelium und der diesem verwandten Literatur weisen.

Jedenfalls verdankt der Verfasser seine Informationen über die von ihm berichteten Ereignisse jerusalemischen Kreisen. Nicht nur beschränkt sich sein Wissen auf den jerusalemischen Traditionsstoff, sondern er beweist gelegentlich auch eine Kenntnis von Dingen, über die er nur in solchen Kreisen informiert werden konnte, die der nationalen Oberbehörde, dem Synedrium, nahestanden. Er muss also selbst ein Mann gewesen sein, der zu solchen Kreisen eine gewisse Beziehung besass, ein Mann von entsprechender Bildung und Stellung.

Damit stimmt durchaus überein, dass er sich gelegentlich als ein Anhänger der pharisäischen Richtung zu erkennen gibt, der sich auch über die Schulmeinungen dieser Partei und ihre Beurteilung der Wirksamkeit Jesu orientiert erweist. Er ist auch bekannt mit mancherlei Diskussionen, wie sie über Jesum geführt worden sind. Auf der anderen Seite hält er mit seinem abfälligen Urteil über das Synedrium nicht zurück. Es schimmert darin der Gegensatz zwischen Pharisäern und Sadduzäern durch.

Überhaupt beweist der Verfasser eine nicht geringe Bildung und auch Selbständigkeit des Urteils. Nicht nur vermag er aus den, wie sich erwiesen hat, sehr ungenügenden und verworrenen Einzeltraditionen, die ihm als Material zu Gebote standen, ein einigermaßen abgerundetes Bild zu gestalten¹⁾, sondern er wahrt sich auch eine Objektivität in der Beurteilung

1) Daneben besteht auch die Möglichkeit, dass in manchen Partien nicht erst der Interpolator der Erzählung die vorliegende Fassung gegeben hat, sondern dass sie ihm so bereits in einer schriftlich fixierten Quelle vorlag (vgl. R. Seeberg a. a. O. S. 308). Aber einigermaßen sichere Indizien dafür sind nicht zu finden und, abgesehen vielleicht von der Bezeichnung „die Stadt“ für Jerusalem, legt nichts diesen Gedanken auch nur nahe.

А. Н. Миклашевскій

профессоръ политической экономіи и статистики.

ИСТОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Философскія, историческія и теоретическія начала
экономіи XIX-го вѣка.

Отъ автора.

Въ настоящемъ изслѣдованіи авторъ пытался дать исторію развитія политической экономіи въ связи съ движеніемъ историческаго процесса жизни человѣчества. Во введеніи показано, какъ трудна такая задача, лишь небольшую часть которой пытался выполнить авторъ, затративъ на это много лѣтъ упорнаго труда. Авторъ ждетъ, что научная критика отнесется къ его трудѣ внимательно и безпристрастно.

Авторъ стремился не только оцѣнить многообразныя ученія съ точки зрѣнія сложившагося у него міросозерцанія, но и точно ихъ изложить. Это послѣднее обстоятельство нѣсколько увеличило размѣръ книги, но даетъ возможность читателю самостоятельно продумать каждую изъ изложенныхъ доктринъ. Въ литературныхъ указаніяхъ отмѣчены только тѣ книги, которыя авторъ имѣлъ возможность внимательно изучить или пересмотрѣть.

Сознавая всю сложность поставленной себѣ задачи, авторъ стремился сохранить полное безпристрастіе. Онъ считаетъ долгомъ обратить вниманіе читателя на заключительныя слова введенія. Обязанность историка заключается въ томъ, чтобы „точно и опредѣленно показать то, что было, какъ оно произошло и обратилось въ то, что нынѣ существуетъ; при обсужденіи же того, что будетъ и чего мы желаемъ, быть одинаково справедливымъ ко всякой точкѣ зрѣнія, памятуя, что никто не является владѣльцемъ вѣчной и абсолютной истины; и только дерзновенный можетъ утверждать, что онъ все знаетъ и никогда не сомнѣвается“.

Профессоръ Александръ Миклашевскій.

Юрьевъ, Лифляндской губ. 1896—1908 г.

Оглавление.

Отъ автора.

Глава I. Введение. § 1. О задачахъ общественной науки и исторіи политической экономіи. Экономическія системы и ихъ содержаніе. § 2. Что такое экономическія явленія. Наименованіе науки. Принципъ экономизаціи въ истолкованіи представителей классической школы. Взгляды Дитцеля и ихъ критика. Основные экономическія категоріи. Формы и системы хозяйства. Строй хозяйства. Производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребление. § 3. Явленія и типическія явленія. Типическія соотношенія явленій. Методъ изученія явленій, связанныхъ съ человѣкомъ. § 4. Понятіе о причинѣ и причинномъ анализѣ явленій. Примѣръ: происхожденіе раздѣленія труда и неравенства. Ученія Смита, Сисмонди, Родбертуса, Маркса и Энгельса. § 5. Телеологія, ея виды и роль въ общественной наукѣ. Карлейль, его взглядъ на значеніе великихъ людей. Спиноза о конечныхъ цѣляхъ. Новѣйшіе представители кантіанства. Общіе выводы (стр. 1—78).

Глава II. Эпоха физиократовъ. § 1. Предварительныя замѣчанія, необходимыя для изученія исторіи развитія капиталистическаго хозяйства и тѣхъ міросозерцаній, которыя сложились въ эпоху его расцвѣта. Попытка Шмоллера дать классификацію главнѣйшихъ этаповъ, пережитыхъ европейскимъ человѣчествомъ со времени переселенія народовъ. Рабское, крѣпостное, частнокапиталистическое и государственное хозяйство. Община и помѣстье. Феодальный строй. Городская община и цехъ. Видоизмѣненіе въ строѣ европейской жизни послѣ открытія Америки. § 2. Положеніе Франціи къ срединѣ 18-го вѣка. Необходимость предварительнаго изученія эпохи меркантилизма. Воззрѣнія Рощера на меркантилизмъ и ихъ неясность. Кольберъ и Джонъ Ло, два министра меркантилиста старой монархіи. Дѣятельность двухъ этихъ людей, ея принципы и причины неудачи. Національная идея. Мануфактура и цехи. Система дешеваго хлѣба. Положеніе рабочаго класса. Протекціонный тарифъ и налоговая политика.

Крупные Банки и система кредита. Ученіе Ло о цѣнности, деньгахъ и кредитѣ. § 3. Философская, политическая и экономическая доктрина физиократовъ. Личный интересъ и естественное право. Ученіе о собственности и о правѣ на существованіе. Подраздѣленіе общества на классы и система свободнаго соперничества. Особенности въ экономическихъ ученіяхъ Кенэ и Тюрго. Экономическая политика и налоговая теорія. § 4. Тюрго и его главнѣйшія реформы. Свобода хлѣбнаго торга. Эдикты 1776 г. и ихъ экономическія основы. Система естественной свободы по законодательству Національнаго собранія, Учредительнаго собранія и Конвента. Земельный переворотъ и ученіе о собственности. Право на трудъ и система индивидуальнаго соперничества. Коалиціи и общественное призрѣніе. Налоги и тарифъ. (стр. 79—191).

Глава III. Классическая школа политической экономіи. § 1. Предварительныя замѣчанія. Промышленный переворотъ конца 18-го и начала 19-го вѣка въ Англіи. § 2. Объ обратно-дедуктивномъ методѣ классической школы. Три стадіи этого метода. Основныя требованія, которымъ должны удовлетворять предпосылки этого метода. Основныя послылки классической школы. § 3. Мальтусъ и ученіе о населеніи. Философская доктрина Мальтуса. Ученіе о собственности, о правѣ на существованіе, объ общественномъ призрѣніи. Главнѣйшія данныя о размноженіи человѣчества въ предѣлахъ Европы. Ученіе Спенсера о размноженіи. Сравненіе системъ Годвина и Мальтуса. § 3. Источникъ и происхожденіе экономическаго избытка по ученію физиократовъ, Смита, Мальтуса, Рикардо и ихъ продолжателей. § 4. Теорія цѣнности и схема распредѣленія классической школы. Рикардо, его основныя послылки при выводѣ закона цѣнности. Ученіе о доходахъ. Теорія ренты и основныя выводы изъ нея. Ученіе Смита и Мальтуса. Ученіе Смита, Рикардо и ихъ продолжателей о внутренней и внѣшней торговлѣ, о деньгахъ. Принципъ сравнительныхъ издержекъ. (стр. 191—292).

Глава IV. Утилитаристы, филантропы и чартисты въ Англіи. § 1. Утилитаріанская доктрина, ея политическое и экономическое значеніе. Іеремія Бентамъ и его поклонники. Практическіе результаты дѣятельности Бентамитовъ. Парламентская реформа. Общественное призрѣніе. Право на трудъ. Законы 1824 и 1825 гг. о коалиціяхъ. Консерваторы и Бентамиты. § 2. Р. Оуенъ и его теоріи. Патронатъ. Ученіе о происхожденіи человѣческаго характера. Причины современныхъ бѣдствій. Кооперация равенства и справедливости. Биржа трудового обмѣна. Томсонъ и ротунданисты. Право на трудъ и на полный продуктъ труда. Постановка тѣхъ же вопросовъ у Прудона и его анализъ. Критика идеи права на полный продуктъ труда. Споры объ организаціи эмиссіонныхъ банковъ въ Англіи. Лордъ Оверстонъ и Томасъ Тукъ. Банковый Актъ Р. Пиля 1844 г. Деньги и обмѣнъ въ капиталистическомъ обществѣ. § 3. Консерваторы и чартисты.

Исторія чартистскаго движенія и ея стадіи. Ативудъ. Люди физической и нравственной силы. О'Конноръ и О'Брайанъ. Ихъ политическіе и экономическіе взгляды. Лига противъ законовъ о хлѣбѣ. Кобденъ и Брайтъ, свободная торговля въ Англіи. (стр. 292—360).

Глава V. Французскіе организаторы. § 1. Историко-философскія основы доктрины Сэнъ-Симона и его послѣдователей. Романтизмъ реакціонный и прогрессивный. Позитивизмъ и новое христіанство. Базаръ и Анфантенъ. § 2. Прудонъ, какъ критикъ государства, собственности и обоснователь анархизма. Абсолютизмъ и аналитизмъ его ученій. Государство и договорная система. Ученіе Прудона о собственности и владѣніи. Политическая доктрина. Идея пропорціональности. Критика Штирнера и представителей социальна-политическаго направленія. Сопоставленіе съ доктриной о собственности утилитаристовъ. Анархизмъ эгоизма и справедливости; причины появленія такихъ ученій. Краткія замѣчанія о другихъ французскихъ организаторахъ. Луи Бланъ и особенности его социализма. Критика соперничества. Соціальныя задачи государства. (стр. 360—411).

Глава VI. Краткія замѣчанія о возникновеніи исторической школы въ Германіи и свободная торговля на континентѣ Европы. § 1. Принсъ Смитъ и Листъ. Рошеръ, Гильдебрандъ, Книсъ, ихъ основоположенія. Экономическая доктрина Листа и ея критика. § 2. Свободная торговля и положеніе Европы въ періодъ, послѣдовавшій послѣ революціи 1848 г. Политическіе, экономическіе и социальныя результаты этой эпохи вплоть до 1876 г. Возрожденіе протекціонизма въ концѣ 19-го вѣка (стр. 412—450).

Глава VII. Нѣмецкіе социалисты-эволюціонисты. § 1. Карлъ Родбертусъ фонъ-Ягцовъ, его историческая философія, экономическія ученія и социальная политика. Ученіе о государствѣ и о его стадіяхъ развитія. Индивидуализмъ и коммунизмъ. Пять вреднѣйшихъ послѣдствій системы свободной торговли. Ученіе о цѣнности, о рентѣ, объ издержкахъ производства и стоимости. Значеніе экономическихъ теорій Родбертуса при выясненіи понятій капитала, дохода, фонда заработной платы, идеи дифференціальной производительности труда. Постановка вопроса о научной классификаціи социалистическихъ системъ: Дитцель, Чупровъ, Диль и друг. Идеалистическія системы. Слабыя стороны въ исторической критикѣ индивидуализма у Родбертуса. § 2. Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ, ихъ историко-философская теорія. Діалектическій методъ изслѣдованія въ изображеніи Энгельса; значеніе метода и его опасности. Связь діалектики съ телеологіей. Теорія матеріалистическаго пониманія исторіи и ея значеніе. Изложеніе этой доктрины у Маркса и Энгельса. Понятіе о производственныхъ отношеніяхъ и о матеріальныхъ производительныхъ силахъ. Слабыя стороны этой теоріи и ея важное значеніе. Экономическая доктрина марксизма: теорія кризисовъ, обнищанія, тео-

VIII

рія цѣнности. Критика теоріи цѣнности въ томъ ея видѣ, какъ она изложена въ первомъ и третьемъ томахъ Капитала. Содержаніе социалистическихъ системъ вообще. (стр. 450—559).

Глава VIII. Соціалъ-политики. § 1. Разныя теченія въ этой школѣ. Вагнеръ, Шмоллеръ, Brentano. § 2. Соціальная политика въ истолкованіи Вагнера, Шефле, Филипповича и другихъ. Критика Зомбарта, ея полезныя результаты. Господство фразы и Зомбартъ. Идеалы производства и политика распредѣленія. Хозяйственный прогрессъ и классовая политика. Можно ли опредѣлить, кто является представителемъ хозяйственнаго прогресса? Рикардо и Родбертусъ и ихъ политика доходовъ. Политика валоваго и чистаго дохода. Необходимыя измѣненія въ политикѣ чистаго дохода. (стр. 559—598).

Приложеніе I. Brentano о коллективномъ рабочемъ договорѣ и Шмоллеръ о государствѣ, трестахъ и картеляхъ. (стр. 599—604).

Приложеніе II. Націонализаторы, краткія указанія новѣйшей литературы по аграрному вопросу. (стр. 605—618).

Приложеніе III. Исправленія, дополненія. (стр. 618—625).

Указатель именъ.

Опечатки.

Другіе труды автора.

Курсъ исторіи политической экономіи.

ГЛАВА I.

Введеніе. § 1. О задачахъ общественной науки и исторіи политической экономіи. § 2. Что такое экономическія явленія. § 3. Основоположенія монистической философіи. § 4. Понятіе о причинѣ. Примѣръ. § 5. Телеологія и ея роль въ общественной наукѣ.

§ 1. Научное изложеніе исторіи политической экономіи — задача очень трудная. Это особенно чувствуется въ настоящее время, когда къ изложенію исторіи науки стали предъявлять весьма серьезныя требованія.

Было время, когда подъ исторіей науки понимали по возможности исчерпывающее изложеніе основныхъ идей, разработкой которыхъ занята данная наука, а также характеристику главныхъ творцовъ этой науки.

Такое изложеніе сравнительно просто, но и въ этомъ случаѣ излагающему нынѣ исторію политической экономіи приходится разрѣшить не малое количество сложныхъ вопросовъ. Политическая экономія въ наше время переживаетъ серьезный кризисъ. То, что казалось ранѣе истиной, теперь часто представляется заблужденіемъ; то, что казалось важнымъ, теперь представляется несущественною частностью. Излагающій исторію науки долженъ, поэтому, разрѣшить вопросы: на исторію развитія какихъ идей онъ долженъ обратить главное вниманіе, какія изъ этихъ идей могутъ считаться прочнѣйшими завоеваніями науки, т. е. истиной; кто изъ творцовъ науки наиболѣе поработалъ для открытія истины, могущественно содѣйствовалъ ея распространенію; какъ послѣдовательно эта истина постигалась и при помощи какихъ научныхъ методовъ? Съ этой точки зрѣнія на исторію науки можно было-бы смотрѣть, какъ на послѣдовательное раскрытіе истины. Отъ излагающаго исторію науки надлежало-бы требовать, чтобы онъ зналъ, въ чемъ заключаются основныя истины его науки, умѣлъ доказать, что признаваемые имъ ученія дѣйствительно истины, а не представляютъ результатъ его субъективныхъ взглядовъ.

Историки нашего времени, однако, давно показали, что прогресс науки представляет собою особый процесс, который совершается одновременно съ видоизмѣненіемъ человѣческой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Явленія, окружающія человѣка, составляютъ тотъ матеріалъ, надъ которымъ работаетъ его научная мысль. Отъ историка науки стали, поэтому, требовать не только изложенія историческаго развитія идей данной науки, но и анализа тѣхъ условій, среди которыхъ данныя идеи зародились и служили руководящимъ началомъ жизни. Другими словами, на обязанность излагающаго исторію науки стали возлагать выясненіе того отношенія, которое существуетъ между исторіей человѣческой жизни и между тѣми идеями, которыя запечатлѣлись въ исторіи науки каждой пережитой эпохи. Черезъ выясненіе этого отношенія стали пытаться опредѣлить тѣ истины, которыя представляютъ нѣчто обязательное для всѣхъ временъ и народовъ, въ отличіе отъ тѣхъ идей, которыя, быть можетъ, казались въ свое время истиной, а теперь сдѣлались ненужными или даже вредными заблужденіемъ. Каждая историческая эпоха со всей совокупностью своихъ жизненныхъ явленій какъ-бы отразилась въ наукѣ извѣстной группой или системой идей. Эту систему надобно найти, указать необходимую связанность и логичность ея началъ, надлежащимъ образомъ объяснить.

Немудрено, поэтому, что и отъ историка политической экономіи стали требовать, чтобы онъ выполнилъ слѣдующія задачи: во-первыхъ, дать характеристику основныхъ экономическихъ идей въ процессѣ ихъ историческаго развитія въ связи съ исторіей развитія всѣхъ другихъ научныхъ идей, во-вторыхъ, одновременно изложилъ процессъ развитія экономическихъ явленій въ связи съ исторіей видоизмѣненія человѣческой жизни вообще и, въ третьихъ, съ умѣлъ изобразить съ научной ясностью и простотой сочетаніе экономическихъ идей въ извѣстныя группы или иначе — дать характеристику тѣхъ экономическихъ системъ, которыя его научный взоръ подмѣтилъ въ разныя историческія эпохи.

Ни одинъ изъ историковъ политической экономіи еще не произвелъ такой сложной и трудной работы. Я не могу и мечтать о томъ, чтобы выполнить такую задачу. Я считалъ-бы свою основную задачу хорошо выполненной, если бы мнѣ удалось изложить научно лишь главные моменты въ исторіи развитія экономической науки съ начала 17-го вѣка, когда съ необыкновенной быстротой и энергіей сталъ развиваться тотъ капиталистическій строй жизни, среди пышнаго разцвѣта котораго мы живемъ въ настоящее время.

Опредѣливъ такимъ образомъ свою задачу, я, конечно, значительно облегчу себѣ ея выполненіе, но и этого огра-

ниченія задачи недостаточно. По условіямъ преподаванія политической экономіи въ Университетѣ отъ изложенія исторіи политической экономіи слѣдуетъ требовать чего то иного, чѣмъ простое изложеніе всей совокупности экономическихъ ученій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Исторія политической экономіи должна дать слушателямъ какъ-бы руководяція начала при послѣдующемъ изученіи экономическихъ идей и экономической жизни во всѣхъ ихъ особенностяхъ и деталяхъ. Для исторіи политической экономіи слѣдуетъ выдѣлить какую-то особую область, которая могла-бы дать руководяція основанія при изученіи всѣхъ проблемъ этой науки, и представляла-бы въ тоже время исторію науки въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Какъ я сейчасъ постараюсь показать, мы поступимъ вполне правильно, если при изложеніи исторіи политической экономіи будемъ имѣть въ виду изученіе „экономическихъ системъ“ въ связи съ исторіей той жизни и того круга господствующихъ идей, среди которыхъ онѣ появились. Я постараюсь ограничить свою задачу изученіемъ исторіи капиталистическаго хозяйства въ самыя послѣднія стадіи его развитія и дамъ только характеристику тѣхъ экономическихъ системъ, которыя появились въ эту замѣчательную эпоху человѣческой исторіи. Я вполне сознаю, что такое изученіе имѣетъ свои большія опасности: оно будетъ соприкасаться постоянно съ тѣми основными проблемами, которыя волнуютъ современную общественную жизнь. Но въ тоже время оно будетъ интереснѣе и поучительнѣе, ибо познаніе окружающаго насъ необходимо для сознательнаго отношенія къ себѣ, къ своимъ согражданамъ, для пониманія мірового процесса теченія явленій.

Нельзя не считаться также и съ другими потребностями при преподаваніи политической экономіи. Исторія политической экономіи можетъ и должна быть прекраснымъ введеніемъ въ изученіе всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ не только экономіи, но и соціальной науки вообще. Политическая экономія создавалась въ эпоху блестящаго развитія европейской научной мысли. Болѣе всѣхъ другихъ общественныхъ наукъ она начинаетъ освобождаться отъ метафизической схоластики и проникаться идеей монизма естествовѣдѣнія¹⁾. Въ переживаемое нами время интенсивной борьбы по созданію новыхъ условій жизни недостаточно зачислить

1) Это слово „монизмъ“ — есть краткое выраженіе для естественно-историческаго міросозерцанія, которое поконитъ на отрицаніи всякихъ внѣ-естественныхъ представленій. Монизмъ, какъ увидимъ еще ниже, основывается на слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) на единствѣ всей природы и 2) на абсолютной закономерности всѣхъ естественныхъ явленій, наблюдаемыхъ и познаваемыхъ человѣкомъ.

себя въ ряды сторонниковъ той или иной партіи. Необходимо выработать себѣ такое міровоззрѣніе, которое дѣлало бы участіе въ общественной жизни сознательнымъ подвигомъ научнаго міросозерцанія. Въ этомъ отношеніи политическая экономія можетъ дать многое, даже очень многое, хотя, конечно, и не все. Университетъ, однако, открываетъ возможность пополнить свои знанія при помощи всѣхъ другихъ наукъ и въ особенности — естествовѣдѣнія.

Никогда не слѣдуетъ забывать и того обстоятельства, что политическая экономія часть общественной науки, которая стремится изучить жизнь человѣчества во всѣхъ ея духовныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ явленіяхъ. Естественныя науки даютъ намъ познаніе природы, общественная наука и, какъ часть ея, — политическая экономія, стремится познать жизнь людей, человѣчества. Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что естественныя науки гораздо старше по времени ихъ научной разработки, ихъ методы точнѣе, при изслѣдованіи природы мысль человѣка оперируетъ съ болѣею объективностью и не такъ поддается общественнымъ теченіямъ, той борьбѣ интересовъ и настроеній, которыми такъ полна общественная жизнь; но по существу всѣ стремленія обществовѣда должны сводиться къ тому, чтобы поставить изученіе на такую-же научную высоту, какой достигли естествоиспытатели. Въ научной работѣ, также какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, установилось извѣстное раздѣленіе труда. Охватить всѣ явленія общественной жизни во всей ихъ цѣлостности невозможно. Приходится ограничить кругъ изучаемыхъ явленій, никогда, однако, не забывая, что это ограниченіе сдѣлано только, во первыхъ, за невозможностью объять сразу необъятное, во вторыхъ, въ силу необходимости для каждаго особаго круга явленій найти и наиболѣе подходящія орудія и методы изслѣдованія. Но цѣль обществовѣданія и естествознанія одна и одина: познаніе законовъ явленій. Удалось или не удалось общественной наукѣ достигнуть болѣе или менѣе точнаго познанія законовъ человѣческой жизни, что дала въ этомъ отношеніи намъ политическая экономія — съ этимъ мы ознакомимся при изученіи экономическихъ системъ, но никогда не будемъ забывать, что наша цѣль всегда заключается въ познаніи законовъ общественной жизни; это предохранитъ насъ отъ подчиненія временнымъ настроеніямъ и отъ субъективизма, направитъ наше изученіе по исполнѣ объективной научной дорогѣ.

Чтобы намъ не сбиться съ твердаго научнаго пути, я считаю необходимымъ поговорить съ вами прежде всего о задачахъ научнаго изслѣдованія и, въ частности, ближе опредѣлить то, что понимаютъ обыкновенно подъ экономическими

явленіями и „системами“. Когда предъ вашимъ умственнымъ взоромъ пройдетъ рядъ этихъ экономическихъ системъ, когда вы ознакомитесь тщательно съ ихъ содержаніемъ, вамъ придется провѣрить самимъ правильность тѣхъ обобщеній, которыя я попытаюсь теперь сдѣлать, но то, что я теперь скажу, будетъ пока только попыткой бросить кое-какіе лучи въ ту темную область, которая вамъ еще совершенно неизвѣстна.

Каждый изъ изслѣдователей науки идетъ своей дорогой, но, приглядываясь ко всей совокупности трудовъ творцовъ и изслѣдователей данной науки, не трудно замѣтить, что всѣ они вмѣстѣ стремятся создать какое-то своеобразное цѣлое, которое обыкновенно и называется „системой данной науки“.

Въ частности и въ политической экономіи мы имѣемъ цѣлый рядъ „экономическихъ системъ“. При созданіи такой экономической системы экономисты обыкновенно стремятся: во первыхъ, найти тотъ правильный методъ, которымъ они могли-бы плодотворно работать при изслѣдованіи экономическихъ явленій; во вторыхъ, наблюсти и описать эти явленія въ пространствѣ и во времени; въ третьихъ, изслѣдовать всю совокупность наблюденныхъ явленій теоретически, т.-е., съ точки зрѣнія той причинной связи, которая существуетъ въ данное время и въ опредѣленномъ пространствѣ между многообразными явленіями; въ четвертыхъ, изучить явленія исторически, т.-е., съ точки зрѣнія ихъ процесса теченія и, если можно, законмѣрнаго видоизмѣненія и развитія, другими словами, какъ своеобразный процессъ теченія явленій, соединенный непрерывной связью причинъ и слѣдствій; въ пятыхъ, нормативно, т. е., съ точки зрѣнія тѣхъ непосредственныхъ задачъ, которыя люди ставятъ себѣ, желая достигнуть того или иного видоизмѣненія въ условіяхъ своей жизни; въ шестыхъ, телеологически, т. е., творцы экономическихъ системъ часто стремятся объяснить явленія, исходя изъ опредѣленія конечной цѣли всѣхъ стремленій человѣчества, и, наконецъ, въ седьмыхъ, стоя на почвѣ причинности, открыть или, вѣрнѣе, предвидѣть то будущее, къ которому человѣчество стремится сознательно или самою силою историческаго процесса.

Почти въ каждой экономической системѣ, которую мы будемъ изучать, мы найдемъ въ той или иной степени эти основныя стремленія. Предъ вашими глазами предстанутъ: система меркантильной школы, система физиократовъ, система классической школы и сторонниковъ естественной свободы, система протекціонистовъ, система социалистовъ самыхъ разнообразныхъ типовъ, система исторической школы. Вотъ тѣ главнѣйшія системы, которыя намъ придется изучать съ

особымъ вниманіемъ и среди тѣхъ условій жизни, когда каждая изъ нихъ появилась.

Мнѣ придется показать вамъ, какія основныя идеи лежатъ въ ихъ основѣ, какъ и почему онѣ группируются въ особыя міросозерцанія, какія стремленія въ нихъ преобладали, какъ и почему каждая изъ нихъ сыграла свою историческую роль въ дѣлѣ развитія капиталистическаго хозяйства и — что осталось отъ каждой изъ нихъ для научнаго познанія экономической жизни.

Но прежде чѣмъ принятыя за изученіе экономическихъ системъ, я долженъ остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ болѣе внимательно, чтобы вы могли болѣе ясно представить себѣ значеніе каждой изъ этихъ системъ.

Я уже сказалъ вамъ, что цѣль обществовѣдѣнія и естествознанія едина. Если это такъ, то невольнo является вопросъ, развѣ естествознаніе стремится къ познанію конечныхъ цѣлей мірозданія? Не идетъ-ли общественная наука по ложному пути, когда она стремится изслѣдовать явленія телеологически? Не слѣдовало ли бы совершенно вычеркнуть изъ исторіи науки всѣ попытки построенія телеологическихъ экономическихъ системъ? Постановка этого вопроса ведетъ меня къ необходимости выяснитъ вамъ предварительно, во первыхъ, что такое экономическія явленія, и показать, съ какимъ комплексомъ экономическихъ явленій мы будемъ имѣть дѣло, приступая къ изученію капиталистическаго хозяйства въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го вѣка. Во вторыхъ, ознакомитъ Васъ съ основоположеніями современной монистической теоріи міра.

Только послѣ разсмотрѣнія этихъ вопросовъ, я приступлю къ исторіи политической экономіи и экономического быта въ 19-мъ вѣкѣ.

§ 2. Что же такое экономическія явленія?

Первый вопросъ, который долженъ себѣ выяснитъ всякій приступающій къ изученію экономическихъ системъ, заключается въ томъ, каковъ тотъ кругъ явленій, которымъ занимается наука политической экономіи?

Наименованіе науки „политическая экономія“ укоренилось въ Европѣ съ легкой руки одного французскаго писателя Монкретьенъ де Ватевилль, который въ 1613 году издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Трактатъ о политической экономіи“. Онъ воспользовался старымъ греческимъ словомъ „экономія“ (οἰκονομία), которое образовано изъ двухъ словъ: „ойкосъ“ (οἶκος) — домъ и номосъ (νόμος) „законъ“ и означаетъ домостроительство, т. е., установленіе правильнаго порядка въ домѣ или хозяйствѣ. Добавленіе Монкретьена „политическая“ экономія укоренилось въ позднѣйшее время

потому, что изслѣдователи перестали ограничивать свою задачу изученіемъ явленій, происходящихъ въ домѣ или хозяйствѣ отдѣльнаго лица, расширивъ свои изслѣдованія и на предѣлы государственнаго цѣлаго, „политическаго союза“. Слову „законъ“ было придано также совершенно иное значеніе. По первоначальному своему значенію оно означаетъ правило, правовая норма. Изслѣдователи новаго времени стали искать не только тѣ правила или правовыя нормы, которыя необходимо установить для поддержанія надлежащаго порядка въ домѣ или въ государствѣ, но главнѣйшимъ образомъ заботиться о томъ, чтобы раскрыть законы, лежащіе въ основѣ экономическихъ явленій, т. е., тѣ причины и слѣдствія, которыя мы можемъ обнаружить въ существующихъ хозяйственныхъ явленіяхъ и въ ихъ развитіи. Подъ закономъ стали понимать не правило, не предписаніе частнаго лица или законодателя, ни даже констатированіе хозяйственнаго факта или описаніе свойствъ экономическихъ явленій. Подъ закономъ стали разумѣть установленіе отношеній между причинами и слѣдствіями въ явленіяхъ и, притомъ, — не всѣхъ причинъ и слѣдствій, а главнѣйшихъ, первоначальныхъ, всеобщихъ причинъ и вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій.

Въ настоящее время очень многіе изслѣдователи не удовлетворяются уже и старымъ наименованіемъ науки: „политическая экономія“, полагая, что оно держится только по старой традиціи и не соответствуетъ уже ни содержанію науки, ни пониманію слова „законъ“ въ наукѣ. Они пытаются укрѣпить за этой наукой наименованіе „соціальной экономіи“, желая этимъ новымъ наименованіемъ достигнуть двухъ цѣлей: во первыхъ, твердо установить, что соціальная экономія стремится изслѣдовать со стороны общихъ и первоначальныхъ причинъ и слѣдствій опредѣленный комплексъ явленій, общій всему человѣчеству, какъ нѣкоторому соединенному цѣлому, въ его бытіи и въ процессѣ развитія и, во вторыхъ, указать, что въ предметъ ея изслѣдованій входятъ не только экономическія явленія, происходящія въ предѣлахъ политическаго союза и подъ его воздѣйствіемъ, но вообще всѣ явленія, которыя мы можемъ назвать экономическими явленіями, которыя происходятъ въ условіяхъ не политическаго, а хозяйственнаго общенія людей, какъ бы обширно или необширно оно ни было въ разныя историческія эпохи.

У насъ въ Россіи большое распространеніе получило наименованіе „народная экономія“ или „народное хозяйство“; при чемъ этотъ терминъ часто употребляется въ довольно двусмысленномъ видѣ, какъ экономія народа — націи, какъ бы независимо отъ экономіи политическаго союза государ-

ства и — какъ экономія народовъ вообще. Адамъ Смитъ, какъ извѣстно, озаглавилъ свой трактатъ „Исслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ“, не связывая своихъ разсужденій съ какимъ бы то ни было національнымъ цѣлымъ или союзомъ національностей. Представитель германской исторической школы В. Рошеръ всегда употреблялъ выраженіе: „національная экономія“, желая подчеркнуть, что каждая нація въ своемъ хозяйственномъ быту имѣетъ свои своеобразныя особенности. Изъ этого соединенія традицій Смита и новой точки зрѣнія Рошера у насъ вошло въ употребленіе выраженіе: „народная экономія“ и „народное хозяйство“, которое такъ и осталось крайне неопредѣленнымъ.

Не слѣдуетъ думать, что выборъ наименованія науки имѣетъ малое значеніе. Очень часто писатель предпочитаетъ то или иное наименованіе науки именно потому, что своеобразно смотритъ на самое содержаніе науки; при изложеніи ея исторіи и исторіи экономическихъ системъ вообще, онъ обращаетъ вниманіе только на тѣ ихъ стороны, которыя соотвѣтствуютъ заранее намѣченному содержанію науки.

Проф. А. Вагнеръ, склоняющійся къ переименованію науки въ социальную экономію и идущій въ этомъ отношеніи въ согласіи съ проф. Дитцелемъ, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ содержаніе социальной экономіи, какъ науки. „Политическая экономія, — по его мнѣнію, — есть наука объ экономическихъ явленіяхъ, какъ о частяхъ или о составныхъ элементахъ совокупности явленій, создающихъ народное хозяйство или, другими словами, наука о народномъ или, употребляя болѣе правильный терминъ, о социальномъ хозяйствѣ, какъ о своеобразной совокупности экономическихъ явленій“¹⁾. Онъ съ особой энергіей подчеркиваетъ, что социальная экономія занимается не изученіемъ экономическихъ явленій, связанныхъ жизнью отдѣльнаго человѣка, а является наукой объ экономическихъ явленіяхъ, какъ о своеобразныхъ элементахъ социального хозяйства.

Но что же такое экономическія явленія, почему мы должны разсматривать ихъ только, какъ своеобразные элементы народнаго или социального хозяйства? Гдѣ тотъ масштабъ, при помощи котораго мы въ состояніи выдѣлить экономическія явленія изъ общей массы явленій человѣческой жизни? Что такое „экономія или, употребляя русскій терминъ, „хозяйство“ и — что вообще мы можемъ назвать социальнымъ хозяйствомъ? На эти основные вопросы въ экономической наукѣ и донинѣ существуетъ множество раз-

1) См. А. Wagner. Grundlegung d. P. Oek., глава: „политическая экономія, какъ наука“, Leipzig, 1892.

нообразныхъ отвѣтовъ. При изученіи экономическихъ системъ намъ будетъ необходимо не разъ возвращаться къ этимъ вопросамъ, чтобы былъ ясенъ тотъ путь, по которому намъ придется идти.

Одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей англійской индивидуалистической школы, ученикъ Д. С. Милля и продолжатель его методологическихъ и экономическихъ учений, — Джонъ Эллиотъ Кернсъ ставитъ вопросъ: „что такое явленія богатства“, но отвѣтъ его врядъ ли можетъ удовлетворить современнаго экономиста. „Что такое явленія богатства?“ — пишетъ онъ. „Это просто факты богатства, такіе факты, какъ — производство, обмѣнъ, цѣна или различныя формы, принимаемыя богатствомъ въ процессы его распредѣленія, какъ рента, заработная плата, прибыль и т. п. Само собою разумѣется, что подъ законами явленій богатства я не подразумѣваю актовъ парламента, а понимаю „естественные законы“ этихъ явленій, законы природы, т. е., извѣстныя, постоянныя соотношенія, въ которыхъ эти явленія находятся другъ къ другу и къ своимъ причинамъ. Предметъ политической экономіи — богатство, и, хотя богатство состоитъ изъ матеріальныхъ предметовъ, эти предметы становятся богатствомъ не потому, что они „матеріальны“, но потому, что они имѣютъ цѣнность, присваиваемую имъ человѣческимъ духомъ. Такимъ образомъ, предметъ политической экономіи не можетъ быть отнесенъ ни къ чисто матеріальной, ни къ чисто духовной области, но имѣетъ сложный характеръ, зависить отъ явленій обоого рода; законы политической экономіи не могутъ быть отнесены ни къ духовнымъ, ни къ матеріальнымъ законамъ, хотя, какъ я настаиваю, зависятъ въ одинаковой мѣрѣ отъ законовъ матеріи и духа“. ¹⁾

Прочтя эту цитату, читатель остается въ полномъ недоумѣніи. Онъ узнаетъ, что политическая экономія стремится открыть естественные законы явленій богатства, что они составляютъ нѣчто сложное, равно касающееся матеріи и духа, но ключа къ тому, какъ открыть то, что мы можемъ выдѣлить, какъ экономическія явленія, Кернсъ не даетъ.

1) См. Кернсъ, Логическій методъ политической экономіи, р. пер., Библиотека Экономистовъ, вып. 9-ый, стр. 13—27. Замѣчу кстати, что англичане понимаютъ подъ словомъ „богатство“ совокупность матеріальныхъ вещей, необходимыхъ человѣку для удовлетворенія его потребностей и находящихся въ обладаніи лица, группы лицъ или цѣлаго народа. Богатство, по опредѣленію Д. С. Милля, — „всякая вещь, за которую можно покупать другія вещи, въ обмѣнъ за которую дадутъ что либо полезное или пріятное“. Русскому языку не свойственно такое пониманіе. Подъ богатствомъ мы обыкновенно понимаемъ имущество болѣе значительное, чѣмъ у другихъ лицъ, какъ по сравненію съ суммой потребностей, такъ и по сравненію съ общимъ запасомъ этого имущества у другихъ людей.

Эта цитата не даетъ намъ также никакихъ опорныхъ пунктовъ для какой бы то ни было классификаціи экономическихъ явленій на первоначальныя и производныя, заранее утверждая, что всѣ экономическія явленія равно зависятъ отъ матеріи и духа. Какъ я уже выше сказалъ, Кернсъ принадлежитъ къ индивидуалистической школѣ политической экономіи, которая впервые остановила свое вниманіе на одномъ основномъ принципѣ человѣческой дѣятельности. Она подмѣтила, что человѣкъ для удовлетворенія своихъ потребностей стремится получить богатство съ наименьшимъ количествомъ труда.¹⁾

1) Эта основная предпосылка характерна для всѣхъ родоначальниковъ классической школы политической экономіи и съ особымъ вниманіемъ, какъ увидимъ впоследствии, была развита англійскими Бентамитами — утилитаристами, какъ главное философское обоснованіе всей политической экономіи. Она была воспринята въ своеобразно преобразованномъ видѣ и социалистической доктриной. Эта простая формула въ болѣе полномъ видѣ можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: Человѣкъ представляетъ собою существо сознательное. Разумъ, чувство и воля человѣка или, проще сказать, вся сила его сознательной дѣятельности составляетъ могущественное орудіе для достиженія великой цѣли, къ которой стремится всякій индивидъ. Эта цѣль сводится къ желанію пріобрѣсти наслажденія и избѣжать страданій. Благодаря этому стремленію вся сознательная жизнь человѣка имѣетъ своей задачей опредѣлить свое положеніе въ окружающемъ мірѣ, познать самого себя, понять свое отношеніе къ природѣ и людямъ, какъ извѣстной внѣшней средѣ; другими словами, приладить себя къ этой внѣшней средѣ и эту внѣшнюю среду подчинить своимъ цѣлямъ. Такое приспособленіе къ внѣшней средѣ было бы невозможно, если бы сознаніе человѣка не дало ему возможности сообразовать свои средства съ цѣлями. Въ основѣ хозяйственной дѣятельности человѣка лежитъ тоже общее стремленіе къ счастью, къ желанію пріобрѣсти наслажденіе и избѣжать страданія. Потребность получить наибольшее количество наслажденій и наименьшее количество страданій выражается въ хозяйственной дѣятельности въ томъ, что человѣкъ, во первыхъ, сознавая или инстинктивно чувствуя безграничность своихъ потребностей, ихъ настоятельность и неотложность и сравнительно малое количество находящихся въ его распоряженіи даровыхъ благъ, и, во вторыхъ, ограниченность своихъ умственныхъ и физическихъ силъ и незначительное количество времени, которое онъ можетъ счастливо прожить на свѣтѣ, долженъ, если только можетъ, по своимъ силамъ и по обстановкѣ людской и природной, среди которой онъ живетъ, стремиться пріобрѣсти наибольшее количество благъ съ наименьшимъ количествомъ усилій и затратъ всякаго рода.

Надобно хорошо понимать значеніе этого принципа экономизаціи; не слѣдуетъ думать, что онъ требуетъ ограниченіе потребностей. Экономисты классической школы всегда настаивали на безграничности человѣческихъ потребностей и въ ростѣ потребностей, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, видѣли прогрессъ человѣческой жизни. Этотъ же принципъ не требуетъ и ограниченій въ затратахъ труда и всѣхъ другихъ средствъ. Онъ говоритъ только то, что человѣкъ долженъ стремиться достигать любыхъ цѣлей, любого удовлетворенія своихъ потребностей съ наименьшимъ количествомъ затраченныхъ средствъ и труда. Онъ долженъ позаботиться, чтобы у него было достаточно средствъ для достиженія своихъ цѣлей и не только въ данный моментъ, но и на будущее время, которое онъ надѣется прожить.

Вплоть до настоящего времени въ большинствѣ учебниковъ политической экономіи это основное стремленіе чловѣка служить основаніемъ для отграниченія явленій экономической жизни отъ всѣхъ другихъ. Даже создатель органическаго міровоззрѣнія на явленія общественной жизни Альбертъ Шефле полагаетъ, что „политическая экономія есть ничто иное, какъ ученіе о проявленіи хозяйственнаго принципа въ чловѣческомъ обществѣ“¹⁾. Для цѣлаго ряда другихъ писателей политическая экономія является ученіемъ „о хозяйствующемъ субъектѣ“²⁾, т. е., о дѣятельности чловѣка, направленной на пріобрѣтеніе вѣншихъ средствъ, въ которыхъ мы нуждаемся для удовлетворенія разнообразныхъ нашихъ жизненныхъ потребностей. Экономическими явленіями, исходя изъ подобной точки зрѣнія, обыкновенно называютъ всѣ явленія, возникающія изъ существованія и необходимости удовлетворенія матеріальныхъ потребностей чловѣка при посредствѣ необходимо цѣлесообразнаго употребленія наличныхъ у него силъ и средствъ.

Достаточно заглянуть въ учебники П. Леруа-Болье и А. Маршала, этихъ двухъ наиболѣе типичныхъ индивидуалистовъ и продолжателей традицій классической школы, чтобы убѣдиться, какъ неясно и неопредѣленно они пытаются выдѣлить экономическія явленія, какъ особый предметъ изслѣдованія политической экономіи³⁾.

1) см. *ero System des gesellsch. Lebens*, § 26, стр. 46. изд. 1873 г.

2) см. G. Cohn. *Ueber die Bedeutung der Nat.-Oek.*, 1869, стр. 3.

3) Леруа-Болье пишетъ: „политическая экономія, вѣрнѣе экономика, — это наука, занимающаяся изслѣдованіемъ совокупности общихъ законовъ, которые опредѣляютъ дѣятельность (activité) и успѣшность (efficacité) чловѣческаго труда при производствѣ и пользованіи благами, каковыхъ природа не даетъ чловѣку сама по себѣ (spontanément). Могутъ возразить, что это опредѣленіе не полно, что политическая экономія трактуетъ, главнымъ образомъ, о вопросахъ производства, но не объ обращеніи (обмѣнѣ), распредѣленіи и потребленіи благъ“. Если даже полезно въ интересахъ ясности раздѣлять науку на три или четыре отдѣла, то не менѣе важно и то, что всѣ эти отдѣлы связаны другъ съ другомъ, оказываютъ другъ на друга вліяніе и, въ конечномъ результатѣ, сводятся къ общимъ законамъ людской производительной дѣятельности. Такъ — само распредѣленіе, въ конечномъ результатѣ, только одна глава великаго дѣла производства“. Леруа Болье желаетъ совершенно устранить терминъ: „политическая экономія“ и даетъ названіе наукѣ просто: экономія или экономика. „Экономика, — говоритъ онъ, — регулируетъ не только трудъ людей въ обществѣ, большинство ея законовъ прилагается въ равной мѣрѣ къ изолированному хозяйству, даже къ изолированному чловѣку. Законы экономики — это общіе и естественные законы труда и успѣшности чловѣческихъ усилій . . . *Эти законы ни въ какомъ случаѣ не происходятъ изъ воли чловѣка, но господствуютъ надъ этой волей и подчиняютъ ее.* Чловѣкъ долженъ пользоваться этими законами подчиняясь имъ совершенно такъ же, какъ онъ подчиняется силѣ тяготѣнія, и не можетъ не признавать химическаго сродства“, см. Леруа-Болье. *Traité d'Economie Politique*, Paris, 1896, т. I, стр. 9, 10, 11, 18.

Оба эти опредѣленія содержанія науки имѣютъ много общаго между собой, но по существу различны. Общее заключается въ томъ, что оба изслѣдователи сразу становятся на чисто индивидуалистическую точку зрѣнія. Леруа-Болье думаетъ, что законы экономики равно приложимы, какъ къ общественному, такъ и къ изолированному хозяйству. Законы экономики — это естественные законы труда и успѣшности человѣческихъ усилій, создающіеся чрезъ воздѣйствіе естественныхъ законовъ природы на человѣка. Маршалъ полагаетъ, что политическая экономія занимается изученіемъ дѣйствій человѣка въ „дѣловой сферѣ его дѣятельности“. Это — наука о человѣческихъ мотивахъ, которая разъясняетъ, какъ „человѣкъ получаетъ доходъ и пользуется имъ“.

Какъ я уже сказалъ, по существу эти опредѣленія весьма различны. Согласно Леруа-Болье, экономика должна отыскать законы успѣшности труда во всѣхъ стадіяхъ человѣческаго развитія. Маршалъ стремится открыть эти законы для современнаго капиталистическаго хозяйства, характерной особенностью котораго, по его мнѣнію, является не соперничество, а свободная индустрія и предпримчивость.¹⁾ Всѣ экономическія явленія, по Леруа-Болье, происходятъ изъ производства, и, при томъ, изъ производства матеріальнаго продукта. Маршалъ сводитъ все изслѣдованіе къ вопросу

Профессоръ Альфредъ Маршалъ пишетъ: „политическая экономія или экономика есть изслѣдованіе человѣческихъ дѣйствій съ обыкновенной дѣловой стороны жизни людей. Она изслѣдуетъ, какъ получаетъ человѣкъ свой доходъ и какъ онъ имъ пользуется. Такимъ образомъ, съ одной стороны, она является изслѣдованіемъ о богатствѣ, съ другой и болѣе важной стороны, изслѣдованіемъ о человѣкѣ. Человѣчскій характеръ всегда опредѣлялся его ежедневнымъ трудомъ и матеріальными средствами, которыя онъ получалъ отъ этого труда, — болѣе, чѣмъ какими бы то ни было другими вліяніями, за исключеніемъ развѣ его религіозныхъ идеаловъ. Религіозныя и экономическія вліянія были всегда главнѣйшими двигателями человѣческой истории. Въ то или другое время, въ томъ или другомъ мѣстѣ, военное и художественное настроеніе могло на короткій срокъ приобретать преобладаніе, но религіозныя и экономическія причины никогда, на самое короткое время, не теряли своего значенія, и онѣ почти всегда болѣе важны, чѣмъ всѣ другія вмѣстѣ взятія“. См. A. Marshall „Principles of Econ“, изд. 1895 г., стр. 1. Въ другомъ своемъ сочиненіи Маршалъ пишетъ: „экономика есть наука о человѣческихъ мотивахъ“ (См. *Present Position of economics*, London, 1885).

1) Слово „соперничество“, по его мнѣнію, приобрѣло дурную славу; оно предполагаетъ извѣстное своекорыстіе и равнодушіе къ благу своихъ согражданъ. Конечно въ предшествовавшихъ формахъ промышленности менѣе сознательнаго своекорыстія, чѣмъ въ современныхъ; но и въ современныхъ формахъ ея имѣется сознательное безкорыстіе. Свобода самоопредѣленія (*deliberateness*), а не своекорыстіе характерно для новаго времени . . . Безъ сомнѣнія, однако, что этотъ сознательный и свободный выборъ можетъ вести къ извѣстнымъ отступленіямъ отъ индивидуальной свободы, когда кооперация и соединенія открываютъ болѣе цѣлесообразную дорогу для достиженія цѣлей“. I. с. § 4.

о полученіи дохода. Безъ сомнѣнія постановка вопроса у Леруа-Болье болѣе широка и правильна. Опредѣляя предметъ политической экономіи, мы не только имѣемъ право, но и должны отвлечься отъ современной стадіи экономическаго развитія. Экономическія явленія существовали во всѣхъ стадіяхъ экономическаго развитія. Полученіе дохода характерно только для нашего времени, и прежде чѣмъ получить доходъ, человѣкъ долженъ его произвести. Маршалъ совершенно устраняетъ вопросъ о первичныхъ экономическихъ явленіяхъ и сразу обращается къ распредѣленію дохода, которое вытекаетъ, по Леруа-Болье, изъ явленій производства. Маршалъ сосредотачивается на изслѣдованіи свободнаго капиталистическаго хозяйства, но и самъ замѣчаетъ, что провозглашеніе свободной предпримчивости ведетъ и къ свободѣ соединеній. Другими словами въ предѣлахъ самаго капиталистическаго хозяйства онъ какъ бы различаетъ двѣ стадіи развитія.

Любопытно, однако, что ни одинъ изъ этихъ писателей не прибѣгаетъ къ хозяйственному принципу, какъ къ основному приему обособленія экономическихъ явленій отъ всѣхъ другихъ. Чувствуется нѣчто общее съ постановкой вопроса у Кернса и у другихъ представителей классической школы, но оба писателя какъ бы обходятъ этотъ основной принципъ, который казалось бы такъ характеренъ для выясненія, какъ дѣловой жизни человѣка, такъ и вообще всей его производительной дѣятельности. Прочитавшему исходныя положенія этихъ писателей легко можетъ придти въ голову желаніе примирить эти какъ бы противорѣчивыя точки зрѣнія. Если хозяйственный принципъ представляетъ собою основное и общее начало производительной и дѣловой дѣятельности человѣка, то мы съ полнымъ правомъ можемъ прилагать его, и для объясненія явленія производства во всѣ времена и повсемѣстно, и для анализа современнаго капиталистическаго хозяйства съ его полученіемъ дохода отдѣльными лицами, ихъ группами и классами. Хозяйственный принципъ мы можемъ истолковывать съ равнымъ успѣхомъ съ точки зрѣнія человѣка, какъ представителя рода, и съ точки зрѣнія человѣка, какъ члена общественнаго союза.

Мнѣ представляется, однако, что они благоразумно избѣгаютъ такой постановки вопроса; я постараюсь показать, что новая экономическая наука должна идти совѣмъ другой дорогой при выясненіи того, что слѣдуетъ считать экономическими явленіями. Если бы мы приняли эту точку зрѣнія, то и исторія политической экономіи обратилась бы въ жалкое пережевываніе устарѣлыхъ доктринъ классической школы, а исторія хозяйственнаго быта осталась бы совершенно непонятою въ ея законномъ развитіи.

Профессоръ Дитцель ¹⁾ попытался вновь формулировать хозяйственный принципъ и найти болѣе вѣрный способъ выдѣленія экономическихъ явленій для закономѣрнаго ихъ изслѣдованія. Заглянемъ же въ его разсужденія и посмотримъ, что новаго онъ вноситъ сравнительно съ представителями классической школы.

Профессоръ Дитцель полагаетъ, что хозяйственный принципъ или, какъ онъ выражается, принципъ сбереженія, или вѣрнѣе — экономизаціи, какъ постоянный элементъ и „естественная категорія“, проникаетъ всю разумную дѣятельность человѣка — это „общій принципъ разумной дѣятельности“. По мнѣнію профессора Дитцеля, хозяйство есть просто „сцена, арена, на которой можно наблюдать существо и дѣйствіе принципа экономизаціи“. Общій методъ разумной дѣятельности въ предѣлахъ этой особой категоріи „хозяйства“ выступаетъ яснѣе всего, а потому, вполне оправдывается и отождествленіе выраженій — „экономизація“ и „хозяйствованіе“.

„Правда, замѣчаетъ онъ далѣе, этому принципу экономизаціи не всегда слѣдуютъ. Часто конкретные субъекты рода человѣческаго имѣютъ только желаніе, а не возможность ему слѣдовать, часто имъ не удастся низвести затрату средствъ для достиженія данной цѣли при данныхъ экономическихъ условіяхъ до возможнаго минимума. Но, чтобы достигнуть своихъ абстрактныхъ причинныхъ формулъ, теоретикъ долженъ предположить, что „экономическій человѣкъ“, воздѣйствія котораго на тѣ или иныя событія онъ желаетъ изучить, стремится получить максимумъ пользы съ минимумомъ средствъ и можетъ осуществить это стремленіе“.

Въ то же время, однако, проф. Дитцель далекъ отъ желанія пользоваться этимъ принципомъ экономизаціи для ограниченія хозяйственныхъ явленій отъ всѣхъ другихъ явленій человѣческой жизни.

Онъ полагаетъ, что „потребность во внѣшнихъ благахъ мы называемъ хозяйственной потребностью, а всѣ дѣйствія, которыя предприняты подъ давленіемъ этой потребности, мы называемъ хозяйственными потребностями“. Подъ хозяйствомъ же мы понимаемъ совокупность всѣхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ субъектъ покрываетъ свою потребность во внѣшнихъ благахъ или продуктахъ“. По его мнѣнію, хозяйственный мотивъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяйственное дѣйствіе, имѣетъ двоякое основаніе. Во первыхъ, естественное, которое выражается въ зависимости человѣка отъ ма-

1) См. H. Dietzel, Theoretische Social-Ökonomik, B. I, Leipzig, 1895 г. стр. 27, 28, 29, 175—183 — das Sparprincip.

теріи. Это естественное основаніе проявляется всегда и вездѣ. Зависимость человѣка отъ матеріи съ перваго дня существованія человѣка и на вѣчныя времена опредѣляетъ побужденія человѣческой дѣятельности. Человѣкъ, какъ физическое существо, связанъ съ матеріей, онъ зависитъ отъ нея, онъ долженъ стремиться завладѣть ея частью, подчинить ее себѣ. Второе основаніе хозяйственнаго мотива социальное; благодаря тому обстоятельству, что люди живутъ въ сообществѣ, у нихъ является стремленіе подчинить другихъ людей своимъ цѣлямъ, пользуясь той властью, которую имъ даетъ богатство. „Поскольку историческій опытъ насъ учитъ, — пишетъ онъ, — и это социальное основаніе называется повсемѣстно и всегда“. Благодаря наличности этихъ двухъ основаній приходится дать еще болѣе полное опредѣленіе экономическихъ явленій. „Если, пишетъ онъ, мы будемъ называть потребность къ господству надъ матеріей хозяйственной потребностью и дѣйствія, которыя преслѣдуютъ эти цѣли удовлетворенія потребности, хозяйственными дѣйствіями, то всѣ событія внѣшняго міра, которыя являются слѣдствіями такихъ дѣйствій, мы будемъ называть экономическими явленіями. Но не всѣ экономическія явленія бываютъ экономическими социальными явленіями. Экономическими социальными явленіями мы называемъ только такія событія, которыя касаются не только условій удовлетворенія потребностей, проще сказать, хозяйственнаго положенія самаго дѣйствующаго субъекта, но также и какихъ либо другихъ живущихъ съ нимъ въ хозяйственномъ общеніи лицъ“. Дитцель, затѣмъ, признаетъ, что въ настоящій моментъ врядъ ли имѣются экономическія явленія, которыя не были бы экономическими социальными явленіями, а потому и предлагаетъ переименовать политическую экономію въ „социальную экономію“.

„Если, наприм., я бросаю въ печь уголь, — говоритъ профессоръ Дитцель, то я совершаю хозяйственное дѣйствіе; оно удовлетворяетъ моей потребности господства надъ матеріей, которое я приобретаю, какъ обращеніе угля въ теплоту, — потребляю уголь, произвожу теплоту. Результатъ дѣйствія есть хозяйственное, социальное явленіе, ибо, уменьшая свой запасъ въ углѣ, я оказываю вліяніе, какъ единичное лицо, конечно, минимальное на хозяйственное положеніе угледобывателей, торговцевъ углемъ, потребителей угля. Когда я топлю свою печь, я воздѣйствую, какъ факторъ, поднимающій цѣны; если я отказываюсь отъ удовлетворенія этой потребности и сберегаю уголь, — какъ факторъ, понижающій цѣны. Прямо или косвенно — и это положеніе будетъ имѣть еще большее значеніе въ коллективистическую (социалистическую) эру — всяческія хозяй-

ственные дѣйствія, предвидѣть ли ихъ субъекты дѣйствій или нѣтъ, знаютъ ли что о нихъ или не знаютъ, — оказываютъ вліяніе на положеніе другихъ субъектовъ. Кругъ хозяйственныхъ социальнo-экономическихъ явленій нынѣ въ высшей степени расширился: онъ покрываетъ почти всѣ хозяйственныя явленія“.

Въ точкѣ зрѣнія проф. Дитцеля есть кое-что новое сравнительно съ многими представителями классической школы, но старая теорія слишкомъ тяготеетъ надъ нимъ; онъ не въ состояніи вырваться изъ ея оковъ. Онъ правильно понимаетъ, что для выдѣленія экономическихъ явленій изъ всѣхъ другихъ явленій человѣческой жизни недостаточенъ одинъ масштабъ: принципъ экономизаціи или, что тоже, стремленіе получить максимумъ богатствъ съ минимумомъ пожертвованій или, выражаясь языкомъ марксистской доктрины, принципъ наибольшаго и наименѣйшаго развитія производительныхъ силъ. Экономическія явленія возникаютъ, существуютъ и развиваются не только, какъ результаты стремленій къ максимализаціи производства и минимализаціи затратъ. Въ основѣ ихъ лежатъ потребности людей, которыя, съ одной стороны, указываютъ направленіе для производства, но и сами принимаютъ другой характеръ всякимъ видоизмѣненіемъ условий и результатовъ производства. По мнѣнію Дитцеля принципъ экономизаціи — общее начало всей разумной дѣятельности человѣка. При такой формулировкѣ онъ вновь вступаетъ на старую дорогу. Правильнѣе сказать, что этотъ принципъ экономизаціи вытекаетъ изъ болѣе общаго начала неизбежнаго для всего сущаго: изъ борьбы за существованіе, въ которой человѣкъ играетъ только болѣе могучую роль, благодаря всѣмъ своимъ психическимъ особенностямъ, и, въ частности — разуму. Индивидуалистическая школа вѣрила въ разумъ, какъ единое опредѣляющее начало. Къ наше время трудно утверждать, что законъ борьбы за существованіе исключительно опредѣляется разумомъ. Приспособленіе къ вѣншей человѣческой средѣ и къ природѣ отчасти инстинктивно, отчасти безсознательно, зависитъ не только отъ разума, но и отъ страстей человѣка. Всѣ мы знаемъ, что и въ жизни природы, и въ жизни человѣка обнаруживается нѣчто законосообразное, цѣлесообразное и необходимое, но еще требуется доказать, что это цѣлесообразное въ природѣ и въ жизни человѣка является обнаруженіемъ какой-то заранѣе установленной разумной цѣли, которую преслѣдуетъ природа или человѣкъ. Цѣлесообразность эту необходимо объяснить, не обходя по казать, что она совершается, какъ какой-то закономѣрный, необходимый процессъ. Это общее начало не слѣдуетъ дѣлать заранѣе принятымъ, какъ доказанное, исходнымъ положеніемъ.

Эта предпосылка обращает экономію въ довольно скучную науку; она, кромѣ того, придаетъ экономическимъ явленіямъ крайне односторонній, а потому и безжизненный характеръ.

Разсуждать исходя изъ такихъ предположеній, какъ у проф. Дитцеля и еще болѣе у проф. Шефле, было бы чрезвычайно легко. Признавъ положеніе, что политическая экономія является ученіемъ о проявленіи принципа экономизаціи, мы теоретически могли бы создать политическую экономію изъ собственной головы.

Въ зависимости отъ взгляда на общее значеніе принципа экономизаціи и на вліяніе его, какъ мотива человѣческой дѣятельности, изслѣдователи будутъ идти по разнымъ путямъ. Въ первомъ случаѣ изслѣдователь, какъ бы будетъ идти по дорогѣ, указываемой Леруа-Болье, и станетъ изучать законы успѣшности труда, т. е., какъ должно производиться богатство съ наименьшими затратами труда съ точки зрѣнія человѣка, какъ представителя рода; во второмъ случаѣ изслѣдователь пойдетъ по стопамъ Маршала и будетъ изучать, какъ создается доходъ, распредѣляющійся между разными классами. Оба писателя принадлежатъ къ индивидуалистической школѣ: они смотрятъ на вопросъ о производствѣ богатства съ точки зрѣнія личности, интересы которой совпадаютъ съ интересами общества; — социалистъ можетъ изслѣдовать тотъ же вопросъ съ точки зрѣнія всего общества, считая интересы личности подчиненными общимъ интересамъ; онъ можетъ построить идеальную схему производства, распредѣленія и потребленія продукта. Получится большее разнообразіе абстрактныхъ формулъ, но экономическая жизнь и ея исторія останется мало понятной.

Сообразивъ, что въ распоряженіи человѣка имѣются три производительныя силы: земля, трудъ и капиталъ, мы могли бы, съ точки зрѣнія этого разумнаго человѣка, какъ представителя рода *homo sapiens*, установить рядъ, быть можетъ, и полезныхъ, но довольно банальныхъ положеній: пользуясь своимъ трудомъ, человѣкъ долженъ получать наибольшее количество матеріальнаго продукта при условіи наилучшаго сохраненія и развитія своей работоспособности; употребляя свой капиталъ, онъ точно также долженъ затрачивать его наиболѣе производительно, желая достигнуть наиболѣе выгоднаго и быстрого его воспроизведенія; обрабатывая землю, человѣкъ долженъ получать наибольшее количество продукта при сохраненіи и развитіи ея производительныхъ силъ. Такихъ банальныхъ положеній можно было бы установить достаточное количество, а затѣмъ благополучно перейти къ условіямъ современнаго капиталистическаго хозяйства и стараться изучить, какъ проявляется этотъ хозяйственный принципъ тамъ, гдѣ движущимъ стиму-

ломъ хозяйства являются не интересы человѣка, какъ представителя рода, а интересы обособленныхъ общественныхъ классовъ: рабочихъ, какъ представителей труда, капиталистовъ и землевладѣльцевъ, которымъ принадлежатъ два другихъ орудія производительной дѣятельности. Можно было бы съ достаточной картинностью и яркостью изобразить неизбежный процессъ эксплуатаціи слабого сильнымъ, весь жестокий характеръ этой борьбы и т. п. „Абстрактныя причинныя формулы“, какъ выражается Дитцель, „были бы получены,“ но задача науки не въ нихъ однихъ, а въ чемъ то другомъ, болѣе важнымъ и не менѣе жизненнымъ.

Представители „классической школы“ дали мастерской анализъ того, какъ этотъ „принципъ экономизаціи“ превращается въ „свокорыстное преслѣдованіе“ своего интереса. Они создали намъ представленіе объ „экономическомъ человѣкѣ“, который знаетъ только свой интересъ и умѣетъ его осуществлять, вовсе не заботясь объ идеальномъ развитіи и сохраненіи всѣхъ производительныхъ силъ, но всего многообразія широкаго потока экономической жизни, какъ части культурной исторіи человѣчества, они намъ не дали. Представители исторической школы направляли всѣ свои усилія на то, чтобы разрушить это представленіе и указать, что въ экономическихъ явленіяхъ проявляется еще и цѣлый рядъ другихъ свойствъ человѣка: альтруизмъ, общественность, эстетическія, культурныя наклонности и т. п. Споръ этотъ имѣлъ только методологическое значеніе. Классическая школа хотѣла опредѣлить экономическія явленія на основаніи метода дѣйствій „экономическаго человѣка“, историческая школа старалась показать, что „экономическія человѣкѣ“, представленіе слишкомъ абстрактное, искусственное. Результаты этого методологическаго спора были, однако, неожиданныя. Для многихъ стало ясно, что историческая школа тѣмъ самымъ проложила дорогу для опредѣленія экономическихъ явленій по самому ихъ содержанію, а не по методу дѣйствій „экономическаго человѣка“. Она стала утверждать, что принципы, которыми руководится хозяйствующій субъектъ, многообразны; даже въ современную эпоху свободнаго хозяйства принципъ максимизаціи производства и минимизаціи затратъ проводится далеко не вполнѣ; цѣлый рядъ хозяйствъ живетъ за счетъ избытковъ другихъ хозяйствъ (протекціонная система); кромѣ того, хозяйственныя мотивы, если подъ ними понимать всю совокупность многообразныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ индивидами и народами въ ихъ экономической дѣятельности, могутъ видоизмѣняться въ разныя историческія эпохи.

Самъ проф. Дитцель видитъ, что при посредствѣ принципа экономизаціи нельзя выдѣлнить экономическихъ явленій.

Онъ понимаетъ, что „не методъ, не способъ дѣйствія“ является рѣшающимъ моментомъ для дѣйствія, а „самый объектъ, содержаніе“ дѣйствій. Онъ ясно указалъ различіе въ между „принципомъ экономизаціи“, какъ методомъ дѣйствія, и хозяйственными мотивами (побужденіями) и дѣйствіями, какъ фактами реальной дѣйствительности. Въ основаніи перваго лежитъ сравненіе наименьшей затраты съ наибольшимъ результатомъ; въ основаніи вторыхъ — стремленіе къ господству надъ матеріей и при посредствѣ матеріи надъ людьми ¹⁾).

Дитцель совершенно правъ, что въ борьбѣ за свое существованіе человѣкъ стремился во всѣ времена завладѣть и приспособить къ своимъ потребностямъ часть окружавшей его матеріи. Онъ вѣрно указываетъ также, что во всѣ предшествовавшія времена у человѣка было и нынѣ существуетъ стремленіе подчинить себѣ другихъ людей, пользуясь той властью, которую даетъ богатство, т. е., та же матерія; но только слово: „господство“ выбрано неудачно, и я сказалъ бы даже сильнѣе, неисторично и ненаучно съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія. Человѣкъ и при-

1) Отождествленіе „принципа экономизаціи“ и „хозяйствованія“, о которомъ говоритъ Дитцель, поэтому, хотя и совершается очень часто, но неправильно уже потому, что отождествляетъ „желаемое“ съ фактами дѣйствительной жизни. „Хозяйствованіе“ часто можетъ идти въ полномъ противорѣчій съ принципомъ экономизаціи, и, тѣмъ не менѣе, совокупность дѣйствій и послѣдствій хозяйствованія должна быть нами отнесена къ разряду экономическихъ явленій. Это противорѣчіе между „желаемымъ“ и „дѣйствительностью“ можетъ зависѣть отъ цѣлаго ряда причинъ, лежащихъ, какъ въ самомъ хозяйствующемъ субъектѣ: неряшество, невѣжество, безсознательная рутина, такъ и внѣ его: въ окружающихъ естественныхъ и общественныхъ условіяхъ. Бюхеръ совершенно справедливо замѣтилъ, что планомѣрность и предусмотрительность въ хозяйствѣ является результатомъ долгаго культурнаго развитія человѣка. Чѣмъ ниже культура, тѣмъ менѣе въ хозяйствѣ планомѣрности. У первобытнаго человѣка она достигаетъ почти минимума. Рядъ неурожаевъ можетъ, наприм., совершенно разорить хозяйство; чрезмѣрное размноженіе населенія — низвести положеніе работника до послѣдняго уровня подчиненности, когда онъ принужденъ отдавать громадное количество своего труда за ничтожнѣйшее вознагражденіе; недостаточный размѣръ земельного надѣла — превратить хозяйство въ недѣльную борьбу за жизнь съ вѣчной голодовкой; расточительность государственнаго хозяйства для завоевательныхъ цѣлей можетъ привести къ банкротству самыхъ разумныхъ, наиболѣе „экономныхъ“ хозяевъ. Поэтому, не отрицая наличности принципа экономизаціи, на обязанности изслѣдователя лежитъ не абстрактное конструированіе положеній, изъ него вытекающихъ, а реальное изученіе явленій такъ, какъ они были и существуютъ, какъ часть широкаго и сложнаго процесса человѣческой жизни. Въ этомъ отношеніи Леруа Болье правъ говоря, что политическая экономія изучаетъ вовсе не одно „проявленіе“ принципа экономизаціи, а скорѣе законы успѣшности труда, именно, въ томъ смыслѣ, что она стремится начертать законы хозяйствованія, т. е., всѣхъ тѣхъ условій и дѣйствій, при которыхъ и при посредствѣ которыхъ человѣкъ покрываетъ свои потребности въ матеріальныхъ благахъ.

рода противостоятъ другъ другу, какъ элементы мірозданія. Человѣкъ имѣетъ свои потребности; онъ созданъ его психическою и матеріальною природой. Природа имѣетъ свои непреложные законы; человѣкъ не господствуетъ надъ природой, а познаетъ ея законы, стремится подчинить ее своимъ цѣлямъ, но и природа указываетъ ему свои предѣлы. Міровая борьба идетъ за правильное соотношеніе между человѣкомъ, какъ частью природы, и природой въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; правильнѣе поэтому говорить не о стремленіи къ господству надъ природой, а объ установленіи правильнаго соотношенія между человѣкомъ и природой соотвѣтственно общимъ и непреложнымъ міровымъ законамъ. Человѣкъ является субъектомъ, творцомъ экономическихъ и всякихъ другихъ дѣйствій, но въ то же время и объектомъ, на которомъ сказывается дѣйствіе непреложныхъ законовъ природы. Міросозерцаніе, связывающее жизнь человѣка съ жизнью всей природы, стремящееся постигнуть, объяснить изобразить во всей цѣлостности всѣ тайны бытія, представляеть собой лучшее изъ творческихъ созданій человѣка. Работа надъ созданіемъ такого міросозерцанія не прекратится никогда; всѣ силы мысли, творческой фантазіи, чувства человѣка влекутъ его къ этой работѣ, которая въ тоже время и необходима, ибо только она обезпечиваетъ человѣку возможность самой жизни: только зная законы природы, человѣкъ можетъ обезпечить себѣ удовлетвореніе своихъ потребностей и разумно регулировать свои отношенія къ другимъ людямъ.

Это слово: „господство“ выбрано проф. Дитцелемъ, по-видимому, только для того, чтобы противопоставить ему аналогичное же господство человѣка надъ человѣкомъ и доказать неизбежное стремленіе къ этому господству. Что „господство человѣка надъ человѣкомъ“ существовало и существуетъ, это всѣмъ, конечно, хорошо извѣстно, но столь же извѣстно и то, что всегда существовало и противоположное теченіе — стремленіе устранить „господство“. Изучая исторію человѣческой жизни, намъ интересно знать не только о наличности перваго явленія, но и второго. Наука не изучаетъ только явленія со стороны „господствующихъ“, но и стороны „подчиненныхъ“. Теоретически мы можемъ себѣ представить и такой строй хозяйства, когда обладаніе матеріальными продуктами не будетъ служить средствомъ для господства надъ другими людьми. Тѣ многообразныя отношенія между человѣческими существами, которыя развились при производствѣ, обмѣнѣ, распредѣленіи и потребленіи матеріальныхъ продуктовъ, весьма не ясно опредѣляются словами проф. Дитцеля: „подчинить своей власти людей, пользуясь силой, которая дается богатствомъ“.

Борьба за богатство есть одновременно борьба за счастье, за жизнь, за право на культурное усовершенствование, за необходимую организацию упорядоченного хозяйства и соответствующаго послѣднему политическаго строя т. е. такъ или иначе организованной власти.

Экономическая жизнь лишь часть общей жизни людей; и эта борьба за богатство имѣла и имѣетъ свои законы, которымъ миллионы людей подчиняются помимо своей воли и сознанія, входя всякій разъ въ жизнь, какъ въ арену борьбы, гдѣ ихъ мѣсто уже указано заранѣе сложившимися условіями, если не вполне, то уже въ значительной мѣрѣ. Одному предуказано стремленіе къ господству, другому стремленіе сбросить это господство, а множеству — массѣ — пассивное подчиненіе. Роковая особенность всей человѣческой исторіи заключается въ томъ, что „просвѣщенное меньшинство“, вѣрнѣе наиболѣе обезпеченные классы, ведутъ массу, господствуютъ надъ ней благодаря причинамъ, которыя создаютъ и это меньшинство, и его организованную силу и богатство.

Стараясь точнѣе опредѣлить основныя послылки для выдѣленія экономическихъ явленій, проф. Дитцель поступилъ бы правильнѣе, сказавъ коротко: экономическія явленія это такія явленія, которыя ставятъ человѣка неизбѣжно въ извѣстное *соотношеніе* къ матеріальной природѣ и къ окружающимъ людямъ, какъ къ творцамъ и къ владѣльцамъ матеріальныхъ благъ. Въ этого отношенія мы ихъ ни понять, ни выяснить не можемъ, но, конечно, это былъ бы только первый шагъ; пришлось бы сдѣлать и второй, и проф. Дитцель отчасти его и дѣлаетъ, говоря о „категоріяхъ“ хозяйства. Чтобы ясно представить себѣ, что такое эти категоріи, сдѣлаемъ маленькую справку въ сочиненіяхъ Энгельса.

Если вы раскроете одно изъ сочиненій Энгельса¹⁾, то вы тамъ найдете два такихъ опредѣленія политической экономіи: „Политическая экономія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова есть наука о законахъ, которые управляютъ производствомъ и обмѣномъ матеріальныхъ средствъ существованія въ человѣческомъ обществѣ“ и — „политическая экономія есть наука о тѣхъ условіяхъ и формахъ, при которыхъ человѣческія общества производили и обмѣнивались, и при которыхъ, соответственно съ тѣмъ, продукты распределялись“. Оба эти опредѣленія не вполне совпадаютъ, но довольно вѣрно намѣчаютъ предметъ изслѣдованій экономиста.

1) см. Переворотъ въ наукѣ, произведенный г. Дюрингомъ, нѣмецк. изданіе 1901 г., стр. 149, 153.

Въ одномъ случаѣ Энгельсъ говоритъ только о производствѣ и объ обмѣнѣ, въ другомъ — о производствѣ, обмѣнѣ и распредѣленіи; въ первомъ опредѣленіи онъ говоритъ о производствѣ матеріальныхъ средствъ существованія, какъ бы указывая, что дѣло идетъ только о производствѣ самыхъ насущныхъ предметовъ, во второмъ — о производствѣ продуктовъ къ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ средствъ существованія, такъ и продуктовъ удобствъ, защиты и охраны, роскоши и всего, что только создается для потребностей человѣка, включая сюда и орудія, при посредствѣ которыхъ создаются продукты и поддерживается организація соціального строя. Необходимо добавить къ имуществу человѣка еще и то, что не создается человѣкомъ, но находится въ его пользованіи, т. е., матерію и силы природы, которыя его окружаютъ и даютъ ему возможность жить и работать. Пріглядываясь къ явленіямъ дѣйствительной жизни, мы тотчасъ же замѣтимъ, что и еще одна сторона человѣческой жизни остается опущенной этими дополнительными замѣчаніями. Человѣкъ не только производитъ, обмѣниваетъ и распредѣляетъ, но и потребляетъ. Производство, обмѣнъ и распредѣленіе существуютъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е., для потребленія, безъ котораго никакая жизнь не возможна. Подводя общій итогъ, мы могли бы сказать, что политическая экономія должна намъ дать ученіе о тѣхъ формахъ и условіяхъ, какъ матеріальной природы, такъ и человѣческой среды, при которыхъ люди производили и производятъ, обмѣнивали и обмѣниваютъ, распредѣляли и распредѣляютъ, потребляли и потребляютъ продукты для удовлетворенія своихъ нуждъ. Другими словами, она должна открыть законы производства, обмѣна, потребленія и распредѣленія продуктовъ и силъ природы.

Соціально-экономическія явленія неразрывно и связаны съ этими четырьмя категоріями жизни (т. е., необходимыми условіями ея): производствомъ, обмѣномъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ матеріальныхъ продуктовъ.

Посмотримъ-же, нельзя-ли изъ точнаго опредѣленія этихъ основныхъ категорій сдѣлать правильное заключеніе о томъ, что такое соціально-экономическія явленія, не прибѣгая вовсе къ принципу экономизаціи, какъ способу выдѣленія экономическихъ явленій изъ совокупности всѣхъ другихъ явленій общественной жизни человѣка.

Подъ производствомъ мы понимаемъ дѣятельность человѣка (какъ единичнаго лица, такъ и соединенныхъ группъ людей), направленную на изготовленіе изъ существующаго въ природѣ матеріала, при данныхъ историческихъ, общественныхъ условіяхъ и вѣчныхъ законахъ природы, матеріаль-

ныхъ продуктовъ (полезностей) для удовлетворенія человѣческихъ потребностей ¹⁾.

Подъ обмѣномъ — ту дѣятельность человѣка, при посредствѣ которой богатство, какъ совокупность матеріальныхъ продуктовъ, произведенныхъ человѣкомъ, и всѣхъ естественныхъ благъ и силъ, безвозмездно дарованныхъ природой, поступаетъ изъ однихъ рукъ въ другія подѣ условіемъ передачи за него эквивалента, т. е. той или иной равноцѣнности.

Подъ распредѣленіемъ — ту дѣятельность, при посредствѣ которой то же богатство попадаетъ въ пользованіе или собственность, раздѣляется какъ имущество и доходъ между разными лицами, группами ихъ и учрежденіями даннаго народа или человѣчества вообще ²⁾.

Подъ потребленіемъ — ту дѣятельность, интересующую экономиста только съ количественной и качественной стороны, посредствомъ которой богатство употребляется на удовлетвореніе потребностей, обращаясь при этомъ въ остатки использованной матеріи и силы и въ новый видъ жизненной энергіи человѣка.

Съ этими четырьмя категоріями жизни социальная экономія постоянно имѣетъ дѣло. Безъ ихъ наличности никакая человѣческая жизнь не была-бы возможна. Въ великой борьбѣ за существованіе во всѣ историческія эпохи человѣкъ долженъ былъ употреблять свой трудъ и капиталъ для использованія силъ природы и матеріи земли на свои нужды. Онъ долженъ былъ научиться сочетать такъ называемые факторы производства: землю, трудъ и капиталъ для созданія матеріальныхъ условій своей жизни. Это сочетаніе или, что тоже, соединеніе, установленіе извѣстнаго взаимоотношенія неизбежно должно было имѣть два вида: съ одной стороны, должна была создаться извѣстная форма хозяйствъ, т. е., тѣ отношенія человѣческихъ существъ, въ

1) Какъ увидимъ ниже, человѣческая производительная дѣятельность увеличиваетъ наличную массу полезностей или, по крайней мѣрѣ, воспроизводитъ ихъ прежній запасъ. Производство тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ больше избытокъ надъ простымъ воспроизводствомъ.

2) Подѣ имуществомъ юристы понимаютъ всю совокупность юридическихъ отношеній личности, могущую быть оцѣненной на деньги; экономисты выражаются яснѣе, понимая подѣ имуществомъ всю совокупность цѣнностей, которыми обладаютъ данное лицо или народъ. Подѣ производительными силами мы будемъ понимать: 1. землю, (т. е., ея поверхность и нѣдра) со всѣми заключенными въ ней свойствами и силами. 2. капиталъ, т. е., матеріалы и орудія, добытые и созданныя человѣческимъ трудомъ для дальнѣйшаго увеличенія производства. 3. трудъ, т. е., затрата нервной и мускульной энергіи человѣка. Подѣ доходомъ мы будемъ разумѣть регулярно во времени притекающій потокъ цѣнностей ко всякому, кто обладаетъ какой-либо производительной силой или имуществомъ.

которыя они вступили для цѣлей производства, обмѣна, распредѣленія и потребления; съ другой стороны, система хозяйства, т. е., сочетаніе матеріальныхъ и духовныхъ факторовъ производства: земли, труда и капитала, какъ обнаруженій физической, матеріальной и духовной энергій матеріи и живыхъ существъ, создаваемое людьми для тѣхъ же цѣлей производства, обмѣна, распредѣленія и потребления.¹⁾

Другими словами, должны были создаться три особенности экономической жизни: 1) общественныя, хозяйственные отношенія людей; 2) техническія сочетанія факторовъ производства и 3) особая система цѣлей, ради которыхъ совершается производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребление матеріальныхъ продуктовъ. Хозяйство, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и представляетъ собою общественныя отношенія людей, которыя возникаютъ при производствѣ, обмѣнѣ, распредѣленіи и потребленіи матеріальныхъ благъ при данныхъ техническихъ условіяхъ внѣшней матеріальной среды для тѣхъ или иныхъ цѣлей общества и его социальныхъ группъ. Отсюда слѣдуетъ, что экономическія явленія — это тѣ типическія (т. е., постоянно въ извѣстныхъ формахъ существующія и законосообразныя) отношенія людей между собою и къ внѣшней природѣ, (а равно дѣйствія людей и ихъ внѣшніе результаты въ продуктахъ, въ учрежденіяхъ, правовыхъ институтахъ и т. п.), которыя возникаютъ, существуютъ, видоизмѣняются и развиваются въ процессѣ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Вся совокупность главнѣйшихъ формъ, системъ хозяйства и цѣлей, которыя люди преслѣдуютъ въ своей экономической дѣятельности въ данную историческую эпоху называется обыкновенно господствующимъ строемъ хозяйства.

Задача экономиста и заключается въ томъ, чтобы от-

1) Когда мы говоримъ о формѣ хозяйства, мы, слѣдовательно, имѣемъ въ виду соединенія человѣческихъ существъ на тѣхъ или иныхъ началахъ для цѣлей производства, обмѣна, распредѣленія и потребления продуктовъ. Хозяйство можетъ имѣть форму родового союза, индивидуальной семьи, семейной общины; оно можетъ состоять изъ хозяина — частнаго собственника, его семьи, рабовъ, крѣпостныхъ, свободныхъ рабочихъ. При современной капиталистической системѣ оно можетъ быть единичнымъ предпріятіемъ хозяина или соединенія хозяевъ, акціонерной компаніей для производства или торговли, благотворительнымъ учрежденіемъ, общественнымъ предпріятіемъ, государственнымъ учрежденіемъ и т. п. Въ каждомъ изъ взятыхъ примѣровъ между всѣми участниками хозяйства неизбѣжно возникаетъ цѣлая цѣпь весьма сложныхъ отношеній зависимости, соподчиненія, раздѣленія труда и т. п. По системѣ хозяйства различаютъ: крупныя и мелкія хозяйства, экстенсивныя — гдѣ главную роль играетъ земля и вообще природа, интенсивныя — гдѣ важнѣйшую роль играютъ затраты труда и капитала и т. п.

крыть законы этихъ явленій, т. е., начертать процессы ихъ послѣдовательнаго развитія и существующіе въ данный моментъ законы ихъ существованія и соотношеній.

Четыре указанныя категоріи экономическихъ явленій : производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребление — будутъ постояннымъ предметомъ нашего изслѣдованія. Какая изъ этихъ категорій имѣетъ первенствующее значеніе, въ какомъ соотношеніи онѣ стояли въ предшествовавшія эпохи, въ какомъ соотношеніи находятся въ настоящее время и будутъ находиться въ будущемъ, какое отношеніе эти категоріи имѣютъ ко всѣмъ другимъ явленіямъ человѣческой жизни — все это вопросы, на которые мы дадимъ отвѣты (и только тогда и можемъ дать) лишь при дальнѣйшемъ изложеніи исторіи политической экономіи. Теперь-же, опредѣливъ общую задачу социальной экономіи, какъ изслѣдованіе законовъ экономическихъ явленій, попытаемся разсмотрѣть вопросъ : что-же понимаетъ современное монистическое міросозерцаніе подъ законами явленій и — какъ оно относится къ телеологіи ?

§ 3. Предметомъ общественной науки, какъ вообще и всякой другой науки, служатъ *явленія* общественной жизни человѣка. Какъ для естествоиспытателя, такъ и для обществовѣда, человѣкъ составляетъ нѣкоторое существо (*Ding an sich*), явленіе, служащее предметомъ наблюденія для нашего познающаго разума. Естествовѣдѣніе и общественная наука, въ частности и политическая экономія, какъ ея часть, изучаютъ человѣка съ разныхъ сторонъ и разными методами, но то обстоятельство, что человѣкъ и вся его общественная жизнь только одно изъ явленій природы, которая насъ окружаетъ, неизбѣжно ведетъ къ тому, что „основныя проблемы“ и стремленія этихъ двухъ наукъ по существу должны быть одинаковыми. Я выражаюсь такъ осторожно : „основныя проблемы“, ибо въ общественной наукѣ еще очень много спорнаго, и многіе даже отрицаютъ существованіе такой науки. Только въ 19-мъ вѣкѣ сдѣлана попытка созданія общественной науки на позитивныхъ началахъ т. е. на тѣхъ же началахъ, на которыхъ построено естествовѣдѣніе ; а потому чрезвычайно важно указать, прежде всего, на тѣ основныя начала науки, установленіе которыхъ является гордостью истекшаго вѣка.

Познаніе всякаго явленія, какъ вещи въ самой себѣ, познаніе сущности вещей, и въ частности человѣка, какъ сущности, какъ къ тому стремились метафизики, отброшено современной положительной наукой. То, что мы называемъ сущностью вещи, есть ничто иное, какъ ея преобладающее свойство или группа свойствъ. Воспринимаемъ мы что

либо объ этих свойствахъ путемъ ощущеній и представленій. Самое представленіе о предметѣ или вещи мы образуемъ путемъ ассоціаціи о его свойствахъ; мыслить о предметахъ мы можемъ только при помощи представленій и понятій. Предметъ — это то, что находится предъ нами¹⁾. Предметъ познается въ качествѣ внѣшняго объекта только нами, какъ субъектомъ, который въ силу своей природы воспринимаетъ, группируетъ свои воспріятія на основаніи сходства и различія, провѣряетъ и сопоставляетъ свои воспріятія и мыслить опредѣленнымъ образомъ. Всякое явленіе и совокупность явленій, которыя мы называемъ дѣйствительностью, — это то, что мы воспринимаемъ, какъ явленіе и дѣйствительность, что, несмотря ни на какое сопротивленіе, мы должны оставить такъ, какъ оно есть, чего мы не можемъ не признать. И въ этомъ смыслѣ мы говоримъ, что дѣйствительность можетъ существовать только для мыслящихъ существъ.

И. Кантъ въ своей Критикѣ чистаго разума (рус. пер. Спб. 1897., введеніе) пишетъ: „несомнѣнно, что всякое наше познаніе начинается съ опыта, ибо чѣмъ другимъ и возбуждается къ дѣятельности наша познавательная способность, какъ не тѣми предметами, которые дѣйствуютъ на наше внѣшнее чувство и отчасти сами въ насъ вызываютъ представленія, отчасти приводятъ въ движеніе нашу разсудочную дѣятельность, заставляя ее сравнивать эти представленія, соединять ихъ или раздѣлять и, такимъ образомъ, перерабатывать грубый матеріаль чувственныхъ впечатлѣній предмета въ познаніе предмета, которое и называется опытомъ. Итакъ, по времени наше познаніе не предшествуетъ опыту и всякое начинается имъ. Эмпирическое познаніе, какъ говорятъ, имѣетъ свои источники *a posteriori*, т. е., въ опытѣ²⁾).

Вполнѣ правильно истолковывая основы критической философіи, Фридрихъ Альбертъ Ланге³⁾ пишетъ: „мы не

1) А. Ланге говоритъ: „предметъ (Gegenstand) означаетъ препятствіе“.

2) Необходимо помнить, однако, что тотъ же Кантъ указываетъ на необходимость разрѣшить вопросъ и о возможности другого рода познанія. „Но если, пишетъ онъ тамъ-же, все наше познаніе начинается съ опыта, то не все оно возникаетъ изъ опыта. Вполнѣ возможно, что даже наше опытное познаніе есть нѣчто сложное, образовавшееся изъ того, что мы получаемъ посредствомъ впечатлѣній, и изъ того, что отъ себя привносимъ наша собственная познавательная способность, для которой наши чувственные впечатлѣнія служатъ лишь поводомъ. Этотъ придатокъ мы будемъ отличать отъ этого основнаго матеріала только тогда, когда послѣ долгой практики научимся обращать на него вниманіе и приобрѣтемъ навыкъ выдѣлять его. Такое познаніе называется познаніемъ *a priori*“. Ниже мы увидимъ, какое значеніе это положеніе Канта приобрѣло въ рукахъ такъ называемыхъ нео-кантіанцевъ.

3) Ф. Ланге. Исторія матеріализма, пятое нѣм. изд., т. II, стр. 49—50.

знаемъ, существуетъ ли въ дѣйствительности эта субстанція — вещь въ себѣ (Ding an sich). Мы знаемъ только, что послѣдовательно примѣненіе законовъ нашего мышленія приводитъ насъ къ познанію нѣкотораго проблематическаго нѣчто, которое мы считаемъ, какъ причину явленій, какъ только мы признали, что міръ можетъ быть лишь міромъ нашихъ представленій. Чѣмъ болѣе эта вещь въ себѣ обращается въ простое представленіе, тѣмъ больше реальности приобретаетъ міръ явленій. Міръ обнимаетъ все, что мы называемъ дѣйствительностью. Явленіе есть то, что обыкновенный разумъ называетъ вещами. Философъ называетъ вещи явленіями, чтобы показать, что онѣ не представляютъ нѣчто вышнимъ образомъ мнѣ противостоящее, но продуктъ моего разума и моей чувственной восприимчивости. Но это обстоятельство нисколько не препятствуетъ намъ приписывать вещи тѣ свойства ея, которыя мы знаемъ изъ опыта и которыя выражаютъ такимъ образомъ лишь отношенія ея къ намъ“.

Такимъ образомъ, сознаніе не можетъ составить себѣ представленія о мірѣ изъ самого себя. По прекрасному выраженію проф. Гефдингга, „хотя образъ міра во всемъ его объемѣ опредѣляется природою нашего сознанія, все же наша сознательная дѣятельность, которая порождаетъ его, должна, въ силу закона отношенія, сама въ свою очередь подвергаться дѣйствію и опредѣленію того, что существуетъ внѣ нашего сознанія“. Наши представленія мы называемъ истинными, когда они согласуются съ возможно большимъ количествомъ точныхъ воспріятій. Но, такъ какъ мы никогда не можемъ избѣжать этой двойственности субъекта и объекта, то самый точный образъ міра оказывается только символомъ, который возникаетъ между познающимъ субъектомъ и остальною частію бытія“¹⁾.

Въ этой относительности всего нашего познанія первое основное положеніе позитивной науки. Сущность нашей познающей организаціи, связанная со всѣми нашими матеріальными органами, останется для насъ фактомъ, благодаря которому мы опредѣляемъ себя въ качествѣ субъектовъ по отношенію ко всему другому, что мы считаемъ объектами; изъ соотношенія между нами, какъ субъектами, и внѣшними явленіями, какъ объектами, и вытекаетъ все наше познаніе о мірѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ основнымъ положеніямъ позитивной науки, постараемся иллюстрировать это положеніе нѣкоторыми примѣрами, чтобы лучше выяснить и самый предметъ общественной науки²⁾.

1) См. Гефдинггъ. Очерки психологій, основанной на опытѣ, р. пер. 1898 г., стр. 173 и слѣд.

2) Изъ этого двоякаго отношенія чловѣка-индивида къ соціаль-

Каждое явление имѣетъ извѣстный комплексъ (совокупность) присущихъ ему свойствъ или, какъ говорятъ иначе, имѣетъ опредѣленную форму¹⁾. Понятіе, соединяющее нѣсколько свойствъ или признаковъ, присущихъ одному конкретно существующему явленію, называется индивидуальнымъ или единичнымъ понятіемъ. Предо мною можетъ быть рядъ людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ наименование: Ивановъ, Петровъ и т. д., и соответственно о каждомъ я имѣю понятіе, какъ о существѣ съ опредѣленными свойствами. Хотя каждое явление имѣетъ свою опредѣленную форму, но оно можетъ быть безконечно разнообразнымъ въ частности, въ менѣ существенныхъ свойствахъ, оставаясь по существу, по нѣкоторой общности главнѣйшихъ признаковъ, явленіемъ общаго понятія или типа. Ивановъ не похожъ во всѣхъ своихъ свойствахъ на Петрова, но всѣ знаютъ, что оба они люди, т. е., что цѣлый рядъ признаковъ имѣе общъ. Въ моихъ рукахъ можетъ быть серебряный рубль, золотой имперіаль, пятирублевый бумажный билетъ и двугривенный — все это конкретныя явленія съ цѣлымъ рядомъ свойствъ, но всѣ эти предметы на основаніи нѣкоторыхъ общихъ признаковъ я называю деньгами; они представляютъ для меня конкретныя явленія одного типа денегъ.

Понятіе, соединяющее нѣкоторое количество общихъ признаковъ разнообразныхъ и въ дѣйствительности существующихъ предметовъ, и называется общимъ или родовымъ понятіемъ; оно даетъ намъ возможность говорить о существованіи нѣкоторыхъ типическихъ явленій. По нѣкоторымъ признакамъ сходства, напр., по изготовленію денегъ изъ благороднаго металла, мы можемъ говорить о металлическихъ деньгахъ; по различію этихъ послѣднихъ — о золотыхъ и серебряныхъ деньгахъ и т. д. Однимъ словомъ, мы всегда имѣемъ представленіе о конкретныхъ явленіяхъ, группируемъ эти явленія по сродству и различію и получаемъ понятіе о типическихъ явленіяхъ, которыя мы встречаемъ въ громадномъ разнообразіи на каждомъ шагѣ нашего соприкосновенія съ жизнью. Но наша мысль не останавливается на этомъ. „Несмотря на большое разнообразіе

ной жизни, во первыхъ, какъ объекта, и, во вторыхъ, какъ субъекта, вытекаетъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, два совершенно противоположныхъ міросозерцанія. Одно изъ этихъ міросозерцаній смотритъ на индивида, какъ на главный творческій факторъ всей социальной жизни, другое, напротивъ, рассматриваетъ индивида, какъ простой результатъ социальной среды. См. любопытныя замѣчанія по этому поводу въ сочиненіи Станислава Грабскаго, S. Grabski, Zur Erkenntnislehre der volkswirtschaftlichen Erscheinungen, Leipzig, 1900 г., стр. 38 и слѣд.

1) Мы пользуемся этимъ терминомъ „форма“ въ томъ смыслѣ, какъ его употребляли позитивисты т. е. какъ на чистое явленіе разсудка, имѣющее значеніе лишь для мышленія, производящаго отвлеченіе или

конкретныхъ явленій, вѣрно говоритъ проф. А. Менгеръ ¹⁾. мы можемъ, даже при бѣгломъ взглядѣ, замѣтить, что не каждое отдѣльное явленіе представляетъ собою отличную отъ всѣхъ остальныхъ форму; нѣтъ, опытъ показываетъ намъ, что извѣстныя явленія, съ большей или меньшей правильностью повторяются и при смѣнѣ вещей снова возвращаются. Такія формы явленія мы называемъ типами. Подобное же наблюдается и во взаимныхъ отношеніяхъ конкретныхъ явленій. Эти соотношенія не имѣютъ вполнѣ своеобразнаго характера; нѣтъ, мы можемъ безъ труда наблюдать въ большей или меньшей степени повторяющіяся соотношенія явленій“. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ видѣть, что на ряду съ деньгами существуютъ такія-же типическія явленія — товары, которые обмѣниваются на деньги. Гдѣ существуютъ деньги и товары, тамъ существуетъ и такъ называемая цѣна, т. е., люди даютъ за товары определенное количество денежныхъ знаковъ. Увеличивается количество денегъ въ странѣ, и цѣны товаровъ начинаютъ возрастать; при возрастаніи цѣнъ товаровъ бѣдняки, имѣющіе мало денегъ, начинаютъ встрѣчать затрудненіе въ покупкѣ товаровъ, если цѣна ихъ заработной платы не возрасла въ той же пропорціи, какъ и цѣна другихъ товаровъ. Другими словами, мы замѣчаемъ, что многообразныя явленія существуютъ совмѣстно на одномъ и томъ же пространствѣ и въ одно и то же время, что они сосуществуютъ, и, наконецъ, вслѣдъ за одними явленіями начинаютъ появляться и другія.

Это сосуществованіе и послѣдовательность явленій какъ бы постоянно воспроизводится въ непрерывномъ круговращеніи вещей; убѣдившись въ этомъ, мы дѣлаемъ выводъ, что не только существуютъ типическія явленія, но и постоянныя типическія же между ними соотношенія существованія, сосуществованія и послѣдовательности.

Опредѣливъ задачу общественной науки, какъ изслѣдованіе о человѣкѣ, мы безъ особаго труда можемъ замѣтить, что изучать человѣка мы можемъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Во первыхъ, мы можемъ изучать типъ человѣка, какъ нѣкоторой біологической животной особи, т. е., со стороны физической и всѣхъ связанныхъ съ нею процессовъ. Это изслѣдованіе приняло на себя всецѣло естествовѣдѣніе.

Во вторыхъ, типъ человѣка, какъ психо-біологической

проще какъ на постигаемую разумомъ совокупность внутреннихъ и вѣншихъ свойствъ явленія. Въ этомъ смыслѣ тѣмъ же терминомъ пользуется Менгеръ, см. ниже.

1) См. А. Менгеръ. Изслѣдованіе о методахъ соціальныхъ наукъ, р. пер., Спб. 1894 г., стр. 2.

особи, т. е., со стороны духовной, относительно ощущеній, чувствованій, воли, разума, способовъ мышленія и предѣловъ возможнаго для человѣка познанія. Эту задачу выполняютъ философія и такъ называемыя нравственныя науки.

Въ третьихъ, какъ это желалъ создатель напр. статистики Кетля, изучить типъ человѣка, какъ онъ проявляется чрезъ количественное наблюденіе большихъ массъ людей по ихъ главнѣйшимъ признакамъ, по дѣйствіямъ людей и результатамъ ихъ дѣйствій, по сколько они могутъ быть записаны или отмѣчены числомъ, мѣрой и вѣсомъ. Та же статистика ставитъ себѣ нынѣ болѣе широкую задачу — изучить состояніе и явленія общественной жизни человѣка, по сколько они находятъ себѣ выраженіе въ социальныхъ массахъ¹⁾. Напр., изучить число людей въ странѣ, распределеніе ихъ по поламъ, по профессіямъ, по преступности, по числу жертвъ преступныхъ дѣяній, по количеству богатства среди нихъ, по рождаемости и смертности, по размѣрамъ землевладѣнія, богатства и т. п.

Въ четвертыхъ, изучить типъ человѣка, какъ нѣкоторой психо-біологической особи, въ ея мотивахъ и дѣйствіяхъ, какъ въ личной жизни и въ отношеніяхъ къ матеріальному міру, такъ и въ ея отношеніяхъ къ внѣшней человѣческой средѣ.

Въ пятыхъ, изучить жизнь человѣка, какъ одного изъ членовъ нѣкотораго соединенія людей — общества, соотношенія этихъ сообществъ между собою, къ внѣшней природѣ; изучить зависимость человѣка во всѣхъ его мотивахъ, чувствованіяхъ, понятіяхъ и дѣйствіяхъ отъ общественной среды, въ которой онъ живетъ, и отъ внѣшнихъ матеріальныхъ условій, изъ которыхъ онъ никогда вырваться не можетъ. Двумя послѣдми методами оперируетъ та наука, которая называется общественной наукой въ собственномъ смыслѣ этого слова въ самыхъ разнообразныхъ ея подраздѣленіяхъ.

Я уже указалъ въ предшествовавшемъ параграфѣ, что предметомъ нашего изученія будутъ только явленія экономической жизни человѣка. Въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется еще ознакомиться съ тремя послѣдними методами изслѣдованія въ ихъ примѣненіи къ экономическимъ явленіямъ болѣе подробно. Теперь же мы должны коснуться только одной изъ тѣхъ сторонъ изслѣдованія человѣка, которая касается самыхъ предѣловъ его познанія, т. е., другими словами, нѣсколько дополнить то, съ изученія чего

1) Такъ извѣстный мюнхенскій проф. Майръ пишетъ: „статистика основывается на исчерпывающихъ, выраженныхъ числомъ и мѣрой массовыхъ наблюденіяхъ и занимается объясненіемъ состояній и явленій человѣческой общественной жизни, по сколько они находятъ выраженіе въ социальныхъ массахъ“.

мы и начали нашъ анализъ въ этомъ параграфѣ, нѣсколько прерванной этими замѣчаніями, которыя мнѣ пришлось вставить лишь для большей ясности изложенія.

Я указалъ вамъ, что современная положительная наука не стремится познать сущности вещей. Она изучаетъ явленія и ихъ типическія соотношенія существованія, сосуществованія и послѣдовательности. Наше познаніе неизбѣжно основано на воспріятіи дѣйствительности; законъ отношенія имѣетъ значеніе для всего нашего познанія, такъ какъ всѣ понятія, съ которыми мы имѣемъ дѣло, оказываются относительными, т. е., выражаютъ отношеніе между субъектомъ и объектомъ, а потому могутъ имѣть примѣненіе только къ тому, что принимается за одно изъ звеньевъ отношенія. „Наше познаніе, какъ справедливо замѣчаетъ Гегеллингъ, бралось бы за неразрѣшимую задачу, если бы желало сдѣлать своимъ предметомъ нѣчто такое, что по самой своей природѣ не могло-бы стоять въ какомъ бы то ни было отношеніи съ чѣмъ нибудь отъ него отличнымъ, что, слѣдовательно, абсолютно и замкнуто въ самомъ себѣ“.

Современная наука, однако, въ своей основѣ имѣетъ и еще одно важное положеніе, безъ котораго она существовать не можетъ. Уже въ древней греческой философіи мы встрѣчаемся съ этимъ положеніемъ у Демокрита и Гераклита¹⁾; оно развито въ 19-мъ вѣкѣ съ неумолимою ясностью.

У Демокрита (родился около 470 и умеръ около 380 г. до Р. Х.) — мы встрѣчаемъ два слѣдующихъ положенія: а) изъ ничего не можетъ произойти ничего; все, что существуетъ, не можетъ быть уничтожено; всякое видоизмѣненіе есть соединеніе и раздѣленіе частей; б) ничто въ природѣ не происходитъ случайно, но все имѣетъ свою причину и необходимость.

Гераклитъ (прожилъ до 475 г. до Р. Х.) писалъ: „пребывающаго бытія нѣтъ. Все пребывающее и устойчивое есть обманъ чувствъ. Все непрерывное переходитъ въ свое противоположное, видимое въ невидимое, невидимое въ видимое, жизнь въ смерть, смерть въ жизнь“.

Въ этихъ простыхъ положеніяхъ уже заключается современное представленіе о причинахъ, открытіе которыхъ составляетъ главную задачу науки и взглядъ на міръ и на жизнь человѣчества, какъ на безконечный процессъ видоизмѣненія, въ основѣ котораго лежитъ законъ сохраненія матеріи и энергіи. Матерія и энергія вѣчны, мы не можемъ ихъ ни увеличить, ни уменьшить, а только преобразовать. . . Но какимъ же образомъ мы приходимъ къ представленію о

1) См. Ф. А. Ланге. Исторія матеріализма, т. I, р. пер., 2 изд., глава первая.

томъ, что въ мірѣ все имѣетъ свою причину и необходимость, что все течетъ и все измѣняется на основаніи причинъ и необходимости? Юмъ поставилъ опредѣлительно эту проблему. Кантъ и его школа дали намъ отвѣтъ, который наука признаетъ и до настоящаго времени.

Давидъ Юмъ первый разобралъ ходячее ученіе о причинности. „Что собственно думаютъ, спрашивалъ онъ, говоря, что одна вещь — причина другой? Если отвѣтить на это, что причина порождаетъ дѣйствіе, то, въ такомъ случаѣ, что же мы понимаемъ подъ этимъ порожденіемъ? Можно-ли объяснить это понятіе иначе, а не причиненіемъ, такъ что мы, значить, вращаемся въ кругу? Если же мы говоримъ, что причинное отношеніе есть только необходимая связь между вещами, то какимъ путемъ въ такомъ случаѣ установлено это понятіе? Никакъ не путемъ вывода. Всѣ наши отчетливыя представленія можно безъ труда разъединить, и намъ ничего не стоитъ представить, что предмета теперь нѣтъ, а въ слѣдующій моментъ онъ уже есть; для этого намъ вовсе не надо какого-бы то ни было представленія о причинѣ и о производящемъ принципѣ. Когда мы каждую вещь разсматриваемъ особнякомъ, то ни одна изъ нихъ не предполагаетъ непременно другой. Но мы не можемъ придти къ понятію причинности и путемъ опыта. Мы не открываемъ внутренней связи между вещами и событіями. Мы видимъ, что одно явленіе существуетъ вмѣстѣ съ другимъ или слѣдуетъ за нимъ, но не видимъ, чтобы оно слѣдовало изъ другого. Самаго порожденія или причиненія мы не видимъ. Итакъ, та прочная связь, которую мы признаемъ за причиной и дѣйствіемъ, не принадлежитъ самимъ предметамъ. Необходимость существуетъ только въ сознаніи, а не въ вещахъ. Но что же бы это такое могло связывать подобнымъ образомъ наши представленія? Само по себѣ это также загадочно, какъ и связь между вещами. Единственно возможное объясненіе то, что продолжительный опытъ порождаетъ привычку, инстинктъ, склонность переходить отъ одного представленія къ другимъ, съ которыми оно обыкновенно связано. Затѣмъ это субъективное стремленіе, которое мы испытываемъ при ходѣ нашихъ представленій, антропоморфически переносится на природу“.

Проф. Геффдингъ совершенно вѣрно возражаетъ противъ скептицизма Юма слѣдующими положеніями.

Во-первыхъ, вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ Юмомъ утверждать, что въ вещи или въ явленіи нельзя видѣть или выводить изъ нея понятіе причины или дѣйствіе другой, положительное міровоззрѣніе утверждаетъ, что мы о вещи знаемъ лишь въ той степени, въ какой она является причиной или дѣйствіемъ. Всѣ явленія природы, а также

Поликлиника въ Россіи.

О черкъ

Орд. проф. **Н. А. Савельева,**

Директора Юрьевской Университетской Поликлиники.

Дѣятельность Поликлиники и ея значеніе въ дѣлѣ
практической подготовки будущихъ врачей.

(1804 г. — 1907 г.)

1898—1908.

Начинающіе врачи сплошь и рядомъ страдаютъ недостаткомъ увѣренности въ себѣ и отсутствіемъ соотвѣтствующаго навыка въ обращеніи съ больными. Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ молодыхъ товарищей о томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ себя чувствуютъ многіе, при первомъ ихъ вступленіи въ практическую жизнь. Рѣзкій переходъ отъ школы къ самостоятельной дѣятельности, часто лишенной всякой возможности получить совѣтъ и указанія болѣе опытныхъ врачей, тяжело отзывается на большинствѣ...

Вопросъ этотъ довольно часто поднимается на страницахъ медицинскихъ журналовъ и монографій, какъ въ отечественной, такъ и въ заграничной печати; не разъ служилъ онъ и программнымъ вопросомъ на сѣздахъ врачей. Дебатруется онъ, далѣе, и въ беллетристикѣ (записки Вересаева). Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается то или иное разрѣшеніе этого наболѣвшаго вопроса, въ видѣ, напримѣръ, добавочнаго — шестаго года, обязательной больничной работы въ вакаціонное время или уже по окончаніи всего курса и проч.

Я хотѣлъ бы въ настоящее время остановиться на попыткѣ разрѣшенія его въ Юрьевскомъ Университетѣ — попыткѣ, освященной вѣковымъ опытомъ; здѣсь, именно, болѣе ста лѣтъ существуетъ учебно-воспитательное медицинское учрежденіе, задачей котораго и служить смягченіе, облегченіе упомянутаго выше переходнаго состоянія и введеніе кончившаго курсъ медика въ практическую жизнь. Я разумѣю Поликлинику нашего Университета.

Являясь единственнымъ въ своемъ родѣ учрежденіемъ въ Россіи, она, однако, заслуживаетъ самага широкаго пространства въ виду ея задачи. Поэтому я и считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе на ея дѣятельность и значеніе; ктому же, по случаю исполнившагося десятилѣтія моего за-вѣдыванія ею, считаю себя нравственно обязаннымъ представить отчетъ о ней передъ обществомъ.

Названіе „Поликлиника“ встрѣчается въ примѣненіи къ нѣкоторымъ клиническимъ институтамъ другихъ высшихъ медицинскихъ школъ Россіи, существуетъ часто даже и не въ университетскихъ городахъ; но характеръ учреждений, носящихъ подобное названіе, ихъ дѣятельность значительно отличается отъ нашей, Юрьевской Университетской Поликлиники. Какъ указываетъ самое словообразование (*πόλις* — городъ, *κλίνη* — койка) объектомъ дѣятельности Поликлиники служатъ городскіе больные, пользующіеся врачебной, поликлинической помощью либо у себя на квартирѣ, — если состояніе здоровья не позволяетъ имъ покинуть постель, — либо пациенты, посѣщающіе амбулансъ Поликлиники. У насъ населеніе и называется ея по-Эстонски *Linnaklinik*, особенно подчеркивая именно первый видъ поликлиническаго пользованія больныхъ. Соответственно этому, Поликлиника исполняетъ одновременно двѣ функціи — производитъ амбулаторный пріемъ и, кромѣ того, сама посѣщаетъ тяжелыхъ больныхъ на ихъ квартирѣ, являясь, слѣдовательно, „клиникою, такъ сказать, приходящей къ больнымъ“. Только при такомъ положеніи дѣла цѣликомъ исчерпывается понятіе „Поликлиника“. Въ другихъ городахъ, — противоположно городу Юрьеву — ограничиваются только одной стороною дѣятельности Поликлиники, именно, амбулаторнымъ пріемомъ, другая же сторона — городской стационарный матеріалъ не входитъ въ кругъ ихъ задачъ¹⁾.

1) Только при Кіевскомъ Университетѣ дѣйствительно существуетъ Поликлиника, но исключительно лишь спеціально акушерская.

Амбулаторный приём больных происходит въ самомъ зданіи Поликлиники ежедневно отъ 2 до 5 часовъ дня, исключая праздничныхъ дней. Фамилія, имя, адресъ, время посѣщенія, діагнозъ и терапія каждаго отдѣльнаго больного заносится въ особый приёмный журналъ. Количество такихъ больныхъ въ послѣдніе года достигаетъ 4.000 слишкомъ въ годъ. Вотъ, изъ этого то обширнаго матеріала я и выбираю наиболѣе интересные, поучительные случаи и представляю отдѣльнаго больного для разбора двумъ практикантамъ изъ очередной группы студентовъ V курса. Не задолго передъ лекціей они этого больного тщательно изслѣдуютъ, собираютъ анамнезъ, разбираютъ *status praesens*, производятъ, по возможности, изслѣдованіе секретовъ и экскретовъ больного, ставятъ предположительный діагнозъ и тутъ же докладываютъ о немъ мнѣ. Всѣ недостатки и пробѣлы изслѣдованія сейчасъ же мною исправляются и пополняются. Такимъ образомъ, подъ моимъ руководствомъ практиканты приходятъ къ установкѣ діагноза и терапіи даннаго больного. Наиболѣе интересные случаи, — послѣ доклада мнѣ о немъ со стороны практиканта, — демонстрируются въ аудиторіи и служатъ предметомъ моей лекціи въ тотъ день.

Въ началѣ года, когда приходится знакомить слушателей со введенною мною въ Поликлиникѣ программой изслѣдованія, продемонстрировать удастся за одну лекцію одного, много — двухъ, а въ концѣ семестра — человѣкъ до пяти больныхъ, смотря по интересу случаевъ.

При изслѣдованіи я всегда рекомендую придерживаться строго опредѣленнаго плана. — Прежде всего собираются данныя, — основанныя на анамнезѣ, разспросахъ паціента, объективномъ изслѣдованіи, — въ пользу того или инаго заболѣванія, сравниваются съ подходящими клиническими картинами, отмѣчаются особенности и отличія сходныхъ формъ и, путемъ исключенія, устанавливается положительный діагнозъ. Переходя къ лѣченію, отмѣняется этиологія, какъ

основаніе раціональної терапії, а потому прежде всего приводятся профілактическія мѣры, затѣмъ указываются гігієно-дієтетическія мѣры, напр. массажъ, водолѣченіе и т. п. и только потомъ производится назначеніе лѣкарственныхъ средствъ, если таковыя требуются дѣйствительностью.

Здѣсь, такимъ образомъ, поликлиническій матеріалъ долженъ обрабатываться такъ же систематично и тщательно, какъ и въ стаціонарной клиникѣ. Только при такомъ отношеніи къ дѣлу, совершенно справедливо говоритъ Н. Nothpapel, Поликлиника можетъ служить превосходнымъ средствомъ для пополненія и усовершенствованія знаній студента старшихъ (IX или X) семестровъ. Задача ея ни въ коемъ случаѣ не должна сводиться лишь къ представленію возможно большаго количества случаевъ, но къ основательному использованію ихъ. Приэтомъ по отношенію къ серьезнымъ и поучительнымъ больнымъ дѣло не ограничивается одною подачею совѣта и помощи въ помѣщеніи амбулаторіи, а къ такому пациенту назначается практикантъ, изо дня въ день наблюдающій больного и проводящій его лѣченіе подъ моимъ контролемъ. Такимъ образомъ, демонстрируемый пациентъ не ускользаетъ изъ вида, какъ однократный амбулаторный больной, а остается, наоборотъ, подъ продолжительнымъ ежедневнымъ наблюденіемъ со стороны Поликлиники.

Такова одна изъ задачъ Поликлиники; другая еще болѣе существенна въ педагогическомъ отношеніи, — на что я считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе; это — Поликлиника, „приходящая сама къ больнымъ“, если можно такъ выразиться. Здѣсь поликлиническіе практиканты идутъ въ самый домъ къ больному. Дѣло поставлено такъ. Весь городъ Юрьевъ раздѣляется на 5 участковъ, причемъ рѣка Эмбахъ служитъ раздѣльной линіей для распредѣленія города на двѣ части: одну центральную, состоящую изъ трехъ участковъ (I, II нижній и II верхній) и зарѣчную, въ которую входитъ 2 участка (III нижній и III верхній). Соотвѣтственно

съ этимъ, и число практикантовъ — другими словами, студентовъ пятого курса, прошедшихъ уже, слѣдовательно, клинику, — тоже дѣлится на пять группъ. Обычно приходится считаться съ географическимъ неравенствомъ отдѣльныхъ участковъ, съ гигиеническими и матеріальными условіями ихъ жителей, количествомъ ихъ, а потому и число практикантовъ въ каждомъ участкѣ не одинаково; наиболѣе бѣдныя, расположенныя внизу, въ наиболѣе сырой, прирѣчной мѣстности, части города, отличающіяся ктому же скученностью населенія, требуютъ для себя и большаго количества практикантовъ.

Практиковать въ Поликлиникѣ каждый студентъ V курса долженъ обязательно въ теченіи одного семестра: весенняго или осенняго.

Недостаточные больные имѣютъ право, обратившись въ Поликлинику, получать регулярную ежедневную врачебную помощь у себя на квартирѣ, сообщивъ мнѣ утромъ, — до 2 часовъ пополудни — свой точный адресъ. Эти заявленія въ тотъ же день сортируются, заносятся въ поликлиническую практикантскую книгу и раздаются на руки очередному практиканту изъ той группы, которая въ данномъ участкѣ практикуетъ. Этотъ практикантъ въ тотъ же день долженъ, послѣ лекціи, посѣтить порученнаго ему Поликлиникою больного, тщательно изслѣдовать его и, разобравшись въ клиническомъ случаѣ, подать соотвѣтствующіе совѣты и помощь. Здѣсь, слѣдовательно, впервые студентъ-медикъ встрѣчается съ больнымъ одинъ на одинъ, впервые пробуетъ свои силы! Прописываніе рецепта производится имъ на особыхъ бланкахъ, раздѣленныхъ продольно пополамъ. По представленіи больнымъ въ Поликлинику рецепта, прописаннаго практикантомъ, одна изъ половинокъ рецептнаго бланка остается въ Поликлиникѣ, для моего контроля и провѣрки, другая же сдается въ клиническую аптеку для изготовленія лѣкарства, если при провѣркѣ рецепта въ немъ не оказывается никакихъ погрѣшностей. Сильно-

дѣйствующія вещества отпускаются по рецептамъ практиканта только въ томъ случаѣ, если рецепты эти подписаны директоромъ Поликлиники или однимъ изъ его ассистентовъ. Практикантъ, дѣйствуя среди малообеспеченнаго населенія, приучается Поликлиникою избѣгать сложныхъ и дорогихъ рецептурныхъ формъ, ограничиваться возможно малымъ количествомъ рецептовъ, однимъ словомъ, соблюдать — насколько это совмѣстимо съ терапевтическими задачами, — возможную экономію для паціента, что, конечно, важно въ практической дѣятельности. Порученнаго ему больного практикантъ курируетъ въ продолженіи всего теченія болѣзни. Онъ посѣщаетъ его, по мѣрѣ надобности, возможно чаще и вообще тщательно слѣдитъ за нимъ, изслѣдуетъ въ лабораторіи Поликлиники микроскопически и химически всѣ экскреты и секреты своего больного и т. д. Для разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній и недоразумѣній въ дѣлѣ курирования паціента, практикантъ имѣетъ возможность постоянно прибѣгать къ помощи и указаніямъ директора Поликлиники и его помощниковъ. Въ случаяхъ, анамнестическими данными и остальнымъ разспросомъ мало еще выясненныхъ практикантомъ, недостаточно обслѣдованныхъ имъ, они отправляются, въ сопровожденіи практиканта по мѣсту жительства больного. Для облегченія поликлиническаго контроля по отношенію къ больнымъ, порученнымъ практикантамъ, послѣдніе заносятъ подробно результаты наблюденій въ заведенный уже издавна „Поликлиническій практикантскій журналъ“. Форма этого журнала была прежде такова: сюда заносились по рубрикамъ имя больного, фамилія, возрастъ, занятіе, мѣстожительство, мѣсяцъ и число поступленія, мѣсяцъ и день выздоровленія или смерти, діагнозъ, фамилія практиканта и примѣчанія. Не довольствуясь подобными краткими статистическими данными, не облегчавшими возможность контроля и руководства, я счелъ полезнымъ ввести нѣкоторыя добавочныя графы, именно: 1) главнѣйшія жалобы

и клиническія явленія, 2) теченіе болѣзни, 3) лѣченіе. Введеніємъ подобныхъ рубрикъ болѣе или менѣе выясняется ходъ изслѣдованія, производившагося практикантомъ у постели пациента и результаты ихъ, основаніе для діагноза и мотивы къ терапіи. Ведя же аккуратно дневникъ въ поликлиническомъ журналѣ, практикантъ воспитываетъ въ себѣ привычку изо дня въ день отдавать себѣ обстоятельный отчетъ въ наблюдаемомъ теченіи болѣзни. Одинъ опредѣленный день въ недѣлѣ я, въ присутствіи моихъ слушателей, посвящаю разбору записей въ этомъ журналѣ; здѣсь же соотвѣтствующихъ практикантовъ я приглашаю, — въ поясненіе порученнаго ихъ наблюденію клиническаго случая, — давать дополнителныя, подробныя свѣдѣнія, разъ они недостаточно обстоятельно изложены въ журналѣ. Попутно я обращаю вниманіе присутствующихъ на прописанные рецепты, на попадающіеся въ нихъ недостатки, на погрѣшности въ отношеніи единовременнаго прописыванія несовмѣстимыхъ лѣкарственныхъ веществъ и т. п.

Наконецъ, изъ этого же журнала выбираются мною наиболѣе интересные клиническіе случаи — для написанія и представленія мнѣ, для зачета учебного полугодія — исторій болѣзни, по двѣ на каждого практиканта: одна исторія пишется въ срединѣ семестра, а другая въ концѣ.

Если практикантъ встрѣчаетъ инфекціонное заболѣваніе, то онъ сейчасъ же сообщаетъ о немъ въ Поликлинику и вписываетъ встрѣтившійся случай въ двѣ регистраціонныя карточки, получаемыя имъ изъ Поликлиники; одна изъ этихъ регистраціонныхъ карточекъ отсылается городовому врачу для принятія необходимыхъ мѣръ изоляціи, дезинфекціи и пр., а другая остается въ Поликлиникѣ. Оффиціальная печатная регистраціонная карточка прежняго образца для записи инфекціонныхъ болѣзней требовала отвѣта на слѣдующіе вопросы: время, болѣзнь, имя, возрастъ и адресъ пациента. Помимо такой дѣйствительно оффиціальной регистраціи, я требую отъ практиканта занесенія еще слѣдующихъ свѣдѣній:

1) Занятіе больного, — такъ какъ профессія пациента можетъ служить источникомъ для зараженія его самого или для распространенія заразы, напр. трипичники и т. п.; 2) родъ помѣщенія (подвальное, I, II этажъ, чердакъ), каменное; величина помѣщенія; частная квартира, мастерская, школьное, торговое помѣщеніе и т. п., такъ какъ санитарно-гигіеническія условія играютъ слишкомъ большую роль въ распространеніи заразы, особенно школьныя и т. п. помѣщенія могутъ служить источникомъ эпидемій при появленіи въ нихъ инфекціонныхъ болѣзней, 3) число заболѣвшихъ тою же болѣзною въ томъ же участкѣ, домѣ или квартирѣ; этимъ вопросомъ я имѣю въ виду обнаружить очагъ заболѣванія и выяснить степень распространенія заразы. 4) Предполагаемый путь и источникъ зараженія — такъ какъ, на основаніи этихъ свѣдѣній, можно сразу направить санитарныя мѣропріятія на надлежащій путь и захватить инфекцію въ самомъ корнѣ. 5) Особыя замѣчанія [а) Неотложность изоляціи больного, б) Необходимость немедленной дезинфекціи помѣщенія, предметовъ обихода больного, секретовъ и экскретовъ, в) Особенно стѣсненные матеріальныя условія больного, отсутствіе всякаго ухода за больнымъ и т. д. и т. д.]; послѣднія указанія важны тѣмъ, что въ случаѣ полной матеріальной безпомощности больного, я обращаюсь въ мѣстныя благотворительныя общества, особенно въ лютеранское приходское попечительство, и оно тогда, руководствуясь моимъ заявленіемъ, присылаетъ сестру милосердія для ухода за больнымъ, отпускаетъ ему бесплатно вино, молоко, бульонъ и пр.

Такимъ путемъ въ практикантѣ воспитывается сознательное отношеніе къ дѣлу, онъ привыкаетъ обращать вниманіе, отыскивать, по возможности, источникъ заразы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ инфекціоннаго заболѣванія.

Обработка только что упомянутыхъ регистраціонныхъ карточекъ за истекшее десятилѣтіе позволяетъ вывести слѣдующія данныя о движеніи инфекціонныхъ больныхъ за періодъ времени отъ 1897 до 1907 года:

Движеніе инфекціонныхъ больныхъ за періодъ времени съ 1897 по 1907 г. въ ‰

	Оспа	Скарлатина	Корь	Коклюшъ	Гриппъ	Дифтеритъ	Тифъ брюшной	Эпидемическій гастроэнтеритъ	Заушница	Рожа	Острый сочленов- ный ревматизмъ	Цынга	Проказа	Крупозная пнев- монія	Бугорчатка	Сифилисъ	Венерическ. бол.
1897	0,31	0,68	2,04	1,96	1,45	0,15	1,18	0,41	0,12	0,29	0,85	0,09	0,19	0,1	4,22	1,13	1,25
1898	0,22	0,31	0,09	1,55	1,25	0,09	0,36	—	—	0,22	0,51	0,02	0,17	0,46	1,96	0,46	0,31
1899	0,02	0,07	1,1	0,98	2,53	0,02	1,2	—	0,19	0,14	0,61	0,02	0,19	1,05	3,17	0,24	0,36
1900	2,06	0,07	0,81	2,82	3,39	0,07	1,18	—	0,04	0,09	1,27	0,02	—	1,35	3,73	0,46	0,46
1901	0,17	1,08	0,17	0,9	4,42	0,07	1,27	—	0,19	0,26	1,52	—	—	1,3	3,68	0,24	0,71
1902	—	0,75	0,57	0,68	4,51	0,04	0,71	0,84	0,13	0,26	0,8	—	0,08	0,31	3,86	0,26	0,84
1903	—	0,17	0,86	0,8	4,86	—	0,46	0,95	0,53	0,42	1,04	0,04	0,11	0,46	4,51	0,68	1,08
1904	—	0,13	0,02	0,53	6,82	—	0,13	0,46	0,13	0,46	0,95	—	0,17	0,42	4,95	0,66	1,2
1905	—	0,04	—	0,11	1,75	—	0,02	—	—	0,02	0,37	—	0,15	0,02	3,22	—	0,64
1906	—	0,06	0,02	0,15	0,77	—	0,37	—	—	0,13	0,11	—	0,04	0,02	1,53	—	1,08
1907	—	0,06	0,11	0,35	0,91	0,02	0,08	—	—	0,08	0,17	—	0,11	0,35	2,51	0,86	1,91

Поликлиника въ Юрьевѣ существуетъ уже болѣе 100 лѣтъ. Начало ея дѣятельности хронологически связывается со временемъ основанія самой терапевтической клиники. Въ первые же годы основанія Университета въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія тогдашній клиницистъ Проф. Балкъ просилъ объ открытіи клиники и даже предлагалъ нанять у него подѣ клинической институтъ половину его казенной квартиры. И вотъ, съ 1 Мая 1804 года, по опредѣленію Университетскаго Совѣта, начала функціонировать Клиника, а вмѣстѣ и неразрывно съ нею и Поликлиника, которая была въ то время органически связана съ ней и вообще съ существующей въ Юрьевскомъ Университетѣ и по нынѣ кафедрой спеціальной патологии и клиники. Дѣятельность ея уже съ первыхъ лѣтъ существованія не ограничивалась однимъ только пріемомъ амбулаторныхъ больныхъ, но носила уже характеръ стационарный. Такъ, проф. Балкъ „водилъ студентовъ къ болѣе серьезнымъ и поучительнымъ больнымъ, лежащимъ въ городѣ на своихъ квартирахъ, для того, чтобы заблаговременно ознакомить, путемъ своего личного опыта, учащихся съ тѣми затрудненіями, которыя могутъ встрѣтиться врачу въ его частной практикѣ и для устраненія которыхъ требуется расторопность и знаніе людей, пріобрѣтаемая единственно только навыкомъ. Въ случаяхъ запутанныхъ директоръ устраивалъ между учащимися консультаціи, чтобы равнымъ образомъ пріучить студентовъ къ тактичности“. Отсюда ясно, что уже и въ первые года своего существованія, помимо амбулаторной дѣятельности, Поликлиникою подавались врачебные совѣты и помощь на дому, у самихъ больныхъ; однако, и совѣтъ, и помощь подавались тутъ, въ сущности, исключительно лишь директоромъ Поликлиники; студенты присутствовали при этомъ только въ качествѣ пассивныхъ зрителей и, какъ оказывается, лишь въ исключительныхъ случаяхъ принимали — и то лишь словомъ, а не на дѣлѣ — болѣе близкое участіе въ происхо-

дившемъ на ихъ глазахъ изслѣдованіи больныхъ и постановкѣ діагноза и терапіи. Необходимо тутъ оговориться, что во всемъ Университетѣ временъ проф. Балка, число студентовъ медиковъ достигало лишь 70—80 человекъ. Съ малымъ количествомъ практикантовъ проф. Балкъ свободно могъ, конечно, дѣлать домашніе визиты къ пациентамъ. Сколько было поликлиническихъ больныхъ въ первые годы существованія этого института, опредѣлить довольно затруднительно, такъ какъ въ тогдашней статистикѣ количество собственно поликлиническихъ больныхъ не было отдѣляемо отъ больныхъ, лежащихъ въ клиникѣ; вдобавокъ, статистика того времени не отличалась и особою точностью; такъ, примѣръ, вмѣсто той или другой опредѣленной цифры больныхъ, подъ нѣкоторыми годами отмѣчается „значительное число“ больныхъ. Можно, во всякомъ случаѣ, предполагать, что годовое количество поликлиническихъ больныхъ было, вѣроятно, не болѣе 100 человекъ. За время своего директорства въ терапевтической клиникѣ, проф. Балкъ одновременно завѣдывалъ и Поликлиникою. За это время, — въ фазисъ, такъ сказать, первобытнаго состоянія Поликлиники, — отдѣльнаго для нея помѣщенія не полагалось. Все было неразрывно связано съ клиникою терапевтическою. Сколько времени продолжалось подобное зачаточное состояніе Поликлиники, опредѣлить довольно трудно, но уже въ отчетѣ проф. Замена, директора медицинскаго отдѣленія клиники (за періодъ съ 1 Октября 1832 г. по 1 Октября 1833 года) прямо указывается, что часть больныхъ была пользована и посѣщалась на ихъ квартирахъ. Всѣ послѣдующіе годы уже содержатъ это указаніе. Имѣется даже въ протоколахъ Университетскаго Совѣта протестъ тогдашняго полицеймейстера противъ лѣченія студентами-практикантами венерическихъ больныхъ у нихъ на квартирѣ. За это же время мы въ первый разъ, въ отчетѣ за 1840 встречаемся съ терминомъ „Поликлиническіе больные“. Слѣдо-

вательно, съ этого времени Поликлиника приобрѣтаетъ тотъ характеръ болѣе самостоятельнаго курірованія больныхъ студентами, который она сохраняетъ и по настоящее время. Отдѣлить однакоже число именно поликлиническихъ больныхъ отъ амбулаторныхъ за время Проф. Замена и ближайшихъ къ нему по времени преемниковъ не представляется опять таки возможнымъ, такъ какъ учетъ и тѣмъ, и другимъ пациентамъ ведется вмѣстѣ (см. таблицу № 1 до 1846 г.).

Тѣмъ временемъ штаты медицинской клиники увеличились. Каѳедра специальной патологіи и клиники получила втораго представителя въ лицѣ профессора Варвинскаго. Со времени его прибытія въ тогдашній Дерптскій Университетъ, Поликлиника переходитъ въ его завѣдываніе, и вотъ, за слѣдующее десятилѣтіе мы видимъ уже, что во главѣ Поликлиники стоитъ обособленный отъ клиники директоръ, который въ управленіи этимъ учрежденіемъ чередуется съ директоромъ клиники; это чередованіе, впрочемъ, не имѣетъ постоянного характера, а представляетъ, скорѣе, случайное явленіе. Одинъ директоръ завѣдуетъ медицинской клиникой и амбулаторіей, другой ведетъ терапевтическую Поликлинику. Обыкновенно Поликлиникой завѣдывалъ тотъ профессоръ, которому приходилось читать лекціи по частной патологіи и терапіи, между тѣмъ какъ другой терапевтъ велъ клинику. Это уже былъ шагъ къ самостоятельному существованію Поликлиники.

Такимъ образомъ постепенно Поликлиника отмежевывалась отъ Факультетской терапевтической клиники. Въ слѣдующее десятилѣтіе мы видимъ уже, что чередованіе въ завѣдываніи (то Поликлиникою, то Медицинскою Клиникою) уже устанавливается, какъ извѣстный *usus*. Благодаря Вейриху и Ваксмуту, съ 1860 года чередованіе происходитъ ежегодно. Вмѣстѣ съ этимъ шло и увеличеніе числа практикантовъ и больныхъ (см. таблицу № 1 съ 1861 по 1885 годъ). Въ это же время появился уже, вѣроятно, и отдѣльный поликлиническій амбулаторный приѣмъ. Правда, стати-

стика отмѣчаетъ его еще съ 1848 года, но амбулансъ въ клиникѣ не отдѣленъ отъ Поликлиническаго амбулаторнаго приѣма; поэтому къ этимъ цифрамъ относиться необходимо съ извѣстной осторожностью.

Такимъ образомъ Поликлиника имѣла самостоятельнаго директора. Дѣятельность ея, какъ видно изъ таблицы, дѣйствительно расширилась, число больныхъ доходило свыше 2.000 человекъ. Интересно отмѣтить приэтомъ незначительное сравнительно число амбулаторныхъ пациентовъ: ихъ ежегодно было всего 300—400 человекъ; все вниманіе Поликлиники обращалось, такимъ образомъ, на больныхъ Поликлиническихъ. Въ виду развитія дѣятельности Поликлиники, потребовалось подумать и о медицинскомъ персоналѣ: одному директору безъ помощника справляться становилось уже непосильнымъ; потребовался ассистентъ. Такъ, въ 1865 году профессоръ Ваксмуть успѣшно ходатайствуетъ о назначеніи отдѣльнаго ординатора Поликлиники. До сего времени при Медицинской Клиникѣ состоялъ только одинъ Клиническій ассистентъ, онъ же — и Поликлиническій. Теперь же потребовался специальный, особый для Поликлиники ассистентъ. Этому ассистенту положено было вознагражденіе 600 руб. въ годъ, хотя опредѣленнаго штата еще не существовало; уплачивалось же жалованіе изъ клиническихъ суммъ, такъ что профессорамъ, завѣдывавшимъ Поликлиникою, приходилось каждый семестръ обращаться въ Правленіе Университета за деньгами, хотя уже отъ 14 Октября 1866 года Попечитель опредѣлилъ отпускать поликлиническому ассистенту ежегодно по 600 руб. жалованія.

Въ этомъ второмъ періодѣ своей жизни Поликлиника является какъ бы филиальнымъ отдѣленіемъ Факультетской Терапевтической Клиники, но только съ самостоятельнымъ персоналомъ, во главѣ съ директоромъ.

Самостоятельныхъ средствъ Поликлиника, какъ сказано, не имѣла. Вначалѣ, — при общности персонала и неболь-

шихъ размѣрахъ дѣятельности, — самостоятельнаго бюджета, конечно, и не надо было, но потомъ, съ расширеніемъ дѣятельности, появились уже и значительныя затраты. Необходимыя на это средства шли изъ специальныхъ ассигнованій Медицинской Клиники, которая и сама влачила до того жалкое существованіе, что профессоръ Балкъ, въ виду отсутствія средствъ, одно время (въ 1810 году) считалъ невозможнымъ дальнѣйшее веденіе Медицинской Клиники. Предлагались Правленіемъ Университета усиленныя сокращенія больныхъ, рецептовъ и т. п. Ростъ же Поликлиники требовалъ все новыхъ и новыхъ расходовъ, и вотъ, въ 1849 году Попечитель уже прямо указываетъ на невозможное ограниченіе именно Поликлиническихъ больныхъ и отпускаемыхъ имъ рецептовъ до самыхъ минимальныхъ размѣровъ („каждый разъ съ особаго разрѣшенія“ профессора). Несмотря, однакоже, на такія скудныя средства, Поликлиника продолжала развиваться и расти, вмѣстѣ съ количествомъ практикантовъ. Мы уже видѣли, что во главѣ ея сталъ даже отдѣльный директоръ, и она успѣла настолько упрочиться и завоевать свое положеніе, что теперь уже Попечитель призналъ за ней полное право на существованіе и даже выразилъ пожеланіе „чтобы эта отрасль практической медицины была преобразована въ особый институтъ“. Рядомъ съ такимъ постепеннымъ развитіемъ Поликлинической дѣятельности, увеличивались и расходы ея на ассистента, лѣкарства и т. д.

Въ виду тѣсной связи Поликлиники съ Медицинской Клиникой, особой штатной суммы для нея не полагалось; поэтому расходы на лѣкарства распредѣлялись между 4 клиниками: медицинская несла $\frac{3}{10}$ расхода, хирургическая — $\frac{3}{10}$, офтальмологическая — $\frac{2}{10}$ и женская $\frac{2}{10}$ расхода. Съ теченіемъ времени и съ возрастаніемъ нуждъ и потребностей Поликлиники, ея бюджетъ ложился тяжелымъ бременемъ на остальные клиническія учрежденія. На этомъ основаніи, въ

виду сильнаго развитія Поликлиники, Попечитель гр. Кейзерлингъ въ отношеніи своемъ отъ 20 Января 1865 г. за № 133 на имя Правленія Университета предлагаетъ ему поручить Медицинскому Факультету выработать проектъ устава Поликлиники для представленія Попечителю. Такой проектъ былъ Медицинскимъ Факультетомъ выработанъ и представленъ Правленію Университета 26 февраля 1865 г. за № 49, въ видѣ доклада Декана Бухгейма. Проектъ, представляя вкратцѣ условія дѣятельности Поликлиники и ея развитіе, настаиваетъ на собственномъ ассистентѣ для этого института, безъ котораго невозможна дальнѣйшая Поликлиническая дѣятельность. Въ виду огромнаго труда, вознагражденіе ассистенту должно, по проекту, быть, по меньшей мѣрѣ, 800 руб. въ годъ и еще 200 руб. для Поликлиническихъ поѣздокъ по городу, что всего составило бы сумму въ 1000 руб. Затѣмъ на лѣкарства проектъ полагаетъ необходимымъ по меньшей мѣрѣ 800 руб., каковая сумма получается, если считать среднимъ числомъ въ годъ по 10.000 рецептовъ и стоимость cadaго рецепта принимать въ среднемъ равною 8 коп. Наконецъ, въ этомъ проектѣ перечисляются еще расходы на півьки, инструменты, аппараты и т. д., всего на сумму около 200 рублей. Такимъ образомъ, бюджетъ Поликлиники долженъ былъ бы доходить до 2000 руб. въ годъ. Однако этотъ проектъ Попечитель (отношеніемъ на имя Правленія Университета отъ 26 Марта 1865 г. за № 522) отказался представить министерству по финансовымъ сообщеніямъ.

Въ слѣдующемъ году (10 Мая 1866 г. за № 691) Попечитель высказывается, что жалованіе ассистенту слѣдуетъ выдавать въ размѣрѣ 800 рублей (включая сюда и проѣздныя) — 600 рублей изъ средствъ клиникъ и 200 руб. изъ специальныхъ средствъ Университета, — вмѣсто испрашивавшихся 1000 рублей. Но на этой же бумагѣ имѣется пожеланіе Университетскаго Совѣта — поступить какъ разъ наоборотъ, и дѣйствительно, сообщеніемъ Дирекціи

клиникъ доводится до свѣдѣнія Совѣта Университета (10 Окт. 1866 г.) что, по взаимному соглашенію Совѣта и Клинической Дирекціи, ординаторъ Поликлиники долженъ получить 800 руб., именно, 600 руб. изъ специальныхъ средствъ и 200 р. изъ средствъ Клиникъ Медицинской, Хирургической, Офтальмологической и Акушерской.

Въ томъ же году Попечитель увѣдомилъ Совѣтъ (отношеніемъ за № 1272 отъ 30 августа 1866 г.), что Министерство Народнаго Просвѣщенія не находитъ возможнымъ, въ виду недавняго утвержденія личныхъ штатовъ при Университетѣ, предоставить ординатору Поликлиники права государственной службы. (*Acta des Direktoriums betref. die Poliklinik.* Начато съ 13 XII 1865 года.)

Пожеланія Попечителя, чтобы Поликлиника развивалась, какъ совершенно отдѣльный институтъ, пришлось осуществить лишь въ 1887 году Проф. Дегіо, хлопотамъ котораго Поликлиника обязана полнымъ отдѣленіемъ отъ Медицинской Клиники. Уже съ самаго начала директорства Проф. Дегіо въ способѣ управленія Поликлиникою произошли перемѣны въ томъ смыслѣ, что ежегодная смѣна директоровъ, правильно чередовавшихся доселѣ, (см. нижеприв. таблицу), начала нарушаться, является вновь тенденція къ фиксированію на болѣе значительное время одного лица, — только уже не одновременнаго Директора Медицинской Клиники, а совершенно отдѣльнаго представителя (см. таблицу № 1 съ 1886 г.)

Такимъ образомъ Проф. Дегіо продолжаетъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ оставаться директоромъ Поликлиники. Онъ выхлопоталъ отдѣльное помѣщеніе, вмѣсто прежнихъ двухъ комнатъ, отведенныхъ для нея въ Факультетской Терапевтической Клиникѣ, и тѣмъ положилъ начало третьему періоду существованія Поликлиники — періоду самостоятельности этого учрежденія. Вмѣстѣ съ этимъ, Проф. Дегіо упрочилъ и отдѣльный бюджетъ для своего института; каж-

дая клиника, по его ходатайству, стала удѣлять для этой цѣли изъ своихъ средствъ по 80 рублей въ годъ; такимъ путемъ и сложился поликлинический годовой бюджетъ въ 400 рублей. Первоначально хлопоталъ онъ объ установленіи штатной суммы въ 500 руб. Раньше, говоритъ Проф. Дегіо, Поликлиника получала отъ Медицинской Клиники 1) 100 руб. субсидіи, 2) сидѣлку и пополненіе дефицита, образовывавшагося при уплатѣ стоимости рецептовъ. При отдѣленіи Поликлиники отъ Клиники все это отпало. Кромѣ того, Проф. Дегіо находилъ, что за дѣятельностью поликлиническихъ практикантовъ въ городѣ, необходимо организовать болѣе тщательный надзоръ, чѣмъ раньше, а это, по его мнѣнію, возможно исключительно только въ томъ случаѣ, если Поликлиническому ассистенту будутъ отпускаться деньги на извозчиковъ для разѣздовъ по городскимъ больнымъ.

Новое помѣщеніе, занятое Поликлиникою со временъ директорства Проф. Дегіо, находится на углу двухъ улицъ Ивановской и Яковлевской наискосокъ отъ Университета. (См. рис. № 1 и № 2.)

Оно состояло изъ пяти комнатъ и аудиторіи. На оборудованіе этого Поликлиническаго помѣщенія потребовался лишній инвентарь, обстановка и пр., и вотъ, Правленіе Университета щедро отпустило 75 рублей „на инвентарь, на инструменты и пр.“, какъ громко заявляетъ офиціальная бумага (Представленіе Декана Проф. Рельмана въ правленіе 6 Сентября 1886 г.). Конечно, многого не хватало въ Поликлиникѣ, еще большаго оставалось желать, но процвѣтаніе Поликлиники въ ея новомъ самостоятельномъ помѣщеніи стало мало по малу упрочиваться.

Дѣятельность Проф. Дегіо быстро сказалась на числѣ больныхъ, именно, амбулаторныхъ; достаточно сравнить въ нижеприводимой таблицѣ № 1 цифровыя данныя за время Проф. Дегіо съ предыдущими годами, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Рис. № 1.

За это время именно характеренъ этотъ ростъ амбулаторнаго приѣма. Число поликлиническихъ больныхъ тоже увеличилось.

Рис. № 2.

Съ 1893 года Поликлиника имѣетъ уже свою штатную сумму въ 400 рублей изъ специальныхъ средствъ Университета (отн. Попечителя отъ 27 Января 1892 г. № 690). Уже въ 1896 году штатная сумма эта была увеличена на 200 руб. Такимъ образомъ годовой бюджетъ къ этому времени доведенъ былъ до 600 рублей.

Съ 1898 года Поликлиника перешла въ мое завѣдываніе. Мнѣ было поручено, кромѣ упомянутаго выше руко-

водства поликлиническими занятіями V курса въ городѣ, еще чтеніе лекцій, Врачебной Діагностики съ Пропедевтикой для третьяго курса. Курсъ Врачебной Діагностики съ Пропедевтикой долженъ первымъ дѣломъ покоиться на практическомъ ознакомленіи студентовъ съ физическими методами изслѣдованія, и именно сначала на здоровыхъ; между тѣмъ я не имѣлъ для III курса въ моемъ распоряженіи клиническаго стаціонарнаго матеріала, а пользоваться больными, лежащими на ихъ квартирахъ, не представлялось удобнымъ. Амбулаторный же матеріалъ лишь въ рѣдкихъ счастливыхъ случаяхъ можетъ быть приноравливаемъ къ требованіямъ программы систематическаго курса Діагностики и Пропедевтики.

Вначалѣ было я хлопоталъ объ устройствѣ Пропедевтической Клиники, и это было признано Университетомъ „заслуживающимъ полнаго уваженія и удовлетворенія“; но... осуществленіе этой потребности, въ то же время оказалось „физически невозможнымъ“. Министерство разъяснило, что подобная клиника можетъ быть учреждена лишь при сравненіи штатовъ нашего Университета съ прочими университетами Имперіи.

Пришлось замѣнить отсутствіе стаціонарнаго пропедевтическаго матеріала, такъ сказать, суррогатомъ, такъ называемыми „туширами“, по здѣшной терминологіи; туширы, это — здоровые субъекты (безработные и т. д.), за извѣстную плату нанимаемые на рынокъ, для обученія на нихъ и упражненія въ аускультации, перкуссии и т. п. Такого рода практическимъ занятіямъ я предпосылаю всегда рядъ лекцій по соотвѣтствующему отдѣлу Врачебной Діагностики. Потомъ идетъ уже слѣдующій циклъ лекцій и, по окончаніи его, — новый рядъ упражненій въ физическихъ методахъ изслѣдованія на туширахъ и т. д., до нѣсколькихъ разъ въ семестръ. Занятія ведутся подъ наблюденіемъ моимъ, при участіи моихъ ассистентовъ. На каждого тушира полагается по два студента. Изъ-за тѣсноты помѣщенія и большого

количества слушателей, весь курсъ разбивается на извѣстное количество группъ. Изслѣдованіе идетъ въ извѣстномъ порядкѣ, по опредѣленной программѣ, опять же приучающей студента къ извѣстной систематичности при изслѣдованіи; такъ, начинается съ наружнаго осмотра, ощупыванія, выстукиванія, выслушиванія, далѣе слѣдуетъ измѣреніе роста, взвѣшиваніе на десятичныхъ вѣсахъ, сфигмографія, термометрія, динамометрія и т. д. Всѣ результаты изслѣдованія студентъ обязанъ приэтомъ заносить на специально заведенные мною для этого листы-схемы.

Ознакомивши такимъ путемъ слушателей съ нормальными данными, я уже начинаю разбирать передъ ними клиническіе случаи. Обыкновенно одинъ разъ въ недѣлю я устраиваю демонстрацію больныхъ изъ моего Поликлиническаго амбулаторнаго и стаціонарнаго матеріала, чтобы иллюстрировать прочитанное на предыдущихъ лекціяхъ.

Кромѣ грубо физическихъ методовъ изслѣдованія — осмотра, ощупыванія, выстукиванія и выслушиванія, — медики III курса должны ознакомиться и съ необходимыми химикомикроскопическими манипуляціями. Поэтому мнѣ пришлось прежде всего позаботиться объ устройствѣ лабораторіи, объ отсутствіи которой не разъ высказывалъ сожалѣніе еще мой уважаемый предшественникъ — Проф. Дегіо. Благодаря любезности тогдашняго Декана, Проф. А. С. Игнатовскаго, я получилъ въ мое распоряженіе смежную съ помѣщеніемъ Поликлиники комнату, принадлежавшую канцеляріи Медицинскаго Факультета. (Рис. № 3.) Въ этой то комнаткѣ я и завелъ небольшую лабораторію. (Рис. № 4.)

Тутъ были мною устроены водопроводъ, по срединѣ комнаты — кафельный длинный столъ для химическихъ занятій, полки и шкафы для реактивовъ; въ имѣвшейся здѣсь въ лѣвомъ углу комнаты печкѣ сдѣланъ вытяжной шкафъ для удаленія образующихся при производствѣ химическихъ манипуляцій газовъ; въ этой же комнатѣ, въ пра-

вомъ углу къ водопроводу прилаженъ былъ и аппаратъ Grove для моментальнаго полученія горячей воды, что часто бываетъ нелишнимъ, на примѣръ, при демонстраціи препара-

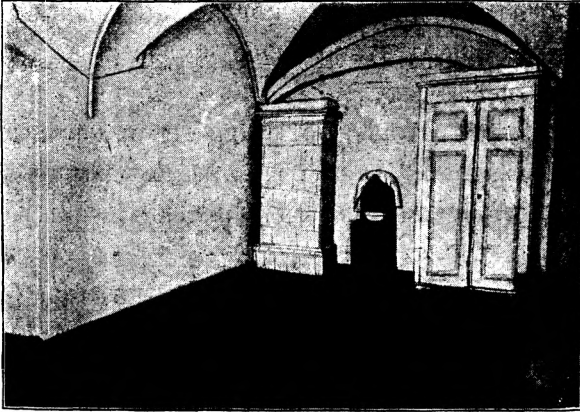

Рис. № 3.

Рис. № 4.

товъ (кишечныя испражненія, изслѣдуемая на присутствіе балантидій и т. п.) при фізіологической температурѣ, для чего требуется быстро получить на нѣкоторое время водяную баню.

Осенній либо весенній семестръ III курса посвящается мною химико-микроскопическимъ занятіямъ. Студенты изслѣдуютъ здѣсь мочу, желудочный сокъ и проч. Слишкомъ недостаточное помѣщеніе лабораторіи заставляетъ меня дѣлать курсъ на значительное количество группъ; отсюда, конечно, въ общемъ сокращеніе количества занятій для каждого отдѣльнаго студента.

Эта же лабораторія обслуживаетъ и научныя потребности практикантовъ V курса при необходимыхъ изслѣдованіяхъ выдѣленій и отдѣленій Поликлиническихъ городскихъ больныхъ.

Для восполненія отсутствія пропедевтическаго матеріала для III курса, пришлось потратить около трехъ семестровъ, чтобы, при дружномъ содѣйствіи моихъ ассистентовъ, приготовить всевозможныя учебныя таблицы, схемы, діаграммы и пр., которыя нѣсколько иллюстрировали бы и дополняли лекцію. Съ этою же цѣлью положено было начало лекціи патологическихъ секретовъ и экскретовъ, паразитовъ, мочевыхъ, желчныхъ и др. конкрементовъ и т. д. Той же цѣли должна служить и составляемая мною коллекція фотографическихъ снимковъ съ наиболѣе типичныхъ больныхъ.

Увеличеніе числа слушателей повело къ старанію какъ-нибудь увеличить и число мѣстъ въ моей аудиторіи. Это возможно было сдѣлать не увеличеніемъ помѣщенія, — ни въ какомъ направленіи расширить помѣщеніе, куда либо податься вѣдь невозможно, некуда! — а исключительно лишь передѣлкою и добавленіемъ сидѣній — разумѣется, въ ущербъ кубическому содержанію воздуха.

Увеличеніе количества амбулаторныхъ больныхъ Поликлиники заставило меня въ ожидальной комнатѣ снять перегородки и отдать ее всю для сидѣнія публики, поставивъ еще, для экономіи мѣста, двухсторонніе, деревянные диваны по типу третьеклассныхъ вагоновъ. Это же увеличеніе амбулаторіи повело къ необходимости озаботиться увеличеніемъ

персонала моихъ помощниковъ. Согласно моему ходатайству, была учреждена должность втораго сверхштатнаго ассистента, но, къ сожалѣнію, этому второму ассистенту никакого денежнаго вознагражденія ни въ видѣ жалованія, ни даже въ видѣ наградныхъ — до сихъ поръ еще не полагается, вслѣдствіе все того же „недостатка спеціальныхъ средствъ Университета“, какъ стереотипно гласятъ отвѣты на повторныя ходатайства. Первые два ассистента еще получаютъ жалованье, хотя и ничтожное: первый ассистентъ — 600 рублей въ годъ, второй — около 400 рублей.

Между тѣмъ бюджетъ Поликлиники оставался безъ перемѣны. На всѣ передѣлки, связанныя съ увеличеніемъ количества слушателей и больныхъ было отпущено въ 1898 году лишь 500 рублей.

Далѣе, пришлось подумать о томъ, чтобы завести самый необходимый клиническій инвентарь, въ видѣ нѣкоторыхъ аппаратовъ, приборовъ, клинической посуды, бѣлья, мебели, атласовъ, моделей, препаратовъ и пр.; поэтому потребовалась дополнительная сумма.

Вѣдь, если обыкновенная, даже частная лѣчебница, — чтобы стоять на высотѣ своего призванія: подавать помощь страждущимъ, помощь, дѣйствительно раціональную, основанную на точномъ всестороннемъ изслѣдованіи пациента, — должна быть въ надлежащей мѣрѣ снабжена всѣми необходимыми инструментами и другими приспособленіями для діагностическихъ цѣлей, то тѣмъ полнѣе должно быть оборудовано лѣчебное учрежденіе, на которомъ лежитъ, помимо подачи помощи больнымъ, еще и обязанность педагогическая: показать студентамъ примѣненіе тѣхъ или иныхъ методовъ изслѣдованія больныхъ. Я просилъ Правленіе Университета объ ассигнованіи на обзаведеніе хотя бы 500 рублей; мнѣ было отпущено Правленіемъ (1899 сент. 4 № 2729) всего на всего . . . 150 р.! А необходимость расширенія бюджета сказывалась уже давно. Еще въ 1895 году

Проф. Дегіо просилъ объ увеличеніи ассигнованій Поликлиники до 1000 руб. въ годъ. Отказъ въ подобномъ ходатайствѣ велъ только къ хроническому дефициту, перечислявшемуся съ одного года на слѣдующій и тѣмъ уменьшавшему и безъ того скудный годовой бюджетъ. Я вновь просилъ довести бюджетъ хотя бы до 1000 рублей, но прибавлено было всего лишь 100 руб.

Теперь Поликлиника стала, слѣдовательно, получать 700 рублей въ годъ. Между тѣмъ нужды такъ остро сказывались, что обойтись этой суммой я совсѣмъ не имѣлъ возможности и рѣшилъ пригласить къ участію въ расходахъ Поликлиники городъ, хотя бы въ той статьѣ, которая касается главнымъ образомъ нуждъ городскихъ бѣдняковъ. Я ходатайствовалъ въ 1901 году предъ городской управой объ отпускѣ моему институту субсидіи для бесплатной выдачи медикаментовъ неимущимъ городскимъ больнымъ.

Ходатайство мое основывалось на слѣдующихъ вѣсскихъ соображеніяхъ. 1) Вѣдь Поликлиника служить не въ меньшей степени городу, чѣмъ Университету, такъ какъ оказываетъ населенію врачебную помощь своимъ ежедневнымъ приѣмомъ больныхъ уже съ 20 августа, когда учебныя занятія собственно еще не начались въ Университетѣ. Во 2) Благодаря дѣятельности Поликлиническихъ практикантовъ, городъ поставленъ въ возможность немедленно, черезъ посредство Городоваго Врача, получить отъ Поликлиники письменныя свѣдѣнія о мѣстахъ обнаруженія остро-инфекціонныхъ и вообще заразныхъ (сифились) больныхъ, что даетъ возможность городу предупреждать развитіе эпидемическихъ очаговъ. 3) Той же цѣли содѣйствуетъ Поликлиника ежедневными приѣмами лицъ, желающихъ подвергнуться безвозмездно предохранительному привитію оспы. 4) Благодаря дѣятельности Поликлиники, какъ по отношенію къ приходящимъ больнымъ, такъ и въ отношеніи больныхъ, получающихъ Поликлиническую врачебную помощь и на

дому, больные имѣютъ возможность пользоваться врачебными совѣтами и помощью безвозмездно. Подобное своевременное лѣчение доставляетъ больному возможность не запускать свою болѣзнь а слѣдовательно и рассчитывать на лучший исходъ ея, городъ же получаетъ ту выгоду, что 1) Городской Госпиталь избавляется отъ необходимости переполняться черезъ мѣру больными, а въ 2) пациенты, лѣчение которыхъ возможно лишь больничное, будучи направляемы Поликлиникою въ Городской Госпиталь своевременно, и излѣчиваются скорѣе, слѣдовательно, меньшее количество времени находятся на попеченіи Города въ больницѣ. Городъ назначилъ на бесплатное прописываніе медикаментовъ 400 рублей, и на эту сумму шесть мѣстныхъ городскихъ аптекъ по Поликлиническимъ рецептамъ бесплатно отпускаютъ больнымъ лѣкарства.

Въ послѣднее время я снова входилъ въ Правленіе Университета съ ходатайствомъ объ увеличеніи Поликлиническаго бюджета до 1000 рублей¹⁾, но выхлопоталъ у Университета всего лишь прибавку въ 100 рублей. Такимъ образомъ въ настоящее время Поликлиника располагаетъ бюджетомъ въ 800 рублей въ годъ.

Помѣщеніе Поликлиники за послѣднее время также нѣсколько увеличилось. Въ прошломъ году были къ нему присоединены двѣ смежныя комнаты: одна довольно большая (см. рис. № 5), другая маленькая, объ одно окно.

Здѣсь до 1906 года существовала читальня, такъ называемая akademische Lesehalle здѣшняго нѣмецкаго общества (Deutscher Verein), но въ 1906 году фереинъ не нашелъ возможнымъ пользоваться далѣе Университетскимъ помѣ-

1) Еще въ 1865 году Медицинскій Факультетъ дѣлалъ представленіе о необходимости для Поликлиники (при 48 слушателяхъ и всего лишь 2710 Поликлиническихъ больныхъ въ годъ) годового бюджета въ двѣ тысячи руб. Въ настоящее же время число Поликлиническихъ больныхъ доходитъ до 5000 слишкомъ, количество же слушателей превышаетъ 200.

щеніемъ и перенесъ свою читальню въ собственное помѣ-
щеніе, въ частную квартиру. Послѣ этого освободившіяся
изъ-подъ читальни сосѣднія съ остальнымъ Поликлиниче-
скимъ помѣщеніемъ комнаты были отперты и соединены съ
Поликлиническими аудиторіей и раздѣвальною. Это приобрѣ-
теніе, въ моихъ глазахъ, особенно цѣнно, и безъ него не-
возможно было обходиться, такъ какъ эти комнаты — един-

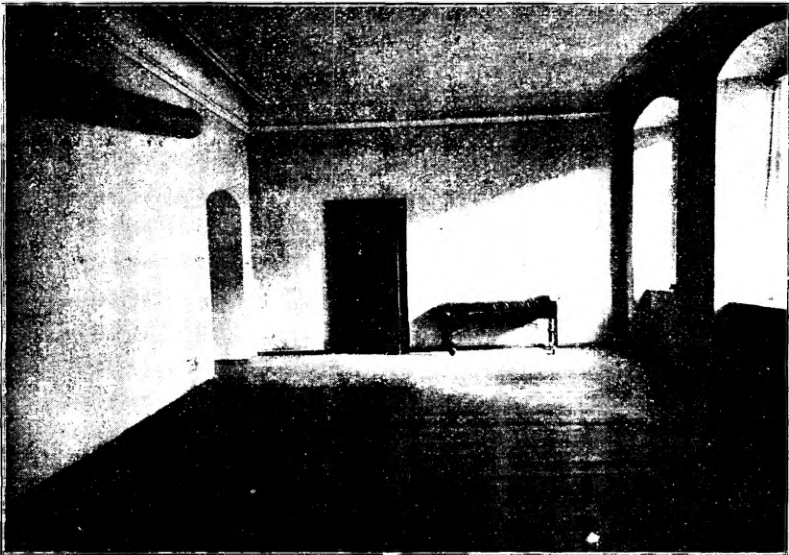

Рис. № 5.

ственно пригодныя для практическихъ занятій студентовъ
III курса. Дѣло въ томъ, что почти всѣ комнаты Поли-
клиники, по крайней мѣрѣ, тѣ, гдѣ работаетъ III курсъ —
выходятъ окнами на застроенную сравнительно высокими
домами, узкую улицу — Ивановскую (см. рис. № 2), и
заниматься въ нихъ аускультацией и перкуссіей, вслѣдствіе
невозможнаго грохота отъ ѣзды извозчиковъ по мостовой,
было довольно затруднительно: приходилось каждый разъ
временно прерывать выслушиваніе или выстукиваніе больного

и пережить все то время, пока проѣзжаетъ по улицѣ, мимо аудиторіи Поликлиники, извозчикій экипажъ или ломовой.

Эти же комнаты послужили мнѣ помѣщеніемъ, гдѣ я могъ положить начало своего рода музею (Рис. № 6) при Поликлиникѣ.

Постоянно придерживаясь въ моей медицинско-педагогической дѣятельности принципа наглядности („Nihil in intel-

Рис. № 6.

lectu, quod non prius fuerit in sensu“), я изъ года въ годъ, въ теченіи 10 слишкомъ лѣтъ, старался по возможности экономить Поликлинической бюджетъ, чтобы изъ этихъ сбереженій мало по малу положить начало музею, — коллекціи поучительныхъ муляжей изъ восковой массы. Въ 1905 6 году, когда, вмѣстѣ съ остальными Университетскими учрежденіями, и Поликлиника вынуждена была приостановить свою дѣятельность, неизрасходованный годовой бюджетъ ея далъ мнѣ возможности обзавестись цѣлымъ

рядомъ систематично подобранныхъ снимковъ съ больныхъ — восковыхъ муляжей. Такіе муляжи исполняютъ въ высокой степени полезную роль въ клиническомъ преподаваніи: имѣя ихъ подъ рукою, возможно ту или другую клиническую картину, демонстрируемую передъ слушателями, дополнять, въ дифференціально-діагностическихъ цѣляхъ, нагляднымъ слѣпкомъ, художественно скопированнымъ съ соответствующаго больного.

Такимъ путемъ начинаетъ понемногу осуществляться желѣмая мною уже цѣлый десятокъ лѣтъ мысль о Поликлиническомъ Дифференціально-Діагностическомъ Музеѣ изъ коллекцій муляжей¹⁾ и фотографическихъ снимковъ съ наиболѣе типичныхъ больныхъ.

Переходимъ теперь къ значенію Поликлиники.

Поликлиника является завершеніемъ занятій въ клиникахъ, дополненіемъ ихъ. „Важнѣйшей задачей медицинскаго факультета, говоритъ Проф. Rumpf, служить образованіе практическаго врача для его дѣятельности“. Вполнѣ удовлетворить подобной задачѣ одна клиника не въ состояніи. Цѣль ея сводится лишь къ передачѣ студентамъ теоретическихъ знаній и къ практическому навыку въ методахъ изслѣдованія (Rumpf) „клиника указываетъ учащемуся какъ, какимъ путемъ онъ можетъ получить свѣдѣнія о болѣзни, какимъ образомъ добратся, на основаніи ихъ, до того или иного діагноза. Имѣя дѣло съ отдѣльнымъ больнымъ, клиника показываетъ, какъ прилагается та или иная клиническая картина учебника къ данному больному, какія черты этой картины въ данномъ конкретномъ случаѣ изглажены и какія, наоборотъ, рѣзко подчеркнуты“ (H. Nothnagel).

1) Муляжи сдѣланы отчасти въ Москвѣ, отчасти за границей. Московскіе муляжи — работы С. П. Фивейскаго, извѣстнаго муляжиста Клиники Кожныхъ болѣзней профессора А. И. Пospѣлова. Пользуюсь случаемъ, чтобы сердечно поблагодарить глубокоуважаемаго А. И. Пospѣлова за разрѣшеніе репродукціи художественныхъ муляжей его Клиники и за любезный просмотръ ихъ.

Однимъ словомъ, клиника обучаетъ студента строгой методичности въ собираніи анамнеза, *status praesentis* и т. д., — группировкѣ симптомовъ, діагностическимъ выводамъ, дифференціальному діагнозу, примѣненію всѣхъ разработанныхъ наукою методовъ изслѣдованія и лѣченія“ (Rumpf). И то, и другое, т. е. и теоретическое знаніе, и практическое примѣненіе его достигается въ клиникѣ демонстраціей больныхъ, а также наблюденіемъ ихъ со стороны студентовъ. Въ первомъ случаѣ, когда клиницистъ, при примѣненіи всѣхъ сподручныхъ методовъ изслѣдованія, рисуетъ своимъ слушателямъ научно-обоснованную картину болѣзни даннаго больного, ея теченіе, діагнозъ, прогнозъ и проч., эти присутствующіе остаются лишь пассивными зрителями; изрѣдка только приходится на ихъ долю послушать хрипы, шумъ тренія, сердечные тоны или шумы и т. д., въ общемъ же — все изслѣдованіе и пр. производится хотя и въ его присутствіи, но помимо него, безъ его прямого участія. Большая активность допускается со стороны студента-медика при курированіи имъ своего больного въ клиникѣ, но и здѣсь, не говоря уже о чрезчуръ скудномъ количествѣ матеріала, ему немного приходится работать — назначеніе лѣкарствъ, отвѣтственность лежитъ вѣдь, собственно говоря, не на немъ, а на ассистентѣ, и его роль сводится лишь къ наблюденію и записи въ скорбномъ листѣ ежедневныхъ измѣненій, да въ примѣненіи на этомъ же больномъ изученныхъ кураторомъ-медикомъ методовъ изслѣдованія. Однимъ словомъ, студентъ-медикъ въ большинствѣ не встрѣчаетъ въ клиникѣ случая для болѣе или менѣе самостоятельной, — хотя бы и подконтрольной дѣятельности, а чаще всего — единственно лишь возможность повторить на клиническомъ больномъ методику врачебнаго изслѣдованія и фармакологическія наблюденія. Вдобавокъ, въ клинику обращаются лишь относительно тяжелые больные, великое же множество мелкихъ повседневныхъ страданій и недуговъ, встрѣчающихся

врачу на его приѣмѣ на каждомъ шагѣ, здѣсь вовсе отсутствуетъ, а отсюда происходитъ то, что „каждый врачъ вполне справедливо жалуется на то, что онъ, при вступленіи въ практику, имѣетъ, правда, всяческое знаніе рѣдкихъ заболѣваній, но не имѣетъ почти никакого опыта въ пользованіи повседневныхъ мелочей въ своей дѣятельности“¹⁾. Да и этихъ то больныхъ онъ часто видитъ лишь одинъ, много — нѣсколько разъ, и такимъ образомъ всѣ отклоненія болѣзни остаются для него часто неизвѣстными. Онъ не видитъ, далѣе, какъ проводится правильное лѣченіе въ обыденной жизни, при небогатыхъ средствахъ, въ хижинѣ бѣдняка, при плохомъ освѣщеніи и т. д., гдѣ нужно импровизировать, быстро дѣйствовать и пр. (Jaksch). Я даже не упоминаю про клиническую обстановку ухода за больнымъ, гдѣ даны на лицо всѣ благоприятныя для терапіи условія, гдѣ больной находится въ искусственныхъ, чисто тепличныхъ, оранжерейныхъ условіяхъ образцовыхъ клиникъ, при наличности хорошо обученнаго служебнаго персонала, что въ практической жизни рѣдко можно встрѣтить. „Клиника скорѣе призвана дать будущему врачу тѣ научно-медицинскія основныя положенія, безъ которыхъ практическая врачебная дѣятельность была бы сведена на ремесло. Въ клиникѣ будущій врачъ прежде всего долженъ научиться не только распознавать болѣзненные проявленія, но также и понимать ихъ, онъ долженъ познакомиться съ вопросами, которые обнимаютъ клиническое изслѣдованіе и съ методами, которые ведутъ къ ихъ разрѣшенію. Онъ долженъ научиться живо интересоваться клиническимъ изслѣдованіемъ и точной научной діагностикою. Онъ долженъ пріобрѣсти научный скептицизмъ противъ обычнаго терапевтическаго или, лучше сказать, фармацевтическаго шаблона²⁾, противъ

1) Проф. А. Штрюмпель. Клиническое преподаваніе медицины. СПб. 1903 г., стр. 40.

2) „Recipe“ и — больше никакихъ разсужденій! Этимъ часто грѣшатъ начинающіе.

современныхъ рекламъ . . . Онъ долженъ, однимъ словомъ, научиться научно наблюдать, думать и разсуждать. И если клиническому преподавателю удастся заронить въ слушатель искру любви и интереса къ подобному вдумчивому отношенію къ дѣлу, то будущему врачу это будетъ служить необходимымъ условіемъ его послѣдующей успѣшной практической дѣятельности . . . Въ научной, главнымъ образомъ, но не въ практической подготовкѣ я вижу, говорить Проф. Штрюмпелль¹⁾, центръ тяжести въ клиникѣ. “Итакъ главная задача клиники сводится, именно, къ развитію медицинскаго мышленія, но для жизни, однако, этого недостаточно. „Для врачебной дѣятельности необходимо не только знаніе, но также и много практической сноровки; клиническое преподаваніе, поэтому, нуждается, въ дѣйствительности, еще въ дальнѣйшихъ дополненіяхъ . . . Существеннымъ и жизненно необходимымъ дополненіемъ къ клиникѣ и является преподаваніе въ Поликлиникѣ. Поликлиника должна послужить настоящей практическою школою для послѣдующей дѣятельности врача“²⁾.

А вотъ, — по поводу того же важнаго дѣла подготовки въ Университетѣ медиковъ къ дѣйствительной жизни — и голосъ практическаго врача: „въ особенности чувствуетъ всѣ отрицательныя стороны клиническаго преподаванія въ Университетѣ только что кончившій врачъ, и это именно тогда, когда онъ наиболѣе остро чувствуетъ и сознаетъ всю свою неподготовленность къ практической врачебной дѣятельности. Подавляющее большинство врачей (чтобы не сказать болѣе) потому-то и не приступаетъ къ послѣдней сейчасъ же по окончаніи Университета, а всякій по своему старается, подыскиваетъ и по возможности пристраивается къ тому или иному учрежденію, гдѣ онъ могъ бы запол-

1) Idem. Ibidem. стр. 40—41.

2) Idem. Ibidem. стр. 41—42.

нить всё столь остро ощущаемые имъ пробѣлы въ своихъ чисто практическихъ знаніяхъ, которыхъ ему не далъ пройденный имъ Университетскій курсъ, и безъ которыхъ — онъ чувствуетъ это — невысказанно выступленіе его въ роли практическаго врача¹⁾. Вотъ, два характерныхъ отзыва — профессора-клинициста и, съ другой стороны, практическаго врача. Не одинъ врачъ, по собственному начальному грустному опыту, подпишется подъ обоими этими отзывами.

Вотъ, такой-то практической школой и старается быть Поликлиника. Конечно, и здѣсь теоретическая наука не должна отсутствовать, но во всякомъ случаѣ доминирующее значеніе лежитъ, въ противоположность клиникѣ, въ развитіи самостоятельной практической дѣятельности (А. Штрюмпель). Только въ Поликлиникѣ студентъ имѣетъ возможность ознакомиться еще на школьной скамьѣ съ громадной разницей, существующей между кликой и жизненной обстановкой больного, съ домашнимъ уходомъ, сопряженнымъ часто съ большими преткновеніями, вслѣдствіе бѣдности больного и его окружающихъ, невѣжества, небрежности и т. д. Онъ привыкаетъ приноравливаться къ больному въ его собственной средѣ, проводить опредѣленный терапевтическій режимъ при всевозможныхъ — даже неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь медикъ — будущій врачъ знакомится съ жизнью, встрѣчается съ условіями, при которыхъ ему въ послѣдующей дѣятельности придется работать. Онъ учится пользоваться свѣдѣніями, приобрѣтенными имъ въ клиникѣ при сравнительно хорошихъ тамошнихъ условіяхъ, прилагая ихъ при иной, болѣе неблагоприятной, подчасъ самой безотраднѣйшей, „антиклинической“, если можно такъ выразиться, обстановкѣ и всевозможныхъ, обусловленныхъ жизнью обстоятельствахъ (Rumpf).

1) Я. И. Ліокумовичъ, Недостатки преподаванія на современныхъ медицинскихъ факультетахъ. Врачебная Газета № 29 за 1908 годъ.

Moritz видитъ „въ Поликлиникѣ единственное поле, на которомъ студентъ медикъ самымъ полнымъ образомъ можетъ прилагать свои свѣдѣнія“. Стоя въ самой неразрывной, живой связи съ жизнью, Поликлиника ознакомляетъ со всѣми техническими подробностями, необходимыми въ практикѣ. Поликлиника предоставляетъ учащимся медикамъ, какъ замѣтилъ Ziemssen, больныхъ среди различной соціальной обстановки и притомъ безъ всякаго искусственнаго подбора, что, по мнѣнію этого клинициста, также имѣетъ значеніе. Поликлиника, по убѣжденію Moritz'а, является наилучшимъ институтомъ, предохраняющемъ начинающаго врача отъ рутины.

При чрезчуръ быстрой смѣнѣ клиническихъ картинъ, чрезчуръ быстро можетъ быть возбуждена и наклонность къ извѣстнаго рода легкомысленной поспѣшности, которая въ послѣдствіи, если учащемуся не будетъ привита вся суть методическаго образованія, легко въ состояніи повести къ поверхности (H. Nothnagel). Только продолжительная, — *minimum*, одинъ семестръ, — самостоятельная, но подъ контролемъ и ближайшимъ руководствомъ, работа заставляетъ учащагося индивидуализировать каждый отдѣльный случай заболѣванія, мыслить и разсуждать, глубоко анализируя всѣ обстоятельства даннаго случая. Въ то же время практикантъ въ этой непривычной для него, новой обстановкѣ и не совершенно одинокъ — его всегда можетъ поддержать Поликлиника, которая и разрѣшаетъ всѣ его недоразумѣнія и затрудненія на первыхъ шагахъ его самостоятельной практики. Отсюда зарождается въ немъ большая увѣренность въ себѣ и своихъ медицинскихъ познанійхъ. Помимо этого, практикантъ, встрѣчая массу разнообразныхъ заболѣваній непосредственно на самомъ мѣстѣ ихъ возникновенія, можетъ часто наблюдать и этиологію ихъ. Слѣдовательно, предъ нимъ сразу открывается и причина, и послѣдствіе, а это, конечно, вліяетъ на него извѣстнымъ

педагогическимъ образомъ въ смыслѣ большаго обращенія вниманія на профилактику (Rumpf). Часто приходится видѣть ему самое зарожденіе болѣзни, начало ея, что въ клиникѣ наблюдать довольно затруднительно. Сталкиваясь сразу со всей семьей больного, практикантъ нерѣдко имѣетъ возможность наблюдать вліяніе наслѣдственности, разспросы же окружающихъ позволяютъ ему легче разбираться въ анамнезѣ. Такимъ образомъ, Поликлиника не только раскрываетъ передъ практикантомъ жизнь въ ея собственныхъ краскахъ и рамкахъ, но и приучаетъ его къ извѣстной самостоятельности, къ самостоятельности, вводитъ его въ дѣйствительную практику. „Она сообщаетъ ему какъ разъ ту подготовку къ обязанностямъ врача-практика, которую не даетъ ему клиника“ (Müller¹). „Стационарная клиника, по мнѣнію Проф. Dusch'a²), даетъ сравнительно необильный матеріалъ собственно для самостоятельнаго изслѣдованія практикантомъ. При этихъ условіяхъ занятіе въ стационарной клиникѣ даже въ теченіи двухъ семестровъ недостаточно для полной подготовки къ самостоятельной практикѣ; получается, такимъ образомъ, пробѣлъ, выполненіе котораго крайне желательно, — это именно и достигается самостоятельною дѣятельностью практиканта у постели больного въ городѣ, подъ контролемъ преподавателя, иными словами, въ Поликлиникѣ“. Она даетъ удобный случай познакомить слушателей съ разнообразіемъ этиологическихъ факторовъ и картинъ болѣзни, а также раскрыть трудности терапевтическихъ мѣропріятій, каковыя порождаетъ реальная жизнь, особенно въ бѣдныхъ классахъ населенія (Ziemssen). Вотъ, существенная цѣль Поликлиники; но однимъ только этимъ не исчерпывается значеніе ея — самостоятельность Поликлиническаго практиканта, его большая или меньшая само-

1) München. med. Wochenschr. 1900. 584.

2) Deutsch. med. Wochenschr. 1888.

стоятельность морально дѣйствуетъ на медика. Больнымъ, наблюдаемымъ на его квартирѣ, слушатель значительно больше заинтересовывается, онъ знаетъ, что онъ нравственно отвѣтственъ за него; здоровье паціента ввѣрено ему. Онъ смотритъ на больного не какъ на матеріалъ для изслѣдованія, а какъ на нуждающагося въ помощи человѣка (Rumpf). Онъ не довольствуется при этихъ условіяхъ поверхностнымъ разборомъ паціента, нѣтъ, онъ усиленно начинаетъ посѣщать больного, тщательно взвѣшивать всѣ полученные при изслѣдованіи результаты, всѣ свои доводы, пользуясь непрерывнымъ руководствомъ Поликлиники. „Однимъ словомъ, въ Поликлиникѣ студентъ встрѣчаетъ крайне цѣнное общеніе, какъ съ преподавателемъ, такъ и съ больными, главнымъ образомъ, въ томъ случаѣ, если, соотвѣтственно своему названію, Поликлиника есть дѣйствительно Stadtklinik.“ (Müller¹⁾).

А какъ часто приходится знакомиться практиканту съ неприкрашенною человѣческою нуждою; вѣдь вся его поликлиническая дѣятельность протекаетъ среди самыхъ недостаточныхъ слоевъ населенія, среди самыхъ неблагопріятныхъ гигиеническихъ условій. Уже студентомъ онъ видитъ противорѣчія жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, реальныя, наблюдаемыя имъ нравственныя и физическія страданія паціента побуждаютъ практиканта — въ сознаніи своей нравственной отвѣтственности и желаніи поскорѣе помочь — справляться въ учебникахъ, книгахъ и т. п., усиленно ихъ штудировать, словомъ, продѣлывать все то, къ чему такъ часто приходится обращаться начинающему врачу, который, вдобавокъ, лишень и той моральной поддержки, которая имѣется у Поликлиническаго практиканта — въ видѣ возможности въ любое время прибѣгнуть къ руководству Поликлиники. Благодаря ей, студентъ-медикъ встрѣчаетъ цѣлый рядъ бо-

1) München. med. Wochenschr. 1900.

лѣзней, такъ часто попадающихся въ обыденной жизни, въ пріемной врача, какъ то : заболѣваніе полости рта, глотки, начальные стадіи бронхитовъ и т. д., словомъ, болѣзни въ такомъ періодѣ, который доступенъ еще внѣбольничному лѣченію.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о значеніи Поликлиники въ дѣлѣ подготовленія нашихъ студентовъ къ многотрудной земской врачебной дѣятельности, куда вѣдь и поступаетъ почти весь составъ медиковъ. Можетъ ли клиника дать хоть малѣйшее представленіе о томъ, что ожидаетъ молодого врача въ нашей деревнѣ. Страшная бѣдность, темнота, полное отсутствіе гигиены — все это заставляетъ врача въ земской обстановкѣ въ отчаяніи чуть не опускать руки. Вотъ, здѣсь то и цѣнна во врачѣ способность быстро ориентироваться и подавать соотвѣтствующіе помощь и совѣтъ, не смотря на крайне тяжелыя бытовыя условія населенія. Какъ далека эта будничная безотрадная обстановка отъ обычныхъ условій клиники, въ особенности, если она поставлена на образцовую ногу.

Кромѣ чисто научно-учебнаго значенія, Поликлиника играетъ немаловажную роль и въ дѣлѣ филантропіи, или, лучше, въ дѣлѣ подачи бесплатной помощи нуждающемуся населенію. У насъ, въ Юрьевѣ, имѣется лишь одна городская больница, которая и должна обслуживать весь городъ, приэтомъ какой-либо городской бесплатной лѣчебницы для приходящихъ не существуетъ.

Наши поликлиническіе практиканты, въ отношеніи подачи недостаточнымъ больнымъ медицинской помощи на дому, замѣняютъ въ учебное время врачей. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить постановку лѣченія неимущихъ больныхъ въ крупныхъ центрахъ Россіи. У меня имѣются свѣдѣнія объ этомъ изъ Харькова, Кіева, Одессы, Москвы и Петербурга.

Въ Харьковѣ¹⁾ существуетъ въ настоящее время 4 амбулаторіи, оказывающія въ годъ помощь приблизительно до 42—45.000 больнымъ. Врачи амбулаторій обязаны также посѣщать больныхъ и на ихъ квартирахъ. Нечего и говорить, что регулярно оказывать помощь на дому эти заваленные амбулаторною работою четыре врача не имѣютъ физической возможности.

Въ Кіевѣ 6 врачей для бѣдныхъ. Ихъ дѣятельность сводится къ амбулаторнымъ приѣмамъ. Въ половинѣ этихъ лѣчебницъ для приходящихъ больныхъ не имѣется даже фельдшеровъ въ помощь врачу. Приѣмъ доходитъ до 40.000 слишкомъ въ годъ. Здѣсь тоже не можетъ быть рѣчи о правильной домашней врачебной помощи.

Въ Одессѣ 11 городскихъ врачей завалены работою; на нихъ лежитъ и санитарный надзоръ за школами, и осмотръ учениковъ, и выдача разныхъ свидѣтельствъ, и амбулаторный приѣмъ и т. д. и т. д.

Въ Москвѣ дѣло обстоитъ такъ. Имѣется нѣсколько учрежденій для оказанія необходимой медицинской помощи бѣднымъ больнымъ. Такъ, на службѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества состоятъ нѣсколько врачей, но они не получаютъ никакого жалованія, а слѣдовательно отдавать весь свой трудовой день приѣму амбулаторныхъ больныхъ и посѣщенію ихъ на квартирахъ они, естественно, не въ состояніи. Есть, дальше, городскія попечительства о бѣдныхъ и при нихъ врачи-сотрудники. Но размѣры врачебной помощи, подаваемой неимущимъ больнымъ со стороны городскихъ попечительствъ не особенно велики, по сравненію съ остальною ихъ благотворительною дѣятельностью. Такъ, по отчету городского Попечительства о бѣдныхъ Арбатской части за 1903 г., медицинская помощь на дому оказана въ этой части города всего лишь 83 че-

1) Сообщенія санитарнаго врача г. Харькова В. Г. Фавра.

ловѣкамъ. Имѣется, далѣе, 17 городскихъ врачей для бѣдныхъ. Посѣтить большое количество больныхъ на дому они, конечно, не могутъ. Существуютъ городскія амбулаторіи, но подача домашней помощи больнымъ не входитъ въ кругъ дѣятельности этихъ амбулаторій. Есть нѣсколько общинъ, но тамъ организація регулярной помощи недостаточнымъ больнымъ находится лишь въ зачаточномъ состояніи.

Въ Петербургѣ Императорскимъ Человѣколюбивымъ Обществомъ по отчету 1902 года принято было 11.479 человѣкъ. Кромѣ этого, здѣсь мы встрѣчаемъ институтъ думскихъ врачей; ихъ всего на весь С.-Петербургъ съ его 1^{1/2} миллионнымъ населеніемъ, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ за 1901 г.¹⁾, было 36 человѣкъ! Они распределены по участкамъ, и обязанность ихъ состоитъ главнымъ образомъ въ направленіи больныхъ въ городскія больницы, да въ санитарныхъ наблюденіяхъ. Пользовать больныхъ на ихъ квартирахъ думскимъ врачамъ совершенно не позволяетъ время, такъ какъ ихъ слишкомъ мало. Благодаря же отсутствію возможности во время, въ самомъ начальномъ періодѣ болѣзни получать безвозмездно регулярную, ежедневную врачебную помощь на дому, больнымъ приходится ложиться въ больницы въ запущенномъ уже состояніи болѣзни, а это отражается плохо и на самомъ больномъ и на обществѣ; первый, попавши черезчуръ поздно въ больницу, черезчуръ же долго и залеживается въ ней; общество же теряетъ тутъ въ томъ отношеніи, что получается страшное переполненіе больницъ, на которое такъ жалуется особенно Петербургская пресса.

Что же, спрашивается, имѣетъ Юрьевъ? Въ семестральное учебное время онъ насчитываетъ не 6, не 11 или 36, а приблизительно 50 слишкомъ человѣкъ (въ каждое по-

1) Отчетъ Спб. Городскаго Исполнительнаго Комитета за 1901, 1902 и 1903 г.

лугодіе), подѣ контролемъ Поликлиники подающихъ врачебную помощь неимущимъ больнымъ на дому; — и это только на 45—50.000 жителей! Каждый больной можетъ скоро получить помощь. Конечно, приходится оговориться, что это — не врачи, но вѣдь это уже медики V курса. Масса больныхъ имѣетъ такимъ образомъ полную возможность лѣчиться у себя на дому, чѣмъ ограничивается переполненіе больными единственнаго въ нашемъ городѣ Городскаго Госпиталя. Бесплатная врачебная помощь недостаточнымъ больнымъ у нихъ на квартирѣ подается Поликлиникою, какъ я уже оговорился, исключительно лишь во время ея функционированія, въ остальное же время, — въ вакаціонный періодъ и до начала учебныхъ занятій въ Университетѣ — положеніе заболѣвающихъ горожанъ крайне незавидно, — хуже, чѣмъ въ перечисленныхъ выше центрахъ, — если пациенты не располагаютъ достаточными средствами для платы за лѣченіе частнымъ образомъ у себя на дому, или въ Университетскихъ больничныхъ учрежденіяхъ. Достаточно упомянуть, что Городской Госпиталь взимаетъ ежедневно съ своего больного по 75 копѣекъ, двѣ же имѣющіяся здѣсь частныя лѣчебницы берутъ: одна отъ 60 копѣекъ до 4 рублей, а другая — отъ 1 рубля до 3 руб., причемъ въ двухъ послѣднихъ лѣкарства, стоимость перевязочныхъ средствъ и пр. въ общій счетъ не идутъ, а за нихъ уплачивается отдѣльно. Особенно чувствительна для городского населенія помощь Поликлиники въ дни народныхъ бѣдствій, въ видѣ той или другой эпидеміи. Здѣсь городъ имѣетъ, въ лицѣ Поликлиники, незамѣнимое учрежденіе, которое каждый разъ мобилизуетъ всѣ свои наличныя средства въ помощь населенію. Такъ, во время директорства Проф. Дегіо, въ 1892 г., въ Юрьевѣ ожидалась холера. Поликлиника организовала спеціальныя холерныя приемы; подготавливала студентовъ медиковъ къ борьбѣ съ холерою, ознакомивъ ихъ спеціально съ подачею помощи

холернымъ больнымъ. На счастье, холера не приняла тогда большихъ размѣровъ и скоро прекратилась.

Слѣдующее эпидемическое заболѣваніе, съ которымъ пришлось считаться Поликлиникѣ, была оспа въ 1899—1900 годахъ. Эпидемія сосредоточилась въ наиболѣе низкихъ, прирѣчныхъ, бѣдныхъ кварталахъ города, т. е. какъ разъ въ тѣхъ слояхъ населенія, гдѣ подача медицинской помощи особенно затруднена, вслѣдствіе крайней необезпеченности жителей. Борьба Поликлиники съ оспою состояла прежде всего въ вакцинаціи и ревакцинаціи, чѣмъ значительно сокращалось число заболѣваній. Распределенные же по городу практиканты заставляли болѣзнь въ самомъ раннемъ ея періодѣ. Такимъ образомъ, каждый новый случай заболѣванія почти сейчасъ же былъ извѣстенъ, регистрировался, и принимались мѣры изоляціи и дезинфекціи больныхъ и ихъ помѣщеній. Въ настоящее время Азіатская холера вновь собирается посѣтить нашъ городъ. Поликлиника, по мѣрѣ силъ и возможности, готовится къ встрѣчѣ. Она выпустила на Русскомъ и Эстонскомъ языкахъ особую таблицу наставленій (см. Приложение), гдѣ одною изъ первыхъ задачъ является успокоеніе распространившейся, по примѣру Петербурга, въ Юрьевѣ паники; заведены въ Поликлиникѣ холерная аптека, носилки, снабженные бѣлымъ резиновымъ полотномъ, допускающимъ тщательную дезинфекцію растворомъ сулемы. Для дезинфекціи рукъ, послѣ изслѣдованія холерныхъ больныхъ, ихъ экскретовъ и т. п., я завелъ ирригаторы слѣдующаго устройства: на деревянныхъ кронштейнахъ поставлены большія бутылки съ растворомъ сулемы; отъ бутылей, именно, отъ боковыхъ отверстій въ нихъ отведены резиновые трубки со стекляннымъ наконечникомъ; трубка герметически закрывается при помощи зажима, который въ любую минуту раскрывается и пропускаетъ черезъ трубку и наконечникъ дезинфецирующую жидкость, при нажатіи ногою на педаль; такое устройство позволяетъ мыть дезин-

фецирующимъ растворомъ руки, не прикасаясь послѣдними къ умывальнику.

Полъ Поликлиники, для удобства промыванія дезинфецирующими средствами, выстланъ линолеумомъ. Въ ожидальной комнатѣ для Поликлиническихъ больныхъ поставлена для питья кипяченая вода. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличено количество бѣлья (простыни и пр.), холщевыхъ халатовъ для Поликлиническаго персонала и практикантовъ, увеличено количество желѣзной эмалированной посуды, въ родѣ тазовъ, лотковъ, котловъ и пр.

Въ заключеніе, скажу два слова о постановкѣ Поликлиническаго преподаванія за границей.

Поликлиника, собственно, существуетъ только при Германскихъ Университетахъ. Но и здѣсь, такъ сказать, на своей родинѣ, она не вездѣ утилизируется въ своемъ полномъ объемѣ. Такъ, въ Боннѣ¹⁾ существуетъ лишь амбулаторный приѣмъ въ Поликлиникѣ. Директоръ Боннской Поликлиники Проф. Rühle — противникъ занятій студентовъ на дому у больныхъ; онъ выбираетъ изъ амбулаторнаго матеріала подходящіе случаи и демонстрируетъ ихъ на лекціи. Студентъ здѣсь лишь — слушатель и пассивный зритель. То же полное отсутствіе самостоятельности Поликлиническихъ практикантовъ встрѣчаемъ мы и въ Тюбингенѣ²⁾: больные всецѣло находятся въ вѣдѣніи ассистентовъ. Проф. Jürgensen цѣль завѣдуемой имъ въ Тюбингенѣ Поликлиники видитъ только въ групповомъ посѣщеніи совместно съ нимъ городскихъ больныхъ; результаты такого посѣщенія служатъ потомъ предметомъ его обсужденія на слѣдующей лекціи. Группы состоятъ изъ 13—15 человекъ, въ теченіи трехъ часовъ, положенныхъ на объѣздъ, обыкновенно осматривается отъ 6—7 пациентовъ. Такимъ обра-

1) Deutsch. med. Wochenschr. 1888. S. 11 u. f.

2) Idem 758 u. f.

зомъ, групповое посѣщеніе каждаго больного не можетъ быть ежедневнымъ. Въ Берлинской Университетской Поликлиникѣ¹⁾ студентъ уже можетъ, если пожелаетъ и найдетъ время, лѣчить больного на дому, подъ руководствомъ ассистента. Къ Поликлиникѣ приписаны даже два участка, состоящіе въ вѣдѣніи врачей для бѣдныхъ. Къ сожалѣнію, сама Поликлиника помѣщается въ центрѣ аристократической части города, и получать для курированія больныхъ студентамъ совершенно не приходится, такъ какъ въ сосѣднихъ кварталахъ не можетъ быть и рѣчи о поликлинической помощи, приписанные же къ Поликлиникѣ кварталы отстоятъ слишкомъ далеко; да и тамъ ихъ число незначительно; ихъ такъ мало, что по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ не встрѣчается подходящаго остраго случая. Поэтому студенты ограничиваются обычно однимъ амбулансомъ. Здѣсь наблюдается масса дѣтскихъ заболѣваній, достаточное количество — и взрослыхъ. Приѣмъ ежегодный достигаетъ свыше 13.000 человекъ. Обычно студенты по группамъ вызываются за нѣсколько дней до лекціи, и каждому изъ нихъ поручается для разбора одинъ больной, котораго онъ и долженъ изслѣдовать самостоятельно или обратившись къ помощи ассистента и потомъ на лекціи продемонстрировать предъ профессоромъ и остальными слушателями. За семестръ каждый студентъ имѣетъ возможность продемонстрировать 5—6 больныхъ, да видѣть нѣсколько сотъ остальныхъ демонстрацій. Если больному трудно ходить, то его помѣщаютъ въ терапевтическую клинику, въ больницѣ Charité, соединенную въ послѣднее время съ Поликлиникою, и практиканты могутъ продолжать его тамъ наблюдать.

Въ Эрлангенѣ существуетъ только Hauspoliklinik, т. е. лѣченіе больныхъ у нихъ на квартирахъ. Каждаго боль-

1) Deutsch. med. Wochenschr. 1890 г. 269. Prof. Senator, „Über den poliklinischen Unterricht mit besonderer Rücksicht auf Berlin“.

наго, прежде чѣмъ передать его на руки практиканту, изслѣдуетъ или самъ профессоръ, или же его ассистентъ; только тогда больной поручается студенту. Благодаря ограниченному числу практикантовъ, послѣдніе еженедѣльно имѣютъ по новому больному. Получивши его, студентъ наблюдаетъ за теченіемъ болѣзни до ея окончанія. Его роль сводится лишь къ изслѣдованію и наблюденію, все же остальное поручается не ему, а Поликлиническимъ ассистентамъ. Результаты изслѣдованія, въ видѣ краткой исторіи болѣзни, сообщаются практикантомъ въ Поликлинику, гдѣ они реферируются и разбираются. При неполнотѣ изслѣдованія или при тяжеломъ положеніи больного, директоръ или его ассистентъ отправляются, въ сопровожденіи практиканта, на квартиру больного для детальнаго изслѣдованія. Разъ въ недѣлю группа въ 15 человѣкъ, во главѣ съ профессоромъ, посѣщаетъ 2—3 поучительныхъ больныхъ.

Въ Мюнхенѣ Поликлиника, по сравненію съ Эрлангенскою, находится въ болѣе счастливомъ положеніи, такъ какъ она располагаетъ и большой амбулаторіей, и оба эти института доступны для занятій студентовъ, но только старшихъ семестровъ. Въ амбулаторіи студентъ систематически изслѣдуетъ любого больного; это изслѣдованіе сейчасъ же пополняется профессоромъ, который устанавливаетъ діагнозъ, прогнозъ и терапію случая. Практикантъ самъ пишетъ тутъ рецептъ и предлагаетъ тѣ или другія терапевтическія мѣры. При посѣщеніи больного на дому, практикантъ не довольствуется однимъ изслѣдованіемъ, а дѣйствуетъ уже въ качествѣ врача, съ извѣстнымъ ограниченіемъ: его рецептъ проходитъ чрезъ Поликлиническую Аптеку, гдѣ ихъ провѣряетъ особо назначенный для этого ассистентъ. Въ опредѣленный заранѣе часъ практикантъ даетъ профессору отчетъ о своихъ городскихъ больныхъ. При необходимости, происходитъ совмѣстное изслѣдованіе на дому у больного.

Въ Марбургѣ¹⁾ практикуется тоже лѣченіе на дому. Однако практикантъ получаетъ больного на руки лишь послѣ изслѣдованія его директоромъ или ассистентомъ, управляющимся въ первый разъ съ практикантомъ. Послѣ этого дальнѣйшее наблюденіе и лѣченіе уже передается студенту.

Въ Гейдельбергѣ²⁾ практиканты также пользуют больных на дому. Имъ здѣсь предоставлена довольно большая самостоятельность. Практикантъ посѣщаетъ больного, изслѣдуетъ и ведетъ лѣченіе самъ. Одинъ, безъ всякаго содѣйствія, ставитъ онъ діагнозъ и назначаетъ терапію. Контроль достигается тѣмъ, что профессоръ или его ассистентъ посѣщаютъ и изслѣдуютъ больныхъ помимо практиканта, въ его отсутствіи. Всѣ рецепты студентовъ проходятъ въ аптеку академической больницы чрезъ руки ассистента, кромѣ того, ихъ регулярно провѣряетъ предъ лекціей самъ профессоръ. О положеніи больного, о всѣхъ результатахъ химико-микроскопическаго изслѣдованія студентъ дѣлаетъ на лекціи докладъ устно профессору. Послѣдній указываетъ на недостатки, исправляетъ діагнозъ и назначенія, и это служитъ предметомъ данной лекціи. По поводу каждаго своего больного студентъ ведетъ отдѣльную исторію болѣзни, которую и передаетъ профессору по выздоровленіи паціента. Въ случаѣ смерти больного, студентъ самъ можетъ его вскрыть, а протоколъ вскрытія присоединяетъ къ исторіи болѣзни для представленія профессору.

Въ Англіи Поликлиника совсѣмъ почти отсутствуетъ. Во Франціи были стремленія къ устройству Поликлиники, и даже былъ, для ознакомленія съ Германскими и Австрійскими Поликлиниками, командированъ Докторъ Е. Chantre.

1) Berlin. klin. Wochenschr. 1888. 1037.

2) Deutsch. med. Wochenschr. 1888.

Однако же, отдавъ должное посѣщеннымъ имъ Поликлиникамъ Германіи и Австро-Венгріи, онъ не нашелъ нужнымъ организовать Поликлинику у себя, во Франціи.

Такимъ образомъ Поликлиники существуютъ, собственно говоря, только въ Германіи, Австро-Венгріи, а въ Россіи — только у насъ въ Юрьевѣ. Но за границей, Поликлиника не имѣетъ однообразнаго плана дѣйствій. Такъ, мы уже видѣли, что Проф. Rühle (въ Боннѣ) — противникъ лѣченія больныхъ практикантомъ на дому и совсѣмъ его не примѣняетъ. Проф. Jürgensen (въ Тюбингенѣ) видитъ главную пользу не въ единоличномъ посѣщеніи студентомъ больного, а въ групповыхъ визитахъ. Наряду съ этимъ, существуетъ въ другихъ поликлиническихъ городахъ и самостоятельная практика студентовъ. Вообще же говоря, въ большинствѣ Германскихъ Университетовъ не существуетъ для студентовъ-медиковъ обязательности занятій въ Поликлиникѣ, не требуется также и регулярнаго, ежедневнаго посѣщенія Поликлиническихъ больныхъ Поликлиническими практикантами. Однимъ словомъ, занятія въ Поликлиникѣ въ Германіи скорѣе носятъ случайный характеръ, въ зависимости отъ личныхъ вкусовъ и взглядовъ на дѣло со стороны Директора этого клиническаго института, чѣмъ представляютъ строго проведенную, опредѣленную Университетскою программою систему образованія медика. Недаромъ Penzoldt выражаетъ желаніе, чтобы, „въ виду важности Поликлиники и отсутствія ея обязательности для студентовъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ Университетовъ, къ государственнымъ экзаменамъ допускались лишь тѣ, кто представитъ удостовѣреніе въ Поликлинической практикѣ. Обязательное участіе въ Поликлиническихъ занятіяхъ, по мнѣнію Penzoldt'a, означало бы существенный шагъ впередъ въ дѣлѣ пракческаго образованія медиковъ“¹⁾.

1) München. med. Wochenschr. 1893.

„Поликлиника — неизбежное дополнение 2—3 семестрового клинического обучения, по мнѣнію Проф. Непосн'а¹⁾. Повседневный опыт студентъ можетъ пріобрѣтать только въ Поликлиникѣ. Крайне прискорбно, говоритъ онъ далѣе, что игравшее прежде такую большую роль посѣщеніе практикантами больныхъ на ихъ квартирахъ въ настоящее время, при громадномъ расширеніи города, за рѣдкими исключеніями, стало невозможнымъ. А въ виду желательности этого, студентамъ надо бы было вмѣнить въ обязанность въ продолженіи цѣлаго семестра посвящать себя исключительно только Поликлиническимъ занятіямъ, что было бы крайне цѣлесообразно.“

Въ этомъ отношеніи нашъ Университетъ, который часто именуется сколкомъ съ Германскихъ Университетовъ, цѣльнѣе, планомѣрнѣе проводитъ принципы этой системы. Каждый студентъ-медикъ нашего Университета обязанъ на IX либо X семестрѣ имѣть одно полугодіе Поликлиническихъ занятій. Ни одинъ кончающій у насъ медикъ не пройдетъ Университетскаго курса, не освоившись съ настоящею, жизненною обстановкою своихъ Поликлиническихъ паціентовъ и не столкнувшись приэтомъ съ своеобразными задачами и требованіями, предъявляемыми суровою дѣйствительностью.

Весь этотъ въ высшей степени разнородный контингентъ Поликлиническихъ больныхъ, съ ихъ не менѣе разнородными соціально-экономическими и другими условіями, доставляющими, — что ни паціентъ, то свои индивидуальныя осложненія въ смыслѣ діагностическомъ или терапевтическомъ, — все это не можетъ пройти безрезультатно для курирующаго практиканта; наоборотъ, все это оставляетъ въ его памяти неизгладимые слѣды и обогащаетъ, такимъ образомъ, опытность будущаго врача; послѣднему, въ его

1) Deutsch. med. Wochenschr. 1888.

дальнѣйшей самостоятельной, практической дѣятельности, не приходится уже на своихъ пациентахъ накапливать медицинскую опытность, практичность; располагая вынесенными изъ Поликлинической практики воспоминаніями, онъ можетъ, — *mutatis mutandis* — примѣнять ихъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Такого же рода непосредственную подготовку къ жизни получаютъ наши студенты-медики въ акушерско-гинекологической клиникѣ съ ея практическими занятіями на квартирахъ у городскихъ роженицъ и въ другихъ нашихъ клиническихъ институтахъ.

Вотъ, можетъ быть, почему врачи-питомцы Юрьевского Университета и студенты-медики, не смотря на крайнюю бѣдность научно-учебныхъ учреждений нашего Университета, сплошь и рядомъ, — въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, въ земскихъ больницахъ, на врачебно-продовольственныхъ пунктахъ и при работѣ на эпидеміяхъ, проявляютъ себя дѣятелями, незамѣнимыми по приносимой ими населенію пользѣ. Такъ поддерживаютъ они доброе имя своей *almae matris*! У меня много отзывовъ отъ земствъ, Общества Краснаго Креста, другихъ общественныхъ учреждений и лицъ, гдѣ съ благодарностью вспоминается вакаціонная работа нашихъ медиковъ, весьма часто оттъняется именно „быстрая оріентировка“, „знаніе дѣла“, „умѣніе приспособиться къ совершенно незнакомой средѣ“, „пониманіе своихъ задачъ“, вызванное ими къ себѣ „довѣріе населенія“ и т. д. и т. д.

Въ заключеніе, приходится съ сожалѣніемъ отмѣтить, что ни одинъ университетъ, кромѣ нашего, не обладаетъ такимъ учрежденіемъ для подготовки практическихъ врачей, какъ Поликлиника. Десятилѣтняя практика моя по руководству дѣятельностью Поликлиническихъ слушателей все болѣе и болѣе устанавливаетъ въ моихъ глазахъ все жизненное значеніе Поликлиники и заставляетъ высказать

мое настоятельное пожеланіе, чтобы этотъ клиническій институтъ составлялъ неотъемлемую принадлежность каждаго Русскаго медицинскаго факультета. И этого надо пожелать въ видахъ практической подготовки будущихъ врачей, а слѣдовательно — для блага ихъ больныхъ.

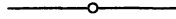

Таблица I.

Годъ, семестръ	Директоръ Поликлиники	Директоръ Мед. Клиники	Число всѣхъ студентовъ медиковъ въ Универ- ситетѣ.	Число студен- товъ практи- кантовъ и аус- культантовъ	Число при- ходящихъ и поликлини- ческихъ больныхъ.	Количе- ство на- родонасе- ленія въ городѣ Юрьевѣ
1803 I сем.			12			5500 ¹⁾
„ II „						
1804 I сем.						
„ II „	Проф. Балкъ	Проф. Балкъ	22		90 (въ томъ числѣ и стаціонарные больные)	
1805 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	19		35	
1806 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	31		177 (въ томъ числѣ и стаціонарные больные)	
1807 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	31		58 (включая и стаціонарныхъ больныхъ)	
1808 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	42		174 (въ томъ числѣ и стаціонарные больные)	
1809 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	86		101	
1810 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	92		95	
1811 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	103		36	
1812 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	51		54 (включая и стаціонарныхъ больныхъ)	
1813 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	77		45	
1814 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	76		50	
1815 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	75		55	
1816 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	78		33	7400
1817 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	Проф. Эрдманнъ	Проф. Дейтчъ Проф. Эрдманнъ	54		38	
1818 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	59		134	
1819 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	83		138	
1820 I сем.	„ „	„ „				
„ II „	„ „	„ „	92	10 практикант.	191	

1) A. Hasselblatt, Etwas über Dorpats Vergangenheit und Zukunft.
Baltische Monatsschrift. 1904. Bd. 57, Heft 1.

Годъ, семестръ	Директоръ Поликлиники	Директоръ Мед. Клиники	Число всѣхъ студентовъ медиковъ въ Универ- ситетѣ	Число студен- товъ практи- кантовъ и аус- культантовъ	Число при- ходящихъ и поликлини- ческихъ больныхъ	Количе- ство на- родонасе- ленія въ городѣ Юрьевѣ
1821 I сем.	Проф. Эрдманнъ	Проф. Эрдманнъ		34 16 практик. 18 аускульт.		8088
" II "	" "	" "	105	27 15 практик. 12 аускульт.	249	
1822 I сем.	" "	" "		46 20 практик. 26 аускульт.		
" II "	" "	" "	111	49 20 практик. 29 аускульт.	247	
1823 I сем.	" "	" "		53 28 практик. 25 аускульт.		
" II "	Проф. Заменъ	Проф. Заменъ	113	50 24 практик. 26 аускульт.	181	
1824 I сем.	Проф. Струве	Проф. Струве		56 24 практик. 32 аускульт.		8499
" II "	" "	" "	108	59 45 практик. 14 аускульт.	300	
1825 I сем.	" "	" "		45 23 практик. 22 аускульт.		
" II "	" "	" "	122	28 18 практик. 10 аускульт.	300	
1826 I сем.	" "	" "		35 12 практик. 23 аускульт.		8600
" II "	" "	" "	131	31 16 практик. 15 аускульт.	441	
1827 I сем.	" "	" "		55 27 практик. 28 аускульт.		9000
" II "	" "	" "	158	34 20 практик. 14 аускульт.	410	
1828 I сем.	" "	" "		46 17 практик. 29 аускульт.		
" II "	Проф. Заменъ	Проф. Заменъ	191	43 22 практик. 21 аускульт.	390	
1829 I сем.	" "	" "		58 34 практик. 24 аускульт.		
" II "	" "	" "	207	52 18 практик. 34 аускульт.		
1830 I сем.	" "	" "		66 23 практик. 43 аускульт.		
" II "	" "	" "	226	81 31 практик. 50 аускульт.	„значитель- ное число“	
1831 I сем.	" "	" "		40 практикант.		
" II "	" "	" "	250	36 практикант.	736	
1832 I сем.	" "	" "		79 43 практик. 36 аускульт.		
" II "	" "	" "	299	93 60 практик. 33 аускульт.	716	
1833 I сем.	" "	" "		85 32 практик. 53 аускульт.		
" II "	" "	" "	287	68 33 практик. 35 аускульт.	642	

Годъ, семестръ	Директоръ Поликлиники	Директоръ Мед. Клиники	Число всѣхъ студентовъ медииковъ въ Универ- ситетѣ	Число студен- товъ практи- кантовъ и аус- культантовъ	Число при- ходящихъ и поликлини- ческихъ больныхъ	Количе- ство на- родонасе- ленія въ городѣ Юрьевъ
1834 I сем.	Проф. Заменъ	Проф. Заменъ		73 { 42 практик. 31 аускульт.		10800
" II "	" "	" "	285	58 { 46 практик. 12 аускульт.	452	
1835 I сем.	" "	" "		78 { 48 практик. 30 аускульт.		
" II "	" "	" "	293	74 { 49 практик. 25 аускульт.	1090	
1836 I сем.	" "	" "		74 { 46 практик. 28 аускульт.		
" II "	" "	" "	249	65 { 42 практик. 23 аускульт.	840	
1837 I сем.	" "	" "		69 { 42 практик. 27 аускульт.		
" II "	" "	" "	239	67 { 36 практик. 31 аускульт.	525	
1838 I сем.	" "	" "		57 { 39 практик. 18 аускульт.		
" II "	" "	" "	213	44 { 34 практик. 10 аускульт.	640	
1839 I сем.	" "	" "		37 { 17 практик. 20 аускульт.		
" II "	" "	" "	198	26 { 11 практик. 15 аускульт.	596	
1840 I сем.	" "	" "		43 { 20 практик. 23 аускульт.		
" II "	" "	" "	180	38 { 17 практик. 21 аускульт.	833	
1841 I сем.	" "	" "		47 { 27 практик. 20 аускульт.		
" II "	" "	" "	175	46 { 23 практик. 23 аускульт.	982	
1842 I сем.	" "	" "		45 { 30 практик. 15 аускульт.		
" II "	" "	" "	157	49 { 31 практик. 18 аускульт.	770	
1843 I сем.	" "	" "		48 { 28 практик. 20 аускульт.		870
" II "	" "	" "	188	36 { 33 практик. 3 аускульт.	870	
1844 I сем.	" "	" "		38 { 25 практик. 13 аускульт.		
" II "	" "	" "	195	33 { 12 практик. 21 аускульт.	876	
1845 I сем.	" "	" "		41 { 20 практик. 21 аускульт.		
" II "	" "	" "	182	38 { 22 практик. 16 аускульт.	1043	
1846 I сем.	Проф. Варвинскій	" "		39 { 26 практик. 13 аускульт.		1236
" II "	Проф. Эстерленъ	" "	162	26 { 20 практик. 6 аускульт.	1236	

Годъ, семестръ	Директоръ Поликлиники	Директоръ Мед. Клиники	Число всѣхъ студентовъ медииковъ въ Универ- ситетѣ	Число студен- товъ практи- кантовъ и аус- культантовъ	Число при- ходящихъ и поликлини- ческихъ больныхъ	Количе- ство на- родонасе- ленія въ городѣ Юрьевѣ
1847 I сем.	Проф. Эстерленъ	Проф. Заменъ		30 { 21 практик. 9 аускульт.		
" II "	" "	Проф. Эстерленъ	174	32 { 18 практик. 14 аускульт.	1196	
1848 I сем.	Проф. Эрдманнъ	" "		37 { 22 практик. 15 аускульт.		
" II "	" "	Проф. Эрдманнъ	184	44 { 27 практик. 17 аускульт.	1182	
1849 I сем.	" "	" "		35 студентовъ	Амб. больн. 1647	
" II "	" "	" "	206	31 студентъ	Поликл. б. 1409	
1850 I сем.	" "	" "		45 практик.	Амб. больн. 1508	
" II "	" "	" "	216	46 "	Поликл. б. 1025	
1851 I сем.	Проф. Краузе	" "		57 "	Амб. больн. 1519	
" II "	" "	" "	235	47 "	Поликл. б. 832	
1852 I сем.	Проф. Эрдманнъ	Проф. Краузе		39 "	Амб. больн. 2248	
" II "	" "	" "	238	35 "	Поликл. б. 1735	
1853 I сем.	Проф. Краузе	Проф. Эрдманнъ		57 "	Амб. больн. 2343	
" II "	" "	" "	269	46 "	Поликл. б. 1023	
1854 I сем.	" "	" "		53 "	Амб. больн. 2085	12800
" II "	" "	" "	266	52 "	Поликл. б. 950	
1855 I сем.	" "	" "		63 "	Амб. больн. 2644	
" II "	" "	" "	271	65 "	Поликл. б. 930	
1856 I сем.	Проф. Эрдманнъ	Проф. Краузе Проф. Эрдманнъ		62 "	Амб. больн. 1582	
" II "	" "	Д-ръ Вейрихъ	284	58 "	Поликл. б. 2107	
1857 I сем.	Проф. Вейрихъ	Проф. Эрдманнъ		74 "	Амб. больн. 1793	
" II "	" "	" "	265	65 "	Поликл. б. 779	
1858 I сем.	Проф. Эрдманнъ	Проф. Вейрихъ		51 "	Амб. больн. 975	
" II "	Проф. Вейрихъ	" "	270	51 "	Поликл. б. 800	
1859 I сем.	" "	" "		52 "	Амб. больн. 965	
" II "	Проф. Уле	Проф. Уле	262	42 "	Поликл. б. 572	

Годъ, семестръ	Директоръ Поликлиники	Директоръ Мед. Клиники	Число всѣхъ студентовъ медиковъ въ Универ- ситетѣ	Число студен- товъ практи- кантовъ и аус- культантовъ	Число при- ходящихъ и поликлини- ческихъ больныхъ	Количе- ство на- родонасе- ленія въ городѣ Юрьевѣ
1860 I сем.	Проф. Вейрихъ	Проф. Вейрихъ		66 практик.	Амб. больн. 976	
„ II „	Проф. Ваксмуть	„ „	304	65 „	Поликл. б. 1054	
1861 I сем.	Проф. Вейрихъ	Проф. Ваксмуть		41 „	Амб. больн. 1020	
„ II „	„ „	„ „	284	„ „	Поликл. б. 1436	
1862 I сем.	Проф. Ваксмуть	Проф. Вейрихъ		33 „	Амб. больн. 395	
„ II „	„ „	„ „	231	„ „	Поликл. б. 1775	
1863 I сем.	Проф. Вейрихъ	Проф. Ваксмуть		48 „	Амб. больн. 583	
„ II „	„ „	„ „	220	41 „	Поликл. б. 2047	
1864 I сем.	Проф. Ваксмуть	Проф. Вейрихъ		65 „	Амб. больн. 320	
„ II „	„ „	„ „	220	„ „	Поликл. б. 2714	
1865 I „	Проф. Вейрихъ	Проф. Ваксмуть		48 „	Амб. больн. 236	
„ II „	„ „	Проф. Вейрихъ	181	„ „	Поликл. б. 2474	
1866 I сем.	Проф. Фогель	„ „			Амб. больн. 326	
„ II „	„ „	„ „	184	„ „	Поликл. б. 2611	
1867 I сем.	Проф. Вейрихъ	Проф. Фогель		58 „	Амб. больн. 440	21000
„ II „	„ „	„ „	184	„ „	Поликл. б. 1834	
1868 I сем.	Проф. Фогель	Проф. Вейрихъ		26 „	Амб. больн. 499	
„ II „	„ „	„ „	168		Поликл. б. 2900	
1869 I сем.	„ „	Проф. Фогель		35 „	Амб. больн. 901	
„ II „	Проф. Наунинъ	„ „	163	„ „	Поликл. б. 3112	
1870 I сем.	Проф. Фогель	Проф. Наунинъ		62 „	Амб. больн. 736	
„ II „	„ „	„ „	208	„ „	Поликл. б. 2900	
1871 I сем.	Проф. Наунинъ	Проф. Фогель		38 „	Амб. больн. 718	
„ II „	„ „	„ „	239	„ „	Поликл. б. 2200	
1872 I сем.	Проф. Фогель	Проф. Шультценъ		36 „	Амб. больн. 623	
„ II „	Прив. Доц. Зенффе	„ „	247	„ „	Поликл. б. 2050	

Годъ, семестръ	Директоръ Поликлиники	Директоръ Мед. Клиники	Число всѣхъ студентовъ медиц. въ Универ- ситетѣ	Число студен- товъ практи- кантовъ и аус- культантовъ	Число при- ходящихъ и поликлини- ческихъ больныхъ	Количе- ство на- родонасе- ленія въ городѣ Юрьевѣ
1873 I сем.	Прив.Доц.Зенѳфъ	Проф. Фогель		47 практик.	Амб. больн. 613	
" II "	" " "	" "	265	" "	Поликл. б. 2020	
1874 I сем.	Проф. Гоффманнъ	" "		28 "	Амб. больн. 975	
" II "	" "	" "	303	36 "	Поликл. б. 2132	
1875 I сем.	Проф. Фогель	Проф. Гоффманнъ		29 "	Амб. больн. 558	
" II "	" "	" "	325	18 "	Поликл. б. 2729	
1876 I сем.	Проф. Гоффманнъ	Проф. Фогель		29 студентовъ	Амб. больн. 423	
" II "	" "	" "	369	23 "	Поликл. б. 1905	
1877 I сем.	Проф. Фогель	Проф. Гоффманнъ		28 практик.	Амб. больн. 257	
" II "	" "	" "	281	18 "	Поликл. б. 2435	
1878 I сем.	Проф. Гоффманнъ	Проф. Фогель		38 "	Амб. больн. 409	
" II "	" "	" "	393	37 "	Поликл. б. 2364	
1879 I сем.	Проф. Фогель	Проф. Гоффманнъ		30 "	Амб. больн. 604	
" II "	" "	" "	478	34 "	Поликл. б. 2197	
1880 I сем.	Проф. Гоффманнъ	Проф. Фогель		41 "	Амб. больн. 170	
" II "	" "	" "	498	78 "	Поликл. б. 2296	
1881 I сем.	Проф. Фогель	Проф. Гоффманнъ		38 "	Амб. больн. 223	
" II "	" "	" "	476	60 "	Поликл. б. 1727	30000
1882 I сем.	Проф. Гоффманнъ	Проф. Фогель		89 "	Амб. больн. 435	
" II "	" "	" "	659	98 "	Поликл. б. 2020	
1883 I сем.	Проф. Фогель	Проф. Гоффманнъ		62 "	Амб. больн. 477	
" II "	" "	" "	711	56 "	Поликл. б. 1816	
1884 I сем.	Проф. Гоффманнъ	Проф. Фогель		73 "	Амб. больн. 1360	
" II "	" "	" "	754	98 "	Поликл. б. 2219	
1885 I сем.	Проф. Фогель	Проф. Гоффманнъ		180{ 120 практ. 60 ауск.	Амб. больн. 1359	
" II "	" "	" "	801	146{ 90 практ. 56 ауск.	Поликл. б. 2396	

Годъ, семестръ	Директоръ Поликлиники	Директоръ Мед. Клиники	Число всѣхъ студентовъ медиковъ въ Универ- ситетѣ	Число студен- товъ практи- кантовъ и аус- культантовъ	Число при- ходящихъ и поликлини- ческихъ больныхъ	Количе- ство на- родонасе- ленія въ городѣ Юрьевѣ
1886 I сем.	Проф. Гоффманъ Проф. Вейль	Проф. Дегио		200 { 120 практ. 80 ауск.	Амб. больн. 856	
" II "	Проф. Дегио	Проф. Вейль	839	180 { 110 практ. 70 ауск.	Поликл. б. 2275	
1887 I сем.	" "	Проф. Дегио Проф. Шульце		94 студента	Амб. больн. 843	
" II "	" "	" "	858	93 "	Поликл. б. 2479	
1888 I сем.	" "	" "		102 "	Амб. больн. 841	
" II "	Доц. Штадельманъ	Проф. Дегио	878	103 "	Поликл. б. 1798	
1889 I сем.	Проф. Дегио	Проф. Унферрихтъ		97 практик.	Амб. больн. 1341	
" II "	" "	" "	775	105 "	Поликл. б. 3296	
1890 I сем.	" "	" "		103 "	Амб. больн. 1611	
" II "	" "	" "	884	113 "	Поликл. б. 3376	
1891 I сем.	" "	" "		130 "	Амб. больн. 1801	
" II "	" "	" "	863	141 "	Поликл. б. 4326	
1892 I сем.	" "	" "		213 студент.	Амб. больн. 1952	
" II "	" "	Проф. Дегио	1019	170 "	Поликл. б. 3247	
1893 I сем.	" "	Проф. Васильевъ		270 "	Поликл. б. 3940	
" II "	" "	" "	824	264 "		
1894 I сем.	" "	" "		203 "	Амб. больн. 2251	
" II "	" "	" "	743	227 "	Поликл. б. 5465	
1895 I сем.	" "	" "		28 практик.	Амб. больн. 2436	
" II "	" "	" "	622	113 студент.	Поликл. б. 5265	
1896 I сем.	" "	" "		20 практик.	Амб. больн. 1983	
" II "	" "	" "	527	49 "	Поликл. б. 5021	
1897 I сем.	" "	" "		44 "	2523	40664
" II "	" "	" "	582	55 "	Поликл. б. 4249	
1898 I сем.	Проф. Савельевъ	" "		62 "	3004	
" II "	" "	" "	727	студ. III к. 138 54 практик.	Амб. больн. Поликл. б. 2449	

Годъ, семестръ	Директоръ Поликлиники	Директоръ Мед. Клиники	Число всѣхъ студентовъ медииковъ въ Универ- ситетѣ	Число студен- товъ практи- кантовъ и аус- культантовъ	Число при- ходящихъ и поликлини- ческихъ больныхъ	Количе- ство на- родонасе- ленія въ городѣ Юрьевѣ
1899 I сем.	Проф. Савельевъ	Проф. Васильевъ		54 практик.	2899	45000
" II "	" "	" "	682	43 практик. студ. III к. 126	Поликл. б. 2900	
1900 I сем.	" "	" "		37 практ. V к.	Амб. больн. 2900	
" II "	" "	" "	792	студ. III к. 126 " V к. 83	Поликл. б. 3904	
1901 I сем.	" "	" "		" V к. 126		
" II "	" "	" "	807	" III к. 121	Поликл. б. 4575	
1902 I сем.	" "	" "		" V к. 119	Поликл. б. 4735	
" II "	" "	" "	767	" III к. 132		
1903 I сем.	" "	Проф. Дегіо		" V к. 111	Поликл. б. 5316	
" II "	" "	" "	739	" III к. 108		
1904 I сем.	" "	" "		" V к. 119	Поликл. б. 5890	
" II "	" "	" "	728	" III к. 136		
1905 I сем.	" "	" "		" III к. 165	Весь 1905 г. и I сем. 1906 г. Университетъ не функциониро- валъ	
" II "	" "	" "	901	" V к. 117	Университетъ функциониро- валъ только второй сем. 2025	
1906 I сем.	" "	" "				
" II "	" "	" "	831	" V к. 79		
1907 I сем.	" "	" "		" III к. 125		
" II "	" "	" "	1218	" V к. 114	4523	

Наставленія

Юрьевской Университетской Поликлиники на случай появленія холеры въ городѣ.

(Изъ лекціи Профессора Н. А. Савельева „О холерѣ“.)

А. Заболѣванія холерою можно избѣжать!

В. Холера доступна излѣченію!

С. При соблюденіи мѣръ предосторожности, случайное, непродолжительное соприкосновеніе съ холернымъ больнымъ неопасно!

**I. Дома лѣчиться холерный больной не въ состояніи. Необходимо помѣстить его въ специально устроенную больницу, гдѣ онъ можетъ пользоваться тщательнымъ уходомъ больничныхъ сидѣлокъ и постояннымъ наблюденіемъ и лѣченіемъ врача. Въ больницу при-
няты всѣ мѣры, чтобы ухаживающій не заразился самъ, не переза-
разилъ другихъ и не разнесъ заразу по городу.**

II. Что дѣлать при появленіи холеры въ домѣ.

- Сообщить о подозрительномъ по холерѣ случаѣ какъ можно скорѣе врачу, который, изслѣдовавши больного, можетъ, въ случаѣ надобности, для пользы больного и огражденія его домашнихъ отъ зараженія, помѣстить его безъ отлагательства въ холерную больницу.
- Въ ожиданіи прихода врача, уложить больного въ постель. Не до-
пускать никого въ его комнату, кромѣ одного ухаживающаго.
- Ухаживающій за больнымъ долженъ принять мѣры, чтобы не зара-
зиться самому, не перезаразить другихъ домашнихъ и не разнести заразу по городу.
- Для этого онъ долженъ, послѣ каждаго посѣщенія комнаты боль-
ного, повторно обмывать руки и лицо обеззараживающими растворами (слаб.
раств. сулемы: 1 часть на 5000), вымывши ихъ предварительно съ мыломъ и
вычистить ногти на рукахъ щетками.
- Чтобы не вынести заразы (заразительны холерныя испражненія,
рвота) на платѣ или подошвахъ обуви, необходимо при посѣщеніи комнаты
больного надѣвать, сверхъ платья, холщевый халатъ, который послѣ этого,
смачиваютъ въ крѣпкомъ растворѣ сулемы, а сверхъ обуви — надѣвать рези-
новые галоши, обтираемые потомъ крѣпкимъ растворомъ сулемы.

III. Какую помощь подавать до прибытія врача.

- Уложить больного въ постель. Укрыть теплыми одѣялами.
На животъ положить гуттаперчевый пузырь съ горячей водой, или
грѣлки, или припарки изъ овса или золы. Зола или овесъ насыпаются
горячими въ мѣшокъ, сшитый изъ чистой, мягкой, но плотной ткани.
- Дать кастороваго масла одну, двѣ столовыхъ ложки, а дѣ-
тямъ — половинный приемъ. Послѣ того какъ больного прослабитъ,
дать ему ложку вина, или эфирно-валеріановыхъ капель (20 к.), или
Гофманскихъ капель (10 к.) или какого либо другаго возбуждающаго
средства, рекомендуемаго ниже при слабости.
- Каломель; дается въ порошокъ въ 0,3, черезъ два часа приемъ
повторить; еще черезъ два часа дать одну столовую ложку кастороваго
масла, а затѣмъ, послѣ того какъ больного прослабитъ, дать ему одно
изъ указанныхъ въ настоящемъ наставленіи возбуждающихъ средствъ.
Одновременно съ каломелемъ давать больному полоскать ротъ растворомъ
Бертоллеговой соли (1 чайн. ложка — на стак. горяч. воды; остудить,
давать почаще полоскать).
- Опійная настойка простая назначается исключительно только
послѣ обильнаго опорожненія кишекъ (самостоятельнаго или послѣ сла-
бительнаго) по 10—15 капель, въ водкѣ или теплой водѣ, раза два-
три въ день.
- Тройная опійная капли („опійно-мятная“, состоящ. изъ смѣси
въ равныхъ частяхъ: а) простой опійной настойки, б) капель изъ пе-
речной мяты и в) эфирно-валеріановыхъ капель) — принимать по 30 кап.
два-три раза въ день; — тоже исключит. только послѣ обильнаго
опорожненія кишекъ (самостоятельнаго или послѣ слабительнаго).
- Чай изъ сушеной черники.
- Теплая (39°—40° С. или 32°—33° R.) промывательная (изъ
7—8 стакановъ) изъ раствора таннина (1/2 чайн. ложки таннина на стаканъ
воды). Для кишечнаго промыванія, больного надо положить на правый
бокъ, а кружку, изъ которой ставятъ клизму, поднимать не выше,
чѣмъ на 1 аршинъ отъ больного. Наконечникъ резиновой трубки,
идущей отъ кружки, также долженъ быть резиновый, мягкій. Клизму
ставить нѣсколько разъ въ день.

Уложить больного въ постель. Укрыть его тепло одѣялами.
Къ ногамъ — грѣлки, бутылки съ горячей водой. Давать больному
возбуждающія, а именно: крѣпкое вино, коньякъ; крѣпкій (безъ цикорія),
горячій черный кофе; чай съ ромомъ или коньякомъ; Гофманскія капли
(10—20 кап.). Эфирно-валеріановыя (20—25 капель.)

Черный кофе безъ цикорія (горячій), хлороформная вода аптеч-
ная (принимать столовыми ложками). Гофманскія капли. Поставить
горчичники на подложечную область. Мягкій полотняный или изъ бума-
жной матеріи компрессъ на подложечную область, смоченный въ винномъ
спиртѣ или эфирѣ.

Давать слѣдующіе напитки глотками (какъ можно меньше заразъ,
но какъ можно чаще); кипяченую остуженную воду, къ которой можно
придавать краснаго вина. Горячій слабый чай. Остуженный отваръ изъ риса.

Положить больного въ постель. Теплѣе его укрыть одѣялами.
Растирать подъ одѣяломъ суконкою, смоченною въ водкѣ съ солью
(на штофъ водки — одну столовую ложку соли), или въ винномъ спиртѣ,
или въ камфорномъ спиртѣ. Разминать сведенныя судорогами конеч-
ности и растирать ихъ долго, осторожно, по направленію отъ пальцевъ
къ туловищу.

Приготовленіе обеззараживающихъ растворовъ; примѣненіе.

NB. Обеззараживающіе растворы надо брать по крайней мѣрѣ въ такомъ же
объемѣ, какъ и обеззараживаемая жидкость (испражненія, рвота и т. п.)

Сулема употребляется для обеззараживанія рукъ (необходимо предва-
рительно вымыть ихъ съ мыломъ), вообще кожи, для обмыванія пола, стѣнъ,
половъ, деревянныхъ, глиняныхъ предметовъ, стульчаковъ, (сидѣній отхожихъ
мѣстъ и проч.), бѣлья носильнаго и постельнаго, холщевой одежды (халаты),
обуви (галоши) и т. п. — **Приготовл.** Растворъ 1 : 1000 получается, если
1/4 ф. поваренной соли и 3 золотн. сулемы растворить въ одномъ ведрѣ го-
рячей воды. Примѣняется въ слабыхъ и крѣпкихъ растворахъ: 1 ч. на 500;
1 : 1000; 1 : 5000.

Карболовая кислота; а) неочищенная; употребляется неразбавленной
для обезвреживанія изверженій больного; б) очищенная кристаллическая; употре-
бляется для обеззараживанія металлическихъ предметовъ въ растворѣ 1 1/2 фунт.
на ведро воды.

Френкелевская сѣрно-карболовая смѣсь употребляется для обез-
вреживанія изверженій больного. Приготавливается: къ 10 литр. карболовой

I. Чего слѣдуетъ остерегаться, чтобы не заболѣть холерою.

- Всякаго переутомленія, ослабленія тѣлеснымъ или умственнымъ тру-
домъ, недосыпаніемъ, недоѣданіемъ, излишествами въ пищѣ и питьѣ.
 - Натощакъ, не выпивши горячаго чаю или кофе или не закусивши,
выходить утромъ на работу и долго оставаться голоднымъ.
 - Простуды, одѣваясь не по погодѣ, промокая подъ дождемъ, про-
мачивая ноги, не обуваясь тепло, не одѣвая шерстяной набрюшникъ, если
животу холодно, если ощущаются нытье, боли, схватки, наконецъ, лежа, ночуя,
на голой сырой землѣ.
 - Ѣсть сырые овощи, зелень, плоды, не вымывши ихъ нѣсколько
разъ тщательно въ кипяченной водѣ, передъ самой ѣдой.
 - Ѣсть черезчуръ много овощей, зелени, плодовъ, хотя бы и добро-
качественныхъ.
 - Ѣсть незрѣлые, или же испорченные овощи, фрукты и т. п., также
пищу изъ испортившейся, несвѣжей провизіи.
 - Ѣсть недожаренную или же недоваренную пищу, черезчуръ холод-
ную или возбуждающую сильную жажду, или трудно перевариваемую (большія
количества грибовъ, гороха, капусты и т. п.).
 - Пить сырую воду или приготовленные на ней квасъ, кислые ши,
лимонады.
 - Пить сырое молоко.
 - Употреблять, хотя бы и доброкачественные, но не въ умѣренномъ
количествѣ квасъ и т. п. напитки, мороженное.
 - Пользоваться бутылками, посудой (кухонной, столовой, умываль-
ной), утварью, промытыми сырой водой.
 - Ѣсть или пить, тщательно не обмывши кипяченой водой съ
мыломъ рукъ (по возможности со щеткой, для удаленія грязи изъ-подъ ногтей)
лица, усовъ, бороды.
 - Мыть въ банѣ, получающей воду изъ грязнаго источника.
 - Купать дѣтей не въ прокипяченной водѣ.
 - Злоупотреблять спиртными напитками (неумѣренные количества пива
и т. д., такъ называемыя „цѣлебныя“, „противохолерныя“, но въ сущности
раздражающія желудокъ, перцовки, калгановки и пр.).
 - Утолять жажду черезчуръ холоднымъ питьемъ, особенно будучи въ
испаринѣ, въ разгоряченномъ состояніи, или же пить помногу заразъ, залпомъ.
 - Держать кушанья и напитки непокрытыми герметично, тщательно
(опрокинутою мискою, блюдомъ, сѣтчатымъ колпакомъ), свободными для до-
ступа мухъ и др. насѣкомыхъ, мышей, крысъ, кошекъ, собакъ.
 - Загрязнять колодцы, озера, рѣки и т. д. стиркою грязнаго бѣлья,
выливаніемъ помоевъ, вываливаніемъ — по близости отъ колодцевъ и т. д. —
нечистотъ, отбросовъ, сора и т. д.
 - Стряхивать или выбивать пыльные половики, грязныя стирки
(тряпки), не смочивши ихъ растворомъ сулемы.
 - Вмѣсто провѣтриванія, примѣнять для очищенія воздуха куритель-
ные порошки, бумажки и т. п.
 - Курить, спать или ѣсть въ одной комнатѣ съ холернымъ больнымъ.
 - Часто, безъ предписанія врача принимать слабительныя или рвот-
ныя средства.
 - Медлить съ обращеніемъ къ врачу при всякомъ недомоганіи, при
поносѣ, даже и небольшомъ.
- Всего вышеуказаннаго слѣдуетъ тщательно избѣгать!

II. Предохранительная противохолерная прививка.

Кромѣ того, для личнаго предохраненія отъ заболѣванія холерою, слѣ-
дуетъ обратиться къ врачу, чтобы онъ сдѣлалъ предохранительную противо-
холерную прививку, которая защищаетъ отъ зараженія холерою на срокъ около
года. Прививка дѣлается въ два приема (необходимая вторичная прививка про-
изводится чрезъ семь дней послѣ первой). Послѣ предохранительной противо-
холерной прививки необходимо беречься отъ простуды и остерегаться тѣхъ
погрѣшностей въ ѣдѣ и питьѣ, какія указаны выше. Не рекомендуется произ-
водить противохолерныя прививки при беременности, при разстройствахъ пище-
варенія (поносъ и проч.) и лихорадкахъ.

неочищенной кисл. прибавляется при постепенномъ охлажденіи 5 1/2 литр. про-
стой сѣрной кисл.; получается однородная, черная жидкая масса. Употреб-
ляется для заливанія отхожихъ мѣстъ, выгребныхъ, мусорныхъ ямъ.

Зеленое мыло примѣняется для рукъ (потомъ руки обмываются слабымъ
растворомъ сулемы), для обмыванія деревянной посуды, стульчаковъ. Особенно
удобенъ **мыльно-карболовый растворъ**. Приготавливаютъ его такъ: Въ 1-мъ
ведрѣ горячей или теплой воды разводять 1 1/2 ф. зеленого мыла и сюда, при
помѣшиваніи и взбалтываніи, приливаютъ 1 ф. неочищенной или очищенной
карболовой кисл., которая и растворяется. Получается желтоватый прозрач-
ный растворъ. Растворъ тѣмъ болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ онъ горячѣе.

Известь употребляется для обезвреживанія рвоты и испражн.; для всы-
панія въ отхожія мѣста. Употребляется въ видѣ известковаго молока, кото-
рое дѣйствуетъ только въ свѣжеприготовленномъ видѣ. На 1 ч. изверженій
больного кладутъ 2 1/2 ч. известковаго молока и смѣшиваютъ. Черезъ 2 часа.
можно выливать въ отхожее мѣсто. Известковое молоко приготвл. такъ:
въ деревянную или глиняную посуду, вмѣстимостью въ ведро, налив. нѣсколько
воды и кладутъ 2 ф. негашенной извести. Сюда, при постоянномъ помѣши-
ваніи, прилив. еще воды, затѣмъ, когда известъ смѣшалась съ водой и превра-
тилась въ порошокъ, сосудъ доливаютъ водой.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходить съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менее 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: officialный и научный.

Въ officialномъ отдѣлѣ помѣщаются годовыя отчеты Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медалію.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
